
3 1761 08820993 7

СТИХОТВОРЕНІЯ

С. Я. НАДСОНА.

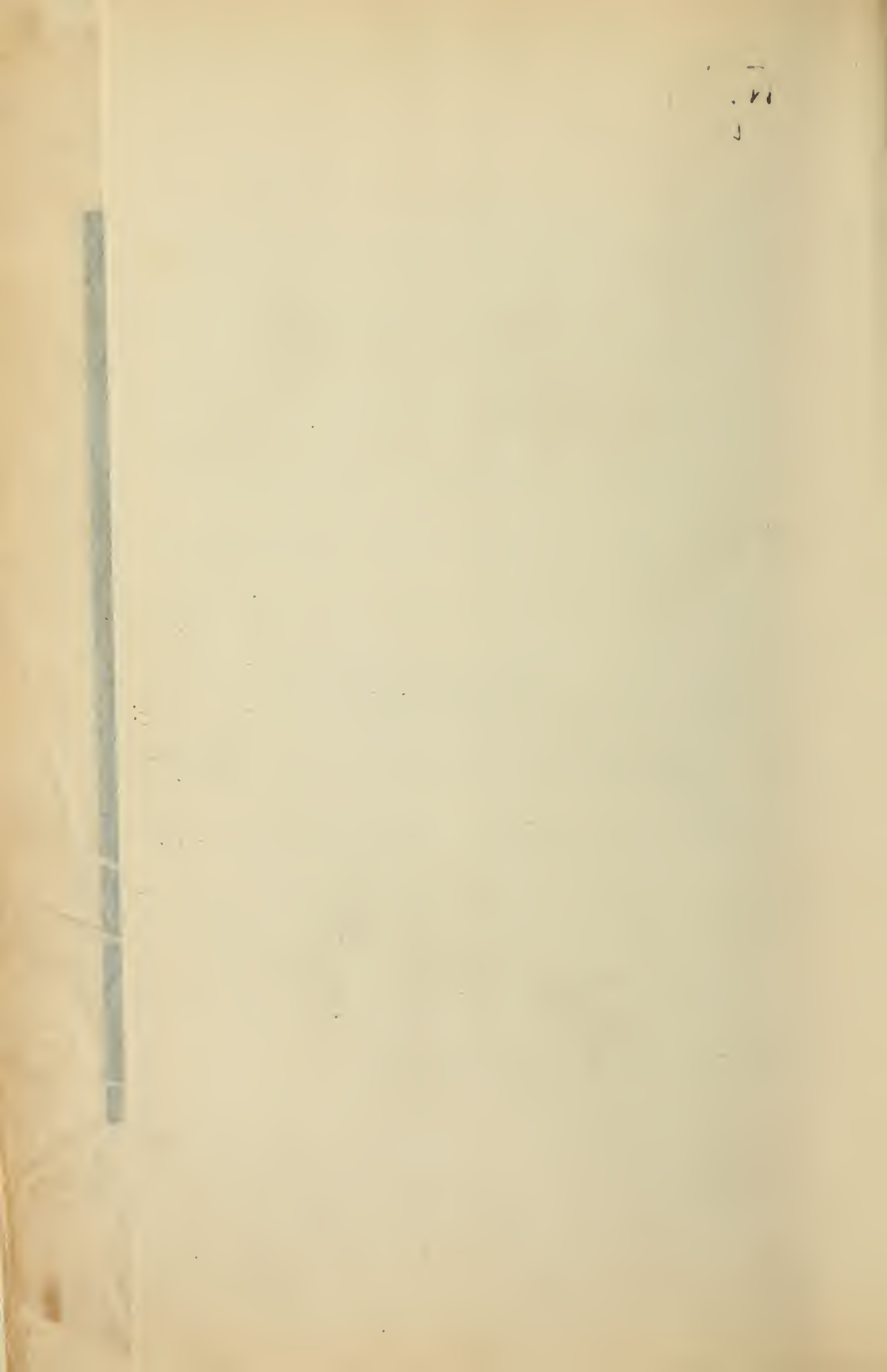

Фото-гравюра Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

С. Надсонъ

Не пошлый вальс горячих опьянений среди шума,
Гоню я, в тихой комнатке, запрятанной в лачуге,
Сияла долго мысль неизменной красотою
Вы в венце из терний на царственном челе..
И голос мой звучал не для пустой забавы
И развлеченья толпы сытых лизоблюдов, —
Не требуя похвал, не ожидая славы,
Как брат, я братьям пою, уставшим от труда,
Я пою ~~трудящимся~~ ~~бодрствующим~~ склонившимся над пламенем науки,
Я пою ~~утомившимся~~ измученным ~~борьбой~~ неустанно и нуждой, —
Что-бы не упали их натруженные руки
~~Что-бы путь их озарить надеждою зари~~
Что-бы ~~путь их осветить надеждой зари~~ озарить им путь надеждою свободы
обо ~~[illegible]~~ - ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~
~~Я пою страдающим за всех, кто страдает,~~
~~Любовью к радостям~~ и.

Фото-гравюра Шереръ, Набгольцъ и Ко въ Москвѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

(С. Я. НАДСОНА)

съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, д. 39).
1888.

Не говорите мнѣ: онъ умеръ — онъ живетъ;
Пусть жертвенникъ разбитъ — огонь еще пылаетъ,
Пусть роза сорвана — она еще цвѣтетъ,
Пусть арфа сломана — аккордъ еще рыдаетъ.

Семенъ Яковлевичъ Надсонъ

(Біографическій очеркъ).

Какъ мало прожито, какъ много пережито!..
С. Надсонъ.

Трудно, кажется, представить себѣ жизнь, болѣе грустную, чѣмъ короткое, 24-лѣтнее, существованіе Семена Яковлевича Надсона. Одинокое, печальное дѣтство, тяжелое отрочество, юность, омраченная безпощаднымъ недугомъ, и мучительная смерть... смерть въ то самое время, когда его уже окружала почетная извѣстность, а впереди улыбались, быть можетъ, громкій успѣхъ и слава! По-истинѣ темная, ужасная картина!

Семенъ Яковлевичъ Надсонъ родился въ Петербургѣ 14-го декабря 1862 г. Со стороны отца онъ былъ еврейскаго происхожденія. Дѣдъ его, принявшій православіе, жилъ въ Кіевѣ и имѣлъ тамъ недвижимую собственность, а отецъ, по разсказамъ знавшихъ его, весьма даровитый человѣкъ и хорошій музыкантъ, умеръ еще въ молодыхъ годахъ, отъ психическаго разстройства, въ пріютѣ для душевно-больныхъ. Мальчикъ совсѣмъ не зналъ отца, такъ какъ этотъ послѣдній умеръ, когда будущему поэту было всего два года. Мать поэта, Антонина Степановна, изъ русской дворянской семьи Мамантовыхъ, отличалась рѣдкой красотою и необыкновенной сердечностью, привлекательностью и симпатичностью. Оставшись жить въ Кіевѣ послѣ смерти мужа, Анто-

нина Степановна содержала собственными трудами себя и двухъ своихъ дѣтей, занимая мѣсто экономки и учительницы въ семьѣ нѣкоего Ф—ва. Когда мальчику было приблизительно лѣтъ семь, мать его, разсорившись съ Ф—вымъ, уѣхала въ Петербургъ и поселилась здѣсь у брата своего, Діодора Степановича Мамантова, а Семенъ Яковлевичъ поступилъ въ приготовительный классъ 1-й классической гимназіи. Вскорѣ затѣмъ, уже больная, А. С. вышла вторично замужъ за Николая Гавриловича Ѳомина и уѣхала съ нимъ въ Кіевъ. Но супружество это было несчастливо и кончилось тѣмъ, что Ѳоминъ, въ припадкѣ умопомѣшательства, повѣсился. Испытавъ весь ужасъ нужды, такъ какъ она осталась безъ всякихъ средствъ по смерти втораго мужа, А. С. снова переѣхала съ дѣтьми въ Петербургъ, гдѣ стала заниматься въ школѣ сестры своей, Лидіи Степановны Мамантовой, и здѣсь, еще молодая, 31-го года, умерла отъ чахотки.

О самомъ раннемъ дѣтствѣ С. Я. извѣстно очень мало. Впрочемъ, на эту первую пору его жизни проливаютъ нѣкоторый свѣтъ отрывки и наброски самого поэта, найденные въ посмертныхъ его бумагахъ. Вотъ одинъ изъ этихъ отрывковъ:

„Я мало знаю объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ мое дѣтство; знаю лишь нѣсколько отрывочныхъ фактовъ, объясненія которымъ и до сихъ поръ не съумѣлъ подыскать. Вслѣдствіе этого я никогда не вспоминаю о своемъ дѣтствѣ, — я его себѣ *представляю*, какъ представляю, напримѣръ, годъ — въ видѣ какой-то круглой дороги, причемъ часть ея, соотвѣтствующая великому посту, мнѣ кажется покрытой чернымъ сукномъ, а Пасхѣ—краснымъ; какъ представляю себѣ Рождество—въ видѣ убранной елки, и т. п.

„Когда случается мнѣ представлять себѣ мое дѣтство, прежде всего встаетъ передо мною нашъ маленькій флигелекъ въ Кіевѣ. Я и до сихъ поръ люблю такіе флигельки: привѣтливый, уютный, со множествомъ пристроекъ, съ полусгнившимъ заборомъ изъ барочнаго лѣса, за которымъ тянется пустырь, поросшій бурьяномъ.

молочаемъ, ромашкой и полынью; въ памяти моей онъ остался навсегда свѣтлымъ синонимомъ удобства, домовитости и тихой, беззаботной жизни. Въ низкихъ комнатахъ, съ неуклюжими, широкими печами, съ цвѣтами и занавѣсками на окнахъ, съ дешевенькими обоями и некрасивой, но за то удобной и прочной мебелью, прошло мое первое, раннее дѣтство. Изъ него почему-то мнѣ врѣзались въ память два факта--или, вѣрнѣе, двѣ картинки. Одна,—какъ я въ первый разъ, четырехъ лѣтъ отъ роду, въ уютной кухнѣ, принялся учиться грамотѣ у моей разсудительной старушки-няни, готовя сюрпризъ ко дню ангела мамы; а другая,—какъ я съ сестрой, играя во дворѣ, готовилъ обѣдъ изъ цвѣтковъ бѣлой и желтой акаціи и какой-то травы съ морковнымъ вкусомъ, называемой нами дудками. Отчего именно эти два факта врѣзались въ мою память—не знаю; но я помню эти сцены, какъ бы онѣ случились со мной только вчера... Далѣе помню себя въ деревнѣ, въ подгородномъ имѣніи Ф—ва, у котораго моя мать живетъ экономкой и гувернанткой. Воображеніе рисуетъ мнѣ прежде всего старый, запущенный садъ, съ двумя, соединенными плотиной, прудами, съ густой зеленью березъ, ивъ, дубовъ и липъ, съ пирамидальными вершинами итальянскихъ тополей и узкими дорожками, потонувшими въ душистыхъ кустахъ жасмина и шиповника, перевитыхъ гибкими лозами ярко-зеленаго хмѣля. Особенно памятенъ мнѣ поросшій крапивой оврагъ; нерѣдко, вооруженный деревянной саблей, я врѣзывался въ самую середину крапивы, которая въ моихъ одинокихъ дѣтскихъ играхъ казалась мнѣ полчищемъ татаръ,—и, не смотря на обжоги, отважно рубилъ направо и налѣво, пока, утомленный, не выбирался изъ оврага и не бросался въ густую траву на берегу залитаго солнечнымъ блескомъ пруда, лѣниво прислушиваясь къ металлически-звонкому и однообразному кваканью лягушекъ и немолчно раздающемуся въ ушахъ стрекотанью кузнечиковъ. А въ травѣ все жило своей особенной, чудно-новой жизнью. Я старался поставить себя на мѣсто большаго, краснаго муравья, взбирающагося по стебельку стройнаго колокольчика.

и съ его точки зрѣнія взглянуть на этотъ новый міръ; я подмѣчалъ игру свѣта и тѣни сквозь зеленую полумглу сквозившихъ на солнцѣ широкихъ листьевъ подорожника, открывалъ свѣтлыя и привѣтливыя лужайки и грозныя гранитныя вершины и достигалъ наконецъ до того, что высокій кустъ репейника казался мнѣ такимъ гигантомъ, что, при видѣ его, у меня въ груди сжималось сердце какимъ-то мучительно-подавляющимъ чувствомъ. Такъ развивалъ я свое воображеніе. А тутъ кстати пришлась еще и моя страсть къ чтенію... Какъ я уже сказалъ, я рано, можетъ быть слишкомъ рано, выучился читать. Сначала дѣло пошло довольно туго: помню, что я никакъ не могъ помириться съ ѣ и съ ъ, встрѣчающимися въ серединѣ слова. Цѣлый годъ употребилъ я на то, чтобы прочесть Швейцарскаго Робинзона и кое-что изъ Пушкина; за то потомъ надолго моимъ любимымъ чтеніемъ сдѣлались путешествія и стихи, пока не замѣнила ихъ, уже позже, страсть къ романамъ".

Лѣтъ восьми-девяти перечиталъ онъ множество книгъ, читая безъ разбора все, что только попадалось подъ руку. Любопытенъ перечень этихъ книгъ въ одномъ изъ дневниковъ поэта (которые онъ началъ вести лѣтъ 11, 12, въ военной гимназіи). Здѣсь мы читаемъ: „Апрѣль, 1875 года. Книжки, какъ напр.: „Евгенія или Тайны французскаго двора"; мелкіе разсказы Гофмана; „Дѣтство", „Отрочество" и „Юность" Толстого; Жуковскій; „Разсказы доброй сосѣдки", „Воля" Скавронскаго; Тургеневъ („Записки Охотника" и другіе разсказы, напр.: „Рудинъ", „Затишье", „Два пріятеля", и друг.); Гончаровъ („Фрегатъ Паллада", „Обрывъ"); „Свой хлѣбъ" — Рѣшетникова; „На распутьѣ" — Авсѣенко; „Дача на Рейнѣ" — Ауэрбаха; нѣсколько повѣстей и разсказовъ Лѣскова-Стебницкаго; нѣсколько книгъ Макаровой, Ростовской, Чистякова; много дѣтскихъ книгъ и разныхъ сказокъ; „За скипетры и короны", „Европейскія мины и контрмины", „Эпигоны"—Самарова, „Брянскіе лѣса", „Искуситель"—Загоскина,—да и не переписать всѣхъ,—очень ихъ много, кото-

рыя я прочелъ, бывши въ Кіевѣ, и многія изъ этихъ книгъ сильно на меня вліяли".

Занятія мальчика въ классической гимназіи въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Кіевѣ, шли отлично. Въ послѣдніе мѣсяцы жизни матери, по совѣту Ильи Степановича Мамантова, Семена Яковлевича отдали пансіонеромъ во 2-ую военную гимназію (теперь 2-ой кадетскій корпусъ), и это было первымъ серьезнымъ его горемъ. Разлука съ матерью тяжело поразила его. Не разъ горько жаловался онъ на это и впослѣдствіи. „Всегда и всегда случалось со мною именно то, чего я больше всего страшился", — говорилъ онъ. — „Когда, бывало, ребенкомъ на меня находило желаніе капризничать и не слушаться, мать ничѣмъ не могла такъ напугать меня, какъ обѣщаніемъ отдать въ корпусъ: про него она нарочно разсказывала мнѣ разные ужасы. Подумайте же, съ какими мыслями переступилъ я, слабый и больной мальчуганъ, за его негостепріимный порогъ. Мать страдала не меньше меня—но выбора не было: злая чахотка день ото дня подтачивала ея шаткое существованіе, отнимая возможность работать, а слѣдовательно и платить деньги за мое ученье. Дядя предложилъ похлопотать о принятіи меня въ корпусъ на казенный счетъ и, послѣ мучительныхъ колебаній, она согласилась. Не могу забыть, какъ въ послѣднюю ночь, проведенную мною дома, она уговаривала меня, со слезами на глазахъ, не скучать и хорошо учиться, и какъ обѣщала брать меня на праздники и на каникулы и ѣздить ко мнѣ. Не могу забыть раздирающей сцены въ первое воскресенье, когда меня насильно оторвали отъ матери и понесли сажать на извощика, такъ какъ было уже половина девятаго вечера, а девять часовъ были назначены срокомъ моего отпуска".

Субботніе отпуски являлись такимъ образомъ свѣтлымъ праздникомъ для сына и для матери, но за то прощаніе ихъ въ воскресенье вечеромъ было пыткой для обоихъ и дурно отзывалось на расшатанномъ здоровьѣ больной. Родственники придумали не пускать ребенка прощаться съ матерью и однажды, давъ ему по-

раньше отобѣдать, рѣшили тотчасъ же увезти его въ гимназію. Мальчикъ кинулся къ комнатѣ матери—двери заперты, онъ стучится, ломится, зоветъ мать — все напрасно. Тогда порывистый, страстный, не помня себя отъ отчаянія, вбѣгаетъ онъ въ столовую и схватываетъ ножъ, чтобы зарѣзаться... Ножъ выхватили у него изъ рукъ, и долго и сильно потомъ бранили...

Смерть матери глубоко поразила мальчика. Самъ онъ разсказываетъ объ этомъ такъ: „Зимою я заболѣлъ корью; больная, въ лихорадкѣ, едва закутанная въ ветхій салопчикъ (мать моя была очень горда и не любила просить помощи у кого-нибудь), она ѣздила ко мнѣ во всякую погоду, сидя цѣлые дни и далеко за полночь у моего изголовья. Я выздоровѣлъ, но она слегла, и больше уже не вставала. Я не присутствовалъ при ея смерти: она знала, что это тяжело отзовется на моемъ впечатлительномъ организмѣ, и отказала себѣ въ счастіи видѣть меня въ послѣднія минуты своей нерадостной жизни. Мнѣ пришлось застать ее уже на столѣ—и я остался одинъ, совершенно одинъ на бѣломъ свѣтѣ!“

Ребенокъ затаилъ тяжкое горе свое на днѣ души, гдѣ оно и залегло у него на всю жизнь. Больной и нервный, онъ часто въ гимназіи плакалъ по ночамъ о томъ миломъ призракѣ своей матери, который неизгладимо жилъ въ его душѣ,—плакалъ безумно, горько, едва сознавая самъ, о чемъ онъ плачетъ... Впослѣдствіи поэтъ излилъ свое чувство къ матери въ нѣсколькихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ: „Мать“, „Женщина“, „Сквозь мглу прошедшаго встаетъ передо мной“, „Старая сказка“ и другихъ.

Послѣ смерти матери, сестру поэта, Анну, помѣстили въ Николаевскій институтъ. Такимъ образомъ братъ и сестра росли врозь и видѣлись весьма рѣдко. Первое время мальчику жилось нелегко въ военной гимназіи, такъ какъ товарищи сначала не любили его: болѣзненный, впечатлительный, не отличавшійся физическою силою и ловкостью,—и вмѣстѣ съ тѣмъ самолюбивый, не въ примѣръ болѣе развитый и начитанный, чѣмъ весь классъ его, онъ выдѣ-

лялся изъ общаго уровня, что всегда и вездѣ обходится недешево. Но мало-по-малу товарищи оцѣнили искренность и дѣтски-рыцарское великодушіе мальчика, оказывавшаго имъ немалыя услуги, напр.—то, что онъ писалъ большинству изъ нихъ сочиненія,—и научились любить его. Первое время пребыванія въ гимназіи С. Я. занимался очень хорошо и шелъ вторымъ ученикомъ; но въ послѣднихъ классахъ онъ, по собственному признанію, сталъ ужаснѣйшимъ лѣнтяемъ: цѣлые дни сидѣлъ за стихами, а уроки готовилъ только для „большихъ оказій“. Тѣмъ не менѣе, лѣтъ 16-ти онъ успѣшно окончилъ курсъ, хотя математика давалась ему плохо и съ большимъ трудомъ. Не разъ встрѣчаются въ дневникахъ его замѣтки слѣдующаго рода: „Пока всѣ экзамены выдержалъ; главныя трудности—алгебру и ариѳметику — перешагнулъ: получилъ по шестерочкѣ; „и то хлѣбъ“, какъ говоритъ В—бъ. Эти двѣ науки для меня—Сцилла и Харибда“. Русскую словесность онъ очень любилъ, а также исторію, о которой пишетъ слѣдующее: „Ноябрь, 1876 года. Я даже желалъ бы, чтобы меня спросили по исторіи: я люблю отвѣчать по ней. Слова и мысли льются, факты, цѣпляясь одинъ за другой, составляютъ связный разсказъ былаго, и давно умершія личности точно недавно сошли въ могилу, точно самъ присутствовалъ при тѣхъ ихъ подвигахъ, которые описываешь у доски съ картой. Одно только жалко: въ головѣ нѣтъ-нѣтъ да и промелькнетъ мысль — „а ну какъ злодѣй Г... срѣжетъ“—и запутаешься, укоротишь разсказъ, чтобы не сказалъ учитель, что онъ разбавленъ водой. Приходится передавать одни голые факты, факты и факты, не оживляя ихъ интересными подробностями“.

Лѣтъ 11, 12 мальчикъ, какъ мы говорили, сталъ вести дневникъ, ощущая въ этомъ непреодолимую потребность. Начиная свои дневники, онъ самъ говорилъ: — „По моему мнѣнію, дневникъ мнѣ необходимъ. Иногда меня вдругъ охватитъ чувство одиночества, хочется повѣрить кому-нибудь свои радости, свои печали, а вокругъ ни одного отдѣльнаго лица; есть только стоглавое товари-

щество. Я поссорился съ ***: не знаю, глупъ онъ, или ужъ такой дрянненькій—рѣшить этого не могу, да и не стоитъ: онъ для меня теперь слишкомъ ничтожная личность. Вотъ и примешься въ эти тяжелыя минуты за дневникъ и плачешь иногда надъ нимъ. Впрочемъ, слезы-то теперь не встрѣчаются, а во 2-мъ классѣ нерѣдко онѣ бывали. Выйдешь на занятіяхъ изъ класса, прильнешь къ стѣнѣ и зальешься горячими, жгучими слезами".—А въ другомъ мѣстѣ своего дневника мальчикъ опять говоритъ: „Сяду, попишу. Все-таки больше разнообразія: точно разговариваешь съ другомъ. точно уносишься далеко, далеко изъ однообразныхъ гимназическихъ стѣнъ".—Позже, уже въ октябрѣ 1877 г., послѣ небольшаго перерыва, С. Я. засаживается снова за дневникъ, говоря: „Дневникъ мнѣ необходимъ: онъ хоть на краткій срокъ отгоняетъ сознаніе моего одиночества, которое приходится мнѣ переносить и въ гимназіи, и дома". Вслѣдствіе этой живо-ощущавшейся мальчикомъ потребности высказаться хоть письменно, онъ велъ дневникъ, съ нѣкоторыми только перерывами, начиная съ 1875 года и почти вплоть до 1880-го. Благодаря этому обстоятельству, у насъ теперь богатый матеріалъ, и мы попытаемся отрывками изъ этихъ дневниковъ по возможности обстоятельно и точно начертать характеристику внутренней жизни поэта во время его пребыванія въ военной гимназіи. Въ стихотвореніи „Мать" самъ поэтъ въ нѣсколькихъ строкахъ даетъ эту характеристику, говоря:

„Я росъ одиноко; я росъ позабытымъ,
Пугливымъ ребенкомъ; угрюмый, больной,
Съ умомъ, не по-дѣтски печалью развитымъ,
И чуткой, болѣзненно-чуткой душой".

И дѣйствительно, при чтеніи дѣтскихъ его дневниковъ, прежде всего бросаются въ глаза уже очень рано развившаяся въ немъ склонность къ наблюдательности и къ анализу и необыкновенная впечатлительность и чуткость. Пусть взгляды мальчика на жизнь подчасъ крайне наивны, тѣмъ не менѣе они доказываютъ пыт-

ливую работу мысли въ такомъ раннемъ возрастѣ, когда чаще всего у другихъ она и вовсе не пробуждается. Такъ, напр., въ 12 лѣтъ онъ пишетъ: „А странный этотъ В... Онъ считаетъ величайшею добродѣтелью человѣка—твердость характера и желѣзную волю! Это хорошо имѣть, конечно, но есть, право, лучшія чувства и качества. Мнѣ кажется, что человѣкъ скупой непремѣнно долженъ быть сквернымъ, и скупость такъ противна мнѣ, что я никогда не сближусь и не полюблю скупыхъ. Я люблю людей веселыхъ, но не черезъ-мѣру, непремѣнно честныхъ, не-скупыхъ, серьезныхъ, когда надо, и умѣющихъ сосредоточиваться на одномъ, правдивыхъ,—и еще тѣхъ, у которыхъ въ душѣ есть

„Невѣдомый и дѣвственный родникъ,
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный“...

„У меня всѣ люди раздѣляются на двѣ половины: на людей живыхъ и на людей мертвыхъ. Самое главное и отличительное свойство людей живыхъ—это любовь къ природѣ, способность восхищаться ею, познавать ея красоту и глубоко чувствовать превосходство надъ собою всего прекраснаго и высшаго. Къ моимъ живымъ людямъ я отношу художниковъ, писателей романовъ, народныхъ сказокъ, разсказовъ, повѣстей, и иногда писателей для театра. Кромѣ того, во главѣ ихъ я ставлю поэтовъ, каковы, напр., Гоголь, Пушкинъ, Лермонтовъ, Некрасовъ, Кольцовъ и Никитинъ, и также нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ хорошо особъ женскаго пола. Къ мертвымъ—купцовъ, ученыхъ, погруженныхъ только въ свои разсчеты и кромѣ нихъ ничего невидящихъ и непонимающихъ. Недавно я замѣтилъ, что есть люди, не принадлежащіе ни къ одному, ни къ другому разряду: это такъ называемые мною средніе люди. Къ нимъ принадлежитъ большее число людей. Эти средніе люди легко могутъ сдѣлаться или живыми, или мертвыми, смотря, подъ какимъ вліяніемъ они находятся. Къ несчастію, чаще всего эти средніе люди дѣлаются пошлецами и не приносятъ никакой пользы отечеству, ни умными и обдуманными стихами, ни прозой. Люблю пофилософствовать и помечтать—это моя страсть“.

Нѣсколько недѣль спустя—новая отмѣтка въ дневникѣ:

„Кто бы отгадалъ, о чемъ я спорилъ сейчасъ? О знаменитомъ спиритѣ Бредифѣ. Я стою за существованіе духовъ, но почти всѣ мнѣ возражаютъ. Дѣйствительно, поднятіе стола на воздухъ и другія подобныя штуки могутъ вскружить голову всякому. Странно подумать, что даже въ тѣ минуты, когда предполагаешь, что никто не видитъ тебя и не знаетъ сокровенныхъ твоихъ мыслей, около тебя присутствуетъ духъ всезнающій и всемогущій". — „Мнѣ какъ-то странно скучно," — жалуется онъ въ апрѣлѣ 1875 года; —„на глазахъ навертываются благодатныя слезы и хочется всѣхъ и каждаго любить. Въ такія минуты я обыкновенно пишу стихи, но теперь какъ-то не хочется. Какъ пусто то, что называютъ жизнью, какъ пусты и мелочны всѣ ея волненія, и какъ ужасенъ тихій сонъ могилъ, съ его непроницаемыми тайнами! Отчего нѣтъ выходцевъ съ того свѣта, если онъ существуетъ, выходцевъ, которые намъ могли бы повѣдать загробную жизнь? И есть-ли она, эта обѣтованная, вѣчная жизнь, гдѣ праведники счастливы, жизнь, которую намъ обѣщаетъ Евангеліе? Страшныя мысли! Напрасно тревожатъ умъ подобные вопросы; къ несчастію, никто не можетъ мнѣ отвѣтить на нихъ. О, счастливъ тысячу разъ тотъ, кто имѣетъ мать, кому она можетъ объяснить все это и успокоить святымъ словомъ любви! А у меня въ подобныя минуты только два утѣшенія и успокоенія — читать и писать".

Онъ все подмѣчаетъ, всякая бездѣлица сильно тревожитъ его. Такъ, напр., мы читаемъ:—„30-го октября 1875 года. Сегодня выпалъ первый снѣгъ. Съ большою грустью замѣчаю, что съ каждымъ годомъ встрѣчаю первый снѣгъ съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ равнодушіемъ. Неужели въ душѣ угасаетъ природная поэзія и замираютъ тѣ неясные звуки, которые я передаю подъ образомъ стиховъ? Это будетъ ужасно!"

Играетъ-ли онъ съ товарищами въ бары, игра эта наводитъ его на слѣдующія размышленія: —„Сколько смѣлости въ этой игрѣ,

сколько удалаго, русскаго! По ней легко можно опредѣлить характеръ человѣка; благородный не задумается пожертвовать собой для спасенія изъ плѣна товарищей, а трусъ или эгоистъ никогда не отважится близко подойти къ непріятелю".

Съ теченіемъ времени наблюдательность и чуткость его еще усиливаются. Фраза, сказанная мимоходомъ и на которую другой на его мѣстѣ не обратилъ бы ни малѣйшаго вниманія, врѣзывается у него въ памяти и вызываетъ въ немъ цѣлый рядъ грустныхъ размышленій и мыслей. Такъ, въ маѣ 1876 г., онъ пишетъ: „Я присматриваюсь какъ къ людямъ вообще, такъ и къ каждому въ особенности, и вижу, какъ они всѣ далеки отъ того идеала человѣка, который создало мое воображеніе. Я думалъ, напр., что люди помогаютъ другимъ бѣднякамъ изъ состраданія, но мнѣ пришлось скоро разочароваться. И. С. *** (котораго я считалъ за весьма хорошаго человѣка) говорилъ какъ-то, что ему очень надоѣли дѣла по дамскому лазаретному комитету (учрежденіе благотворительное) и что онъ пока *не видитъ для себя никакой пользы* отъ того, что хлопочетъ и тратится въ пользу бѣдныхъ. Досадно мнѣ было на себя и на людей за это разочарованіе; ну, да что-жъ дѣлать! Когда-нибудь надо же было узнать правду. Нечего обманывать себя и другихъ, говоря, что мы живемъ для того, чтобы приносить пользу. Мы должны жить для этого, но гдѣ же эти идеальные Лео, которыхъ выставилъ Шпильгагенъ въ своемъ романѣ: „Одинъ въ полѣ не воинъ?"

. . . .

„Я поставилъ себѣ цѣлью сдѣлаться романистомъ; я не знаю, достигну-ли я ея, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ надѣюсь, что мои наблюденія принесутъ кому-нибудь пользу, хотя это и будетъ одна капля въ широкомъ просторѣ житейскаго моря (преглупая фраза, не правда-ли?). Мнѣ досадно на себя за то, что я не сильный, не могучій Лео, а такъ же, какъ и всѣ прочіе въ мои лѣта,—безплодный мечтатель, никому не приносящій пользы сво-

ими грёзами, которыя, если вѣрить „Обыкновенной Исторіи“, никогда не осуществятся. Скверная доля!“

Но и другіе, болѣе бодрые звуки слышатся порой во впечатлительной душѣ мальчика. Такъ, нѣсколько дней спустя, мы читаемъ: „Многіе говорятъ, что мечтатели глупы, жалки и смѣшны. Не знаю, какъ другимъ, а мнѣ жизнь кажется слишкомъ скверной, и чтобы не представлять ее во всей наготѣ, я придаю людямъ и предметамъ такія качества, которыхъ они не имѣютъ. Быть можетъ, настанетъ время, когда

Исчезнетъ мечтою
Украшенный міръ...

„Быть можетъ, даже близко это время; но мое правило—любить, покуда можно любить, мечтать, пока мечтается, вѣрить, пока вѣрится, смѣяться и плакать, пока есть смѣхъ и слезы!“

Уже позже, въ 1877 г., 14-ти-лѣтній мальчикъ такъ говоритъ о своемъ влеченіи къ анализу:

„Находятъ, что безпощадный анализъ—мученье. Я, наоборотъ, нахожу въ немъ какое-то особенное наслажденіе, особенное удовольствіе, похожее, какъ мнѣ кажется, на то удовольствіе, которое чувствовалъ Пьеръ Безуховъ, объясняясь съ Элленъ“.

И къ себѣ самому будущій поэтъ старается присмотрѣться поближе. Въ октябрѣ 1876 г. онъ, между прочимъ, пишетъ:—„Я странный человѣкъ: люблю опасности и случайности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, боюсь ихъ. По моему мнѣнію, я не принадлежу къ трусамъ, но не могу назваться и храбрецомъ. Такъ, серединка на половинкѣ. Я трусъ передъ опасностью и послѣ, но не трусъ во время ея. Да впрочемъ, опасность опасности рознь. Для меня самая большая опасность — разстройство нервовъ. Оно доходитъ иногда до большихъ размѣровъ. Но спрыгнуть съ высокаго мѣста, кинуться въ середину драки, чтобы спасти товарища, или назвать въ глаза туза и силача класса подлецомъ, когда онъ, пользуясь силой, обидитъ кого-нибудь — о, этого я не испугаюсь! Бывали примѣры, что я ходилъ недѣлю съ синяками за смѣлое выраженіе“...

Уже въ мальчикѣ приходится отмѣтить проявленіе тѣхъ же душевныхъ качествъ, которыми впослѣдствіи отличался юноша-поэтъ. Всякая неправда и несправедливость, въ чемъ и какъ бы онѣ ни проявлялись, приводили ребенка въ негодованіе; онъ боролся съ ними изо всѣхъ своихъ слабыхъ силъ. Обижаетъ-ли товарищъ товарища, — хилый и безсильный мальчикъ бросается тотчасъ, не разсуждая, на помощь обижаемому; обрушивается-ли классъ—по его мнѣнію, несправедливо—на ни въ чемъ неповиннаго воспитателя,—онъ не боится пойти противъ всего класса; относится-ли учитель несправедливо къ ученику,—не имѣя власти помѣшать этому, онъ всѣмъ сердцемъ негодуетъ и волнуется, какъ видно изъ нѣсколькихъ мѣстъ въ его дневникахъ,—мѣстъ, бросающихъ уже теперь свѣтъ на разныя черты характера будущаго поэта.

Очень рано проявилась въ поэтѣ и другая характеристическая особенность его — горячая любовь къ природѣ и ея пониманіе, тоже находящія себѣ краснорѣчивое выраженіе въ дневникахъ его.

„Снѣгъ уже лежитъ повсюду“,—пишетъ онъ, напримѣръ, въ ноябрѣ 1875 г.—„Я давно не видалъ такого чудеснаго зимняго дня. Небо совсѣмъ чисто, лишь тамъ, полузакрываясь въ его синевѣ, плыветъ бѣлое и прозрачное облачко, будто вытканное изъ легкихъ кружевъ. Солнце начинаетъ заходить, и весь плацъ покрывается мало-по-малу тѣнью. Однако послѣдніе лучи солнечные еще блестятъ золотой нитью на снѣгу и, какъ бы прощаясь, горятъ цвѣтами радуги въ снѣжинкахъ“...

Въ деревнѣ это поэтическое чувство сказывалось, конечно, еще сильнѣе. 23 Іюня 1876 г. онъ заноситъ въ свой дневникъ:—„Раннее утро. Вчера вечеромъ пришла мнѣ фантазія лечь спать въ строеніи, въ которомъ предполагалось прежде устроить ледникъ. Спалъ я съ работникомъ Андреемъ и пастухомъ, мальчикомъ лѣтъ пятнадцати, Ѳомою. Заснули поздно, часовъ въ 12, а до тѣхъ поръ я имъ разсказывалъ двѣ сказки Гоголя: „Сорочинская Яр-

марка“ и „Ночь передъ Рождествомъ“. Андрей заснулъ подъ конецъ, а Ѳома дослушалъ до конца и остался очень доволенъ. „Ну, а теперь спать“,—заключилъ я свой разсказъ и растянулся на соломѣ рядомъ съ Андреемъ, прикрывшись его теплымъ овчиннымъ кожухомъ. Черезъ полчаса мы захрапѣли дружнымъ тріо и проспали крѣпко до тѣхъ поръ, пока арендаторъ не пришелъ будить Андрея и Ѳому, которымъ было время идти работать. Распрощавшись съ ними, я захватилъ скрипку, съ которой рѣдко разлучаюсь, и вышелъ на воздухъ. За рѣкою пылала заря. На огнисто-аломъ фонѣ ея рѣзко выдѣлялись темнозеленыя кроны елей, окаймляющихъ съ лѣвой стороны садъ. Сквозь ихъ густую зелень просвѣчивала Тигода, гладкая, какъ стекло, и вся залитая яркимъ сіяніемъ зари. У насъ во все горло кричалъ пѣтухъ, и ему громко вторилъ другой изъ-за рѣки. Я отправился къ себѣ въ комнату и подъ чириканье воробьевъ принялся писать свой дневникъ. Который-то часъ? У насъ во всемъ домѣ ни у кого нѣтъ часовъ, но, кажется, солнышко уже взошло, такъ какъ на кухнѣ и на стволахъ березъ исчезли красные отблески зари, хотя облака носятъ еще по краямъ ея отпечатокъ. Люблю я это раннее, немного свѣжее утро, этотъ громкій ку-ку, доносящійся изъ сосѣдней рощи, мирную картину трехъ деревень, ярко облитыхъ алымъ свѣтомъ“.

Почти одновременно съ этими проявленіями начало развиваться въ Надсонѣ родственное съ ними поклоненіе красотѣ. Такъ, скоро послѣ поступленія въ военную гимназію, онъ страстно увлекся женственно-красивымъ изображеніемъ архангела Гавріила на иконѣ въ гимназической рекреаціонной залѣ. Еще раньше началъ онъ влюбляться, и всѣ дневники его испещрены признаніями въ любви, предметы которой быстро смѣнялись одинъ другимъ, причемъ, однако, онъ почти каждый разъ, благодаря рано развившемуся въ немъ анализу, очень скоро отрезвлялся и уяснялъ себѣ суетность своего мимолетнаго увлеченія.

Богато одаренный вообще, поэтъ нашъ отличался въ особен-

ности выдающимся музыкальнымъ талантомъ. Музыку онъ страстно любилъ, и часто ему казалось даже, что онъ созданъ больше музыкантомъ, чѣмъ поэтомъ. Когда въ гимназіи онъ попалъ въ число тѣхъ, которыхъ выбрали обучаться игрѣ на скрипкѣ, то пришелъ въ такой восторгъ, что записалъ это важное событіе въ свой дневникъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Апрѣль 1875 года. Какое счастье! Вчера отъ радости даже писать не могъ: меня выбрали играть на скрипкѣ. Вчера послѣ обѣда бралъ первый урокъ, а сегодняшнюю ночь мнѣ не спалось, и я сочинилъ стихи: „Ночь на озерѣ“. Попрошу Ал. Ѳ., учителя музыки, положить ихъ на музыку и выучить меня играть ихъ на скрипкѣ. То-то будетъ радость для меня! Я тогда въ деревнѣ, если случится намъ вечеромъ кататься на лодкѣ, возьму съ собой скрипку и буду играть и пѣть. Экія воздушныя мечты!“

Успѣхи въ музыкѣ онъ дѣлалъ большіе и всю жизнь уже не разставался съ своей скрипкой: она сопровождала его всюду. Игралъ онъ также—по слуху—на рояли и на нѣсколькихъ другихъ инструментахъ, игралъ цѣлые часы, съ горячимъ, задушевнымъ увлеченьемъ...

Но хотя музыка, къ которой присоединялось и пѣнье (мальчикъ былъ также пѣвчимъ въ гимназіи), были его лыбимыми занятіями, они все-таки не могли вполнѣ удовлетворить его жажды дѣятельности. По его инищіативѣ устраивались у товарищей, внѣ гимназіи, домашніе спектакли, въ которыхъ онъ самъ принималъ участіе и какъ режиссеръ, и какъ актеръ. Кромѣ того, по его же инициіативѣ, въ гимназіи было предприняго изданіе журнала. Первая попытка такого изданія была сдѣлана зъ сентябрѣ 1875 года и, какъ мы видимъ изъ дневниковъ Надсона, очень занимала его:—„У насъ съ А....ъ,—писалъ онъ въ сентябрѣ 1875 г.,—затѣвается „Литературно-сатирическій журналъ“. Туда я буду помѣщать мои стихи и прозу. Предполагаю пока написать двѣ вещи прозою: „Романъ моего дѣтства“ и „Петербургскіе бѣдняки“. И на то, и на другое много у меня передъ глазами ма-

теріаловъ. Изъ стиховъ буду помѣщать туда только лучшіе. Подписчиками будутъ знакомые; плата за мѣсяцъ—десять листовъ писчей бумаги. Журналъ, конечно, не будетъ печататься. Его будутъ переписывать во стольких экземплярахъ, сколько будетъ подписчиковъ. Каррикатуры туда будетъ рисовать сестра А....ва: она хорошо рисуетъ. Выходить нашъ журналъ будетъ ежемѣсячно, по 12 листовъ каждый экземпляръ. Въ немъ также будутъ помѣщаться разныя современныя объявленія, анекдоты, разсказы, критика и т. п. вещи. Мнѣ пришло въ голову еще писать въ журналѣ „Очерки современной жизни въ гимназіи“. Въ нихъ я думаю выставлять всѣ рѣзко-выдѣляющіяся натуры и типы, всѣ новости и мнѣнія въ этомъ замкнутомъ кружкѣ. Я думаю выпускать всѣ мои сочиненія подъ псевдонимомъ, напр.: Журнальный писака, Знакомый незнакомецъ и др. Меня это предпріятіе очень интересуетъ; я очень желаю, чтобъ оно удалось. А....въ будетъ помѣщать тамъ статьи сатирическія, литературныя и научныя“.

Но предполагаемое изданіе, повидимому, не осуществилось, такъ какъ, недѣли двѣ спустя, молодые литераторы издавали уже журналъ „Домашній Кружокъ“; въ декабрѣ же 1876 г. мы видимъ ихъ занятыми новымъ изданіемъ „Литературный Винегретъ“, редакторъ котораго—Надсонъ.

Тутъ же, въ гимназіи, мальчикъ то и дѣло писалъ товарищамъ сочиненія, и только удивляешься, откуда у него бралось время, когда пробѣгаешь въ дневникахъ его замѣтки слѣдующаго рода:

„4-го Сентября 1875 г. Вчера вечеромъ мнѣ пришлось написать шесть сочиненій. Кажется, всѣ вышли порядочны. Сегодня будутъ читать, посмотримъ, что скажутъ. Дай Богъ, чтобы похвалили; они—моя слава“!

„25-го Сентября 1875 г. Сочиненій пять по крайней мѣрѣ прійдется написать, а это не шутка. Надобно, чтобъ одно не походило на другое, но чтобы было хорошо. Да, работы немало!

Такъ ругаешься, ругаешься съ товарищами, а какъ прійдетъ время писать сочиненія, всѣ сейчасъ и лѣзутъ. Совѣстно какъ-то отказать, да и то правду сказать, что сочиненія—моя гордость. А однако я очень славолюбивый, такъ что раза два услышать похвалы для меня не непріятно!"

И позже, въ старшихъ классахъ гимназіи, поэтъ продолжалъ снабжать сочиненіями чуть не весь классъ. Такъ, напр., 3-го февраля 1878 года читаемъ: — „Усталъ страшнѣйшимъ образомъ: только что кончилъ заниматься съ Мишей и написалъ два сочиненія: одно ему, а другое Ч...у, по исторіи. Это уже четвертое сочиненіе по исторіи и все про опричину, а у меня еще въ перспективѣ имѣется написать пять штукъ: немудрено напрактиковаться... Сегодня еще много дѣла: надо одолѣть еще одно сочиненіе, да съ тригонометріей сладить. Вотъ отвратительная наука! Не приведи, Господи, самому злѣйшему врагу моему, собакѣ Д....выхъ, Муркѣ, изучать ее когда бы то ни было! Нѣтъ, я рожденъ не для математики, а для вдохновенія, для сладкихъ звуковъ и молитвъ!..

„11-го Декабря 1878 г. Усталъ ужасно: занимался съ Мишей Д. и писалъ сочиненіе по исторіи. Это чуть-ли не девятое. Надоѣло страшно, а отказать неловко. Въ перспективѣ имѣется еще два сочиненія по русскому и одно по исторіи; все это удовольствіе къ завтрашнему дню. Не знаю, какъ успѣю".

При всемъ этомъ поэтъ успѣвалъ еще прочитывать массу книгъ. Чтеніе онъ страстно любилъ,—какъ мы уже говорили,— еще съ ранняго дѣтства. Читалъ онъ безъ разбора все, что попадалось подъ руку, но тѣмъ не менѣе имѣлъ о прочитанномъ собственное мнѣніе, которое и высказывалъ въ дневникахъ: „1-го Мая 1875 года. Прочелъ книгу Густава́ Эмара „Благородное Сердце", окончаніе первой серіи его романовъ. Я почти всѣ его романы перечиталъ,—ужасно невѣроятныя приключенія, чепуха!" А на другой день мальчикъ снова отмѣчаетъ: „Прочелъ сочиненія Марлинскаго, 2 тома, да кромѣ того отдѣльный его романъ

„Аммалатъ-Бекъ“; мнѣ не нравится. Читаю оттого, что другаго ничего нѣтъ. Въ нашей библіотекѣ я все перечиталъ. Да и вся-то библіотека нашего возраста небогата: всего-то книгъ двѣсти, а нѣкоторыя по нѣскольку экземпляровъ... Да и что за книги!..“

И затѣмъ идетъ длинный переченъ этихъ книгъ, имѣющихся въ библіотекѣ гимназіи, и оказывается, что лучшія книги: Гончарова, Достоевскаго, Толстаго, Бѣлинскаго и т. д. онъ получалъ отъ воспитателя и товарищей, абонированныхъ въ разныхъ городскихъ библіотекахъ. Чтеніе Шиллера, между прочимъ, произвело, повидимому, сильное впечатлѣніе на 12-ти-лѣтняго мальчика; по крайней мѣрѣ онъ отмѣчаетъ въ дневникѣ: „Октябрь 1875 г. Только что прочелъ трагедію Шиллера „Разбойники“. Она произвела на меня сильное впечатлѣніе. Какой нуженъ былъ геній, чтобы произвести подобную трагедію! Какъ чудно, живо выставлены тамъ характеры дѣйствующихъ лицъ! Какъ великъ и удивителенъ характеръ Мора-разбойника! Это отличная вещь! Признаться откровенно, я прежде сильно таки сомнѣвался въ геніи Шиллера. И вотъ я наконецъ убѣждаюсь въ томъ, что Шиллеръ былъ необыкновенный человѣкъ. Ужъ я не представляю его себѣ толстымъ, обрюзглымъ бюргеромъ, съ огромной кружкой пива въ рукахъ и трубкою въ зубахъ“. Нѣкоторое время спустя поэтъ читаетъ разсказы Кущевскаго и отмѣчаетъ и о нихъ свое мнѣніе: — „Прочелъ очерки, разсказы и картинки Кущевскаго. Очерки эти отличаются отъ всѣхъ подобныхъ имъ содержательностью и неподдѣльнымъ юморомъ“.

Писать стихи С. Я. началъ очень рано, съ девяти лѣтъ, въ подражаніе — какъ онъ разсказываетъ въ своей автобіографіи — своему двоюродному брату М. Правда, сначала онъ мечталъ сдѣлаться романистомъ, собирался написать то тотъ, то другой разсказъ, темы которыхъ и приводятся въ его дневникахъ; но все-таки болѣе всего привлекала его поэзія. У сестры С. Я. нашлось одно стихотвореніе, написанное въ 1873 г., когда автору не было еще

одиннадцати лѣтъ, а въ дневникахъ его постоянно встрѣчаются отмѣтки о вновь написанныхъ или же задуманныхъ стихотвореніяхъ, причемъ изрѣдка приводятся и самыя стихотворенія, каково, напримѣръ, слѣдующее, написанное въ 1876 г.

ФАНТАЗІЯ.

Ночь благовонной тишиною
И южной прелестью полна;
Надъ спящей мирнымъ сномъ землею
Горитъ, какъ свѣтлый шаръ, луна.
Вдали, обросшій весь кустами
Стоитъ твой домикъ надъ рѣкой;
Облитый лунными лучами,
Бѣлѣетъ въ чащѣ онъ лѣсной.
Въ твоемъ окошкѣ, замирая,
Лампадки слабый свѣтъ блеститъ,
Какъ будто нитка золотая
Онъ, въ рѣчкѣ искряся, дрожитъ.
Быть можетъ, ты теперь читаешь,
Надъ книгой голову склоня;
Иль, растворивъ окно, мечтаешь
Подъ звуки пѣсни соловья;
Иль предъ иконою святою
Съ молитвою жаркою стоишь,
И, вѣрой полная живою,
На ликъ Спасителя глядишь!..

Мало-по-малу поэтическій талантъ Надсона крѣпнетъ и растетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпнетъ и растетъ и горячая любовь его къ поэзіи. Быть поэтомъ — скоро становится сознательною цѣлью его жизни, и онъ опредѣленно и ясно высказываетъ это самъ въ дневникѣ отъ 31 Октября 1877 года.

,,Я давно собирался написать поэму ,,Монахъ". Плохо что-то двигается моя поэма; не потому-ли, что я очень требователенъ къ самому себѣ; не потому ли, что меня заѣло, быть можетъ, неосновательное желаніе славы? Сегодня воспитатель параллельнаго отдѣленія попросилъ у меня мою тетрадку со стихами. Я поломался—и далъ... Не знаю, что-то онъ скажетъ: я не особенно, впрочемъ, вѣрую въ посторонній судъ, хотя вообще онъ ко мнѣ довольно милостивъ. Меня часто мучаетъ одна мысль: неужели я одинъ изъ Александровъ, такъ мѣтко очертанныхъ Гончаровымъ въ его ,,Обыкновенной исторіи", или изъ неудачниковъ Райскихъ въ ,,Обрывѣ"? Если такъ, то хоть стрѣляйся. Я положительно погибну, если увѣрюсь, что во мнѣ нѣтъ поэтическаго таланта!.... А.... передъ чаемъ позвалъ меня къ себѣ. Въ чемъ дѣло, думаю? — ,,У васъ", — говоритъ, — ,,стихъ выработался, и т. д... Вы, пожалуйста, все, что будетъ новаго, давайте мнѣ; что касается мыслей, то онѣ придутъ; кромѣ того, замѣтно подражаніе Пушкину и т. д.". Я раскланялся и вышелъ. Первый опытъ подвергнуть свои произведенія суду взрослыхъ удался, что̀, признаюсь откровенно, много польстило моему авторскому самолюбію".

Къ той же начатой поэмѣ ,,Монахъ" поэтъ возвращается еще нѣсколько разъ.—,,1-го ноября 1877 года. Мой ,,Монахъ" двигается. Я имъ пока доволенъ. Впрочемъ, написано еще очень немного".—,,2-го ноября. Перечитывая моего ,,Монаха", я увидѣлъ, какъ много въ немъ негладкостей и ошибокъ. Прежде всего меня поразила вялость слога. Развѣ такъ написанъ Лермонтовскій ,,Демонъ"? Я отложилъ свою поэму до поры, до времени, а то вдохновеніе охладѣло, картины приглядѣлись, писать не хочется". Нѣсколько дней спустя отмѣчаются новые поэтическіе замыслы и говорится о новомъ стихотворномъ произведеніи:— ,,11-го ноября. Начатую третьяго дня ,,Сказку дѣдушки", какъ и слѣдовало ожидать, бросилъ, но за то написалъ: ,,Сонъ Іоанна Грознаго". Удалось!"

Не лишена интереса, между прочимъ, относящаяся приблизительно къ этому времени первая попытка четырнадцатилѣтняго поэта отдать въ печать свои стихотворенія, — попытка не увѣнчавшаяся, впрочемъ, успѣхомъ. Вотъ какъ авторъ объ этомъ разсказываетъ въ своемъ дневникѣ:

„1-го ноября 1877 года. П.... только что мнѣ показывалъ новый журналъ: „Сѣверная Звѣзда“. Сличая два, помѣщенныя тамъ, стихотворенія: „Изъ дунайскаго альбома“ и „Птичка“, я нашелъ, что даже мои нехитростныя произведенія куда лучше. „Если такія вещи печатаются, мои напечатаютъ тѣмъ паче“, — думалъ я, и рѣшилъ на этомъ основаніи попытать счастья—послать въ журналъ три свои стихотворенія: „Пускай смѣются надо мною“, „Двѣ картины“ и „Ночью“. Къ несчастію, не знаю, какъ это дѣлается. Спрошу у кого-нибудь свѣдущаго. Подъ стихами подпишу свою полную фамилію“.

. . . .

„Ну, я сжегъ свои корабли. Стихи переданы П..., чтобъ онъ ихъ послалъ въ редакцію „Сѣверной Звѣзды“. Будь, что будетъ, а будетъ то, что рѣшитъ судьба и редакторъ „уважаемаго“ журнала. Дай Богъ удачи! Неужели я дождусь счастья видѣть когда-нибудь напечатанными свои стихотворенія?“

„3-го Ноября. О моихъ стихахъ до сихъ поръ ни слуху, ни духу. Ну, да, впрочемъ, я очень скоръ: вчера только они посланы. Если приметъ ихъ „Сѣверная Звѣзда“, пошлю еще раза два, три въ этотъ журналъ, потомъ отважусь на „Кругозоръ“, потомъ на „Пчелу“, и наконецъ на „Ниву“. Если буду получать гонораръ, первымъ долгомъ куплю себѣ часы, потомъ отдамъ починить скрипку, потомъ куплю американскіе коньки и буду мало-по-малу копить деньги для покупки произведеній лучшихъ русскихъ авторовъ, какъ-то: Пушкина, Лермонтова, Жуковскаго, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Аксакова, гр. Л. Толстаго, гр. А. Толстаго, Грибоѣдова, Бѣлинскаго и фонъ-Визина. Но, впрочемъ, все это ужасно похоже на молочницу, которая собира-

лась продать кувшинъ молока и купить на эти деньги теленка, потомъ корову, потомъ домъ, и т. д..—и всѣ ея надежды разбились вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ разбился кувшинъ съ молокомъ... Что это на меня сегодня писарство напало! Такія буквы выписываю, что уму непостижимо. А какая гордость мнѣ будетъ (вотъ такъ фраза, чисто нѣмецкая), какая слава, хотѣлъ я сказать въ нашемъ кружкѣ, если узнаютъ, что я печатаю въ журналахъ, хотя бы и такихъ неизвѣстныхъ, какъ „Сѣверная Звѣзда"! Хоть бы Л... какъ нибудь узнала! Однако до какой мелочности я довелъ свое самолюбіе: поэзія у меня является не цѣлью, а средствомъ, матеріаломъ для рисовки и возможности блеснуть заработанными часами, американскими коньками, скрипкой, библіотекой и т. д. Но, впрочемъ, нечего обольщать самого себя: вѣрнѣе всего, что мои.... (хотѣлъ написать „жиденькія" произведенія, но мнѣ и не разсчетъ, да и несправедливо клеветать на самого себя).... неопытныя произведенія такъ и останутся ненапечатанными. А было бы пріятно начать литературную карьеру удачей. Ну, да мало-ли что пріятно: къ несчастью, намъ всегда кажется пріятнымъ по большей части лишь то, что трудно достать, или даже невозможно. А какъ бы я былъ радъ!

. . . .

Однако, премерзкое состояніе ожидать отвѣта изъ „редакціи". Первая попытка напечатать! Вѣдь это важная вещь! У меня въ груди такая борьба между страхомъ и надеждой, а съ небесъ все нѣтъ отвѣта. Должно быть, владѣтель „Звѣзды" и позабылъ о грѣшномъ авторѣ грѣшнаго произведенія! Чортъ бы его взялъ совсѣмъ!"

Въ концѣ того же Ноября 1878 г. случилось событіе, имѣвшее очень важное значеніе и для послѣдующей жизни поэта: онъ познакомился съ семействомъ Д....выхъ, и это знакомство съ перваго же раза такъ охватило всего его, показалось ему,—съ самаго дѣтства одинокому, не видѣвшему ни участія, ни ласковаго привѣта,—чѣмъ-то такимъ лучезарнымъ, ослѣпительно-свѣтлымъ,

что онъ спѣшитъ тотчасъ же занести объ этомъ событіи въ свой дневникъ въ крайне-восторженныхъ выраженіяхъ.

И дѣйствительно, знакомство съ Д...ыми произвело значительный переворотъ въ его жизни. Семейство это состояло изъ отца, матери, сына—товарища Надсона,—и дочери, молодой дѣвушки. Любовь къ этой послѣдней охватила всю душу поэта, и 30-го января 1878 г. вотъ что писалъ онъ въ своемъ дневникѣ:—„У меня въ душѣ проснулось много стараго, можетъ быть и глупаго, но хорошаго, мое разочарованіе исчезло безъ слѣда. Я снова помирился съ жизнью, о чемъ поспѣшилъ оффиціально заявить самому себѣ новымъ стихотвореніемъ. Я съ удивленіемъ замѣтилъ, что всю ночь не спалъ: трудно передать словами, какое наслажденіе доставляло мнѣ сознаніе, что я любимъ, я, чуть ли не уродъ, любимъ такою красавицей и умницей. Мнѣ было ново это полное, счастливое чувство взаимной любви. Какъ нарочно, прямо въ комнату заглядывалъ полный мѣсяцъ, и мнѣ буквально казалось, что свѣтъ его врывается мнѣ прямо въ душу, пробуждая тамъ что-то до того новое и прекрасное, что у меня невольно сжималось въ груди сердце, и на глаза выступали обильныя слезы восторга. Я всю жизнь мою готовъ отдать за одну такую ночь".

А 6-го февраля того же года онъ говорилъ на тѣхъ же страницахъ:—„Я знаю одно: я ни разу до этихъ поръ влюбленъ не былъ: всѣ тѣ фразы о любви, которыми пересыпанъ мой дневникъ—фальшь. Я самъ ошибался: я принималъ за любовь желаніе любви, поклоненіе тому неопредѣленному, но прекрасному идеалу, который нарисовало мнѣ воображеніе и чувство. Я отказываюсь отъ своего прошлаго, я весь отдаюсь теперь новому, свѣтлому чувству моей первой любви, всей душой переношусь въ заманчивый міръ страданій, наслажденій, счастія, упоенія, надеждъ, мечты и ревности. Что я нашелъ особенно хорошаго въ Н. М.—не знаю; я не хочу объ этомъ думать, я знаю одно—что всю жизнь свою я готовъ отдать за нее, и мнѣ довольно этого сознанія. Мнѣ дорого все, что хоть самымъ отдаленнымъ

образомъ касается ея; мнѣ дорого все, на что̀ обращаетъ она свое вниманіе“.

Рядомъ съ этимъ свѣтлымъ настроеніемъ прорывались у поэта и теперь еще минуты тоски и унынія. Порой ему казалось, что вся семья Д...выхъ не такъ уже дружески относится къ нему, что Н. М. предпочитаетъ ему другаго... Въ такихъ случаяхъ онъ искалъ утѣшенія въ поэзіи. „Находясь подъ впечатлѣніемъ свѣжей грусти, я написалъ стихотвореніе, въ которомъ высказалъ все, что̀ жгло и волновало меня. Я помню, оно вышло у меня недурно и довольно сильно!“

Но радостное настроеніе все-таки преобладало въ этомъ періодѣ жизни С. Я.

„Мои личныя дѣла идутъ отлично“,—писалъ онъ 2-го мая 1878 г.:—„два первые экзамена (математика) выдержалъ (случайно, должно быть). Физику также выдержу. Стихи мои будутъ напечатаны въ слѣдующемъ № журнала „Свѣтъ“. Объ этомъ послѣднемъ сообщили мнѣ Д....вы. Въ Н. М., какъ видно изъ вчерашняго съумасшедшаго монолога, я влюбленъ и, должно полагать, надолго. Я теперь вполнѣ счастливъ: я нашелъ себѣ дорожку и смѣло пойду по ней, опираясь, въ случаѣ нужды, на совѣты такого друга, какимъ высказалась въ отношеніи меня С. С. Споткнусь-ли я,—меня поддержитъ теплая вѣра въ жизнь и людей. Я гордо зажгу свой факелъ на пользу общую, если только у меня хватитъ силы для борьбы съ мглою; не хватитъ — я паду, борясь, съ честнымъ именемъ поборника свѣта. Впередъ, мой челнъ, впередъ по бурнымъ волнамъ житейскаго моря, къ вѣчной правдѣ, къ благодатному свѣту!.. У насъ теперь третій урокъ. Меня еще не спрашивали... Сегодня въ три часа должна пріѣхать С. С. Если „Свѣтъ“ вышелъ, она привезетъ мнѣ этотъ нумеръ. Какъ пріятно будетъ увидѣть напечатаннымъ свое стихотвореніе: я воображаю себѣ, какъ написано будетъ заглавіе: „На зарѣ“ и моя подпись подъ стихотвореніемъ! Скорѣй бы вышелъ этотъ нумеръ, съ которымъ соединено такъ много въ моей жизни. Я вступилъ теперь

на дорогу, назадъ поздно, да и незачѣмъ: даль являетъ такой заманчивый призракъ славы; невидимый голосъ шепчетъ: „иди, впередъ, впередъ“,—и я пойду впередъ!..“

Одновременно съ этимъ душевнымъ удовлетвореніемъ и отдыхомъ, съ расцвѣтомъ дружбы и любви, начались и литературные его успѣхи. Еще 31-го января 1878 года поэтъ пишетъ: „Я положительно въ восторгѣ: причина этому — рецензія Докучаева на моего „Іоанна Грознаго“. Вотъ она отъ слова до слова: „Вымыселъ отличается правдоподобіемъ; изложеніе образное, есть *идея*, только нѣкоторые стихи неудобны въ стилистическомъ отношеніи“. Одного только не понимаю: какую онъ нашелъ *идею?* Я право самъ не знаю. Что касается неудобства нѣкоторыхъ стиховъ въ стилистическомъ отношеніи—Докучаевъ правъ. Впрочемъ, эту неисправность я постарался исправить во второй редакціи стихотворенія. Въ началѣ русскаго урока я былъ въ какомъ-то бѣшеномъ восторгѣ, но Докучаевъ читалъ намъ сегодня „Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ“, и это чувство мало-по-малу исчезло, уступивъ мѣсто тихому, пріятному впечатлѣнію... Какая прелесть этотъ Гоголь!„

Итакъ, стихотвореніе „На зарѣ“ было отдано въ „Свѣтъ“ и принято тамъ. Теперь уже поэтъ сталъ писать стихи, разсчитывая на то, что они появятся въ печати. „Третьяго дня,—говоритъ онъ 20-го апрѣля 1878 года,—я написалъ небольшое стихотвореніе „Кругомъ легли ночныя тѣни“—варіацію на старую тему объ „Истинѣ“, и оно, мнѣ кажется, удалось. Отдамъ верховному критику С. С., и если она найдетъ его недурнымъ, пошлю къ верховнѣйшему критику Вагнеру и буду ждать его приговора“.

Въ первыхъ числахъ мая 1878 г. поэтъ занесъ наконецъ въ свой дневникъ радостное и счастливое для него событіе: появленіе въ печати перваго его стихотворенія: «*Свѣтъ*» *вышелъ!* Вотъ то событіе первой важности, котораго я ждалъ такъ долго и съ такимъ нетерпѣніемъ. Я только-что объ этомъ узналъ, и трудно передать, какъ я счастливъ. Я никогда не забуду той услуги со стороны С. С., что она первая оцѣнила мой талантъ. Я бѣгалъ

сейчасъ на квартиру Б.... (онъ получаетъ „Свѣтъ") и видѣлъ свое стихотвореніе. Вагнеръ не измѣнилъ ни строчки. Ура, тысячу разъ ура! Не могу писать, я изнываю подъ наплывомъ разнородныхъ ощущеній. Наташа, я счастливъ!.."

Затѣмъ поэтъ разсказываетъ довольно подробно свой визитъ въ редакцію „Свѣта", куда онъ отправился достать себѣ № журнала, въ которомъ было напечатано его стихотвореніе: „Признаться, сердце таки у меня постукивало, когда я дрожавшими отъ волненія руками дернулъ за мѣдную ручку звонка и сталъ ждать. Вскорѣ за дверью зачастили чьи-то мелкіе шаги, и мнѣ отперла дверь какая-то молодая дѣвочка, вѣроятно горничная Вагнера.—„Могу я видѣть г-на профессора?" спросилъ я.— „Кого-съ?"—„Г-на редактора."— „Г-на редактора-съ?.. — съ видимымъ недоумѣніемъ произнесла она:—„вамъ, можетъ, Николая Петровича нужно-съ?...Они дома..."— „Мнѣ г-на Вагнера надо. Доложите ему". Я услыхалъ, какъ быстро пробѣжала дѣвочка какую-то большую комнату, должно быть, залу, и произнесла: „Васъ тамъ какой-то кадетъ спрашиваетъ". Я невольно улыбнулся. Черезъ нѣсколько секундъ опять раздался ея скорый аллюръ, и она сказала мнѣ: «Пожалуйте-съ въ кабинетъ". Дѣлать нечего, пришлось идти въ кабинетъ, на порогѣ котораго встрѣтилъ меня Вагнеръ и, сухо поклонившись издали, очевидно досадуя, что его оторвали отъ работы, произнесъ: „Что вамъ угодно-съ?" Я нѣсколько смутился и объявилъ ему, что хотѣлъ бы имѣть послѣдній № „Свѣта". Жена его принесла номеръ. „Что это стоитъ?" спросилъ я и почувствовалъ, что краснѣю до ушей. „Да вѣдь въ розничной продажѣ нельзя, кажется, продавать", возразила она. „Нельзя", отвѣчалъ Вагнеръ. „Такъ какъ же?.." начала его жена.—„Очень жаль", перебилъ я: „здѣсь помѣщено мое стихотвореніе". И я началъ было откланиваться, какъ вдругъ Вагнеръ быстро подошелъ ко мнѣ.— „Вы Надсонъ?"—спросилъ онъ. „Да",—съ поклономъ отвѣчалъ я. — „Здравствуйте, здравствуйте!" — онъ протянулъ мнѣ руку, которую я не преминулъ пожать съ уваженіемъ, сознавая, что

жму ту руку, которою были написаны сказки „Кота-Мурлыки“.— „Что-жъ, вы желаете получить гонораръ?“—спросилъ Вагнеръ. Я, разумѣется, отказался. „Такъ вы возьмите хоть всѣ номера „Свѣта“... Онъ сказалъ мнѣ еще нѣсколько одобряющихъ словъ, я передалъ ему свое новое стихотвореніе и исчезъ. Да еще въ передней долго возился съ шинелью, крючки которой никакъ не могъ застегнуть. Вышелъ я изъ редакціи въ полномъ восторгѣ... Я крѣпко прижалъ къ губамъ номера „Свѣта“, заработанные мною и поэтому дорогіе номера, и, быстро шагая по панели, принялся вслушиваться въ внутренній голосъ, который повторялъ мнѣ фразу Вагнера при отдачѣ новаго моего стихотворенія: „Если оно будетъ такъ же хорошо, какъ предъидущее, я непремѣнно помѣщу его!“

Въ томъ же году началась въ поэтѣ сильная внутренняя работа: его волновали и мучили разные „проклятые вопросы“, и главнымъ образомъ вопросы религіозные. Правда, послѣдніе тревожили его еще раньше, какъ видно изъ одной замѣтки его: „Поневолѣ приходится согласиться съ Гоголемъ, когда онъ, заканчивая свою повѣсть въ „Миргородѣ“, говоритъ: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“—А есть-ли еще другой свѣтъ? Вотъ вопросъ, который меня уже мучаетъ три года и который я не могу рѣшить и до сихъ поръ“.

Но теперь вся эта внутренняя работа выступала уже на первый планъ; вопросы и сомнѣнія преслѣдовали, терзали его, не давали ему покоя, и онъ писалъ:—„Февраль 1878 года. Бурный годокъ выдался для меня: много я передумалъ, много перечувствовалъ и испыталъ. Рано начали тревожить меня тѣ вопросы, надъ рѣшеніемъ которыхъ долго бились и бьются люди. И— слава Богу, чѣмъ раньше рѣшатся они, въ какую бы сторону ни рѣшились, тѣмъ лучше... За это время я выросъ нравственно цѣлой головой: я скинулъ съ себя все дѣтское, я поднялъ знамя юности и поднялъ его въ пору душевныхъ волненій и тревогъ. Я знаю, какъ важно рѣшеніе этихъ вопросовъ, передъ которыми все

остальное блѣднѣетъ, или, вѣрнѣе говоря, я чувствую эту важность, предугадываю ее инстинктомъ. Боже мой, какъ бы мнѣ хотѣлось поскорѣй порѣшить съ этими тревогами, подъ впечатлѣніемъ которыхъ я изнемогаю. Что же такое въ сущности вѣра?

. . . .

Да, тяжелую, бурную эпоху моего развитія переживаю я въ настоящее время; эта эпоха—моя нравственная болѣзнь, и я чутко прислушиваюсь къ ходу ея, какъ врачъ, ждущій съ часу на часъ перелома, отъ котораго зависитъ жизнь или смерть. Я стою теперь на распутьи: двѣ дороги передо мною,—по которой же суждено мнѣ идти?"

Прослѣдить подробнѣе за ходомъ этой внутренней работы въ душѣ юноши намъ нельзя, такъ какъ дневникъ его здѣсь обрывается. Въ этотъ перерывъ, продолжавшійся довольно долго, поразилъ поэта жестокій ударъ; такъ горячо любимая имъ дѣвушка умерла отъ скоротечной чахотки. Смерть ея онъ занесъ въ свои тетради въ сравнительно даже сдержанныхъ и спокойныхъ выраженіяхъ: „31 Марта 1879 года. Она, — наше солнышко, наша свѣтлая звѣздочка,—погасла... закатилась, пропала въ той темнотѣ, страшной и неразгаданной, которую мы зовемъ смертью! Господи, упокой ея душу!"

. . . .

„Не время виновато въ томъ, что мнѣ иногда, даже въ самыя свѣтлыя минуты, такъ страстно хотѣлось умереть; виновато то, что, сознавая всю идеальность взглядовъ Н. М. и вполнѣ имъ сочувствуя, я въ жизни встрѣчалъ діаметрально-противоположную ложь и грязь. Я послѣ ея смерти—смерти совсѣмъ не боюсь, но умирать не хотѣлъ бы изъ принципа: во-первыхъ, мнѣ еще сильно нужно работать надъ собой, для того, чтобы сдѣлаться достойнымъ ея; во-вторыхъ, нужно работать для другихъ, нужно постараться одному сдѣлать то, что мы собирались сдѣлать съ нею вмѣстѣ. У меня есть талантъ, — въ этомъ я, наконецъ, убѣдился, — и

ея именемъ я обѣщаю не допускать ни одного фальшиваго и неискренняго звука въ моихъ пѣсняхъ, ни одного подкупнаго слова“...

Какъ сильно поразила поэта смерть Н. М., какъ больно отозвалась она на всей послѣдующей его жизни, видно изъ двухъ прекрасныхъ стихотвореній, посвященныхъ ея памяти („Любили-ль вы, какъ я“ и „Я вновь одинъ“), вошедшихъ еще при жизни поэта въ изданный имъ сборникъ своихъ стихотвореній, и множества посмертныхъ, написанныхъ на эту же тему. Когда же жизнь вступила въ свои права, и впечатлѣнія этой любви стушевались, онъ считалъ такое забвеніе чуть не преступленіемъ съ своей стороны. Такъ, напримѣръ, уже черезъ нѣсколько лѣтъ, въ письмѣ къ А. Н. Плещееву по поводу стихотворенія, написаннаго этимъ послѣднимъ и снова напомнившаго молодому поэту такъ часто волновавшія его мысли, онъ говоритъ: „Есть что-то подлое и низкое въ способности забвенія, вложенной въ душу человѣка; забвеніе, въ сущности говоря, та же измѣна, и даже хуже измѣны, такъ какъ лицо страдательное изъ могилы не въ силахъ поднять свой голосъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ это неизбѣжно, это человѣчно, это одна сторона стараго разлада между идеаломъ и жизнью. Меня мотивъ стихотворенія касается особенно близко: сколько разъ я молилъ у прошлаго прощенія за одну только *возможность жить* въ настоящемъ! Помните, еще не такъ давно мы и съ вами говорили на эту тему, и я, на основаніи того, что есть забвеніе, отрицалъ любовь, такъ какъ такая любовь на время кажется мнѣ жалкой, ничтожной, „земной“ любовью, а сердце проситъ, требуетъ вѣчности и чистоты идеала“.

Несмотря на поразившее его горе, юноша все-таки нашелъ въ себѣ достаточно силъ, чтобъ успѣшно выдержать экзамены и кончить курсъ. Передъ тѣмъ онъ читалъ на гимназическомъ вечерѣ поэму свою: „Іуда“ и имѣлъ блестящій успѣхъ. Въ гимназіи ежегодно устраивались концерты, въ которыхъ принимали участіе: хоръ, сформированный изъ кадетъ, и оркестръ, составленный изъ нихъ же.

Этими только вещами и ограничивалась обыкновенно программа концертовъ. Для молодаго поэта было однакоже сдѣлано почетное исключеніе, и онъ читалъ своего „Іуду“. Похвалъ и одобреній было много. Поэтъ сдѣлался предметомъ общаго сочувствія, вызвавъ въ наиболѣе чуткихъ своихъ товарищахъ даже нѣкоторое поклоненіе себѣ. Еще ранѣе концерта стихотворенія Надсона, а въ томъ числѣ и „Іуда“, дѣятельно переписывались, переходили изъ рукъ въ руки, а черезъ нѣсколько дней чуть-ли не весь корпусъ зналъ ихъ наизусть...

Затѣмъ, по желанію опекуна, С. Я. поступилъ въ Павловское военное училище, и тамъ на первомъ же ученіи, когда въ суровый, осенній день юнкеровъ вывели въ однихъ мундирахъ на плацъ, онъ схватилъ острый катарръ праваго легкаго и опасно заболѣлъ. Сначала онъ пролежалъ довольно долго въ лазаретѣ, а затѣмъ его отправили на казенный счетъ на Кавказъ, въ Тифлисъ, гдѣ онъ прожилъ у родственниковъ почти годъ. Отсюда онъ писалъ сестрѣ своей, Аннѣ Яковлевнѣ, воспитывавшейся въ Николаевскомъ Институтѣ:

„Пишу тебѣ изъ Тифлиса, куда, какъ и слѣдовало ожидать, добрался я совершенно благополучно. Только на военно-грузинской дорогѣ встрѣтили меня сильная буря и такой страшный вѣтеръ, о которомъ вы въ Петербургѣ, конечно, не имѣете ни малѣйшаго понятія. За то въ Тифлисѣ погода чудесная — солнце и зелень. Твой почтенный братецъ то и дѣло лазитъ по горамъ и взбирается на страшныя крутизны, отыскивая прекрасные виды. И виды дѣйствительно стоятъ того, чтобы на нихъ любоваться безъ конца: какая-то глубоко-могучая и безконечно-суровая мысль залегла въ сѣдыхъ горахъ Кавказа. Такъ вотъ и кажется, что сдвинутся они, эти суровые великаны, и раздавятъ дерзкаго червяка-человѣка, рѣшившагося взобраться на ихъ крутые хребты. Какъ чудно-хорошо стоять на ихъ вершинѣ, на краю обрыва, и глядѣть на лежащій подъ ногами городъ съ его хлопотливой, муравьиной жизнью

и движеніемъ! Какъ отрадно, какъ вольно дышется горнымъ воздухомъ! Но всего этого не передать въ письмѣ!“

Мало-по-малу здоровье поэта начало поправляться, и онъ сталъ смотрѣть бодрѣе въ будущее. Его заботила, между прочимъ, участь сестры; онъ утѣшалъ ее въ институтскихъ ея невзгодахъ, на которыя она ему жаловалась; писалъ ей, что пока придется еще потерпѣть, а потомъ онъ возьметъ ее къ себѣ и они отлично заживутъ вмѣстѣ. „Мнѣ наша будущая жизнь рисуется въ очень розовыхъ краскахъ, и знай, что если я только захочу, то всего достигну. О здоровьѣ моемъ могу сообщить тебѣ самыя утѣшительныя свѣдѣнія: отъ моего катарра не осталось и слѣда. Всѣ находятъ, что я очень поправился; а докторъ, предсказывавшій мнѣ даже смерть, если я не перестану курить, теперь молчитъ и только смотритъ на меня во всѣ глаза, точно удивляется—я ли это, или не я!“

Все это время С. Я. не велъ уже правильныхъ дневниковъ, и только изрѣдка попадается въ черновыхъ его тетрадяхъ для стиховъ нѣсколько страницъ, въ которыхъ записаны его взгляды и чувства по поводу тѣхъ или другихъ событій его жизни. Вотъ почему у насъ въ рукахъ гораздо меньше матеріаловъ для характеристики послѣдующихъ періодовъ его жизни—на Кавказѣ, въ военномъ училищѣ, въ Кронштадтѣ и т. д.—сравнительно съ періодомъ его пребыванія въ гимназіи. Правда, дневники могутъ хотя отчасти быть замѣнены письмами поэта, которыя теперь и займутъ у насъ главное мѣсто.

Время шло своимъ чередомъ. Молодой поэтъ писалъ довольно много стихотвореній, между прочимъ, свое извѣстное: „Да, хороши онѣ, кавказскія вершины“; участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ, очень много читалъ, но сталъ сильно скучать о „миломъ сердцу его сѣверѣ“. Время вернуться въ Петербургъ приближалось, и онъ рвался туда. Въ Тифлисѣ все ему опротивѣло. Настало лѣто—время года, невыносимое въ Тифлисѣ. Вотъ въ какомъ тонѣ пишетъ объ этомъ С. Я. сестрѣ: „Я очень сожалѣю

что ты мнѣ не сообщила, когда именно пришлютъ мнѣ билеты; если тянуть со дня на день, то скоро и лѣто кончится, а мнѣ просто не въ мочь становится выносить эту жару. Отъ нея на улицахъ и лошади падаютъ, каково же людямъ? Точно нарочно, ей-Богу, стоитъ мнѣ куда нибудь пріѣхать, чтобы погода съ ума сошла. Въ Тифлисѣ самое лучшее время зима: не холодно и не жарко; а пріѣхалъ я—и въ комнатахъ доходило до 11 градусовъ. Спасенія не было отъ холода. Лѣтомъ же просто нѣкуда дѣваться: раздѣнешься и лежишь — ничего дѣлать невозможно. Прибавь къ этому еще то обстоятельство, что у меня подъ ногами, въ нижнемъ этажѣ, находится пурня (хлѣбня), гдѣ цѣлый день не тушатъ огня—и ты поймешь, что въ моей комнатѣ немного холоднѣе, чѣмъ въ аду".

Тутъ-то, въ Тифлисѣ, нѣкоторое время до отъѣзда въ Петербургъ, поэта стали особенно сильно мучить раздумье и тяжелыя мысли о предстоявшемъ ему ближайшемъ будущемъ. Всѣми силами души возставалъ онъ противъ военной службы, ясно сознавая, что для него военная служба—гибель, что она идетъ въ полнѣйшій разрѣзъ съ его характеромъ, способностями и здоровьемъ. Мучительно спрашивалъ онъ себя:—„Куда я иду? Что же ждетъ меня тамъ? На что убиваю свои силы и способности? Мнѣ-ли быть военнымъ?"—Мечтою юноши было поступить въ университетъ. Онъ зналъ, что у него на это хватило бы и выдержки, и способностей. Но на подготовку къ университету потребуются средства, а кто же поможетъ ему? Самъ онъ, больной, къ тому же окончившій курсъ въ военной гимназіи, гдѣ достанетъ уроки, чтобы содержать себя, готовиться по латинскому и греческому языкамъ и вносить плату въ университетъ?.. Но если ужь университетъ— невыполнимая мечта, то онъ охотно пошелъ бы въ консерваторію,— вѣдь и туда можно попасть безплатно.—„Да и мало-ли заведеній",—пишетъ онъ,—„гдѣ можно учиться на казенный счетъ! Съ удовольствіемъ пошелъ бы даже въ музыкальное отдѣленіе театральнаго училища, потому что и туда можно попасть на казен-

ный счетъ. Однимъ словомъ, куда угодно, но не въ военную службу! Хоть въ сапожники!“ — Терзаясь этими тяжелыми мыслями, угнетенный горемъ, одиночествомъ, болѣзнью, поэтъ доходилъ до отчаянія, чуть-ли не до мысли о самоубійствѣ.

Вотъ отрывокъ изъ тогдашняго его дневника:—„10-го мая 1880 года. Давно, очень давно, въ послѣдній разъ брался я за перо, чтобы заносить на страницы дневника то, что почему-нибудь входило въ кругъ моихъ наблюденій и волновало меня. Я говорю „очень давно“, хотя въ сущности съ тѣхъ поръ прошло немного времени; но какъ много пережито, какъ много перечувствовано въ этотъ небольшой промежутокъ времени! Не скажу, чтобы я сдѣлался другимъ человѣкомъ, нѣтъ — я просто состарился, и состарился скверной старостью. Съ дневникомъ я встрѣчаюсь опять, какъ со старымъ другомъ—и слѣдовательно, не безъ чувства горечи, принимая въ соображеніе, что было, что ожидалось—и что совершилось. Съ грустью замѣчаю, что даже и перо мнѣ измѣнило, и хоть „страданіе слова“, какъ выражается Достоевскій, и—„благородное страданіе“, но ужаснѣе его я не знаю: оно назойливо напоминаетъ человѣку о его жалкой ничтожности. Прошлымъ тетрадямъ дневника я давалъ особое заглавіе и эпиграфъ, давалъ, чтобы сдѣлать ихъ похожими на рукопись романа (такъ я люблю литературу, даже въ ея мелочахъ!). Къ этой тетрадкѣ какъ нельзя больше идетъ заглавіе: „Записки Сумасшедшаго“ и эпиграфъ: „У алжирскаго дея подъ самымъ носомъ шишка!“ Я не иронизирую: если я не сошелъ еще съ ума, то по крайней мѣрѣ схожу, и вскорѣ сойду окончательно: это мое *твердое убѣжденіе* въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ. Впрочемъ, это нисколько не удивительно: человѣкъ состоитъ изъ мяса, костей и нервовъ; я состою изъ костей и разстроенныхъ нервовъ, причемъ послѣдніе, конечно, имѣютъ исключительное вліяніе на мою душу и разсудокъ. Смерть Н. М., смерть С. С., положеніе сестры, погибающій безплодно талантъ (въ томъ, что онъ есть у меня, я больше не сомнѣваюсь), ненавистная карьера военнаго на

всю жизнь, и наконецъ—страшное одиночество,—все это, конечно, не можетъ вліять на меня благопріятно, въ особенности если прибавить ко всему этому ту непосильную тяжесть, которая уже столько лѣтъ наполняетъ безпрерывною борьбою мою жизнь и медленно, но вѣрно ведетъ меня къ съумасшедшему дому и къ ранней, мучительной смерти. „Спасенья нѣтъ, ты погибла!“ — какъ поетъ Мефистофель Маргаритѣ. Да, спасенья нѣтъ, и никому на всемъ просторѣ Божьяго міра нѣтъ до этого никакого дѣла; а между тѣмъ вѣдь я не лишній и не безполезный человѣкъ; пользы я бы могъ принести много; но я сверхштатный, я—чиновникъ для усиленія. Горько! Порой мнѣ кажется, что я не живу, а читаю книгу о томъ, какъ жилъ и страдалъ кто-то другой,—до того я мало способенъ вѣрить себѣ! А умереть—не хватаетъ силъ: не трусость мучаетъ, — нѣтъ, смерть не страшна—а жить хочется, страстно, безумно хочется!.. Впрочемъ, жить въ лучшемъ смыслѣ этого слова я не могу...

. . . .

Страшно пугаетъ меня вопросъ „къ чему жить?“ Идеалъ жизни, и жизни не личной, а общественной, слѣдовательно самый высокій идеалъ,—свобода, равенство, братство, трудъ, и т. д., и т. д. Все это, въ концѣ концовъ, сводится къ одному, давно знакомому итогу: „наслажденіе“; а наслажденіе возможно и безъ жертвъ, и безъ борьбы,— стòитъ только потушить въ себѣ то, чтò мы называемъ лучшимъ въ человѣкѣ... Но теперь вопросъ: еслибы эгоистичный идеалъ и былъ достижимъ, удовлетворилъ ли бы онъ меня? Нѣтъ, потому что я уродливо созданъ, созданъ для самопожертвованій и другаго великодушничанья, а не для эгоистичнаго счастія и блаженнаго покоя. Слѣдовательно, или для меня нѣтъ идеала, или единственный возможный въ жизни идеалъ слишкомъ узокъ для меня. Слѣдовательно, жить мнѣ незачѣмъ, и жизнь для меня — мỳка, такъ какъ не можетъ удовлетворить потребностей моей души. Міръ для меня тѣсенъ, а другаго нѣтъ.

даже если и допустить существованіе рая, который опять-таки сводится къ личному блаженству и покою и, значитъ, выдуманъ людьми. Перечитавъ написанное, я еще больше убѣдился, „что окончательно сошелъ съ ума“.

Однако всѣ усилія поэта какъ-нибудь отдѣлаться отъ ожидавшей его участи оказывались безплодными. Приходилось покориться судьбѣ, или необходимости и волѣ опекуна. Вернувшись въ Петербургъ осенью 1880 года, юноша снова поступилъ въ Павловское училище. Здѣсь онъ провелъ два года, въ теченіе которыхъ писалъ и печаталъ довольно много, сначала въ „Мысли“, „Словѣ“, „Русской Рѣчи“, „Устояхъ“, а затѣмъ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“, мало-по-малу становясь извѣстнымъ; болѣзнь же его медленно, но за то упорно двигалась впередъ, чему, конечно, много способствовали далеко не подходящія для больнаго грудью условія училищной жизни, пребываніе въ лагеряхъ, маневры и т. д. Крайне дѣятельный и живой по характеру юноша не умѣлъ беречь ни силъ своихъ, ни здоровья: онъ пѣлъ въ хорѣ юнкеровъ, устраивалъ и принималъ участіе въ любительскихъ спектакляхъ, словомъ — велъ образъ жизни далеко не полезный для его расшатаннаго здоровья. Лучшей иллюстраціей къ сказанному могутъ служить слѣдующія строки изъ его письма:

„О своемъ здоровьѣ рѣшительно не знаю, что писать, такъ какъ отзывы доктора сбиваютъ меня съ толку: я кашляю попрежнему, иногда по ночамъ лихорадки, и нервы въ ужасномъ состояніи. Но главное—постоянная усталость, доходящая до невозможности передвигать ноги. Въ дождливые дни не знаешь ночью, куда спрятаться отъ холода и сырости, такъ какъ наши хваленые бараки чуть не кисейные. Не весело также дежурить по ночамъ на линейкѣ. Жду съ нетерпѣніемъ конца этого отвратительнаго лѣта. Я до того, наконецъ, измучился, что положительно отупѣлъ, и, что̀ всего хуже, у меня показалась горломъ кровь“.

Вообще въ училищѣ ему жилось невесело, хотя и тутъ выдавались для него свѣтлыя минуты: стихотворенія его печатались, извѣстность его, какъ поэта, подающаго надежды, быстро росла, ему съ разныхъ сторонъ приходилось слышать сочувственные отзывы. Находилъ онъ также подъ-часъ развлеченіе въ разныхъ маленькихъ удовольствіяхъ училищной жизни. Такъ, напр., въ черновыхъ его тетрадкахъ мы находимъ слѣдующую страничку:

„22-го октября 1881 года. У меня сильно развито чувство изящнаго; безъ изящнаго я жить не могу,—недостаетъ чего-то. Этимъ я объясняю то впечатлѣніе, которое производятъ на меня балъ и все, напоминающее балъ. Я говорю это по поводу вчерашняго вечера. Прихожу съ отпуска, изъ дому, гдѣ мнѣ было страшно скучно, въ училище, и узнаю, что послѣ чая въ залѣ будутъ музыка и танцы (т. е. желающіе юнкера могутъ танцовать другъ съ другомъ), и къ своему удивленію я провелъ вечеръ очень весело: не танцы собственно прельщали меня, а тѣ грезы, которыя они навѣваютъ.

„Невольно вспомнилось:

Какъ новый вальсъ хорошъ... въ какомъ-то упоеньи
Кружилась я...“

„Мнѣ чудилось наше же училищное зало, но залитое огнями и увѣшанное гирляндами цвѣтовъ, чудились звуки дивной, вакханической, увлекательной музыки и толпа хорошенькихъ женщинъ въ изящныхъ туалетахъ...“

Осенью того же 1881 года онъ внесъ еще одну замѣтку въ свои тетради, въ которой какимъ-то дѣтски-радостнымъ и шутливымъ тономъ сообщилъ о событіи, которое онъ потомъ всю жизнь свою считалъ однимъ изъ лучшихъ и самыхъ свѣтлыхъ своихъ воспоминаній—о знакомствѣ съ А. Н. Плещеевымъ:

„22-го сентября 1881 года. Къ намъ поступилъ сынъ А. Н. Плещеева. Мы съ нимъ разговорились, и когда я сказалъ ему, что я пишу, онъ спросилъ: „Ужь не вы ли тотъ юнкеръ, кото-

раго мнѣ поручилъ розыскать въ училищѣ отецъ?“—Оказалось, что—я, хотя я долго не вѣрилъ этому счастью. А. Н. Плещеевъ обѣщаетъ съ удовольствіемъ помѣщать мои стихи... (что̀ съ удовольствіемъ? обѣщаетъ или помѣщать?) въ „Отечественныхъ Запискахъ“, гдѣ онъ завѣдуетъ стихотворнымъ отдѣломъ. Заря моя загорается, — но я боюсь ей вѣрить: не зарница-ли это передъ новой грозой? (сравненіе укралъ у себя же, изъ одного неудачнаго своего стихотворенія)“.

Позже, въ одномъ изъ фельетоновъ „Зари“, поэтъ разсказывалъ съ большой теплотой и чувствомъ объ этомъ первомъ своемъ знакомствѣ съ А. Н. Плещеевымъ. Онъ возвращался отъ этого послѣдняго въ училище въ дождливый осенній вечеръ: „Темно и скверно было кругомъ“,—говорилъ онъ,—„а на душѣ у меня цвѣла и горѣла радужнымъ блескомъ самая нарядная, самая благоуханная весна: вечеръ, о которомъ я вспоминаю, былъ вечеромъ перваго моего вступленія въ литературный міръ, перваго знакомства съ извѣстнымъ поэтомъ Плещеевымъ, обратившимъ вниманіе на мои стихи, напечатанные въ журналѣ „Слово“, и письменно пригласившимъ меня къ себѣ „потолковать и познакомиться“. Я былъ какъ въ чаду“.—Въ автобіографіи своей Надсонъ тоже говоритъ о томъ, „что безконечно обязанъ теплотѣ, вкусу и образованію А. Н. Плещеева, воспитавшаго его музу“, и всегда до конца жизни вспоминалъ съ благодарностью и любовью ласковый привѣтъ и сердечное участіе къ нему стараго поэта.

Въ январѣ 1882 года появились въ „Отечественныхъ Запискахъ“ первыя стихотворенія Надсона („О любви твоей, другъ мой“, „Завѣса сброшена“, „Какъ бѣлымъ саваномъ“). Они обратили на себя вниманіе многихъ; поэтъ зналъ это, и его глубоко волновалъ и радовалъ всякій дружескій, сочувственный откликъ. Вотъ что онъ, напримѣръ, писалъ молодому, незнакомому ему лично, беллетристу И. Л. Леонтьеву, выразившему С. Я. горячее сочувствіе свое черезъ одного изъ товарищей поэта:

„Милостивый Государь Иванъ Леонтьевичъ! Я не буду начинать это письмо разными пустыми, общепринятыми извиненіями и церемоніями. Къ чему сдерживать чувство, которое рвется наружу, жаждетъ высказаться? Нѣтъ!

Скорѣй, пока глаза полны еще слезами,
Пока душа еще до дна потрясена!
И пусть съ гремящихъ струнъ, подъ смѣлыми перстами,
Сорвется пѣснь моя, могуча и стройна.

„Пѣснь не сорвется,—но сорвется горячая благодарность вамъ за вашъ братскій откликъ; сегодня для меня онъ — второе радостное событіе. Сейчасъ только у меня въ училищѣ былъ А. Н. Плещеевъ и сообщилъ мнѣ, что стихотвореніе, присланное мною для слѣдующей книги, будетъ, вѣроятно, помѣщено... Я—начинающій, и всякій сочувственный голосъ мнѣ невыразимо дорогъ, такъ какъ каждая минута приноситъ мнѣ мучительныя сомнѣнія въ моемъ талантѣ. Среда, которая меня окружаетъ, и здѣсь, и внѣ училища, мало сочувствуетъ моимъ взглядамъ и стремленіямъ. Идеалы въ наше время—что-то отличное отъ жизни, стоящее внѣ ея, а не сама жизнь; объ нихъ можно говорить, спорить, горячиться, но проводить ихъ въ жизнь — „помилуйте, — это донъкихотство, это непрактично". Самый успѣхъ здѣсь цѣнится количествомъ гонорара. Вы понимаете, какъ мучительно-душно въ этой средѣ, какъ жадно хочется воздуха и свѣта!.. Вы бросили мнѣ искру этого свѣта; не оттолкните же моей безконечной благодарности; вы взволновали меня до счастія—а я, говоря безъ фразъ, немного видалъ его въ жизни. Вы мнѣ еще дороги и по другой причинѣ. Не утаю отъ васъ, съ какой неохотой шелъ я въ военную службу. Уже первыя столкновенія съ нею были у меня довольно тяжелы, но я думалъ,—не думалъ, а мечталъ,—что разъ я поступилъ въ нее, я употреблю всѣ силы души и мысли на то, чтобы послужить ей, послужить той массѣ сѣраго армейскаго офицерства и солдатства, которая задыхается въ атмосферѣ пустыхъ

кутежей, дѣланія карьеры, —что мнѣ особенно ненавистно,—нравственнаго и умственнаго неряшества и пустоты,—мечты смѣлыя, дерзкія,—но и любви-то моей нѣтъ конца, а любовь подъ-часъ то же, что талантъ. Въ васъ я нашелъ человѣка, который пошелъ именно по этой дорогѣ. Я не стану говорить комплиментовъ Щеглову, но, несмотря на дисциплину (это конечно, я говорю шутя), я, хотя и насильно, горячо жму ему руку. Какъ бы такъ устроиться, чтобы эфемерное пожатіе я могъ повторить и болѣе существеннымъ образомъ?—Видите, я тоже матеріалистъ и не довольствуюсь мечтами? Что дѣлать: „среда заѣла!“ Теперь два слова серьезно: Вы говорите Ц....у, что боитесь, какъ бы у меня не закружилась голова: благородная, честная боязнь,—горячее вамъ спасибо и за нее; но хотя за себя ручаться и не могу, я не думаю, чтобъ это могло случиться—любовь спасетъ... Замѣтили-ли вы опечатку въ „От. Запискахъ“,—вмѣсто „больной кошмаръ“—„большой кошмаръ“? Мнѣ немножко досадно. Я зажилилъ у Ц....а ваше письмо. Не сердитесь за это и за отвѣтъ.

Весь вашъ С. Надсонъ.

„21-го Января 1882 года“.

Однако здоровье С. Я. все ухудшалось и ухудшалось. Передъ самымъ выпускомъ въ офицеры онъ писалъ къ тому же И. Л. Леонтьеву: „Благодареніе Аллаху—я на большіе маневры не иду, такъ какъ у меня „хроническій процессъ въ верхнихъ легкихъ“, или, говоря проще, „чахотка“. 7 Сентября вечеромъ буду въ Петербургѣ, а 8-го надѣну форму 148-го Каспійскаго полка, стоящаго въ Кронштадтѣ“.

Выпускъ свой въ офицеры поэтъ отмѣчаетъ слѣдующими немногими, но грустными строчками: „10 го Сенября 1882 года. И вотъ я—офицеръ. Жизнь безпріютная, жизнь одинокая началась для меня, и страхомъ сжимается мое сердце на порогѣ этой жизни“.

Переѣхавъ въ Кронштадтъ, гдѣ стоялъ его полкъ, поэтъ

нанялъ комнату въ семьѣ одного моряка-техника, и на первыхъ порахъ находился въ довольно бодромъ настроеніи. 22-го сентября, т. е. черезъ десять дней послѣ переселенія, онъ писалъ А. Н. Плещееву: — „Сажусь вамъ отвѣчать, дорогой Алексѣй Николаевичъ, немножко въ лирическомъ настроеніи духа. Происходитъ это оттого, что ужь очень я хорошо сегодня себя чувствую. Только что я провелъ весело вечеръ у товарищей (не новыхъ, а вышедшихъ вмѣстѣ со мною) и вернулся въ свою уютную комнату, гдѣ такъ балуетъ меня моя мягкая мебель, такъ ласково горитъ лампадка передъ образами, такъ дружелюбно глядятъ съ полокъ этажерки любимыя книги и завѣтныя тетради, а на этажеркѣ стоитъ карточка дорогой моей Н. М. Нѣтъ, рѣшительно не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ, — Кронштадтъ производитъ на меня благопріятное впечатлѣніе. Въ полномъ смыслѣ слова сбываются мои мечты: маленькая, очень и очень уютная комнатка, письменный столъ, запирающіяся на ночь ставни (я это очень люблю) и главное, сознаніе, что уголъ этотъ *мой* и что въ немъ на-единѣ съ собой я совершенно *независимъ*, — все это мнѣ, наслонявшемуся по благодѣтелямъ, безконечно дорого и мило. Какой-то слѣпой случай мнѣ покровительствуетъ: я нашелъ квартиру въ очень симпатичномъ семействѣ одного техника-моряка, и по вечерамъ вокругъ меня сіяютъ добрые и ясные дѣтскіе глазки, которые я такъ люблю. Удобства у меня всевозможныя, и даже хозяйское піанино постоянно къ моимъ услугамъ. Такова свѣтлая сторона моего здѣшняго житья-бытья, но есть и тернія — и эти тернія, конечно — полкъ“...

Въ эти же дни, подъ впечатлѣніемъ свѣтлаго тогдашняго настроенія, написано извѣстное стихотвореніе поэта: „Сбылося все, о чемъ за школьными стѣнами“. Осенью этого же года написано и стихотвореніе „Геростратъ“. Посылая послѣднее А. Н. Плещееву, С. Я. пишетъ: „Присылаю вамъ новый плодъ кронштадтскаго вдохновенія, о которомъ жду вполнѣ откровеннаго мнѣнія, ибо я самъ ничего въ поэзіи не понимаю, а послѣднее стихотвореніе, по край-

ней мѣрѣ по тону и размѣру, какая-то странная поэзія. Понятна ли его идея? Можно ли его куда-нибудь приткнуть, не позоря себя? Жду многихъ отвѣтовъ на сіи многіе вопросы"...

Чувствуя и сознавая въ себѣ талантъ, поэтъ тѣмъ не менѣе часто мучился сомнѣніями,—дѣйствительно ли это такъ, можетъ быть у него нѣтъ и признака таланта, а все это—бредъ разстроеннаго воображенія. Такъ, напримѣръ, 16-го декабря 1882 года онъ писалъ А. Н. Плещееву: „Рѣшите мнѣ и еще одинъ вопросъ (вы, конечно, вѣрите, что онъ предлагается искренно),—что̀ хорошаго и выдающагося въ моихъ стихахъ? Отчего я самъ не вижу въ нихъ того, что видятъ другіе, отчего мнѣ они кажутся блѣдными и неуклюжими? Иногда я готовъ вѣрить во что̀ угодно, только не въ ихъ достоинства: я говорю себѣ, что я съумасшедшій, вообразившій себя поэтомъ, и что всѣ изъ участія ко мнѣ хвалятъ мою дребедень: это серьезно"...

Чувство одиночества, угнетавшее поэта еще въ дѣтствѣ, вскорѣ всплываетъ наружу и тутъ, въ Кронштадтѣ. По крайней мѣрѣ онъ пишетъ А. Н. Плещееву 14-го декабря 1882 года: „Пишу къ вамъ въ день, для меня знаменательный: сегодня мнѣ 20 лѣтъ, но нѣтъ никого на всемъ бѣломъ свѣтѣ, кто бы вспомнилъ объ этомъ и прислалъ мнѣ теплую вѣсточку и теплыя пожеланія. Это, конечно, пустяки, и когда они есть, ихъ не цѣнишь; но лишеніе ихъ тяжело: ужасно сильно чувствуешь свое одиночество... Я продолжаю тѣшиться: ухаживаю за барышнями, устраиваю спектакли и литературно-музыкальные вечера; но скелетъ жизни уже начинаетъ опять сквозить сквозь цвѣты, которыми я его убираю. Ночи не сплю, тоска иногда нападаетъ страшная,—хочется посидѣть у васъ въ креслѣ, пожать вамъ руку, поговорить съ вами „о младшемъ братѣ, погорячиться о добрѣ", и еще больше хочется васъ у себя видѣть. Читали ли вы стихотворенія въ прозѣ Тургенева?.. Нѣкоторыя замѣчательны, если вчитаться... Меня обрадовало и поразило въ особенности одно „Черепья", сюжетъ котораго и са-

мый образъ схожъ съ мыслью моего стихотворенія въ январской книжкѣ „Отеч. Записокъ" — „Какъ бѣлымъ саваномъ"...

Въ другомъ письмѣ къ А. Н. Плещееву молодой поэтъ снова тревожится, что посланное имъ стихотвореніе нехорошо, что оно не нравится А. Н., и разсказываетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Кронштадтѣ: — „Позвольте мнѣ васъ заподозрить въ неискренности: мнѣ кажется, что стихотвореніе мое вамъ не понравилось, и вы не пишете объ этомъ, чтобы не обезкуражить меня. Мысль понравилась, но форма—нѣтъ:—мало образности, мѣстами фельетонно и публицистично. Это я знаю самъ, только мотивъ-то ужь очень лакомый. Я еще поработаю надъ этими стихами, если не для печати, то per amore...

„Какъ я живу? Изумительно! Въ Кронштадтѣ имѣю успѣхъ. Во вчерашнемъ № „Кронштадскаго Вѣстника" изображено въ отчетѣ перваго литературно-музыкальнаго вечера: „Къ удовольствію слушателей, г. Н., молодой поэтъ, котораго прекрасныя стихотворенія помѣщаются въ нашихъ лучшихъ журналахъ, съ одушевленіемъ прочелъ одно изъ этихъ стихотвореній..." Кромѣ того, я пою здѣсь въ любительскомъ хорѣ морскаго собранія, буду участвовать въ спектаклѣ и устраиваю музыкально-литературные вечера въ полку. Одинъ уже былъ и сошелъ порядочно... Пишу мало и рѣдко, потому что завертѣлся и *живу*, хотя и довольно безсмысленно!"

Кронштадтскому періоду, продолжавшемуся около двухъ лѣтъ, принадлежатъ многія изъ лучшихъ стихотвореній поэта; „Нѣтъ, легче мнѣ думать, что ты умерла", „Геростратъ", „Грезы". „Затихъ блестящій залъ", „Сбылося все" и другія.

Тутъ же, въ Кронштадтѣ, увлекся С. Я. одной кронштадтской барышней и задумывалъ было на ней жениться. Но потомъ дѣло разошлось, такъ какъ ни съ той, ни съ другой стороны чувства серьезнаго не было.

Слѣдующія подробности кронштадтскаго житья С. Я. сообщаетъ одинъ изъ тамошнихъ его пріятелей:

„Поэтъ жилъ съ товарищемъ по полку въ двухъ комнатахъ, въ Козельскомъ переулкѣ, довольно бѣдно и разбросанно, жизнью богемы, причемъ вѣчно у него кто-нибудь сидѣлъ, шли шумные разговоры, споры, раздавались звонъ гитары и звуки скрипки. С. Я. одаренъ былъ замѣчательными музыкальными способностями. Въ Кронштадтѣ, какъ и всюду, куда забрасывала С. Я. судьба, онъ сейчасъ же становился центромъ кружка, собиралъ начинающихъ поэтовъ, пробующихъ писателей, любителей драматическаго и всякихъ другихъ искусствъ. И кронштадтскіе непризнанные таланты находили у С. Я. самый теплый привѣтъ: образовалось даже изъ мѣстныхъ элементовъ нѣсколько юмористическое „общество рѣдьки“. Здѣсь вокругъ стола, уставленнаго нехитрыми питіями и закусками, съ рѣдькой во главѣ, кронштадтская богема развлекалась поэзіей и музыкой, горячими разговорами и просто шалостями, свойственными подпоручичьему возрасту. Жажда общественной дѣятельности не находила себѣ достаточнаго выхода въ развлеченіяхъ клубовъ и собраній. С. Я. принималъ горячее участіе въ устройствѣ спектаклей, литературныхъ вечеровъ; онъ самъ игралъ на сценѣ и читалъ стихотворенія, иногда такія длинныя, какъ „Садко“, графа А. Толстаго“.

Извѣстность Надсона быстро росла. Между прочимъ, ему устроили чуть-ли не цѣлую овацію въ Пушкинскомъ кружкѣ 30-го сентября 1883 года: А. Н. Плещеевъ прочелъ въ тотъ вечеръ только что напечатанное въ „Отечественныхъ Запискахъ“ стихотвореніе молодаго поэта: „Изъ дневника“. Успѣхъ былъ полный, но на болѣзненно-чуткомъ организмѣ поэта даже и этотъ успѣхъ отразился довольно тяжело.

Вотъ что онъ пишетъ по этому поводу:

„Успѣхъ полный, а въ душѣ полный сумбуръ, ощущеніе чего-то пьянаго, кошмаръ какой-то и тяжелое разочарованіе!.. Что же это значитъ, наконецъ? „Что же ты любишь, дитя маловѣрное, гдѣ же твой идолъ стоитъ?“ Или проще: какого тебѣ еще рожна нужно? А между тѣмъ, я не рисуюсь,—мнѣ въ самомъ дѣлѣ было

грустно до тяжести, когда уходилъ я домой, увѣнчанный моимъ успѣхомъ. Причина этому та, что отъ меня не укрылась изнанка многаго... не укрылись ложь и фразы этого вечера... не укрылась та, если можно такъ выразиться, его *оргійная* сторона, которая мнѣ такъ противна". . . . .

. . . .

Лѣтомъ 1883 года С. Я. слегъ въ постель: у него открылась на ногѣ туберкулозная фистула — явленіе, весьма часто и предшествующее, и сопровождающее туберкулозъ легкихъ. Юноша пролежалъ все лѣто въ Петербургѣ, въ маленькой комнаткѣ, выходившей на пыльный и душный дворъ. Прямо передъ окнами громоздилась стѣна сосѣдняго дома. Понятно, что такія неблагопріятныя условія не могли не отразиться весьма невыгодно на общемъ состояніи здоровья его. Онъ пишетъ сестрѣ:

„Ничего не могу тебѣ сообщить на счетъ себя веселаго и утѣшительнаго: лежу въ постели, скука смертная, не могу двинуться безъ страшной боли, и главное, мнѣ кажется, докторъ не понимаетъ, что̀ со мной, возится съ пустяками, а на главное, что меня безпокоитъ, не обращаетъ вниманія и только говоритъ: „Не падайте духомъ". Ужасно утѣшительно, нечего сказать!.. Что мнѣ написать тебѣ о своемъ времяпровожденіи? Читаю, играю на дудкѣ (на скрипкѣ, увы! не могу), бранюсь съ деньщикомъ, который въ Петербургѣ поглупѣлъ на 90%, изучаю обои въ комнатѣ, да любуюсь на стѣну дома, торчащую передъ окномъ. Изрѣдка навѣщаютъ меня товарищи и литераторы. Спасибо имъ!" . . . . .

Зиму 1883—84 года поэтъ еще провелъ въ Кронштадтѣ и по-прежнему наѣзжалъ въ Петербургъ, причемъ раза два, не успѣвъ попасть на поѣздъ, ѣздилъ на Ораніенбаумъ, а оттуда моремъ въ саняхъ, въ трескучій морозъ, въ пальто, не имѣя шубы; весной же ему приходилось иногда оставаться на пароходѣ во льду семь—восемь часовъ. Понятно, что всѣ эти неосторожности тотчасъ же отражались на его здоровьѣ: онъ простуживался, кашель и лихорадка усиливались, общее состояніе ухудшалось...

Всю зиму С. Я. добивался и хлопоталъ о томъ, чтобы какъ-нибудь освободиться отъ военной службы. Онъ подыскивалъ себѣ подходящее занятіе, которое дало бы ему возможность существовать. Остановившись главнымъ образомъ на мысли сдѣлаться народнымъ учителемъ, онъ подготовился къ экзамену и сдалъ его удовлетворительно. Но тутъ П. А. Гайдебуровъ предложилъ ему мѣсто секретаря въ редакціи „Недѣли", и юноша съ радостью согласился, такъ какъ его завѣтною мечтою было — стать поближе къ литературѣ и литературному міру.

Первую половину лѣта 1884 года онъ провелъ на дачѣ въ семьѣ А. Н. Плещеева, на Сиверской станціи. Здоровье его, однако, не только не поправлялось, а напротивъ, силы его все больше и больше слабѣли. Тѣмъ не менѣе онъ въ іюлѣ переѣхалъ въ Петербургъ и сталъ заниматься въ редакціи „Недѣли". Тогда же появились въ „Недѣлѣ" написанныя поэтомъ въ тѣ дни стихотворенія: „Не знаю отчего, но на груди природы" и „Нѣтъ, муза, не зови". Однако, осенью болѣзнь С. Я. приняла такой опасный оборотъ, что онъ и самъ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ: „...Приходится уже серьезно лечиться, чтобъ отдалить отъ себя „блаженство небытія", какъ выражаются поэты".

По совѣту докторовъ, и главнымъ образомъ Л. Б. Бертенсона, вообще очень тепло и съ участіемъ отнесшагося къ больному, друзья С. Я. рѣшили отправить его за-границу, на югъ Франціи. Литературный фондъ далъ для этой цѣли 500 рублей (возвращенные поэтомъ фонду лѣтомъ 1885 года пожертвованіемъ всей чистой прибыли съ перваго изданія его стихотвореній). Затѣмъ, чрезъ посредничество г-жи А. А. Д—ой, С. П. Д—ъ далъ на поѣздку Надсона за-границу 1,200 руб.; а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ Январѣ 1885 года, г-жа Д—а устроила концертъ, давшій 1,800 р. сбора. Вотъ эти-то средства доставили больному возможность прожить около года за-границей и пользоваться услугами лучшихъ хирурговъ для операціи фистулы на ногѣ,—операціи, которой онъ подвергался два раза въ Ниццѣ,

и затѣмъ два раза въ Бернѣ, въ больницѣ извѣстнаго швейцарскаго хирурга, профессора Кохера. Нѣсколько недѣль передъ его отъѣздомъ за-границу, комнатка больнаго буквально осаждалась многочисленными посѣтителями, желавшими выразить ему свое участіе и симпатію. Кромѣ литературной молодежи и дамъ, здѣсь можно было встрѣтить и самыхъ почтенныхъ дѣятелей печати.

4-го Октября 1885 года С. Я. выѣхалъ за-границу, сначала въ Висбаденъ, а оттуда въ Ментону. Такъ какъ опасно было отпускать его въ такой далекій путь одного, то сопровождать его вызвалась М. В. В., которая съ этихъ поръ уже почти не покидала поэта и которой было суждено закрыть ему глаза...

Въ Висбаденѣ С. Я. стало хуже: погода стояла отвратительная; всѣ грудные больные съ недѣлю тому назадъ поспѣшили уѣхать на югъ. Мѣстный докторъ настаивалъ на томъ, чтобы паціентъ его тотчасъ же отправился въ Ментону, чему и пришлось покориться, хотя немедленное путешествіе затруднилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что нога С. Я. опять сильно разболѣлась, вслѣдствіе новыхъ нарывовъ. Однимъ изъ пріятныхъ эпизодовъ кратковременной остановки Надсона въ Висбаденѣ было свиданіе съ нимъ живущаго здѣсь извѣстнаго нѣмецкаго поэта и переводчика Лермонтова — Фридриха Боденштедта, который навѣстилъ больнаго и провелъ съ нимъ нѣсколько времени.

Съ большими затрудненіями совершивъ путь до Ментоны, поэтъ здѣсь окончательно слегъ. Къ счастію для него, въ Ментонѣ проживалъ въ то время извѣстный русскій докторъ Н. А. Бѣлоголовый, принявшій самое дружеское, теплое участіе въ больномъ поэтѣ. Его жена и онъ ежедневно посѣщали больнаго, приносили ему книги, и т. д. Путешествіе свое изъ Висбадена въ Ментону, глубокое впечатлѣніе, произведенное на него красотами мѣстностей, по которымъ ему пришлось проѣзжать, С. Я. очень подробно и краснорѣчиво передаетъ въ письмѣ къ А. А. Д—ой.

„Окно-дверь моей комнаты открыто настежь, и сквозь него,

пробиваясь черезъ кисею слегка волнующейся занавѣски, бьетъ золотыми потоками огненное солнце.

О, этотъ югъ! О, эта Ницца!
Какъ этотъ блескъ меня тревожитъ!
Мысль, какъ подстрѣленная птица,
Подняться хочетъ—и не можетъ!...

„Эти Тютчевскіе стихи каждую минуту приходятъ здѣсь въ голову, подъ этимъ яснымъ небомъ, при блескѣ этого солнца и передъ лицомъ зеленыхъ горъ и бирюзоваго моря. Привѣтъ тебѣ, югъ, цвѣтущій, благоуханный, врачующій! Привѣтъ вамъ, теплыя волны, и вамъ, гордыя вершины! Дай только Богъ, чтобы тотъ же привѣтъ могъ я сказать потомъ и тебѣ, мой сумрачный, но родной, незабвенный сѣверъ!.. Что написать вамъ о моихъ похожденіяхъ? Пока ихъ еще не было. Нельзя же считать за событія переѣзды съ одного мѣста на другое для того, чтобы, пробывъ тамъ день, другой, переѣхать еще куда-нибудь. Но за то я весь полонъ природой, полонъ тѣми чудными, сказочно-прекрасными картинами, которыя точно чьей-то волшебной рукой вдвигались одна за другою въ подвижную раму вагоннаго окна. Никогда самое пылкое воображеніе не могло бы выдумать ничего прекраснѣе Швейцаріи. Ѣдешь и не хочется глазъ оторвать. Картина открывается за картиной... Усталый и измученный ѣхалъ я изъ Базеля. Въ вагонѣ было тѣсно, но кое-какъ я умудрился задремать и проспалъ большую часть дороги. Меня разбудилъ странный грохотъ. Въ вагонѣ было темно. Въ открытое окно вѣяло сыростью: мы ѣхали черезъ туннель. Жуткое впечатлѣніе производятъ эти туннели. Горная громада, въ которую чернымъ ужемъ впивается дерзкій поѣздъ, точно давитъ своею тяжестью. Такъ и кажется, что вотъ-вотъ въ горахъ что-то грохнетъ, захохочетъ, откликнется по ущельямъ тысячеголосымъ эхо, и отъ локомотива и вагоновъ останутся однѣ щепки. Лампа въ потолкѣ вагона еле-еле освѣщаетъ его внутренность. На всѣхъ устахъ на-

пряженное молчаніе, такъ какъ при страшномъ грохотѣ и шумѣ говорить невозможно; на всѣхъ лицахъ какой-то странный, земляной отсвѣтъ, а нервы такъ и ходятъ. На этотъ разъ томленіе продолжалось особенно долго,—туннель былъ большой. Но вотъ на сѣрыхъ стѣнахъ туннеля уже замелькали отблески дня; вскорѣ можно было различить и причудливые клубы дыма; еще мгновеніе—и мы, какъ вереница гномовъ, свистя и грохоча, вырвались изъ черной пасти горы,—и я едва удержалъ въ себѣ невольный крикъ изумленія: налѣво, за окномъ, открылась цѣлая бездна голубаго огня, цѣлый потопъ блеска и свѣта: это было Женевское озеро, распростертое глубоко внизу, въ голубомъ туманѣ безоблачнаго дня. На другомъ берегу его, прорѣзавъ туманную дымку и задвигая другъ друга, заблестѣли снѣгами горныя вершины, и выше ихъ всѣхъ—царственный Монбланъ. Было на что залюбоваться. Наши спутники швейцарцы указали намъ на что-то смутно бѣлѣющееся внизу: это были бѣлыя стѣны воспѣтаго Шильона. А мы мчались все дальше и дальше; одна за другой открывались передъ нами побережныя деревни и города. Вотъ и Лозанна, съ ея виллами и виноградниками. Еще часъ, другой—и мы въ Женевѣ. Слава Богу! И душа, и тѣло измучены и требуютъ отдыха, — но, Боже мой, какъ хороша даже самая эта душевная истома, происходящая отъ богатства и полноты впечатлѣній!.. Не менѣе красива была и дорога отъ Женевы до Ліона, въ особенности вначалѣ. Ежеминутно поѣздъ нашъ дѣлалъ повороты и извивы между горами, которыя здѣсь очень живописны. Кое-гдѣ на вершинахъ ихъ красуются каменныя виллы-замки, кое-гдѣ разбросаны виноградники. Но вотъ наконецъ въѣхали мы и въ самую „холеру“. Ліона мнѣ не удалось видѣть, хотя мы и ждали въ немъ цѣлыхъ три часа; было уже темно, но, какъ видно, холера надѣлала здѣсь порядочный переполохъ: о ней одной только и говорили въ вагонахъ... Что касается насъ—страшная гостья Ліона насъ мало заботила, и мы преисправно заключили нашъ ліонскій обѣдъ дессертомъ изъ ви-

нограда и грушъ. По дорогѣ отъ Марселя до Ментоны мнѣ очень понравились Ницца и Монако; что же касается Ментоны, то хотя я и нахожусь въ ней вотъ уже около пяти дней, я еще ея не видѣлъ; нога моя такъ разболѣлась, что я принужденъ былъ лечь въ постель и не встаю вовсе. Противъ моего ожиданія, я Гете не довезъ непрочитаннымъ до Ментоны и уже проглотилъ его всего. Пробавляюсь теперь книгами, которыми снабжаетъ меня Н. А. Бѣлоголовый. Онъ оказался человѣкомъ очень милымъ и сердечнымъ"...

Такъ какъ въ Ментонѣ не оказалось хирурга, а докторъ Бѣлоголовый настаивалъ на операціи, то больнаго, по его совѣту, дней десять спустя по пріѣздѣ въ Ментону, перевезли въ Ниццу. И тутъ ему посчастливилось встрѣтить добрыхъ людей—д-ра Якоби, лечившаго его безвозмездно во все время пребыванія въ Ниццѣ, равно какъ и французскаго доктора Бурдона, который пріѣзжалъ ежедневно дѣлать перевязки больному. Къ тому же и семья д-ра Якоби очень привязалась къ молодому поэту.

Операція, ради которой больнаго перевезли въ Ниццу, была сдѣлана здѣсь французскимъ хирургомъ Пальяромъ, но оказалась не особенно удачною, такъ что недѣли черезъ двѣ пришлось повторить ее; но и вторая операція не достигла цѣли, и лѣтомъ въ Бернѣ больной еще дважды подвергался пыткѣ операціи. Въ Ниццѣ онъ пролежалъ два мѣсяца въ постели и былъ такъ плохъ, что лечившіе его доктора, за исключеніемъ г. Бѣлоголоваго, изрѣдка наѣзжавшаго въ Ниццу, не думали, чтобъ онъ пережилъ зиму. Но приэтомъ живучесть духа его была такъ велика, что даже во время самыхъ тяжелыхъ физическихъ страданій онъ не переставалъ интересоваться литературными, научными и политическими новостями и извѣстіями. Все онъ принималъ къ сердцу, все его волновало; онъ читалъ цѣлыми днями, изрѣдка писалъ письма и даже стихотворенія. Иногда онъ въ шутку импровизировалъ стихи—этой способностью онъ обладалъ въ высокой степени, и риѳмы неудержимо лились изъ его устъ; чаще же всего,

пока еще у него хватало на то силъ, онъ пѣлъ; голосъ у него былъ пріятный и слухъ до того вѣрный, что стоило ему разъ услышать романсъ или вообще музыкальную пьесу, чтобы повторить все слышанное; поэтому репертуаръ его былъ обширенъ. Но отъ вынесенныхъ имъ операцій,—второй разъ даже безъ хлороформа,—отъ ежедневныхъ перевязокъ и промываній раны, отъ долгаго лежанія въ постели, нервы больнаго сильно разстроились.

Въ концѣ ноября 1884 года онъ пишетъ А. А. Д—ой:—„Не скрою отъ васъ, что послѣдніе дни я чувствовалъ себя тоскливо, тоскливо до малодушія. Я даже сталъ суевѣренъ: меня пугала собака, завывавшая подъ окномъ, три свѣчи, зажженныя докторомъ при вечерней перевязкѣ моей раны, стукъ молотка въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ что-то прибивали... Вотъ такъ, думалось мнѣ, будутъ скоро вколачивать гвозди въ мой гробъ... Нервное разстройство усилилось особенно, когда въ нашемъ пансіонѣ умеръ отъ чахотки одинъ больной русскій. Но довольно обо всемъ этомъ! Говорятъ, благовоспитанные люди не должны распространяться о своихъ недугахъ, а я, отвѣдавъ Европы, непремѣнно хочу быть благовоспитаннымъ. Хотѣлось бы очень поразсказать вамъ о чемъ-нибудь болѣе интересномъ,—да лежа въ постели немного узнаешь и увидишь. Впрочемъ, одну штуку я если не видѣлъ, то слышалъ, но и то только потому, что ее слышала вся Ницца. Вообразите себѣ, что только что я успѣлъ сегодня ночью заснуть (было около 12 часовъ), какъ меня разбудилъ какой-то толчокъ. Не успѣлъ я сообразить, что это такое, какъ вдругъ полъ сильно затрясся, качнувъ нѣсколько разъ кровать, и все въ комнатѣ заходило: оказалось, что это землетрясеніе. Странное и жуткое впечатлѣніе произвело оно ночью: на землю обыкновенно смотришь, какъ на что-то мертвое, фундаментально-неподвижное, и вдругъ оказывается, что и тамъ, въ ея нѣдрахъ, есть движеніе и своеобразная жизнь. Точно духъ окрестныхъ горъ шевельнулся въ ихъ глубинѣ. Наша служанка, толстая, тумбообразная Eugenie, сообщала, что въ нижнемъ этажѣ даже былъ слышенъ глухой под-

земный ударъ,—но я его не слышалъ. Утромъ только и разговора было, что о землетрясеніи...“

Къ счастію, мѣсяца черезъ два, въ концѣ января 1885 года, С. Я. наконецъ всталъ на ноги, сталъ быстро поправляться, и этотъ промежутокъ времени до весны былъ самымъ цвѣтущимъ періодомъ его пребыванія за-границей. Онъ воспользовался первою появившеюся возможностью, чтобы серьезно засѣсть за работу. Къ этому времени и относится большинство стихотвореній, написанныхъ имъ за-границей, а именно: „Страничка прошлаго“, „Закралась въ уголъ мой тайкомъ“, „Снова лунная ночь“, „Жалко стройныхъ кипарисовъ“, два отрывка изъ „Будды“ и многія начатыя вещи. Празднованіе карнавала въ Ниццѣ произвело на поэта сильное впечатлѣніе: онъ подробно описываетъ все видѣнное въ письмахъ къ сестрѣ, А. А. Д. и къ другимъ друзьямъ; въ посмертныхъ его бумагахъ найдено также навѣянное ему этимъ зрѣлищемъ стихотвореніе. Приводимъ письмо его къ А. А. Д—ой, гдѣ поэтъ сначала касается своего здоровья, и затѣмъ описываетъ празднество карнавала, случившееся съ нимъ приключеніе—пожаръ въ занимаемой имъ комнатѣ, и впечатлѣніе, произведенное на него представленіемъ „Даншевыхъ“ въ тотъ первый и единственный разъ, когда онъ, не заручившись, впрочемъ, разрѣшеніемъ доктора, могъ пойти въ театръ:

...„О здоровьѣ своемъ затрудняюсь писать: для меня всегда этотъ оффиціальный пунктъ моей переписки и скученъ, и теменъ. Доктора, какъ и подобаетъ истымъ жрецамъ науки, на всѣ мои разспросы хранятъ священное молчаніе, а себѣ и своимъ ощущеніямъ я, какъ человѣкъ мнительный, не слишкомъ довѣряю. То мнѣ кажется, что я поправляюсь, то—что погибъ невозвратно... Вообще же я на ногахъ, много гуляю, кашляю, кажется, меньше, и стараюсь держаться на здоровомъ положеніи. Безсонница только меня одолѣваетъ: вотъ и теперь пишу вамъ въ 4 часа утра; да скучно иногда по петербургскимъ туманамъ. Живу я здѣсь недурно и стараюсь развлекаться изо всѣхъ силъ. Особенно расше-

велилъ меня карнавалъ, заставивъ потерять всю свою солидность и вести себя ничуть не серьезнѣе многихъ шестилѣтнихъ ребятъ. Увлеченный общимъ оживленіемъ, воцарившимся въ нашемъ пансіонѣ, я облекся въ костюмъ Пьерро и, не жалѣя ногъ и рукъ, швырялъ въ толпу, въ самомъ разгарѣ свалки, конфетти. Видѣли-ли вы когда нибудь это оригинальное зрѣлище? Для него одного стòитъ побывать въ Ниццѣ. Что особенно мнѣ понравилась — такъ это полнѣйшая демократичность праздника. Маска равняла всѣхъ: нѣтъ ни французовъ, ни иностранцевъ, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, нѣтъ даже ни красивыхъ, ни некрасивыхъ — этого особаго вида аристократизма, поддерживаемаго самой природой; есть только тысячецвѣтная, тысячеголовая толпа, да надъ ней синее небо и золотое солнце южной весны. Я вернулся съ карнавала въ ужасномъ видѣ: ротъ пересохъ отъ известковой пыли конфетти; волосы и лицо точно напудрены, плечи ломитъ отъ бросанья полныхъ пригоршней этихъ разноцвѣтныхъ горошинъ, а за воротникомъ, между спиной и платьемъ, цѣлые пуды известки. За то второй актъ праздника, такъ называемая „Bataille des fleurs", носитъ совсѣмъ другой характеръ. Я не знаю ничего изящнѣе и красивѣе этого зрѣлища. Вообразите себѣ знаменитую морскую набережную Ниццы, съ ея пальмовымъ бульваромъ и точно кружевными, отъ рѣзьбы, балконами, отелями и виллами. По ней, растянувшись громаднымъ оваломъ, въ родѣ карусели, двигается длинная линія экипажей, сплошь убранныхъ цвѣтами — и тысячи букетовъ перекрещиваются въ воздухѣ. Громъ нѣсколькихъ оркестровъ заглушаетъ немолчный прибой морскихъ волнъ. Дамы — въ бальныхъ туалетахъ (но, увы, наштукатурены до невозможности)... Но странно, несмотря на всю красоту и поэзію этого дня, я чувствовалъ себя грустно: эта масса цвѣтовъ, привычная для жителей юга, но удивлявшая сѣверянина, эта музыка — онѣ мнѣ напомнили похороны, и я никакъ не могъ отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія. Проводилъ я карнавалъ нѣсколько необычайно: въ ночь, когда его чучело, освѣщенное цвѣтными ог-

нями роскошнаго фейерверка, сжигали на городской площади, я тоже сжегъ свое платье и свою кровать, нечаянно подпаливъ такъ называемый мустикьеръ — прековарное сооруженіе, созданное съ спеціальною цѣлью содѣйствовать развитію искусства пожарныхъ командъ. Трудно разсказать, какой переполохъ поднялся въ пансіонѣ, населеніе котораго въ самыхъ фантастичныхъ костюмахъ стояло у дверей моей комнаты, гдѣ я геройски дѣйствовалъ кувшинами съ водой. Черезъ четверть часа пожаръ удалось затушить, и вся эта исторія серьезныхъ послѣдствій не имѣла. На другой день было немало смѣха по поводу этого приключенія, а я печально разсматривалъ жалкіе остатки моего костюма, не пощаженные губительной стихіей. Что-жъ, каждый дѣлаетъ, что можетъ: у Ѳемистокла были корабли—и онъ сжегъ свои корабли, у меня былъ сюртукъ—и я сжегъ свой сюртукъ!.. Муза моя пробудилась отъ летаргіи. Одинъ довольно большой разсказъ въ стихахъ, подъ заглавіемъ: „Страничка прошлаго“, я послалъ въ Петербургъ. Говоря по правдѣ, бѣдная моя муза, одна, безъ дружескаго отзыва и совѣта, ужасно умаляется въ собственномъ мнѣніи, хотя стихотвореніе, кажется, мнѣ удалось. Впрочемъ, объ участи его пока еще ничего не знаю. Я совсѣмъ поотсталъ отъ литературы: здѣшняя церковная библіотека, въ припадкѣ консерватизма, „Рус. Мысли“ не выписываетъ, и, несмотря на все мое желаніе, я никакъ не могъ прочесть поэму Апухтина. Разъ заглянулъ въ здѣшній театръ и нахохотался до слезъ въ знаменитой драмѣ „Данишевы“, несмотря на прелестную игру Паска. Судя по газетнымъ рецензіямъ, въ Россіи идетъ она въ значительно измѣненномъ видѣ и, конечно, болѣе толково-обставленная; а здѣсь этотъ попъ въ какомъ-то невозможномъ костюмѣ, эта дворня княгини Данишевой, состоящая, къ моему удивленію, изъ какихъ-то полукавалергардовъ, полумужиковъ, черкесовъ и турчанокъ, этотъ кучеръ Осипъ, котораго французы называли Озйпъ, разсуждающій о цвѣтахъ и переворачивающій ноты на рояли Анюты,—все это заставляло смѣяться до неприличія... Свѣтаетъ. Голубоватый отблескъ пробивается

сквозь створы моихъ ставень. Черезъ часъ Ницца будетъ чудно-красива, со своимъ солнцемъ, поднимающимся за моремъ, съ горами, задернутыми утреннимъ туманомъ, и тонкимъ, вкрадчивымъ запахомъ миндаля въ свѣжемъ воздухѣ. Но сегодня я не доставлю себѣ удовольствія любоваться ею: свѣчи мои догорѣли, мыши подъ поломъ угомонились, нервы устали—и я сейчасъ залягу спать"...

Нѣсколько дней спустя, онъ пишетъ сестрѣ:

„...Сегодня тоже у меня было развлеченіе: мы взяли нѣсколько экипажей и отправились на горы, цѣлой компаніей. Я не стану тебѣ описывать здѣшнихъ видовъ,—все равно изъ моихъ словъ ты ничего не представишь себѣ; скажу только, что такая красота тебѣ, вѣроятно, и во снѣ не снилась. На самой высокой горѣ, на Монборо, мы остановились, розыскали какой-то кабачекъ и, усѣвшись въ виноградной бесѣдкѣ, спросили себѣ сыру, вина и бѣлаго хлѣба. Все было, конечно, весьма скверно, но это не помѣшало общему веселью. Я ужасно усталъ: на вершинѣ мы долго гуляли въ прелестномъ сосновомъ лѣсу, растущемъ тамъ, да и воздухъ въ это время года ослабляетъ и опьяняетъ. Весна у насъ въ полномъ разгарѣ. Сады дышатъ запахомъ цвѣтущаго миндаля. Цвѣты на рынкѣ продаются почти даромъ. Спасибо сирокко и мистралю -- двумъ здѣшнимъ вѣтрамъ: они да море освѣжаютъ нѣсколько зной. Впрочемъ, несмотря на прекрасную погоду, я гуляю мало—лѣнь. Больше довольствуюсь открытымъ окномъ. Я не сижу безъ дѣла: недавно отправилъ въ Петербургъ большое стихотвореніе, пишу, кромѣ того, поэму и усиленно занимаюсь съ одной русской, m—lle B.......ой, французскимъ языкомъ. Теперь мы читаемъ съ ней Додэ, и я обхожусь совершенно удобно безъ помощи словаря. Практика у меня по-неволѣ тоже очень обширная"...

О своихъ занятіяхъ французскимъ языкомъ С. Я. сообщаетъ и въ другомъ письмѣ въ Петербургъ:

„По-французски я продолжаю дѣлать успѣхи; познакомив-

шись съ Додэ, принялся за Мюссе. Его „Ночи“ привели меня въ совершенный восторгъ. Жалко только, что онъ такъ узокъ и не выходитъ изъ рамки любви, да и любви-то на французскій ладъ“.

Въ мартѣ 1885 года вышло первое изданіе стихотвореній поэта, и по поводу этого важнаго для него событія онъ писалъ въ Петербургъ:—„Съ одной стороны то обстоятельство, что выкинутъ Геростратъ, съ другой масса невозможно-слабыхъ вещей, которыя пришлось включить, ужасно меня огорчаютъ. *Не сомнѣваюсь*, что выходъ моей книжки разочаруетъ моихъ друзей и обрадуетъ тѣхъ, кто окончательно не признаетъ за мной дарованія... Страшно боюсь, что мои друзья не захотятъ мнѣ высылать рецензій о моей книгѣ, или если и вышлютъ, то однѣ положительныя, буде таковыя будутъ! А для меня это такъ важно! Да и вообще лично для меня книга несомнѣнно оказалась полезной: сведя въ одно всѣ свои вирши, я ясно увидѣлъ, чего мнѣ не хватаетъ. Удастся-ли наверстать все это—не знаю... Мнѣ бываетъ очень тяжело, когда говорятъ, что я подаю надежды. А вдругъ я ихъ не оправдаю? Точно далъ слово и не сдержалъ его!...“

С. Я. давно собиралъ матеріалы для задуманной имъ большой поэмы „Три встрѣчи Будды“. Мысль эта очень увлекала его. Прочитавъ въ газетахъ объявленіе о выходѣ въ свѣтъ въ Москвѣ поэмы „Будда“, онъ тотчасъ же пишетъ въ Петербургъ: „Еще одна досадная вещь: въ Москвѣ, какъ я вычиталъ въ газетахъ, вышла чья-то поэма „Будда“; а вы знаете, что я работалъ надъ этимъ сюжетомъ. Если поэма окажется и изъ рукъ вонъ плоха, мое рвеніе все-таки значительно охлаждено. Будьте великодушны, вышлите мнѣ возможно скорѣе эту книгу...“ О той же поэмѣ „Будда“ онъ только что передъ тѣмъ писалъ одному изъ своихъ пріятелей, М. О. М—у: „Никакихъ міровыхъ вопросовъ въ „Буддѣ“ я не намѣренъ разрѣшать; да и какъ вообще можно разрѣшать міровые вопросы? Но что поэма ихъ

коснется—это неизбѣжно, коснется настолько, насколько ихъ касается легенда о Буддѣ; и что это будетъ современно—это тоже вѣрно“. Къ сожалѣнію, задуманной поэмѣ такъ и не было суждено быть написанной; поэтъ успѣлъ набросать лишь нѣсколько небольшихъ отрывковъ.

Празднество Пасхи на чужбинѣ не пришлось по душѣ поэту. Онъ пишетъ:—„Пасха бываетъ всюду, будетъ она и здѣсь, въ Ниццѣ; но Христосъ воскресаетъ только въ Россіи, такъ мнѣ по крайней мѣрѣ сдается; слишкомъ чопорны, слишкомъ холодно-торжественны въ такихъ случаяхъ французы. Что они сдѣлали изъ нашего поэтичнаго Рождества и Новаго года, съ его гаданьями и задушевной встрѣчей въ полночь? Я всегда нашу Пасху очень любилъ: нельзя не увлечься теплотой и равенствомъ, которыя она хоть на нѣсколько минутъ вноситъ въ людскія отношенія“.—И въ другомъ письмѣ онъ также, шутя, жалуется и на Пасху, да кстати и на отсутствіе весны:—„Скверная Пасха у этихъ сухопарыхъ французовъ! Ни колоколовъ, ни нашихъ заутрень! Но мы въ пансіонѣ все-таки разговлялись ночью, и мнѣ было очень грустно, что я не въ Россіи. Не хватаетъ тутъ мнѣ и нашей весны, и нашихъ „бѣлыхъ ночей“, воспѣтыхъ нѣкогда Н. М. Минскимъ. Переходъ отъ зимы къ лѣту здѣсь совершенно незамѣтенъ. Нѣтъ этого запаха талаго снѣжка, этого аромата молодой зелени, которые такъ хороши у насъ. Правда, миндаль, окутанный въ свой розовый цвѣтъ, какъ въ нѣжное облако, очень красивъ на фонѣ другой зелени; но я въ настоящую минуту предпочелъ бы ему.... ну, хоть простой лукъ, еле-еле выступившій надъ грядкою огорода какой-нибудь Петербургской Стороны. „Лучше собственное шило, чѣмъ чужое копье“. Странное сравненіе это похищено изъ какого-то романа Лажечникова...“

Еще раньше, до Пасхи, С. Я. сильно затосковалъ по Россіи и писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ:—„Я что-то заскучалъ; дружба теперь необходимѣе мнѣ, чѣмъ когда-нибудь; а заскучалъ я потому, что меня неудержимо тянетъ назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, что я здѣсь такое? Отрѣзанный ломоть! Какъ бы ни было мало

мое дарованіе, но клянусь вамъ — я живу *только для него*, а здѣсь мнѣ рѣшительно не пишется".

Именно въ эти-то дни и въ этомъ-то настроеніи вылилось извѣстное его стихотвореніе: „Умерла моя муза"; а къ А. Н. Плещееву больной поэтъ писалъ:—„Здоровье мое ничего себѣ, но операціи мнѣ не избѣжать. Состояніе духа скверное. Чувствую себя совершенно оторваннымъ отъ того русскаго интеллигентнаго круга, на который я ворчалъ въ Петербургѣ и который все-таки мнѣ необходимъ. Муза моя не производитъ ничего, кромѣ безчисленнаго множества разныхъ „началъ", которымъ не суждено имѣть концовъ... Боюсь, чтобы моя книга не легла могильной плитой на всю мою литературную дѣятельность, или, выражаясь проще, боюсь, что больше ничего не напишу..." Въ письмѣ изъ Ниццы къ М. О. М—у онъ такъ характеризуетъ свое настроеніе:—„А знаете что: вѣдь вы навѣрно пытаетесь чѣмъ-нибудь объяснить эту одолѣвающую хандру,—службой что-ли, или другими неудачами; не объясняйте ея ничѣмъ, иначе вы ошибетесь: это просто въ воздухѣ, въ эпохѣ, и будетъ все хуже и хуже... Знаю это по опыту: какъ бы ни складывалась жизнь, а я все-таки хандрилъ, приписывая свое тяжелое душевное настроеніе то обстоятельствамъ, то болѣзни, пока не понялъ, что можно отлично хандрить „просто такъ",—wie der Vogel singt и вороны летаютъ. Это не безпричинная, розовая печаль неудовлетворенной и, простите слово, любострастной юности; нѣтъ, это тотъ неврозъ, которымъ мы расплачиваемся и за грѣхи прошлаго, и за наше настоящее развитіе. По моему близокъ день, когда нервы сдѣлаются пятой стихіей—главной и основной міровой силой. Конечно, лучшее лекарство—трудъ, какой-бы то ни былъ; но это все-таки лекарство, а не исходъ..."

Ницца подъ конецъ прискучила С. Я.—„Ницца надоѣла,—писалъ онъ.—„Послѣ Пасхи мы рѣшили переѣхать въ Ментону, а тамъ—что Богъ дастъ. Въ пансіонѣ у насъ скучища самая солидная: все разные генералы, да генеральши, да богатые купцы. Разговоры,—Боже ты мой, что за разговоры! Часто во весь обѣдъ

я не раскрываю рта...“ — И въ другомъ письмѣ онъ тоже отмѣчаетъ, насколько ему не нравилось общество соотечественниковъ, съ которыми пришлось столкнуться въ Ниццѣ: — „Жаль, что я не пишу беллетристики, а то здѣсь можно было бы пособрать богатый матеріалъ. До-нельзя омерзительны всѣ эти разжирѣвшіе богачи, герои и жертвы рулетки, всѣ эти либералы до перваго случая, и ретрограды, открыто подличающіе. Въ особенности блестящее общество собиралось въ русскомъ пансіонѣ С...ой въ Ниццѣ. Въ концѣ концовъ я просто не могъ выносить его табльд'отовъ и бѣжалъ въ Ментону изъ опасенія наговорить кому-нибудь дерзостей. Здѣсь я отвожу душу съ Бѣлоголовымъ и О......ми. Первый — въ особенности большая умница. На виллѣ получаются журналы и газеты, и по нимъ я слѣжу за отечественнымъ прогрессомъ...“

Къ веснѣ здоровье С. Я. стало хуже: кашель, лихорадки, ночные поты усилились, а къ тому же появились опять нарывы на ногѣ, такъ что д-ръ Бѣлоголовый настаивалъ на новой, болѣе основательной операціи у швейцарскихъ хирурговъ, въ Цюрихѣ или Бернѣ. Однако всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства не повліяли на расположеніе духа поэта, который съ переѣздомъ въ Ментону, подъ наплывомъ новыхъ впечатлѣній, замѣтно повеселѣлъ и уже болѣе бодрымъ тономъ писалъ И. Л. Л.: — „Что до меня — я блаженствую. Были ли вы, во время вашихъ странствій по заграничнымъ палестинамъ, въ этихъ краяхъ? Кажется — да. Значитъ, вамъ памятны пыльно-серебристыя оливы на синевѣ неба, и море, и горы, и солнце, и розы; право, если бы я не зналъ, что авторъ картины, открывающейся съ террассы нашей виллы, сама природа, я бы обвинилъ его въ утрировкѣ и крикливости красокъ. Я остаюсь здѣсь недолго; рокъ, преслѣдующій меня въ образѣ моей больной ноги, требующей второй операціи, гонитъ меня въ Швейцарію, въ Цюрихъ, гдѣ, вѣроятно, придется порядочно полежать. Я утѣшаюсь тѣмъ, что это въ послѣдній разъ и что я буду не одинъ: ко мнѣ собираются Давыдовы, Мережковскій, сестра; будемъ, слѣдовательно, много спо-

рить, и, можетъ быть, шумъ этихъ споровъ разбудитъ лѣнивый сонъ, въ который погружена моя муза. Впрочемъ, я не очень оплакиваю эту непроизводительность: слишкомъ хорошо вокругъ меня, слишкомъ хочется наслаждаться непосредственно, чтобы питать какіе-либо творческіе замыслы. Теперь надо только вбирать въ себя эту красоту: она проснется въ сердцѣ подъ туманнымъ небомъ Петербурга, и тогда можно будетъ писать. Здоровье мое, говорятъ, поправляется, но я нахожу, что слишкомъ медленно. Боюсь, чтобы и со мной не приключился тотъ скверный анекдотъ, который выпалъ на долю одной нѣмецкой коровы: она совсѣмъ было отвыкла ѣсть, да къ несчастію умерла. Такъ и я: совсѣмъ бы выздоровѣлъ, если бы мнѣ не грозила опасность умереть. Впрочемъ, эту скучную матерію въ сторону! Тутъ и умирать весело!"... В. М. Гаршину больной поэтъ тоже въ бодромъ тонѣ сообщаетъ о переѣздѣ въ Ментону:

„Я покинулъ Ниццу и перебрался въ Ментону. Испытываю такое же впечатлѣніе, какъ будто изъ города переѣхалъ на дачу. Villa Ostroga, гдѣ проходятъ „мои беззаботные дни",—какъ не говорилъ ни одинъ поэтъ,—расположена совсѣмъ за городомъ, на сравнительно узкой полоскѣ земли, между надвинувшимися горами и убѣжавшимъ вдаль моремъ. Домикъ весь тонетъ въ зелени—и въ какой зелени! Петербургскіе цвѣты здѣсь чуть-ли не деревья. Вотъ гдѣ умѣстно распѣвать извѣстный романсъ Крестовскаго: „Подъ душистою вѣтвью сирени!" У террасы, напр., растетъ кустъ геліотропа, вдвое больше меня ростомъ. Резеда смахиваетъ на молодую крапиву; ко всему этому — особый видъ вьющихся розъ, жасмины, огромныя бѣлыя лиліи, и пальмы, и оливы, и платаны, и виноградъ. Чудо что такое! Только вотъ погода подгуляла: холодно! Ментонскіе жители, оправдываясь въ этомъ грѣхѣ, говорятъ обычное: „старожилы не запомнятъ"; но каждому, читающему газеты, извѣстно, что у старожиловъ изъ-рукъ вонъ плохая память (повторяю остроту, неоднократно мною произносимую: я гордъ ею). За то рядомъ съ нашимъ садомъ живетъ

соловей и поетъ такъ громко. какъ будто онъ прочиталъ посланіе Н. М. Минскаго къ его робкому собрату, — и кукуетъ кукушка. Закроешь глаза и вообразишь себя гдѣ-нибудь въ Новгородской губерніи... „О, родина моя, о родина терзаній"!...

Недѣль пять-шесть, проведенныхъ поэтомъ въ Ментонѣ, прошли для него гораздо пріятнѣе, чѣмъ жизнь въ пансіонахъ и гостиницахъ, которою онъ страшно тяготился. Онъ устроился въ семьѣ, обѣдалъ и завтракалъ со своими хозяевами, много болталъ, шутилъ и возился, какъ ребенокъ, съ 14-ти-лѣтнею дочерью хозяевъ, милой и веселой шалуньей. Поэтъ написалъ ей шуточное стихотвореніе, полное намековъ и разныхъ остротъ, бывшихъ въ ходу между ними.

Такихъ поэтическихъ шутокъ у С. Я. довольно много. Конечно, онѣ не предназначались имъ для печати, но мы приводимъ изъ числа ихъ два-три образчика, показывающіе, какъ легки и граціозны у Надсона и эти бездѣлки. Такъ, лѣтомъ 1884 г., когда онъ услыхалъ отъ одной знакомой дѣвочки, Л. В..., что она съ семействомъ своимъ отправляется на лѣто въ Финляндію, на мызу Куза, это сочетаніе звуковъ—мыза Куза, поразившее слухъ поэта, дало ему поводъ написать въ ближайшемъ письмѣ туда слѣдующія 12 строчекъ:

На мызѣ Кузѣ, муза мызы
Сидитъ и смотритъ въ небосклонъ,
И блескомъ неба синей ризы
Взоръ юной музы восхищенъ.
А въ душной, каменной столицѣ,
Ни музъ, ни мызъ гдѣ нѣтъ, какъ нѣтъ,
При горькой мысли о больницѣ,
Клянетъ свой вѣкъ одинъ поэтъ.
И грезится душѣ поэта,
Что сбросилъ онъ печали грузъ,
И мчится быстро, какъ комета,
На мызу Кузу, мызу музъ.

Поступивъ въ редакцію „Недѣли“ и оставшись однажды въ конторѣ вмѣсто уѣхавшей по дѣламъ конторщицы Е. О. П., онъ написалъ ей стихами слѣдующій докладъ:

„Шутить стихомъ, играть словами,
Мнѣ нипочемъ,—я радъ писать;
Я даже вамъ докладъ стихами
Хочу сегодня набросать.
И хоть солидная контора,
Гдѣ я серьезнымъ быть привыкъ,
Внушать и не должна бы вздора,
Но слабъ мой мелющій языкъ,
До смерти рифмы одолѣли!
Внимайте-жъ бѣглымъ симъ строкамъ:
Четыре номера „Недѣли“
Я продалъ разнымъ господамъ;
Одинъ изъ нихъ купилъ и книжку
Романовъ за минувшій годъ;
Счастливецъ,—чудную коврижку
Онъ въ умственный отправилъ ротъ!
Когда-бъ всегда онъ такъ обѣдалъ,
Мудрѣй Эдипа онъ бы сталъ...
Морозовъ былъ, что онъ повѣдалъ,
Вамъ скажетъ Витя: онъ слыхалъ.
Еще я создалъ планъ сраженья
Для оловянныхъ двухъ дружинъ,—
И вамъ, въ порывѣ вдохновенья,
Испекъ сей стихотворный блинъ...“

Еще бывши въ Кронштадтѣ и прочитавъ стихотвореніе одного поэта, въ которомъ его поразили слѣдующія строки:

„Въ полѣ борозды, какъ строфы,
И рифмуетъ ихъ межа,

А по нимъ гуляютъ дрофы,
Чутко уши настр'жа",

поэтъ написалъ въ такомъ тонѣ посланіе В. М. Гаршину:

„Пр'чтя только-что твое посланье,
Я пр'никъ въ значенье бѣглыхъ строкъ
И на желанное свиданье
Готовъ пр'течь въ недолгій срокъ;
В''бще я всегда съ тобой душою,
Тобой, В. Гаршинъ, дорожа,
И въ Кр'нштадтѣ, окруженъ водою,
Живу я, лыжи настр'жа.
У насъ здѣсь мракъ непросвѣщенья,
У васъ-же конки и прогрессъ:
Вы даже въ ночь для освѣщенья
Огни украли у небесъ!
Рвясь вѣчно къ вамъ въ глухой тревогѣ,
Какъ рвется узникъ изъ оковъ,
Въ твоемъ блистающемъ чертогѣ
Я буду въ среду, въ шесть часовъ.

Есъ Н'дсонъ.

Возвращаемся къ его заграничной жизни. — „Скачи, враже, якъ докторъ каже",—шутитъ С. Я. въ одномъ изъ своихъ писемъ, перебираясь изъ Ментоны въ Швейцарію. Правда, вынужденныя скитанія и вѣчные переѣзды съ мѣста на мѣсто, въ сущности сильно тяготили его, и самъ онъ говоритъ объ этомъ такъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

„Не странно ли?... Любить спокойный уголокъ,
Туманы сѣвера и плачъ его мятели,
Завѣтный трудъ, друзей сплотившійся кружокъ,
И вѣчно странствовать безъ отдыха и цѣли,

И вѣчно чувствовать, что всюду ты чужой,
Что нѣту у тебя ни очага, ни крова“!

Но въ данномъ случаѣ было иначе: ему самому хотѣлось попутешествовать, проѣхаться по Швейцаріи, „набраться впечатлѣній“, передъ тѣмъ, чѣмъ залечь на неопредѣленное время въ больницу для операціи. Изъ Цюриха онъ писалъ В. М. Г-ну: „Я буквально сталъ туристомъ, ибо больше нѣсколькихъ дней не сижу на мѣстѣ. Побывалъ въ Туринѣ, побывалъ въ Женевѣ, пожилъ въ Монтрё, осмотрѣлъ Бернъ, прокатился по Тунскому озеру, выпилъ сифонъ зельтерской воды въ Интерлакенѣ, поклонился бѣлокурой отъ снѣга и румяной отъ блеска зари Юнгфрау, послушалъ, о чемъ шумитъ Штаубахъ, свергаясь со скалы въ 1,000 ф. вышины, купилъ у его подножья чернильницу въ видѣ деревянной совы для васъ, чтобы вы выучились мокать перо въ *мудрость* или *разумъ*, чтò то же самое, и наконецъ намѣренъ, сдѣлавъ небольшой туръ по Озеру Четырехъ Кантоновъ и, налюбовавшись Люцерномъ, залечь въ медвѣжьемъ Бернѣ, какъ медвѣдь въ берлогѣ. Voila! Однимъ словомъ, въ Швейцаріи я видѣлъ все, чтò стоитъ видѣть, и очень доволенъ. Не все, однако, мнѣ понравилось. Знаменитый Шильонъ, напр., не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія. Правда, озеро и горы вокругъ чудно красивы, но замокъ внутри — просто выбѣленныя извѣсткой комнаты, въ которыхъ не осталось никакихъ слѣдовъ старины. Тюрьма Бонивара тоже не представляетъ ничего ужаснаго, въ особенности послѣ ужасовъ Туринскаго зàмка: большой съ колоннами залъ, высѣченный въ скалѣ. Очень свѣтло и красиво—дай Богъ всякому. Зато очень хорошая штука есть въ Монтрё. Называется она по-французски „шменъ-де-феръ Финюкилеръ“, а по-русски—чортова таратайка. Это вагонъ, помощью особой машины взбирающійся по рельсамъ въ 7 минутъ почти отвѣсно на высоту 800 ф., въ деревеньку Гліонъ. Сначала рельсовый путь идетъ сравнительно, (но только сравнительно) отлого, а потомъ вы точно возноситесь на воздухъ. Просто

сердце замираетъ! Въ особенности страшно спускаться,—совершенно то же ощущеніе долженъ испытывать человѣкъ, проваливающійся въ адъ на крыльяхъ „духа зла“ (зри стихотвореніе Минскаго)“...

Въ іюнѣ Надсонъ пріѣхалъ въ Бернъ, и здѣсь въ частной больницѣ профессора Кохера поэтъ дважды вынесъ крайне мучительную операцію, слѣдствіемъ чего было страшное разстройство нервовъ и полный упадокъ силъ. И состояніе груди ухудшилось, появились сильнѣйшія лихорадки, ночные поты. Пріѣхала въ Бернъ ухаживать за братомъ сестра его и оставалась при немъ около двухъ мѣсяцевъ. Кромѣ того его посѣщала здѣсь семья тогдашняго директора консерваторіи К. Ю. Давыдова, проводившая то лѣто въ Швейцаріи. Часто бывали у него также нѣкоторые русскіе, жившіе въ Бернѣ и выказывавшіе поэту теплое участіе. Какъ только оказалась возможность поднять больнаго съ постели, бернскіе доктора поспѣшили отправить его для подкрѣпленія силъ въ горы, въ лечебную станцію Вейссенбургъ, находившуюся подъ завѣдываніемъ извѣстнаго швейцарскаго спеціалиста по груднымъ болѣзнямъ, профессора Гюггенена. Измученный, еле живой, прибылъ С. Я. туда и провелъ тамъ всего двѣ недѣли. Ему становилось все хуже и хуже, и пр. Гюггененъ говорилъ близкимъ поэта, что ему жить осталось максимумъ—мѣсяцъ. По совѣту профессора, больнаго перевезли въ сосѣдній Беатенбергъ, гдѣ къ тому же проживала въ то время семья Давыдовыхъ. Въ виду безнадежнаго состоянія больнаго, а также неимѣнія средствъ для дальнѣйшаго пребыванія его за-границей, друзья его рѣшили отвести С. Я. обратно въ Россію. Хотя онъ и обрадовался исполненію своего желанія,—онъ такъ рвался на родину и такъ тосковалъ по ней,—и хотя самъ онъ никогда не вѣрилъ въ благопріятный исходъ своей болѣзни, тѣмъ не менѣе дозволеніе докторовъ возвратиться осенью въ Петербургъ было для него тяжелымъ ударомъ, такъ какъ оно отняло всякую искру надежды. Легко себѣ представить, что̀ переживалъ въ это время богато одаренный юноша, страстно желавшій жить, сознававшій

всею душой, что онъ могъ бы быть полезнымъ членомъ общества и что у него не дюжинный талантъ. „Чтобы понять, что я испытываю,—говорилъ С. Я. въ минуту отчаянія,—нужно бы войти въ мою шкуру... Если бы вы знали, что за ужасъ сознавать, что у васъ нѣтъ будущаго, что даже на мѣсяцъ впередъ нельзя дѣлать плановъ. Подумайте, вѣдь я не книгу, не романъ читаю, это я, я самъ умираю“...

Проѣздомъ черезъ Висбаденъ, С. Я. видѣлся здѣсь въ послѣдній разъ съ докторомъ Бѣлоголовымъ, который нѣсколько ободрилъ больнаго, убѣдивъ его, что находитъ его состояніе вовсе не такимъ отчаяннымъ. То же самое повторилъ онъ и бывшимъ съ нимъ друзьямъ, настаивая лишь на томъ, чтобы С. Я. оставался не больше нѣсколькихъ дней въ Петербургѣ и тотчасъ же ѣхалъ въ Крымъ, съ тѣмъ, чтобы непремѣнно перезимовать тамъ. Однако, обстоятельства сложились очень несчастливо для больнаго: онъ принужденъ былъ,—и, конечно, первою причиной явился недостатокъ денежныхъ средствъ, — провести въ Петербургѣ недѣль шесть, изъ которыхъ дней десять жилъ на дачѣ, на Сиверской станціи. Но здѣсь у него открылись частыя кровохарканія и сильнѣйшія лихорадки. Переѣхавъ въ городъ, С. Я должень былъ поселиться въ весьма неблагопріятной для его здоровья обстановкѣ: онъ нанялъ меблированную комнату, въ Кузнечномъ переулкѣ, на заднемъ дворѣ. Не было возможности ѣхать въ Крымъ, такъ какъ не было на то денегъ, а обращаться къ Литературному Фонду поэтъ не хотѣлъ, въ виду того, что онъ состоялъ ему еще должнымъ 600 руб., присланные лѣтомъ въ Швейцарію, когда онъ лежалъ въ больницѣ Кохера и наступило безденежье. Даже получивъ приглашеніе ѣхать въ Подольскую губ., въ деревню, и провести тамъ зиму, С. Я. долго отказывался отъ этого. При его гордомъ и независимомъ характерѣ, ему было тяжело обязываться кому бы то ни было, тѣмъ болѣе, что, по его словамъ, „слоняться по чужимъ угламъ и благодѣтелямъ пришлось ему и такъ солоно“. Послѣ долгихъ настаиваній, просьбъ и уговоровъ ближай-

нихъ друзей, онъ наконецъ, согласился. Осень на югѣ какъ разъ стояла прекрасная, и спокойствіе и тишина деревенской жизни подѣйствовали сначала весьма благотворно на поэта. Первыя письма его изъ деревни носятъ отпечатокъ весьма бодраго настроенія. Онъ пишетъ, напр., сестрѣ: „Здоровье мое не хуже, не лучше, а состояніе духа отличное. Хотя живу здѣсь въ совершенной глуши, а ни капли не скучаю: наоборотъ, послѣ петербургской сутолоки мнѣ здѣсь очень и очень по душѣ. Цѣлый день читаю, играю на скрипкѣ, на рояли, ѣздимъ кататься. Кромѣ того занимаюсь со старшимъ сыномъ моихъ хозяевъ, который, скажу не хвастаясь, дѣлаетъ большіе успѣхи. Пишу мало, но все-таки пишу“... И В. М. Г—у онъ сообщалъ въ такомъ же бодромъ тонѣ: „...Интереснаго для себя, „скромнаго наблюдателя человѣческой жизни“, сэръ, я нашелъ здѣсь множество, въ первый разъ въ жизни убѣдившись, что свѣта въ окошкѣ можно искать въ Россіи и внѣ Петербурга. Школьный учитель, урядникъ, становой приставъ, деревенскій попъ, мировой посредникъ, etc. etc.— всѣ эти лица, бывшія для меня прежде фантомами, теперь воплотились и одухотворились. Жаль, что болѣзнь мнѣ мѣшаетъ поближе познакомиться съ крестьянской жизнью, о которой я, разумѣется, не имѣю никакого понятія“...

Осенью того же года поэтъ написалъ нѣсколько стихотвореній: „Пишу вамъ изъ глуши“, „Не принесетъ, дитя, покоя и забвенья“, и др. Позже, въ февралѣ или въ мартѣ 1886 г., подъ впечатлѣніемъ прочитанныхъ имъ въ газетѣ „Заря“ двухъ критическихъ фельетоновъ Г-на М..., упрекавшаго поэта въ нытьѣ и пессимизмѣ, С. Я. написалъ стихотвореніе „Въ отвѣтъ“. Однако, онъ долгіе мѣсяцы не отдавалъ его въ печать, говоря, что если онъ и рѣшится когда-нибудь это сдѣлать, то не иначе какъ съ оговоркой, чтобы по одному или двумъ стихотвореніямъ не выводили невѣрныхъ заключеній о его міровоззрѣніи, какъ это случилось напр. съ стихотвореніемъ „О, неужели будетъ мигъ“, гдѣ строчкѣ „Назадъ, тамъ жизнь полнѣй кипѣла“ — нѣкоторыми лицами было придано совершенно не то освѣщеніе. Въ

Январѣ 1886 года вышло второе изданіе стихотвореній Надсона и разошлось очень быстро, въ два мѣсяца, такъ что пришлось приступить къ третьему, которое и появилось въ мартѣ. Конечно такой успѣхъ очень радовалъ С. Я., но здоровье его стало опять хуже, и онъ писалъ сестрѣ: „На деньги, вырученныя за книжку, думаю уѣхать осенью за-границу. Впрочемъ, все это мечты. Здоровье мое неважно, иначе впрочемъ и быть не можетъ. Лихорадокъ нѣтъ, но часто показывается кровь горломъ. Наконецъ, особенно интересныхъ новостей о себѣ и о своемъ житьѣ-бытьѣ здѣсь сообщить не могу. На то здѣсь и деревня, чтобы не происходило никакихъ событій и не было никакихъ новостей"...

Въ деревнѣ С. Я. лечилъ проживавшій здѣсь докторъ Л. И. Дробышъ-Дробышевскій, относившійся къ больному дружески, съ большимъ участіемъ и вниманіемъ. Надсонъ очень привязался къ своему врачу и весьма довѣрялъ ему. Но жизнь въ деревенскомъ барскомъ домѣ, съ ея безсодержательностью и отсутствіемъ живыхъ, жизненныхъ импульсовъ, стала пріѣдаться С. Я. Ему хотѣлось побольше работать, приносить наивозможную долю пользы, и онъ часто говорилъ: „Мнѣ и такъ осталось мало жить, зачѣмъ терять время даромъ?" О себѣ и о своихъ планахъ онъ писалъ сестрѣ своей:—„О себѣ мнѣ нечего писать. Здоровье мое такъ же, пишу я мало, событій у насъ никакихъ не происходитъ. Могу только сообщить, что второе изданіе моихъ стиховъ разошлось уже все, и что третье уже напечатано и на-дняхъ выйдетъ въ свѣтъ. Какая-то барыня написала на мои слова: „Я вновь одинъ", романсъ, который переведенъ по-французски; а г. Фидлеръ перевелъ нѣкоторые мои стихи по-нѣмецки и напечаталъ ихъ въ газетѣ «Herold». Есть у меня еще слабая надежда получить академическую премію за мою книгу, но сбудется ли она, или нѣтъ—писано вилами на водѣ, и во всякомъ случаѣ это дѣло далекое: премію присуждаютъ только въ октябрѣ. Книгу я уже представилъ въ академію... О моихъ планахъ на будущее, насколько такой больной человѣкъ, какъ я, можетъ ихъ имѣть, пока не могу сообщить ни-

чего положительнаго—чувствую только, что деревня, несмотря на всю ея прелесть, мнѣ очень надоѣла. По всей вѣроятности, я поселюсь или въ Кіевѣ, или въ Москвѣ, или въ Питерѣ, смотря по тому, гдѣ найду постоянную литературную работу".

Найти постоянную литературную работу, напримѣръ, заручиться журнальнымъ обозрѣніемъ въ какомъ-нибудь журналѣ или газетѣ,—эта мысль сильно занимала его. Онъ говорилъ, шутя, что насталъ моментъ сбросить съ себя на время „поэтическую тогу и взять въ руки метлу". О своемъ намѣреніи уѣхать изъ деревни и пристроиться гдѣ-нибудь при редакціи С. Я. писалъ, между прочимъ, и г-ну Л.....ну: „Какъ ни хорошо отдохнуть отъ петербургской сутолоки, какъ ни хороша природа, но писать удобно и легко только въ городѣ, гдѣ каждый день бьетъ по нервамъ и будитъ мысль. Изъ предъидущаго вы можете видѣть, что деревня, несмотря на всѣ свои прелести, все-таки нѣсколько пріѣлась мнѣ. Прѣсная вещь! Мало перца, мало остроты! Чувствую, что долго тутъ не усижу. Но куда направлю свои стопы отсюда,—еще не знаю. Хотѣлось бы постоянной литературной работы. Постараюсь поплотнѣе прилѣпить свое гнѣздо къ палаццо какой-нибудь редакціи, въ качествѣ рецензента или журнальнаго обозрѣвателя. Очень можетъ быть, что останусь въ Москвѣ. Впрочемъ, все это еще вилами на водѣ писано. Главное—мое здоровье, которое можетъ очень легко и безапелляціонно поставить свое „veto" всѣмъ моимъ планамъ. Впрочемъ, друзья мои, которымъ я, конечно, не вѣрю въ этомъ отношеніи, увѣряютъ меня, что въ общемъ я значительно поправился. Литературный интересъ моего существованія сосредоточился за это время только на успѣхѣ моей книги, второе изданіе которой уже разошлось, а третье напечатано и на-дняхъ выйдетъ..."

Наконецъ, въ апрѣлѣ, какъ только открылся проѣздъ изъ деревни—весна была поздняя, непролазная грязь и разлитіе рѣкъ мѣшали движенію по проселочнымъ дорогамъ,—С. Я. уѣхалъ въ Кіевъ, имѣя при этомъ въ виду двѣ цѣли: обратиться за рабо-

той къ М. И. Кулишеру, тогдашнему редактору „Зари", и устроить вечеръ въ пользу Литературнаго Фонда, чтобы вернуть взятые имъ оттуда лѣтомъ 1885 года 600 руб. Обѣ цѣли вполнѣ удались ему. М. И. Кулишеръ принялъ его въ свою газету съ распростертыми объятіями и тотчасъ же отвелъ ему четыре фельетона „журнальнаго обозрѣнія" въ мѣсяцъ. Вечеръ же въ пользу Фонда, хотя и устроенный весьма поспѣшно, въ нѣсколько дней, имѣлъ блистательный успѣхъ. Самъ С. Я. читалъ между прочимъ нѣсколько своихъ стихотвореній. Несмотря на больную грудь, онъ читалъ такъ внятно и увлекательно, что наэлектризовалъ всю публику, и безъ того встрѣтившую его взрывомъ долго неумолкавшихъ рукоплесканій. Вызовамъ и аплодисментамъ не было конца. Молодежь сдѣлала овацію своему любимцу и съ тріумфомъ вынесла его на рукахъ на эстраду... Но, къ несчастію, поѣздка въ Кіевъ и всѣ волненія тамъ не обошлись больному даромъ. Съ самаго пріѣзда въ городъ у него открылись кровохарканія, продолжавшіяся нѣсколько дней, и появились сильнѣйшія лихорадки. Только ничѣмъ неподавляемыя живучесть и энергія духа поддерживали физическія силы больнаго. Квартира его съ утра до вечера была полна посѣтителями, особенно молодежью. Когда же, уступая убѣжденіямъ докторовъ и просьбамъ близкихъ ему людей, онъ рѣшился вернуться еще на мѣсяцъ въ деревню, то проводить поэта на вокзалъ собралась толпа кіевскихъ его знакомыхъ, почитателей и почитательницъ его таланта. Пріѣхавъ въ деревню, онъ писалъ оттуда своему товарищу по училищу, М. А. Р., въ шутливомъ тонѣ, сквозь который звучитъ глубоко-грустная нота:

„Прости меня за мое долгое, возмутительное молчаніе: ей Богу, я за это время совершилъ такую массу дѣлъ,—которыя со временемъ несомнѣнно войдутъ въ исторію,—что не могъ ни о чемъ думать: Во-первыхъ, я съѣздилъ въ Кіевъ, схватилъ тамъ кровохарканіе и устроилъ блестящій вечеръ въ пользу Литературнаго Фонда. Могу похвастаться успѣхомъ: Фондъ получилъ чистыхъ 625 руб., а меня молодежь чуть не разорвала въ клочки и на

рукахъ вынесла на эстраду. Затѣмъ я снялся. Затѣмъ я поступилъ фельетонистомъ-критикомъ въ кіевскую газету „Заря“, и пишу тамъ четыре фельетона въ мѣсяцъ... Вуаля!.. Затѣмъ я ѣмъ каждый день полъ-быка и пью 10 стакановъ кефиру,—результатовъ не замѣтно. Затѣмъ пишу множество писемъ неизвѣстнымъ мнѣ поклонницамъ, дѣлающимъ мнѣ честь выражать мнѣ свои восторги письменно. Затѣмъ мой портретъ помѣстила „Новь“, затѣмъ мои стихи переведены въ „Герольдѣ“. Затѣмъ на мои слова „Я вновь одинъ“ написанъ романсъ. Однимъ словомъ, я иду въ гору и погибаю отъ чахотки... Весна у насъ прелестная, только жарко очень. Впрочемъ, я на воздухъ не выхожу, просиживая цѣлые дни за писаніемъ...“

Мысль о смерти не покидала поэта; онъ писалъ, между прочимъ, г-жѣ С.....вой: „У насъ весна въ полномъ цвѣту; на моемъ столѣ букетъ, окно отворено, изъ сада въ комнату врывается ароматъ, небо ясно, птицы щебечутъ, солнце свѣтитъ такъ ярко... А мнѣ все сдается, что въ послѣдній разъ я встрѣчаю весну!...“

Въ началѣ іюня С. Я. перебрался на дачу въ Боярку (первая станція по желѣзной дорогѣ отъ Кіева). Здѣсь молодежь поднесла своему любимому поэту адресъ, букетъ и тортъ на новоселье, что, конечно, очень тронуло больнаго. И тутъ масса посѣтителей бывала у него. Онъ продолжалъ дѣятельно вести свои фельетоны въ „Зарѣ“ и писалъ между прочимъ объ этихъ своихъ занятіяхъ А. В. К——у: „...Въ послѣднее время я почти не пишу стиховъ, уйдя съ головой въ газетную работу, которая на первыхъ порахъ меня сильно занимаетъ. Разумѣется, со временемъ она мнѣ пріѣстся, и я опять примусь за риѳмы; но пока я неутомимо ратую за молодую русскую поэзію, яростно сражаюсь съ „Жасминовымъ“, дѣлаю наскоки на П.. и т. п.“.

Къ несчастію, лѣто стояло сырое и холодное; больной, по мнѣнію докторовъ, или простудился, или же болѣзнь его, до тѣхъ поръ весьма медленно двигавшаяся впередъ, приняла новый оборотъ и стала быстро развиваться. Какъ бы то ни было, послѣ нѣсколь-

кихъ маленькихъ бронхитовъ, у него открылись плевритъ и туберкулозная высыпь лѣваго легкаго (до тѣхъ поръ было сильно поражено лишь правое). С. Я. очень мучился и страдалъ. Созванный консиліумъ, состоявшій изъ профессора Аѳанасьева и докторовъ Образцова и Георгіевскаго (послѣдній постоянно лечилъ больнаго въ Бояркѣ) рѣшилъ, что ему слѣдуетъ ѣхать въ Грисъ, близъ Мерана. Но поэтъ объявилъ близкимъ ему лицамъ, что ни за что не поѣдетъ за-границу, потому что умереть хочетъ въ Россіи. Тогда остановились на Ялтѣ. Изъ Боярки С. Я. писалъ одной своей корреспонденткѣ въ Петербургъ:

„Пишу вамъ на балконѣ моей дачи, сплошь заплетенномъ дикимъ виноградомъ, въ ясное осеннее утро. Прямо передо мной палисадникъ; розы, которыхъ въ немъ очень много, уже отцвѣли, за то астры и георгины въ полномъ цвѣту. Въ особенности хороши георгины: кусты ихъ выше человѣческаго роста, а горящій, пунцовый цвѣтъ, да еще освѣщенный къ тому же вашимъ малороссійскимъ солнцемъ, удивительно эффектенъ... Замѣчаете-ли вы, какой у меня сегодня нетвердый почеркъ? За послѣдній мѣсяцъ я почти разучился писать, такъ какъ схватилъ себѣ плевритъ и всѣ работы долженъ былъ бросить. Теперь я по-немногу поправляюсь, но очень медленно и съ большими колебаніями. Въ сентябрѣ уѣзжаю въ Крымъ; докторъ усиленно гналъ меня за границу, но я наотрѣзъ отказался: внѣ Россіи я ужасно скучаю...“

Передъ отъѣздомъ въ Ялту больной прожилъ недѣли двѣ въ Кіевѣ, гдѣ снова устроилъ вечеръ въ пользу Фонда. Вечеръ удался вполнѣ и на этомъ вечерѣ поэтъ еще бодро прочелъ два свои стихотворенія: „Другъ мой, братъ мой“ и „Умерла моя муза“. Апплодисментамъ и оваціямъ не было конца. Сборъ съ вечера, 530 р., С. Я. поспѣшилъ переслать Фонду. Еще въ Бояркѣ лѣтомъ къ нему пріѣзжали два кіевскіе книгопродавца, предлагая тотчасъ же выплатить 1,000 руб. за право издать 2,000 экземпляровъ его стихотвореній. Но, по совѣту близкихъ ему, поэтъ не согласился, предпочитая издавать, какъ и до того, свою книгу лично, и рѣшилъ,

для полученія средствъ на поѣздку въ Ялту, обратиться къ Фонду тѣмъ болѣе, что съ избыткомъ уплатилъ ему весь прежній долгъ. Само собою разумѣется, что желаніе его было немедленно исполнено Фондомъ, успѣвшимъ выслать С. Я. въ Ялту лишь 500 руб. Такимъ образомъ больной поэтъ, умирая, не остался долженъ ни копѣйки Литературному Фонду.

Больной пріѣхалъ въ Ялту крайне изнеможенный и слабый. Онъ писалъ отсюда въ Петербургъ: „Въ Бояркѣ я былъ очень сильно боленъ, а въ Кіевѣ страшно усталъ: я устраивалъ вечеръ въ пользу Литературнаго Фонда, и вечеръ этотъ имѣлъ большой успѣхъ. У меня чуть не брызнули слезы изъ глазъ, когда меня встрѣтилъ продолжительный гулъ рукоплесканій. Дамы въ антрактахъ дарили мнѣ цвѣты, въ буфетѣ молодежь пила за мое здоровье, и публика, сходя съ лѣстницы, повторяла: „Облетѣли цвѣты, догорѣли огни“. Было много другихъ, лестныхъ для меня, эпизодовъ, о которыхъ разсказывать было бы долго. Усталый покинулъ я Кіевъ; меня провожали опять цвѣтами и добрыми пожеланіями. Переѣздъ моремъ сошелъ благополучно: покачало немножко только передъ самой Ялтой—и вотъ я на югѣ, на благословенномъ югѣ, какъ говорятъ поэты. Не скажу, чтобы мнѣ здѣсь пока очень понравилось; послѣ Ниццы Ялта кажется довольно невзрачной: за то я чувствую себѣ нѣсколько лучше...

Вскорѣ послѣ прибытія въ Ялту С. Я. обрадовало извѣстіе, что ему присуждена Академіей Наукъ Пушкинская премія въ 500 р. Здоровье его было, вообще говоря, довольно плохо; жаловался онъ главнымъ образомъ на большую слабость, тѣмъ не менѣе былъ на ногахъ, ѣздилъ кататься, еще кое-когда отыскивалъ возможность работать, написавъ, напр., въ декабрѣ 1886 года двѣ строфы къ оставшемуся неоконченнымъ стихотворенію „На могилѣ Г...на“. Въ ноябрѣ онъ перебрался на дачу Цибульскаго, въ нѣсколькихъ минутахъ ѣзды отъ стараго города. Двѣ недѣли спустя, въ серединѣ ноября, больному стало хуже, и особенно безпокоило его то обстоятельство, что лѣвая рука и нога стали какъ будто плохо

дѣйствовать. Онъ увидѣлъ въ этомъ весьма дурной признакъ, но съ удивительною твердостью смотрѣлъ въ глаза приближающейся смерти и старался успокоивать близкихъ себѣ, говоря: „Я самъ прежде и отчаявался, и надѣялся; теперь-же нѣтъ мѣста ни отчаянію, ни надеждѣ. Очевидно, что смерть близка, неизбѣжна. Нужно теперь позаботиться о томъ, чтобы моя книга пошла на хорошее дѣло". И въ тотъ-же день онъ написалъ домашнее духовное завѣщаніе, по которому оставлялъ всю свою литературную собственность „Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ". Но вскорѣ послѣ того больной сталъ нѣсколько поправляться, и лечившіе его доктора рѣшили, что опасности нѣтъ, что смутившій ихъ припадокъ съ рукой и ногой чисто нервно-истерическаго характера. Лихорадки прошли, явился сравнительно хорошій сонъ и аппетитъ, больной сталъ выходить въ садъ и даже могъ выѣзжать кататься. И тутъ-то, неожиданно, случилось нѣчто, несомнѣнно содѣйствовавшее тому, что самыя худшія опасенія относительно здоровья поэта превратились въ горькую дѣйствительность раньше, чѣмъ того можно было ожидать.

Еще въ началѣ ноября, вскорѣ послѣ присужденія С. Я. пушкинской преміи, въ газетѣ „Новое Время" стали появляться одинъ за другимъ цѣлый рядъ фельетоновъ г. Буренина, въ которыхъ онъ, не называя Надсона по имени, но уже слишкомъ прозрачно намекая, всячески глумился надъ больнымъ поэтомъ, и, главнымъ образомъ, надъ его посвященіемъ книги своей Н. М. Д. Глумленія эти, вызванныя повидимому личнымъ неудовольствіемъ г. Буренина на С. Я., задѣвшаго его въ одномъ изъ своихъ критическихъ фельетоновъ въ „Зарѣ", дошли до того, что г. Буренинъ обвинилъ столь мучительно-угасавшаго юношу въ томъ, что онъ „недугующій паразитъ, представляющійся больнымъ, калѣкой, умирающимъ, чтобы жить на счетъ частной благотворительности". Легко вообразить себѣ, какъ подобная чудовищная клевета должна была возмутить больнаго. Онъ тотчасъ же послалъ письмо въ газету „Новости" (письмо это, впрочемъ, появилось въ печати только

послѣ смерти поэта). На всѣ просьбы близкихъ ему не читать клеветъ г-на Буренина, не ставить на карту свое здоровье, С. Я. отвѣчалъ одно только:—„Поймите-же, что я не могу этого сдѣлать, не могу потому, что это было бы малодушіемъ. Еслибы грязныя обвиненія и клеветы шептались подъ-сурдинкой, у меня за спиной,—конечно, я былъ-бы вправѣ пренебрегать ими, игнорировать ихъ... Но эти нападки, позорящія мое доброе имя, эта невообразимо-гнусная клевета бросается мнѣ въ лицо печатно, передъ всей читающей Россіей, и благодушно отворачиваться отъ такого рода грязи нельзя уже потому, что всякая неопровергнутая клевета непремѣнно оставляетъ послѣ себя пятно“... И вотъ послѣдній ударъ, окончательно сразившій больнаго, не заставилъ себя долго ждать: онъ былъ нанесенъ слѣдующимъ-же фельетономъ г-на Буренина, въ которомъ этотъ послѣдній зашелъ еще дальше вышеприведеннаго, причемъ затронулъ близко-стоявшее къ поэту лицо... Это уже переполнило чашу... Благородный юноша, платившій глубокой, искренней и часто преувеличенной благодарностью за всякое выраженное ему теплое чувство, за каждый проблескъ участія къ нему, былъ внѣ себя отъ негодованія... Тотчасъ-же продиктовалъ онъ письмо друзьямъ въ Петербургъ, прося ихъ вступиться за его честь, добавляя, что если они не найдутъ подходящаго для этого способа, онъ самъ не медля выѣдетъ въ Петербургъ. Оказалось, однако, что ничто уже не было бы въ силахъ остановить слѣдствія губительнаго удара. Лучшимъ поясненіемъ сказаннаго можетъ служить письмо врача, постоянно лечившаго въ Ялтѣ больнаго, Ѳ. Т. Штангеева, напечатанное имъ въ газетѣ „Новости“. Вотъ это письмо.

„Какъ постоянно пользовавшій покойнаго поэта врачъ и, слѣдовательно, достовѣрный свидѣтель, я считаю нравственнымъ своимъ долгомъ сказать, въ назиданіе современникамъ и потомкамъ, нѣсколько словъ по поводу нравственныхъ страданій, отравившихъ последніе дни жизни моего паціента и вызвавшихъ преждевременную смерть его.

„С. Я. пріѣхалъ въ Ялту осенью 1886 г. въ печальномъ состояніи, съ кавернами въ легкихъ, лихорадкою и крайнимъ упадкомъ силъ; несмотря на это, почти сверхъ ожиданія, черезъ мѣсяцъ онъ сталъ поправляться, кашель уменьшился и лихорадка прошла. Въ такомъ, довольно удовлетворительномъ состояніи, онъ находился до травли, предпринятой „Новымъ Временемъ". Послѣ прочтенія первыхъ фельетоновъ г. Буренина, онъ волновался, хотя и умѣренно; его успокоила мысль, что онъ напишетъ приличный отвѣтъ, который и былъ имъ написанъ, но напечатанъ уже послѣ его смерти. Близко стоявшее къ больному лицо, чтобы предупредить новыя нападки и брань со стороны г. Буренина, сочло нужнымъ написать письмо издателю „Новаго Времени". Какъ-бы въ отвѣтъ на это появился новый фельетонъ г. Буренина, въ которомъ уже слишкомъ была затронута личная честь больнаго поэта. Онъ впалъ въ необычайное раздраженіе, страшно волновался, говорилъ: „это уже слишкомъ гнусно, этого оставить такъ нельзя", и хотѣлъ тотчасъ-же ѣхать въ Петербургъ. Съ трудомъ удалось удержать его увѣреніями, что друзья и знакомые заступятся за него, безпомощнаго страдальца. Къ вечеру того же дня появились кровохарканія и лихорадка, которыхъ не было уже нѣсколько недѣль; затѣмъ черезъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ онъ постоянно продолжалъ волноваться, плохо ѣлъ и спалъ, наступили головныя боли, рвота и другіе признаки воспаленія мозговыхъ оболочекъ. Въ безсознательномъ состояніи, въ безпокойномъ бреду, умиравшій дѣлалъ рукою угрожающія движенія, и съ устъ его иногда срывалась фамилія обидчика...

„Я убѣжденъ, что умершій безвременно С. Я. Надсонъ, несмотря на безнадежность болѣзни, могъ бы прожить по меньшей мѣрѣ до весны или даже осени, если-бы вышеупомянутый фельетонъ г. Буренина не былъ напечатанъ".

Даже и въ послѣдніе, предсмертные дни жизни своей—при мучительныхъ головныхъ боляхъ, тошнотѣ и рвотѣ, но будучи еще въ сознаніи,—поэтъ оставался самимъ собой, т. е. думалъ и за-

ботился о другихъ и активно помогалъ имъ, диктуя въ данномъ случаѣ письма къ знакомымъ, въ которыхъ хлопоталъ о разныхъ лицахъ, напр., о напечатаніи стиховъ одного молодаго поэта, просилъ доставить подходящую работу и возможность пристроиться при редакціи писателю, только что пріѣхавшему изъ Кіева въ Петербургъ, и очень заботился, нельзя-ли пристроить въ консерваторію талантливую, по его мнѣнію, артистку,—дѣлая все это даже безъ просьбъ о томъ лицъ, о которыхъ хлопоталъ...

Вскорѣ умирающій впалъ въ тяжелый бредъ и галлюцинаціи, и не спалъ ни минуты въ теченіи многодневной мучительной агоніи, прерывавшейся, къ несчастію, проблесками сознанія, когда страдалецъ, безсильно складывая руки, лишь тихо шепталъ: „скорѣй, скорѣй-бы!“... Туберкулозное воспаленіе мозга — самая тяжелая, мучительная форма смерти... И несчастному поэту пришлось испить чашу страданій до дна... 19 Января въ 9 час. утра его не стало...

Тѣло его было перевезено изъ Ялты въ Петербургъ. Въ Одессу гробъ прибылъ на пароходѣ „Пушкинъ“ и былъ встрѣченъ толпою молодежи; тутъ были также и сотрудники мѣстныхъ газетъ. Въ Петербургѣ, на вокзалѣ, толпа состояла также преимущественно изъ молодежи, но здѣсь было много и литераторовъ. На слѣдующій день, во время похоронъ, при многочисленномъ стеченіи почитателей поэта, тяжелый свинцовый гробъ былъ вынесенъ изъ церкви на рукахъ литераторами, а всю дорогу до Волкова кладбища его несла на плечахъ молодежь, причемъ студенты составили хоръ и пѣли „Святый Боже“. На катафалкѣ были сложены многочисленные вѣнки, которыми покрылась потомъ вся высокая насыпь и крестъ на могилѣ. Были произнесены рѣчи, и, по просьбѣ присутствовавшихъ, прочитано нѣсколько стихотвореній покойнаго поэта („Нѣтъ, муза, не зови“, „Другъ мой, братъ мой“, „Умерла моя муза“, и друг.). Могила Надсона въ нѣсколькихъ шагахъ отъ могилъ Добролюбова и Бѣлинскаго.

По смерти его, во всѣхъ журналахъ и газетахъ петербургскихъ,

московскихъ, кіевскихъ и т. д., до ташкентскихъ и кубанскихъ „областныхъ вѣдомостей" включительно, появились некрологи поэта, подробности о его жизни, характерѣ, и отзывы о его поэзіи. Въ петербургскомъ университетѣ пр. О. Ѳ. Миллеръ прочелъ студентамъ, вмѣсто лекціи, рефератъ, посвященный памяти покойнаго, а въ Москвѣ, въ „Обществѣ любителей русской словесности", профессоръ Стороженко прочиталъ тоже статью о Надсонѣ. Литературный вечеръ, устроенный въ Петербургѣ въ память усопшаго поэта, привлекъ очень значительное число публики; то же самое повторилось и на другомъ такомъ же вечерѣ, организованномъ съ цѣлью полученія средствъ для постановки Надсону памятника надъ его могилой. Словомъ, общественное вниманіе къ усопшему поэту выразилось очень ясно и живая связь между нимъ и обществомъ сказалась весьма наглядно.

Такова была эта грустная жизнь, такъ рано прерванная и такъ много обѣщавшая!...

Въ программу настоящаго біографическаго очерка, именно потому, что онъ имѣетъ чисто-біографическій характеръ, не входитъ характеристика Надсона, какъ поэта; притомъ же значеніе его въ этомъ отношеніи достаточно уяснено многочисленными критическими статьями. Что касается Надсона, какъ человѣка, то кромѣ тѣхъ подробностей, которыя собраны въ настоящемъ очеркѣ и довольно наглядно рисуютъ его личность, мы имѣемъ много и другихъ данныхъ для дополненія этого портрета.

По отзыву всѣхъ знавшихъ покойнаго поэта, онъ отличался необычайной душевной чистотой и благородствомъ. Такимъ же искреннимъ и страстно-задушевнымъ, какимъ онъ является въ поэзіи, былъ онъ и въ жизни. На всѣхъ, кто только встрѣчался съ нимъ, онъ производилъ весьма симпатическое впечатлѣніе, и эта симпатичность имѣла источникомъ именно его искренность, задушевность, почти женскую мягкость, вполнѣ гармонировавшую съ чисто-мужскими чертами,—сильнымъ, рѣшительнымъ характеромъ и твердой

волей. „Въ его глазахъ"—пишетъ одинъ его знакомый—„свѣтилась женская нѣжность и мягкая ласка; въ плотно-сжатыхъ, тонко-очерченныхъ губахъ, въ характерныхъ углахъ рта, сквозилъ молодой львенокъ". Такова была внѣшность поэта, таковъ онъ былъ и на самомъ дѣлѣ. Привѣтливый ко всѣмъ, иногда ласковый, какъ ребенокъ, нѣжно любившій дѣтей, замѣчательно откровенный, кроткій, гуманный, съ нѣжной и любящей душой, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ крайне прямой, искренній, чуткій человѣкъ, очень отзывчивый и впечатлительный. Такое сочетаніе свойствъ, въ соединеніи съ возвышеннымъ поэтическимъ настроеніемъ, дѣлало его особенно рѣшительнымъ, подъ-часъ рѣзкимъ врагомъ всего низкаго, пошлаго, лицемѣрнаго и раболѣпнаго. Это былъ человѣкъ живой, искавшій правды съ донъ-кихотскимъ упорствомъ, возмущавшійся до глубины души тѣмъ, что, по его мнѣнію, шло въ разрѣзъ съ нею и въ ущербъ ей, и готовый вести борьбу на смерть со своимъ врагомъ, не спрашиваясь у собственныхъ своихъ силъ, хватитъ-ли ихъ и вынесетъ-ли онъ борьбу.

По натурѣ своей С. Я. былъ въ высшей степени общителенъ. Его такъ и влекло къ людямъ. Если онъ не писалъ чего-нибудь или не читалъ одну за другою книги, что происходило преимущественно ночью, то непремѣнно былъ окруженъ кѣмъ-нибудь. Разговоръ его былъ остроуменъ, живъ, разнообразенъ, часто веселъ и даже дѣтски-игривъ—особенно въ дружеской бесѣдѣ; но на-единѣ съ собой веселая игривость замѣнялась задумчивостью, чаще мечтами, и тогда онъ любилъ уютный уголокъ, или дневникъ, надъ которымъ засиживался по-долгу, не внося въ него ни одного слова Работалъ онъ почти всегда, что называется, „запоемъ". Мысль у него долго бродила въ головѣ, и только совершенно выносивъ ее тутъ, усаживался онъ за бумагу. Хотя стихи выливались у него сразу, такъ что нигдѣ въ черновыхъ тетрадяхъ не найдется двухъ строкъ безъ риомъ, но онъ усидчиво, долго и добросовѣстно работалъ надъ отдѣлкою своихъ стихотвореній, помня изреченіе поэта, которое и любилъ приводить: „Правилу слѣдуй упорно: чтобы

словамъ было тѣсно, мыслямъ—просторно". Онъ не довольствовался первою вылившеюся формой стиха, переработывалъ ее, или вовсе отбрасывалъ, и снова писалъ, пока стихотвореніе не пріобрѣтало пѣвучести и, главное, сжатости.—Эта черта находилась у Надсона въ связи съ другой отличительною особенностью его—замѣчательною скромностью къ себѣ и къ своимъ поэтическимъ трудамъ, къ которымъ онъ относился очень строго, о чемъ свидѣтельствуетъ большое количество его посмертныхъ стихотвореній, которыя онъ, несмотря на ихъ несомнѣнное поэтическое достоинство, не рѣшался однако печатать. Сюда же надо присоединить постоянную работу его надъ своимъ самообразованіемъ — работу, состоявшую въ безпрерывномъ изученіи произведеній иностранной и русской литературы, въ постоянномъ стремленіи расширять свой умственный кругозоръ, обогащать себя познаніями,— въ чемъ помогала ему его необыкновенная память.

Въ практической жизни, въ своемъ житейскомъ обиходѣ, Надсонъ былъ тѣмъ, что принято называть идеалистомъ. Деньги онъ какъ-то особенно не любилъ и не цѣнилъ, и послѣднія два-три года не держалъ ихъ у себя, а всегда отдавалъ лицамъ, ходившимъ за нимъ, причемъ раздражался и сердился, когда при немъ ихъ считали или заводили о нихъ рѣчь. Если же случайно у него въ карманѣ оказывалось нѣсколько франковъ или рублей, онъ сейчасъ отдавалъ ихъ первому встрѣчному, просившему ихъ у него, или же нищимъ.

Такимъ оставался онъ всю свою жизнь, такимъ и сошелъ въ свою, слишкомъ преждевременную, слишкомъ жестоко открывшуюся для него, могилу. И прекрасно охарактеризовалъ это грустное и короткое существованіе молодаго поэта другой поэтъ, старѣйшій,—Я. П. Полонскій,—въ своемъ стихотвореніи на смертъ Надсона:

Онъ вышелъ въ сумерки. Прощальный
Лучъ солнца въ тучахъ догоралъ;
Казалось, факелъ погребальный
Ему дорогу освѣщалъ.

Въ темь надвигающейся ночи
Вперивъ задумчивыя очи,
Онъ видѣлъ—смерть идетъ...
Хотѣлъ
Тревоги сердца успокоить
И хоть не могъ еще настроить
Всѣхъ струнъ души своей,—запѣлъ.
И былъ тотъ голосъ съ нервной дрожью,
Какъ голосъ брата, въ часъ глухой,
Подслушанъ пылкой молодежью
И чуткой женскою душой.

Безъ вѣры въ плодъ своихъ стремленій,
Любя, страдая, чуть дыша,
Онъ жаждалъ свѣтлыхъ откровеній—
И темныхъ недоразумѣній
Была полна его душа.
И умъ его не зналъ досуга:
Поэта-ль, женщину иль друга
Встрѣчалъ онъ на пути своемъ,
Рой образовъ боролся въ немъ
Съ роями мыслей неотвязныхъ...
. . . .
Разсудку не хватало словъ,
И сердце жаждало стиховъ
Унылыхъ и однообразныхъ,
Какъ у пустынныхъ береговъ
Немолчный шумъ морскихъ валовъ.
Томилъ недугъ, и вдохновенье
Томило до изнеможенья.
Не даромъ изъ страны въ страну
Блуждая, онъ искалъ спасенья.
И какъ эмблему возрожденья,

Любилъ цвѣтущую весну:
Но больше всѣхъ благоуханій
И чужеземныхъ алтарей
Поэтъ тревожныхъ упованій

. . . .

Любилъ среди своихъ блужданій
Отчизну бѣдную свою.
Ея мятелями обвѣянъ.
Ея пигмеями осмѣянъ,
Онъ жить хотѣлъ въ родномъ краю,
И тамъ, подъ шумъ роднаго моря,
Въ горахъ, среди цвѣтущихъ виллъ,
Чтобъ отдохнуть отъ золъ и горя,
Прилегъ—и въ Богѣ опочилъ.

Спи, съ миромъ, юноша-поэтъ,
Вкусившій по дорогѣ краткой
Все, что любовь даетъ украдкой:
Отраву ласки и клеветъ,
Разлуки гнетъ, часы свиданій,
Шумъ славы, громъ рукоплесканій,
Насмѣшку, холодъ и привѣтъ,—
Спи съ миромъ, юноша-поэтъ!

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ

Н. М. Д—ой.

Не я пишу—рукой моею,
Какъ встарь, владѣешь ты, любя,
И каждый лживый звукъ подъ нею
Въ могилѣ мучилъ бы тебя...

1878-ой годъ.

НА ЗАРѢ.

Заревомъ заката даль небесъ объята,
Рѣчка голубая блещетъ какъ въ огнѣ;
Нѣжными цвѣтами убраны богато
Тучки утопаютъ въ ясной вышинѣ.
Кое-гдѣ, мерцая блѣдными лучами.
Звѣздочки-шалуньи въ небесахъ горятъ.
Лѣсъ, облитый свѣтомъ, не дрогнетъ вѣтвями,
И въ вечерней нѣгѣ мирно нивы спятъ.
Только ты не знаешь нѣги и покоя.
Грудь моя больная, полная тоской.
Что-жъ тебя волнуетъ? Грустное-ль былое,
Иль надеждъ разбитыхъ безотрадный рой?
Заползли-ль змѣею злобныя сомнѣнья,
Отравили вѣру въ счастье и людей,
Страсти-ли мятежной грезы и волненья
Вспыхнули нежданно въ глубинѣ твоей?
Иль, въ борьбѣ съ судьбою погубивши силы,
Ты ужь тяготишься этою борьбой
И, забывъ надежды, мрачно ждешь могилы,
Съ малодушной грустью, съ желчною тоской?
Полно, успокойся, сбрось печали бремя:
Не пройдетъ безплодно тяжкая борьба,
И зарею ясной запылаетъ время,
Время свѣтлой мысли, правды и труда.

Апрѣль.

*

КРУГОМЪ ЛЕГЛИ НОЧНЫЯ ТѢНИ.

Кругомъ легли ночныя тѣни,
Глубокой мглой окутанъ садъ;
Кусты душистыя сирени
Въ весенней нѣгѣ мирно спятъ.
Склонясь зелеными вѣтвями,
Осока дремлетъ надъ прудомъ.
И небо яркими звѣздами
Горитъ въ сіяньи голубомъ.
Усни, забытый злой судьбою,
Усни, усталый и больной,
Усни, подавленный нуждою,
Измятый трудною борьбой!
Пусть ядъ безжалостныхъ сомнѣній
Въ груди истерзанной замретъ.
И рой отрадныхъ сновидѣній
Тебя неслышно обойметъ.
Усни, чтобъ завтра съ силой новой
Бороться съ безотрадной мглой,
Чтобъ не устать въ борьбѣ суровой,
Чтобъ не поддаться подъ грозой;
Чтобъ челнъ свой твердою рукою
По морю жизни направлять
Туда, гдѣ свѣтлою зарею
Едва подернулася гладь,
Гдѣ скоро жаркими лучами
Свѣтъ мысли ласково блеснетъ.
И солнце правды надъ водами
Въ красѣ незыблемой взойдетъ.

ВО МГЛѢ.

Была пора,—мы въ міръ вступали
Могучей, твердою стопой;
Сомнѣнья злыя не смущали
Тогда нашъ разумъ молодой.
Мы дѣтски вѣровали въ счастье,
Въ науку, въ правду и людей,
И смѣло всякое ненастье
Встрѣчали грудью мы своей.
Мечты насъ гордо призывали
Жить для другихъ, другимъ служить,
И всѣ мы горячо желали
Не безполезно жизнь прожить.
Мы думали, что близко время,
Когда мы всюду свѣтъ прольемъ,
Когда цѣпей тяжелыхъ бремя
Мы съ мысли скованной сорвемъ;
Когда, какъ дивное сіянье,
Блеснутъ повсюду надъ землей
Свобода, честность, правда, знанье,
И трудъ высокій и святой.
Мы выходили на дорогу
Съ желаньемъ пользу принести,
И достигали по-немногу
До края нашего пути;
Мы честно шли, и отъ начала
Вплоть до заката нашихъ дней
Звучалъ намъ голосъ идеала:
«Впередъ за міръ и за людей!»

—

Но годы тѣ давно промчались:
Жизнь шла обычной чередой...
И съ прошлымъ мы на вѣкъ разстались
И жизнью зажили иной.
Забыли мы свои желанья;
Они прошли для насъ, какъ сны.
И наши прошлыя мечтанья
Намъ стали странны и смѣшны:
Мы входимъ въ міръ, все отрицая,
Безъ жажды пользу приноситъ;
Нашъ пошлый смѣхъ, не понимая,
Готовъ все свѣтлое клеймить;
Зовемъ мы предразсудкомъ чувство,
Въ груди у насъ сомнѣній адъ,
Сорвавъ вѣнецъ златой съ искусства,
Мы увѣнчали имъ развратъ.
И грязь презрѣнія бросая
Въ тѣхъ, кто силенъ еще душой,
Проходимъ жизнь мы, попирая
Святыню дерзкою рукой!...
Проснись-же тотъ, въ чьемъ сердцѣ живы
Желанья лучшихъ, свѣтлыхъ дней,
Кто благородные порывы
Не заглушилъ въ груди своей!...
Иди впередъ къ зарѣ познанья;
Борясь съ глубокой мглой ночной,
Чтобъ свѣта яркое сіянье
Блеснуло снова надъ землей!...

ИДЕАЛЪ.

Не говори, что жизнь—игрушка
Въ рукахъ безсмысленной судьбы,
Безпечной глупости пирушка
И ядъ сомнѣній и борьбы.
Нѣтъ, жизнь разумное стремленье
Туда, гдѣ вѣчный свѣтъ горитъ.
Гдѣ человѣкъ, вѣнецъ творенья,
Надъ міромъ высоко царитъ.

—

Внизу, воздвигнуты толпою,
Тельцы минутные стоятъ
И золотою мишурою
Людей обманчиво манятъ;
За этотъ призракъ идеаловъ
Немало сгибнуло борцовъ,
И льется кровь у пьедесталовъ
Борьбы не стоющихъ тельцовъ.

—

Проходитъ время,—люди сами
Ихъ свергнуть съ высоты спѣшатъ,
И, тѣшась новыми мечтами,
Другихъ тельцовъ боготворятъ;
Но лишь одинъ стоитъ отъ вѣка,
Внѣ власти суетной толпы,
Кумиръ великій человѣка
Въ лучахъ духовной красоты.

—

И тотъ, кто мыслію летучей
Съумѣлъ подняться надъ толпой,
Любви оцѣнитъ свѣтъ могучій
И сердца идеалъ святой!
Онъ броситъ всѣ кумиры вѣка
Съ ихъ мимолетной мишурой,
И къ идеалу человѣка
Пойдетъ увѣренной стопой!

ПОХОРОНЫ

Слышишь—въ селѣ, за рѣкою зеркальной,
Глухо разносится звонъ погребальный
    Въ сонномъ затишьи полей;—
Грозно и мѣрно, ударъ за ударомъ,
Тонетъ въ дали, озаренной пожаромъ
    Алыхъ вечернихъ лучей...

Слышишь—звучитъ похоронное пѣнье:
Это апостолъ труда и терпѣнья—
    Честный рабочій почилъ...
Долго онъ шелъ трудовою дорогой,
Долго родимую землю съ тревогой
    Пòтомъ и кровью поилъ

Жегъ его полдень горячимъ сіяньемъ,
Вѣтеръ знобилъ леденящимъ дыханьемъ,
    Туча мочила дождемъ...
Выогой избёнку его заметало,
Градомъ на нивахъ его побивало
    Колосъ, взрощенный трудомъ.

Много онъ вынесъ могучей душою,
Съ дѣтства привыкшей бороться съ судьбою.
Пусть же, зарытый землей,
Онъ отдохнетъ отъ заботъ и волненья—
Этотъ апостолъ труда и терпѣнья
Нашей отчизны родной.

* * *

Я чувствую и силы, и стремленье
Служить другимъ, бороться и любить;
На ихъ алтарь несу я вдохновенье,
Чтобъ въ трудный часъ ихъ пѣсней ободрить.
Но кто пойметъ, что не пустые звуки
Звенятъ въ стихѣ неопытномъ моемъ,—
Что каждый стихъ—дитя глубокой муки
Рожденное въ раздумьи роковомъ;
Что каждый мигъ «святого вдохновенья»
Мнѣ стоилъ слезъ, невидныхъ для людей.
Нѣмой тоски, тревожнаго сомнѣнья,
И скорбныхъ думъ въ безмолвіи ночей?!.

* * *

Не весь я твой—меня зовутъ
Иная жизнь, иныя грезы...
Отъ нихъ меня не оторвутъ
Ни ласки жаркія, ни слезы.

Любя тебя я не забылъ,
Что жизни цѣль—не наслажденье;
Въ душѣ своей не заглушилъ
Къ сіянью истины стремленье;

Не двинулъ къ пристани свой челнъ
Я малодушною рукою,
И смѣло мчусь по гребнямъ волнъ
На грозный бой съ глубокой мглою!..

* * *

Терпи... Пусть взоръ горитъ слезою,
Пусть въ сердцѣ жгучія сомнѣнья!..
Не жди людского сожалѣнья
И, затаивъ въ груди мученья,
Борись одинъ съ своей судьбой...

Пусть устаешь ты съ каждымъ днемъ,
Пусть съ каждымъ днемъ все меньше силы...
Что-жъ, радуйся: такимъ путемъ
Дойдешь скорѣй, чѣмъ мы дойдемъ
До цѣли жизни—до могилы.

ВПЕРЕДЪ.

Впередъ, забудь свои страданья,
Не отступай передъ грозой,
Борись за дальнее сіянье
Зари, блеснувшей въ тьмѣ ночной!

Трудись, покуда сильны руки,
Надежды ясной не теряй,
Во имя свѣта и науки
Свой честный свѣточъ подымай!
Пускай клеймятъ тебя презрѣньемъ,
Пускай безсмысленный укоръ
Въ тебя бросаетъ съ озлобленьемъ
Толпы поспѣшный приговоръ:
Иди, не падая душою,
Своею торною тропой,
Встрѣчая грудью молодою
Всѣ бури жизни трудовой.
Буди уснувшихъ въ мглѣ глубокой,
Упавшимъ—руку подавай
И слово истины высокой
Въ толпу, какъ лучъ живой, бросай.

ХРИСТІАНКА.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.
Пушкинъ «Русл. и Людм.»

I.

Спитъ гордый Римъ, одѣтый мглою,
Въ тѣни разросшихся садовъ;
Полны глубокой тишиною
Ряды нѣмыхъ его дворцовъ;
Весенней полночи молчанье
Царитъ на сонныхъ площадяхъ;
Луны капризное сіянье
Въ рѣчныхъ колеблется струяхъ.

И Тибръ, блестящей полосою
Катясь межъ темныхъ береговъ,
Шумитъ задумчивой струею
Въ даль убѣгающихъ валовъ.
Въ рукахъ распятіе сжимая,
Въ сѣдыхъ стѣнахъ тюрьмы сырой
Спитъ христіанка молодая,
На грудь склонившись головой.
Безплодны были всѣ старанья
Ея суровыхъ палачей:
Ни обѣщанья, ни страданья
Не сокрушили вѣры въ ней.
Безчеловѣчною душою
Судьи на смерть осуждена,
На-завтра предъ инымъ Судьею
Предстанетъ въ небесахъ она.
И вотъ, полна святымъ желаньемъ
Все въ жертву небу принести,
Она идетъ къ концу страданья,
Къ концу тернистаго пути...

И снятся ей поля родныя,
Шатры лимоновъ и дубовъ,
Рѣки изгибы голубые
И юныхъ лѣтъ пріютный кровъ;
И прежнихъ мирныхъ наслажденій
Она переживаетъ дни,—
Но ни тревогъ, ни сожалѣній
Не пробуждаютъ въ ней они.
На все земное безъ участья
Она привыкла ужь смотрѣть;
Не нужно ей земного счастья,—
Ей въ жизни нечего жалѣть;
Полна небесныхъ упованій,
Она, безъ жалости и слезъ,
Разбила рой земныхъ желаній

И юный міръ роскошныхъ грезъ,—
И на алтарь Христа и Бога
Она готова принести
Все, чѣмъ красна ея дорога,
Что ей свѣтило на пути.

II.

Поднявшись гордо надъ рѣкою,
Дворецъ Нерона мирно спитъ;
Вокругъ зеленою семьею
Рядъ стройныхъ тополей стоитъ;
Въ душистомъ мракѣ утопая,
Спокойной нѣгой дышетъ садъ;
Въ его тѣни, струей сверкая,
Ключи студеные журчатъ.
Вдали зубчатой полосою
Уходятъ горы въ небеса,
И, какъ плащемъ, одѣты мглою
Стоятъ священные лѣса.

Все спитъ. Одинъ Альбинъ угрюмый
Сидитъ въ раздумьи у окна...
Тяжелой, безотрадной думой
Его душа возмущена.
Врагъ христіанъ, патрицій славный,
Въ бояхъ испытанный герой,
Подъ игомъ страсти своенравной,
Какъ рабъ, поникъ онъ головой.
Вдали толпы, пировъ и шума,
Подъ кровомъ полночи нѣмой,
Все та-же пламенная дума
Сжимаетъ грудь его тоской.
Мечта нескромная смущаетъ
Его блаженствомъ неземнымъ,

Воображенье вызываетъ
Картины страстныя предъ нимъ.
И въ полумглѣ весенней ночи
Онъ видитъ образъ дорогой,
Черты любимыя и очи,
Надеждой полныя святой.

III.

Съ тѣхъ поръ, какъ дѣва молодая
Къ нему на судъ приведена,
Проснулась грудь его нѣмая
Отъ долгой тьмы глухого сна:
Развратъ дворца въ душѣ на время
Стремленья чистыя убилъ,
Но свѣтъ любви порока бремя
Мечемъ карающимъ разбилъ,
И казнь Маріи изрекая,
Дворца и Рима гордый сынъ,
Онъ самъ, того не сознавая,
Ужь былъ въ душѣ христіанинъ.
И рѣчи узницы прекрасной
Съ вниманьемъ жаднымъ онъ ловилъ,
И свѣтъ великій вѣры ясной
Глубоко корни въ немъ пустилъ.
Любовь и вѣра побѣдили
Въ немъ заблужденья прежнихъ дней,
И душу гордую смутили
Высокой прелестью своей.

IV.

Заря блестящими лучами
Зажглась на небѣ голубомъ,
И свѣтъ огнистыми волнами
Блеснулъ причудливо кругомъ.
За нимъ, вѣнцомъ лучей сіяя,
Проснулось солнце за рѣкой

И, свѣтлымъ дискомъ выплывая,
Сверкаетъ гордо надъ землей...
Проснулся Римъ. Народъ толпами
Въ амфитеатръ шумя спѣшитъ,
И черни пестрыми волнами
Циркъ, полный до-верху, кипитъ,
И въ ложѣ, убранной богато,
Въ пурпурной мантіи своей,
Залитый въ серебро и злато,
Сидитъ Неронъ въ кругу друзей.
Подавленъ безотрадной думой,
Альбинъ, патрицій молодой,
Какъ ночь, прекрасный и угрюмый,
Межъ нихъ сіяетъ красотой.

—

Толпа шумитъ нетерпѣливо
На отведенныхъ ей мѣстахъ,
Но—поданъ знакъ, и дверь визгливо
На ржавыхъ подалась петляхъ,—
И, на арену выступая,
Тигрица вышла молодая...
Во-слѣдъ за ней походкой смѣлой
Вошла, съ распятіемъ въ рукахъ,
Страдалица въ одеждѣ бѣлой,
Съ спокойной твердостью въ очахъ.
И вмигъ всеобщее движенье
Смѣнилось мертвой тишиной,
Какъ дань нѣмого восхищенья
Предъ неземною красотой.
Альбинъ, поникнувъ головою,
Весь блѣдный, словно тѣнь стоялъ...
. . . .
. . . .
И вдругъ предъ стихнувшей толпою
Волшебный голосъ зазвучалъ:

V.

«Въ послѣдній разъ я открываю
Мои дрожащія уста:
Прости, о Римъ, я умираю
За вѣру въ моего Христа!
И въ эти смертныя мгновенья,
Моимъ прощая палачамъ,
За нихъ послѣднія моленья
Несу я къ горнимъ небесамъ:
Да не осудитъ ихъ Спаситель
За кровь пролитую мою,
Пусть приметъ ихъ святой Учитель
Въ свою великую семью!
Пусть свѣточъ чистаго ученья
Въ сердцахъ холодныхъ онъ зажжетъ,
И рай любви и примиренья
Въ ихъ жизнь мятежную прольетъ!..»

—

Она замолкла,—и молчанье
У всѣхъ царило на устахъ:
Казалось, будто состраданье
Въ ихъ черствыхъ вспыхнуло сердцахъ...
. . . .
Вдругъ на аренѣ, предъ толпою,
Съ огнемъ въ очахъ предсталъ Альбинъ
И молвилъ: — «Я умру съ тобою...
О Римъ,—и я христіанинъ...»

—

Циркъ вздрогнулъ, зашумѣлъ, очнулся,
Какъ лѣсъ осеннею грозой,—
И звѣрь испуганно метнулся,
Прижавшись къ двери роковой...

Вотъ онъ крадется, выступая,
Ползетъ неслышно, какъ змѣя...
Скачокъ... и, землю обагряя,
Блеснула алая струя...

Святыню смерти и страданій
Римъ звѣрскимъ смѣхомъ оскорбилъ.
И дикій громъ рукоплесканій
Мольбу послѣднюю покрылъ.

—

Глубокой древности сказанье
Прошло сѣдыя времена,
И безпристрастное преданье
Хранитъ святыя имена.
Простой народъ тепло и свято
Съумѣлъ въ преданьи сохранить,
Какъ люди въ-старину, когда-то,
Умѣли вѣрить и любить!..

ВЪ ТИХОЙ ПРИСТАНИ.

На берегъ радостный выноситъ
Мою ладью девятый валъ.
Пушкинъ.

Вотъ нашъ старый съ колоннами сѣренькій домъ,
Съ красной крышей, съ массивнымъ балкономъ,
Темный садъ на просторѣ разросся кругомъ,
И поля, утопая во мракѣ ночномъ,
Съ отдаленнымъ слились небосклономъ.
По полямъ, извиваясь блестящей струей,
Льется рѣчка студеной волною,
И бесѣдка, одѣтая сочной листвой,

Наклонясь надъ лазурной ея глубиной,
Отражается гладью рѣчною.

Тихо шепчетъ струя про любовь и покой
И, во мракѣ звеня, замираетъ,
И душистый цвѣтокъ, надъ кристальной струей
Наклонившись лукавой своей головой,
Нѣжнымъ звукамъ въ раздумьѣ внимаетъ.
Здравствуй, родина-мать! Полный вѣры святой,
Полный грезъ и надежды на счастье,
Я покинулъ тебя—и вернулся больной,
Закаленный въ нуждѣ, изнуренный борьбой,
Безъ надеждъ, безъ любви и участья.

Здравствуй, родина-мать! Убаюкай, согрѣй,
Оживи меня лаской святою,
Лаской глуби лѣсной, лаской темныхъ ночей,
Лаской синихъ небесъ и безбрежныхъ полей,
Соловьиною пѣснью живою.

Дай поплакать хоть разъ далеко отъ людей,
Не боясь ихъ насмѣшки жестокой,
Отдохнуть на груди на зеленой твоей,
Позабыть о загубленной жизни моей,
Полной муки и грусти глубокой!

1879-ый годъ.

ВЪ ТѢНИ ЗАДУМЧИВАГО САДА.

I.

Въ тѣни задумчиваго сада,
Гдѣ по обрыву, надъ рѣкой,
Ползетъ зеленая ограда
Кустовъ акаціи густой,
Гдѣ такъ жасминъ благоухаетъ,
Гдѣ ива плачетъ надъ водой,—
Въ прозрачныхъ сумеркахъ мелькаетъ
Твой образъ стройный и живой.

II.

Кто ты, шалунья,—я не знаю,
Но милымъ пѣснямъ на рѣкѣ
Я часто издали внимаю
Въ моемъ убогомъ челнокѣ.
Онѣ звенятъ, звенятъ и льются
То съ дѣтской вѣрой, то съ тоской,
И звонкимъ эхомъ раздаются
За неподвижною рѣкой.

III.

Но чуть меня ты замѣчаешь
Въ густыхъ прибрежныхъ камышахъ,
Ты вдругъ лукаво замолкаешь
И робко прячешься въ кустахъ,

И я, въ глуши, сосѣдъ случайный
И твой случайный врагъ и другъ,
Люблю слѣдить съ отрадой тайной
Твой полный граціи испугъ.

IV.

Недологъ онъ: пройдетъ мгновенье—
И вновь изъ зелени густой
Твое серебряное пѣнье
Летитъ и тонетъ за рѣкой.
Мелькнетъ кудрявая головка,
Блеснетъ лукавый, гордый взоръ—
И все поетъ, поетъ плутовка,
И пѣснямъ вторитъ синій боръ.

V.

Стемнѣло... Зарево заката
Слилось съ лазурью голубой,
Туманной дымкой даль объята,
Поднялся мѣсяцъ надъ рѣкой;
Кустовъ нѣмыя очертанья
Стоятъ какъ будто въ серебрѣ,—
Прощай,—до новаго свиданья
И новыхъ пѣсенъ на зарѣ!...

НАДЪ СВѢЖЕЙ МОГИЛОЙ.

(Памяти Н. М. Д.)

Я вновь одинъ—и вновь кругомъ
Все та-же ночь и мракъ унылый,
И я въ раздумьи роковомъ
Стою надъ свѣжею могилой:
Чего мнѣ ждать, къ чему мнѣ жить,
Къ чему бороться и трудиться: —
Мнѣ больше некого любить,
Мнѣ больше некому молиться!..

БОЯРИНЪ БРЯНСКІЙ.

НАРОДНОЕ ПРЕДАНІЕ *).

I.

За зеленымъ лѣсомъ зорька золотая
Гаснетъ, догарая алыми лучами;
Съ вышины лазурной ночка голубая
Смотритъ внизъ на землю звѣздами-очами;
Надъ рѣкой клубятся легкіе туманы,
И бѣжитъ шалунья, нивы обвивая,
Пробуждая плескомъ сонныя поляны,
Темный лѣсъ веселой струйкой оживляя.

*) Это преданіе распространено въ Тверской губ., въ деревнѣ Лакотцы.

II.

Нѣкогда надъ этой рѣчкой голубою,
Былъ боярскій теремъ, мрачный и угрюмый.
Онъ стоялъ, одѣтый зеленью густою,
Точно гордый витязь съ затаенной думой.
На зарѣ нерѣдко тишина нѣмая
Нарушалась пѣснью дѣвичьей живою:
Въ теремѣ угрюмомъ, юность вспоминая,
Жилъ опальный кравчій съ дочкой молодою.

III.

Занятый мечтою о минувшемъ счастьѣ,
Вспоминая сердцемъ прежнія сраженья,
Нелегко бояринъ выносилъ ненастье,
Втайнѣ ожидая царскаго прощенья.
Но года бѣжали—изъ Москвы нѣтъ вѣсти,
Посѣдѣлъ бояринъ въ горѣ и изгнаньи;
Постарѣлъ онъ въ думѣ о боярской чести,
И въ глубокомъ, скрытомъ на душѣ, страданьи.

IV.

Между тѣмъ изъ прежней розовой малютки
Дочь его ужь стала дѣвушкой-красою.
На устахъ лукавыхъ вѣчный смѣхъ да шутки,
Ясный взоръ сверкаетъ жизнью молодою.
Чуть блеснетъ бывало зорька золотая
Надъ рѣкой, одѣтой утреннимъ туманомъ,
Ужь звенитъ и льется пѣсня, не смолкая,
По лугамъ росистымъ и лѣснымъ полянамъ.

V.

День пройдетъ въ работѣ. Вечеромъ ведется
Разговоръ про славу и былыя брани.
Оживетъ бояринъ... сердце встрепенется,
Вспомнивъ про паденье и позоръ Казани.

Слушаетъ Марія—грезы молодыя
Битву ей рисуютъ яркими чертами...
А въ окошко смотрятъ звѣзды золотыя,
И луна сверкаетъ блѣдными лучами.

VI.

За окномъ деревья, будто великаны,
Шевелятъ въ раздумьи темными вѣтвями;
Словно дымъ отъ пушекъ, бѣлые туманы
Надъ рѣкой зеркальной носятся волнами.
И въ ночномъ затишьи слышатся ей звуки:
Стоны, плачъ, проклятья, страшный вопль страданья,
И порой какъ будто крикъ послѣдней муки
За рѣкой раздастся въ гробовомъ молчаньи.

VII.

Съ утромъ вновь смѣются розовыя губки,
И далеко слышны милый смѣхъ и шутки.
Съ утромъ—снова пѣсни льются, не смолкая.
Такъ бѣжитъ неслышно молодость живая.
Ужь пора и замужъ отдавать Марію;
Загрустилъ бояринъ гордый и угрюмый
И не спалъ нерѣдко ночи голубыя,
Занятый все той же неразлучной думой.

VIII.

Часто проникало тайное сомнѣнье
Въ грудь его больную злобною змѣею.
Полно, не напрасно-ль жаждетъ онъ прощенья,
Не забытъ-ли Брянскій Русью и Москвою?
Можетъ быть другіе стали тамъ, у трона,
Царскій взоръ встрѣчаютъ, пьютъ изъ чаши царской,
Можетъ быть другіе царству оборона,
Сѣли въ царской думѣ на скамьѣ боярской?

IX.

Нѣтъ, не позабыты прежнія сраженья,
Не забытъ и Брянскій, и гонецъ стрѣлою
Въ теремъ одинокій вѣстникомъ прощенья
Прискакалъ однажды полночью глухою.
Ожилъ мрачный теремъ,—принялись за сборы,
Ожилъ и бояринъ и гонцу внимаетъ:
«Царь-де забываетъ старые раздоры
И тебя, бояринъ, снова призываетъ».

X.

Радъ бояринъ. Только дочь его Марія,
То узнавъ, поникла русой головою.
Какъ огнемъ сверкнули глазки голубые
Горемъ и внезапной, тайною тоскою.
Сердце молодое облилось въ ней кровью,
Больно ей разстаться съ тихою дубравой,
А еще больнѣе—съ первою любовью,
Съ смѣлой, безталанной головой кудрявой.

XI.

Ужь давно въ сосѣдствѣ мелкимъ дворяниномъ
Жилъ Петруша Власовъ съ матерью сѣдою;
Жилъ онъ одиноко, скромнымъ селяниномъ,
Самъ ходилъ по пашнѣ за своей сохою.
Какъ слюбилась съ парнемъ гордая Марія,—
Это знаютъ только звѣзды золотыя,
Звѣзды золотыя, ноченьки глухія,
Да шалуньи-рѣчки волны голубыя.

XII.

И не видитъ Брянскій, что ночной порою
Тамъ, въ свѣтлицѣ душной, тихо льются слезы,
И не знаетъ Брянскій, за кого съ тоскою
Въ небеса несутся и мольбы, и грезы.

Утомился Брянскій и уснулъ глубоко;
Спитъ онъ и не знаетъ, что его Марія
Убѣжать рѣшилась отъ отца далеко,
И покрыть позоромъ волосы сѣдые.

XIII.

Злобно воетъ вѣтеръ, тучи нагоняя;
За угрюмымъ лѣсомъ дальній громъ играетъ,
Ужь давно погасла зорька золотая,
И сѣдая полночь пологъ разстилаетъ;
Изъ окна Маріи нитью золотою
По волнамъ привѣтный огонекъ играетъ,
И давно Марія съ тайною тоскою
Смотритъ въ садъ и знака къ бѣгству поджидаетъ.

XIV.

Каждый легкій шорохъ, каждое движенье, —
Все въ ней вызываетъ муку ожиданья.
«Вотъ онъ... вотъ»... но снова пролетитъ мгновенье
И опять повсюду мертвое молчанье:
Только вѣтеръ съ плачемъ шевелитъ вѣтвями,
И кусты осоки надъ рѣкой качаетъ,
Да рѣка о берегъ мутными волнами
Съ безъисходной грустью глухо ударяетъ.

XV.

Чу... хрустятъ и гнутся камыши рѣчные,
Кто-то молодецки борется съ волнами...
— «Ты, Петруша?..» тихо молвила Марія,
Въ темноту впиваясь робкими очами.
— «Я... скорѣе, Маша»... И на все готовый
Ждалъ онъ, прислонившись. Жадно грудь дышала,
Полонъ былъ отваги взоръ его суровый,
И широкій ножикъ рученька сжимала.

XVI.

Вотъ она... раскрылись жаркія объятья,
И уста слилися съ нѣжными устами...
Вдругъ во мглѣ глубокой раздались проклятья,
Глухо повторяясь дальними горами:
«Здравствуй дочь! не ждала гостя дорогого?..
Принимай и потчуй изъ руки дворянской!..
Принимай съ почетомъ старика сѣдого!..»
Загремѣлъ, отъ злобы задыхаясь, Брянскій.

XVII.

Но ужь было поздно: бѣглецы сокрылись!
Вотъ они безмолвно борятся съ волнами;
Вотъ кусты осоки тихо разступились,
И они исчезли, скрытые вѣтвями;
Онъ плыветъ за ними... старческой рукою
Волны-великаны смѣло разсѣкаетъ...
Не доплылъ бояринъ—скрылся подъ водою,
И надъ нимъ свой пологъ рѣчка закрываетъ.

XVIII.

Изъ кустовъ прибрежныхъ бѣглецы взирали
Какъ погибъ бояринъ—но они и сами
Въ безпощадной битвѣ силы потеряли;
Имъ не сладить снова съ бурными волнами.
Между тѣмъ, разбуженъ криками ночными,
Ожилъ старый витязь—теремъ одинокій;
Закипѣлъ повсюду толками людскими,
Засіялъ огнями въ темнотѣ глубокой.

XIX.

Надъ рѣкой собравшись тѣсною толпою,
Слуги разсуждали о бѣдѣ великой:

Какъ бы лучше сладить съ мачихой-судьбою,
Какъ поладить съ рѣчкой бурною и дикой.
Вдругъ дворецкій вспомнилъ древнее преданье:
«Изъ воды возможно выкупить деньгами».
И сейчасъ же отдалъ слугамъ приказанье
Отворить подвалы ржавыми ключами.

XX.

По волнамъ мятежнымъ лунный лучъ дробится.
И въ кустахъ осоки, гробовымъ рыданьемъ,
Рѣзкій вѣтеръ стонетъ и угрюмо злится.
Проносясь по листьямъ съ тихимъ завываньемъ.
Заскрипѣли двери, сундуки съ деньгами
Вынесли на берегъ; въ волны голубыя
Серебро со звономъ падаетъ горстями...
Глухо вторятъ звону струйки золотыя...

XXI

Буря умолкаетъ... рѣчка голубая—
Стихла по-немногу грозными волнами,
И надъ ней, качаясь, тихо выплываетъ
Голова сѣдая съ мокрыми кудрями.
Вотъ и плечи видно... руки обнажились,
Въ серебристой пѣнѣ борода мелькаетъ...
Но опять сѣдыя волны разступились,
И рѣка добычу снова поглощаетъ.

XXII.

«Денегъ не хватило... больше нѣтъ спасенья»...
Надъ рѣкой рыдаетъ бѣдная Марія,
Грудь ея волнуютъ горе и мученья,
Въ головѣ мелькаютъ мысли роковыя:
«Я всему виною... я тебя убила»...
Шепчетъ дочь, поникнувъ въ горѣ надъ водою;

«Тамъ, въ пучинѣ влажной, тамъ твоя могила...
Нѣтъ, я не разстанусь, мой отецъ, съ тобою»..

XXIII.

И глухимъ рыданьемъ замеръ голосъ нѣжный.
Гдѣ-жъ она?.. смотрите... вонъ она мелькаетъ.
Надъ пучиной темной въ пѣнѣ бѣлоснѣжной,
И въ волнахъ угрюмыхъ тихо исчезаетъ.
Нѣтъ ея... погибла бѣдная Марія!
Нѣтъ ея... надъ нѣжной, русой головою
Глухо захлебнулись волны голубыя
Влажной и холодной, синей пеленою.

XXIV.

Съ той поры нерѣдко полночью глухою
Надъ рѣкой слыхали тихія рыданья.
— «То бояринъ Брянскій съ дочкой молодою»,—
Говоритъ народа робкое преданье,
— «То бояринъ Брянскій проситъ погребенья»...
И спѣшитъ прохожій скорыми шагами
Прочь отъ страшной рѣчки въ мирное селенье.
По тропинкѣ, скрытой темными кустами.

ІУДА.

I.

Христосъ молился.... Потъ кровавый
Съ чела поникшаго бѣжалъ...
За родъ людской, за родъ лукавый,
Христосъ моленья возсылалъ;
Огонь святого вдохновенья
Сверкалъ въ чертахъ Его лица.
И Онъ съ улыбкой сожалѣнья
Сносилъ послѣднія мученья
И боль терноваго вѣнца.
Вокругъ креста толпа стояла,
И грубый смѣхъ звучалъ порой...
Слѣпая чернь не понимала,
Кого насмѣшливо пятнала
Своей безсильною враждой.
Что сдѣлалъ Онъ? За что на муку
Онъ осужденъ, какъ рабъ, какъ тать,
И кто дерзнулъ безумно руку
На Бога своего поднять?
Онъ въ міръ вошелъ съ святой любовью,
Училъ, молился и страдалъ—
И міръ Его невинной кровью
Себя навѣки запятналъ!..
Свершилось!...

II.

Полночь голубая
Горѣла кротко надъ землей;
Въ лазури ласково сіяя,
Поднялся мѣсяцъ золотой.

Онъ то задумчивымъ мерцаньемъ
За дымкой облака сверкалъ,
То снова трепетнымъ сіяньемъ
Голгофу ярко озарялъ.
Внизу, окутанный туманомъ,
Виднѣлся городъ съ высоты.
Надъ нимъ, подобно великанамъ,
Чернѣли грозные кресты.
На двухъ изъ нихъ еще висѣли
Казненные; лучи луны
Въ ихъ лица блѣдныя глядѣли
Съ своей безбрежной вышины.
Но третій крестъ былъ пустъ. Друзьями
Христосъ былъ снятъ и погребенъ,
И ихъ прощальными слезами
Гранитъ надгробный орошенъ.

III.

Чье затаенное рыданье
Звучитъ у средняго креста?
Кто этотъ человѣкъ? Страданье
Горитъ въ чертахъ его лица.
Быть можетъ, съ жаждой исцѣленья
Онъ изъ далекихъ странъ спѣшилъ,
Чтобъ Іисусъ его мученья
Всесильнымъ словомъ облегчилъ?
Ужь онъ готовился съ мольбою
Упасть къ ногамъ Христа—и вотъ,
Вдругъ отовсюду узнаетъ,
Что Тотъ, Кого народъ толпою
Недавно какъ царя встрѣчалъ,
Что Тотъ, Кто свѣтъ зажегъ надъ міромъ,
Кто не кадилъ земнымъ кумирамъ
И зло открыто обличалъ,—
Погибъ, забросанный презрѣньемъ,
Измятый пыткой и мученьемъ!...

Быть можетъ, тайный ученикъ,
Склонясь усталой головою,
Къ кресту Учителя приникъ
Съ тоской и страстною мольбою?
Быть можетъ, грѣшникъ непрощенный
Сюда, измученный, спѣшилъ,
И здѣсь, колѣнопреклоненный,
Свое раскаянье излилъ?—
Нѣтъ, то Іуда!... Не съ мольбой
Пришелъ онъ—онъ не смѣлъ молиться
Своей порочною душой;
Не съ тѣломъ Господа проститься
Хотѣлъ онъ—онъ и самъ не зналъ,
Зачѣмъ и какъ сюда попалъ.

IV.

Когда на муку обреченный,
Толпой народа окруженный,
На мѣсто казни шелъ Христосъ
И крестъ, изнемогая, несъ,
Іуда, притаившись, видѣлъ
Его страданья и сознаъ,
Кого безумно ненавидѣлъ,
Чью жизнь на деньги промѣнялъ.
Онъ понялъ, что ему прощенья
Нѣтъ въ безпристрастныхъ небесахъ,—
И страхъ, безсильный, рабскій страхъ,
Угрюмый спутникъ преступленья,
Вселился въ грудь его. Всю ночь
Въ его больномъ воображеньи
Вставалъ Христосъ. Напрасно прочь
Онъ гналъ докучное видѣнье;
Напрасно думалъ онъ уснуть,
Чтобъ все забыть и отдохнуть
Подъ кровомъ молчаливой ночи:
Предъ нимъ, сдва сомкнетъ онъ очи,

Все тотъ же призракъ роковой
Встаетъ во мракѣ, какъ живой!

V.

Вотъ Онъ, истерзанный мученьемъ
Апостолъ истины святой,
Измятый пыткой и презрѣньемъ.
Распятый буйною толпой;
Богъ, осужденный приговоромъ
Слѣпыхъ, подкупленныхъ судей!
Вотъ Онъ!... Горитъ нѣмымъ укоромъ
Небесный взоръ Его очей.
Вѣнецъ любви, вѣнецъ терновый
Чело Спасителя язвитъ,
И, мнится, приговоръ суровый
Въ устахъ разгнѣванныхъ звучитъ...
«Прочь, непорочное видѣнье,
Уйди, не мучь больную грудь!..
Дай хоть на часъ, хоть на мгновенье
Не жить... не помнить... отдохнуть...
Смотри: предатель твой рыдаетъ
У ногъ твоихъ... О, пощади!..
Твой взоръ мнѣ душу разрываетъ..
Уйди... исчезни... не гляди!..
Ты видишь: я готовъ слезами
Мой поцѣлуй коварный смыть...
О, дай минувшее забыть,
Дай душу облегчить мольбами...
Ты Богъ... ты можешь все простить!..
. . . .
А я? я зналъ-ли сожалѣнье?
Мнѣ нѣтъ пощады, нѣтъ прощенья!

VI.

Куда уйти отъ черныхъ думъ?
Куда бѣжать отъ наказанья?

Устала грудь, истерзанъ умъ,
Въ душѣ—мятежныя страданья.
Безмолвно въ тишинѣ ночной,
Какъ изваянье, безъ движенья,
Все тотъ же призракъ роковой
Стоитъ залогомъ осужденья...
А здѣсь, вокругъ, горя луной,
Дыша весеннимъ обаяньемъ,
Ночь разметалась надъ землей
Своимъ задумчивымъ сіяньемъ.
И спитъ серебряный Кедронъ
Въ туманъ прозрачный погруженъ....

VII.

Бѣги, предатель, отъ людей
И знай: нигдѣ душѣ твоей
Ты не найдешь успокоенья:
Гдѣ-бъ ни былъ ты, вездѣ съ тобой
Пойдетъ твой призракъ роковой
Залогомъ мукъ и осужденья.
Бѣги отъ этого креста,
Не оскверняй его лобзаньемъ:
Онъ святъ, онъ освященъ страданьемъ
На немъ распятаго Христа!...

. . . .

И онъ бѣжалъ!...

. . . .

VIII.

Полъ-небосклона
Заря пожаромъ обняла,
И горы дальняго Кедрона
Волнами блеска залила.
Проснулось солнце за холмами,
Въ вѣнцѣ сверкающихъ лучей.
Все ожило... шумитъ вѣтвями
Лѣсъ, гордый великанъ полей,

И въ глубинѣ его струями
Гремитъ серебряный ручей...
Въ лѣсу, гдѣ вѣчно мгла царитъ,
Куда заря не проникаетъ,
Качаясь, мрачный трупъ виситъ;
Надъ нимъ безмолвно разстилаетъ
Осина свой покровъ живой
И изумрудною листвой
Его, какъ друга, обнимаетъ.
Погибъ Іуда... Онъ не снесъ
Огня глухихъ своихъ страданій,
Погибъ безъ примиренныхъ слезъ,
Безъ сожалѣній и желаній.
Но до послѣдняго мгновенья
Все тотъ же призракъ роковой,
Живымъ упрекомъ преступленья
Предъ нимъ вставалъ во тьмѣ ночной.
Все тотъ же приговоръ суровый,
Казалось, съ устъ Его звучалъ,
И на челѣ вѣнецъ терновый,
Вѣнецъ страданія лежалъ!

СЛОВО.

О, еслибъ огненное слово
Я въ даръ отъ музы получилъ,
Какъ безпощадно-бъ, какъ сурово
Порокъ и злобу я клеймилъ!..
Я-бъ поднялъ всѣхъ на бой со мглою,
Я-бъ знамя свѣта развернулъ
И въ міръ бы пѣснею живою
Стремленье къ истинѣ вдохнулъ!

Какимъ бы смѣхомъ я смѣялся,
Какой слезой бы прожигалъ!..
Опять бы надъ землей поднялся
Святой, забытый идеалъ...
Міръ испугался-бъ и проснулся,
И, какъ преступникъ, задрожалъ,
И на былое оглянулся,
И робко приговора ждалъ!..
И въ этомъ гробовомъ молчаньи
Гремѣлъ бы смѣлый голосъ мой,
Звуча огнемъ негодованья,
Звеня правдивою слезой!..

—

Мнѣ не дано такого слова...
Безсиленъ слабый голосъ мой.
Моя душа къ борьбѣ готова,
Но нѣтъ въ ней силы молодой...
Въ груди—безплодное рыданье,
Въ устахъ—мучительный упрекъ
И давитъ сердце мнѣ сознанье,
Что я—я рабъ, а не пророкъ!

ЗА ЧТО?

I.

Любили-ль вы, какъ я? Безсонными ночами
Страдали-ль за нее съ мучительной тоской?
Молились ли о ней съ безумными слезами
Всей силою любви, высокой и святой?

II.

Съ тѣхъ поръ, когда она въ землѣ была зарыта,
Когда вы видѣли ее въ послѣдній разъ,
Съ тѣхъ поръ была-ль для васъ вся ваша жизнь разбита
И свѣтъ, послѣдній свѣтъ, угаснулъ ли для васъ?

III.

Нѣтъ!.. Вы, какъ и всегда, и жили, и желали:
Вы гордо шли впередъ, минувшее забывъ,
И послѣ, можетъ быть, сурово осмѣяли
Страданій и тоски утихнувшій порывъ.

IV.

Вы, баловни любви, слѣпыя дѣти счастья,
Вы не могли понять души ея святой,
Вы не могли цѣнить ни ласки, ни участья
Такъ, какъ цѣнилъ ихъ я, усталый и больной!

V.

За что-жъ, въ печальный часъ разлуки и прощанья,
Вы, только вы одни, могли въ нѣмой тоскѣ
Прииикнуть пламенемъ послѣдняго лобзанья
Къ ея безжизненной и мраморной рукѣ?

VI.

За что-жъ, когда ее въ могилу опускали
И погребальный хоръ ей о блаженствѣ пѣлъ,
Вы ранній гробъ ея цвѣтами увѣнчали,
А я, лишь издали, какъ чуждый ей, смотрѣлъ?

VII.

О, если-бъ знали вы безумную тревогу
И боль души моей, надломленной грозой,
Вы разступились бы и дали мнѣ дорогу
Стать ближе всѣхъ къ ея могилѣ дорогой!

ПОЭТЪ.

Пусть пѣснь твоя кипитъ огнемъ негодованья
И душу жжетъ своей правдивою слезой,
Пусть отзывъ въ ней найдутъ и честныя желанья,
И честная любовь къ отчизнѣ дорогой;
Пусть каждый звукъ ея впередъ насъ призываетъ,
Подавленнымъ борьбой надеждою звучитъ,
Упавшихъ на пути безсмертіемъ вѣнчаетъ
И робкихъ бѣглецовъ насмѣшкою клеймитъ;
Пусть онъ ведетъ насъ въ бой съ неправдою и тьмою,
Въ суровый, грозный бой за истину и свѣтъ,—
И упадемъ тогда мы ницъ передъ тобою,
И скажемъ мы тебѣ съ восторгомъ: «ты—поэтъ!..»

Пусть пѣснь твоя звучитъ; какъ тихое журчанье
Ручья, звенящаго серебряной струей;
Пусть въ ней ключемъ кипятъ надежды и желанья,
И сила слышится, и смѣхъ звучитъ живой;
Пусть мы забудемся подъ молодые звуки
И въ міръ фантазіи умчимся за тобой,—
Въ тотъ чудный міръ, гдѣ нѣтъ ни жгучихъ слезъ, ни муки,
Гдѣ красота, любовь, забвенье и покой;
Пусть насладимся мы безъ думъ и размышленья,
И снова проживемъ мечтами юныхъ лѣтъ,—
И мы благословимъ тогда твои творенья,
И скажемъ мы тебѣ съ восторгомъ: «ты—поэтъ!..»

1880-ый годъ.

Отрывокъ.

И вотъ, отъ ложа наслажденья
И нѣгъ любви оторвана,
Передъ судилищемъ она
Предстала съ трепетомъ смущенья.
Грѣха открытаго позоръ
Къ землѣ чело ея склоняетъ;
Она молчитъ—и только взоръ
Молить о милости дерзаетъ...
Напрасны были-бъ оправданья:
Еще грѣховныя лобзанья,
Казалось, жгли ея уста,
Грудь сладострастно волновалась,
И вся звала, вся отдавалась
Ея нагая красота.
Она виновна, нѣтъ сомнѣнья:
Но грозный часъ суда насталъ,
И рокового обвиненья
Никто промолвить не дерзалъ.
Законъ суровъ и казнь ужасна
А эта падшая жена
Такъ упоительно-прекрасна,
Такъ беззащитно-смущена.
И въ первый разъ грѣховнымъ взоромъ
Смущенъ, безстрастный кругъ судей
Сидѣлъ, замедля приговоромъ,
Въ нѣмомъ волненьи передъ ней...

. . . .

* * *

Позабытые шумнымъ ихъ кругомъ—вдвоемъ
Мы съ тобой въ уголку притаились,
И святынею мысли, и чувства тепломъ,
Какъ стѣною, отъ нихъ оградились;
Мы имъ чужды съ тѣхъ поръ, какъ донесся до насъ
Первый стонъ, на борьбу призывая...
И упала завѣса невѣдѣнья съ глазъ,
Бездны мрака и зла обнажая...
Но взгляни, какъ безпеченъ ихъ праздникъ,—взгляни,
Сколько въ лицахъ ихъ смѣха живого,
Какъ румяны, красивы и статны они—
Эти дѣти довольства тупого!
Сбрось съ ихъ дѣвушекъ пышный нарядъ,—вязью розъ
Перевей эту роскошь и смоль ихъ волосъ,
И, сверкая нагой бѣлизною,
Ослѣпляя румянцемъ и блескомъ очей,
Молодая вакханка миѳическихъ дней
Въ ихъ чертахъ оживетъ предъ тобою...
Мы-жъ съ тобой—мы и блѣдны, и худы; для насъ
Жизнь—не праздникъ, не цѣпь наслажденій,
А работа, въ которой таится подъ-часъ
Много скорби и много сомнѣній...
Помнишь?.. Эти тяжелые, долгіе дни,
Эти долгія, жгучія ночи...
Истерзали, измучили сердце они,
Утомили безсонныя очи...
Пусть ты мнѣ еще вдвое дороже съ тѣхъ поръ,
Какъ печалью и думой зажегся твой взоръ;
Пусть въ святынѣ прекрасныхъ стремленій
И сама ты прекраснѣй и чище,—но я
Не могу отогнать, дорогая моя,
Отъ души неотступныхъ сомнѣній!
Я боюсь, что мы горько ошиблись, когда
Такъ наивно, такъ страстно мечтали,

Что призванье людей—жизнь борьбы и труда.
Беззавѣтной любви и печали...
Вѣдь природа ошибокъ чужда, а она
Насъ къ открытой могилѣ толкаетъ,
А безсмысленнымъ дѣтямъ довольства и сна
Свѣтъ, и счастье, и розы бросаетъ!...

* * *

Да, хороши онѣ, кавказскія вершины,
Въ тотъ тихій часъ, когда слабѣющимъ лучемъ
Заря чуть золотитъ ихъ гордыя сѣдины,
И ночь склоняется къ нимъ дѣвственнымъ челомъ.
Какъ жрицы вѣщія, объятыя молчаньемъ,
Онѣ стоятъ въ своемъ раздумьи вѣковомъ;
А тамъ, внизу, сады кадятъ благоуханьемъ
Предъ ихъ незыблемымъ, гранитнымъ алтаремъ;
Тамъ—дерзкій гулъ толпы, объятой суетою.
Водоворотъ борьбы, страданій и страстей.—
И звуки музыки надъ шумною Курою.
И цѣпи длинныя мерцающихъ огней!..
Но нѣтъ въ ихъ красотѣ знакомаго простора:
Куда ни оглянись—вездѣ стѣна хребтовъ.—
И просится душа опять въ затишье бора,
Опять въ нѣмую даль синѣющихъ луговъ;
Туда, гдѣ такъ грустна родная мнѣ картина,
Гдѣ вѣтви блѣдныхъ ивъ склонились надъ прудомъ,
Гдѣ къ гибкому плетню приникнула рябина,
Гдѣ утро обдаетъ осеннимъ холодкомъ...
И часто предо мной встаютъ подъ небомъ Юга,
Въ вѣнцѣ страдальческой и кроткой красоты,
Роднаго Сѣвера—покинутаго друга—
Больныя, грустныя, но милыя черты...

Іюнь.
Тифлисъ.

* * *

Другъ! Какъ ты вошелъ
сюда не въ брачной одеждѣ?
Св. Евангеліе.

Томясь и страдая во мракѣ ненастья,
Горячее, чуткое сердце твое
Стремится къ блаженству всемірнаго счастья,
И видитъ въ немъ личное счастье свое.
Но, другъ мой, напрасны святые порывы:
На жизненной сценѣ, залитой въ крови,
Довольно простора для рынка наживы,
И тѣсно для свѣтлаго храма любви!...

—

Но если и вправду замолкнутъ проклятья,
Но если и вправду погибнетъ Ваалъ,
И люди другъ друга обнимутъ, какъ братья,
И съ неба на землю сойдетъ идеалъ,—
Скажи: въ обновленномъ и радостномъ мірѣ
Ты, свыкшійся съ чистою скорбью своей,
Ты будешь-ли счастливъ на жизненномъ пирѣ,
Мечтавшій о счастьи печальникъ людей?

—

Вѣдь сердце твое,—это сердце больное,
Заглохнетъ безъ горя, какъ нива безъ грозъ:
Оно не отдастъ за блаженство покоя
Креста благодатныхъ страданій и слезъ.
Что-жъ если оно затоскуетъ о долѣ
Борца и пророка завѣтныхъ идей,
Какъ узникъ, успѣвшій привыкнуть къ неволѣ,
Тоскуетъ о мрачной темницѣ своей?

ПОЭЗІЯ.

За много лѣтъ назадъ, изъ тихой сѣни рая,
Въ вѣнкѣ душистыхъ розъ, съ улыбкой молодой,
Она сошла въ нашъ міръ, прелестная, нагая
И гордая своей невинной красотой.
Она несла съ собой невѣдомыя чувства,
Гармонію небесъ и преданность мечтѣ,—
И былъ законъ ея—искусство для искусства,
И былъ завѣтъ ея—служенье красотѣ.

Но съ первыхъ же шаговъ съ чела ея сорвали
И растоптали въ прахъ роскошные цвѣты,—
И темнымъ облакомъ сомнѣній и печали
Покрылись дѣвственно-прекрасныя черты.
И прежнихъ гимновъ нѣтъ!... Ликующіе звуки
Дыханіемъ грозы безслѣдно унесло,—
И дышетъ пѣснь ея огнемъ душевной муки
И тернія язвятъ небесное чело!..

1881-ый годъ.

ПАМЯТИ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Какъ онъ, измученный, влачился по дорогѣ,
Бряцая звеньями страдальческихъ цѣпей,

. . . .

И какъ томился онъ, похороненъ въ острогѣ,...
Объ этомъ пѣли вы,—но изъ его страданій
Вы взяли только то на пѣсни и цвѣты,
Что и безъ пошлыхъ фразъ и лживыхъ восклицаній
Сплело ему вѣнокъ нетлѣнной красоты...

. . . .

Но между строкъ его болѣзненныхъ твореній
Прочли ли вы о томъ, что тягостнѣй тюрьмы,
И тягостнѣй его позора и лишеній
Былъ для него вашъ міръ торгашества и тьмы?
Прочли ли вы о томъ, какъ онъ страдалъ душою,
Когда, уча любви враждующихъ людей,
Онъ слышалъ, какъ кричалъ, ломаясь предъ толпою.
Съ нимъ рядомъ о любви—корыстный фарисей?...
Сочтите-жъ, сколько разъ вы слово продавали,
И новый, можетъ быть, прекраснѣйшій цвѣтокъ,
И новый, можетъ быть, острѣйшій тернъ печали
Вплетете вы въ его страдальческій вѣнокъ!...

Январь.

ПОЛДОРОГИ.

Путь суровъ... Раскаленное солнце палитъ
Раскаленные камни дороги.
О горячій песокъ и объ острый гранитъ
Ты изранилъ усталыя ноги.
Изстрадалась, измучилась смѣлая грудь,
Истомилась и жаждой и зноемъ,
Но не думай съ тяжелой дороги свернуть
И забыться позорнымъ покоемъ!

—

Дальше путникъ, все дальше—впередъ и впередъ!
Отдыхъ послѣ,—онъ тамъ, предъ тобою...
Пусть подъ тѣнь тебя тихая роща зоветъ
Наклонившись надъ тихой рѣкою;
Пусть весна разостлала въ ней мягкій коверъ
И сплела изъ вѣтвей изумрудный шатеръ,
И царитъ въ ней, любя и лаская,—
Дальше, дальше и дальше, подъ зноемъ лучей
Раскаленной, безвѣстной дорогой своей,
Мимолетный соблазнъ презирая!

—

Страшенъ сонъ этой рощи, глубокъ въ ней покой:
Онъ такъ вкрадчивъ, такъ сладко ласкаетъ,
Что душа, утомленная скорбью большой,
Разъ уснувъ, навсегда засыпаетъ.
Въ этой чащѣ душистой дріада живетъ.
Чуть склонишься на мохъ ты,—съ любовью
Чаровница лѣсная неслышно прильнетъ
Въ полумглѣ къ твоему изголовью!...

—

И услышишь ты голосъ: «Усни, отдохни!..
«Прочь мятежные призраки горя!..
«Позабудься въ моей благовонной тѣни,
«Въ тихомъ лонѣ зеленаго моря!..
«Долог̃ъ путь твой, — суровый, нерадостный путь...
«О, къ чему обрекать эту юную грудь
«На борьбу, на тоску и мученья!
«Другъ мой! ввѣрься душистому бархату мха:
«Это роща вокругъ такъ свѣжа и тиха,
«Въ ней такъ сладки минуты забвенья!....»

—

Ты, я знаю, силенъ: — ты безстрашно сносилъ
И борьбу, и грозу, и тревоги, —
Но сильнѣе открытыхъ, разгнѣванныхъ силъ
Этотъ тайный соблазнъ полъ-дороги.....
Дальше-жъ, путникъ!..... Повѣрь, лишь ослабитъ тебя
Мигъ отрады, мигъ грезъ и покоя,—
И продашь ты все то, что ужь сдѣлалъ, любя,
За позорное счастье застоя!.....

* * *

...И крики оргіи, и гимны ликованья
Въ сіяньи праздничномъ торжественныхъ огней —
А рядомъ — жгучій стонъ мятежнаго страданья...
. . . .
Разнузданный развратъ, увѣнчанный цвѣтами —
И трудъ поруганный... Смѣющійся глупецъ,
И плачущій въ тиши незримыми слезами,
Затерянный въ толпѣ, непонятый мудрецъ!..
И это значитъ жить?.. И это — перлъ творенья,
Разумный человѣкъ?.. Но въ пошлой суетнѣ
И въ пестрой смѣнѣ лицъ — ни мысли, ни значенья,
Какъ въ лихорадочномъ и безобразномъ снѣ...

Но эта жизнь томитъ, какъ склепъ томитъ живого,
Какъ роковой недугъ, гнетущій умъ и грудь,
Въ часы безсонницы томитъ и жжетъ больного —
И некуда бѣжать... и некогда вздохнуть!
Порой прекрасный сонъ мнѣ снится: предо мною
Привольно стелется нѣмая даль полей,
И зыблются хлѣба, и дремлетъ надъ рѣкою
Тѣнистый садъ, въ цвѣтахъ и въ золотѣ лучей...
Родная глушь моя таинственно и внятно
Зоветъ меня придти въ объятія свои,
И все, что потерялъ я въ жизни невозвратно,
Вновь обѣщаетъ мнѣ для счастья и любви.
Но не тому сложить трудящіяся руки
И дать бездѣйствовать тревожному уму,
Кто понялъ, что борьба, проклятія и муки —
Не бредъ безумныхъ книгъ, не грезятся ему:
Какъ жалкій трусъ, я жизнь не пряталъ за обманы
И не рядилъ ее въ поддѣльные цвѣты,
Но безбоязненно въ зіяющія раны,
Какъ врачъ и другъ, вложилъ пытливые персты;
Огнемъ и пыткою правдиваго сомнѣнья
Я все провѣрилъ въ ней, боясь себѣ солгать, —
И нѣту для меня покоя и забвенья,
И вѣчно буду я бороться и страдать...

* * *

О любви твоей, другъ мой, я часто мечталъ —
И отъ грезъ этихъ сердце такъ радостно билось;
Но едва я привѣтливый взоръ твой встрѣчалъ,
И тревожно, и смутно во мнѣ становилось.
Я боялся за то, что минуетъ порывъ,
Унося прихотливую вспышку участья,
И останусь опять я вдвойнѣ сиротливъ,

Съ обманувшей мечтой невозможнаго счастья:
Точно что-то чужое безъ спроса я взялъ,
Точно эта нежданная, свѣтлая ласка —
Только призракъ: мелькнулъ, озарилъ и пропалъ,
Мимолетный какъ звукъ и солгавшій какъ сказка;
Точно взглядъ твой случайной ошибкой на мнѣ
Остается такъ долго, лазурный и нѣжный,
Или грезится сердцу въ болѣзненномъ снѣ,
Чтобъ безслѣдно исчезнуть съ зарей неизбѣжной...
Такъ, сжигаемый зноемъ, въ пустынѣ скупой,
Путникъ видитъ оазисъ — и вѣрить боится: —
Не миражъ ли туманный въ дали голубой
Лживо манитъ подъ тѣнь отдохнуть и забыться?..

* * *

Я не Тому молюсь, кого едва дерзаетъ
Назвать душа моя, смущаясь и дивясь,
И передъ кѣмъ мой умъ безсильно замолкаетъ,
Въ безумной гордости постичь Его стремясь;
Я не Тому молюсь, предъ чьими алтарями
Народъ, простертый ницъ, въ смиреніи лежитъ,
И льется ѳиміамъ душистыми волнами,
И зыблются огни, и пѣніе звучитъ;
Я не Тому молюсь, кто окруженъ толпами
Священнымъ трепетомъ исполненныхъ духовъ,
И чей незримый тронъ за яркими звѣздами
Царитъ надъ безднами разбросанныхъ міровъ; —
Нѣтъ, передъ Нимъ я нѣмъ!.. Глубокое сознанье
Моей ничтожности смыкаетъ мнѣ уста, —
Меня влечетъ къ себѣ иное обаянье —
Не власти царственной, — но пытки и креста.
Мой Богъ — Богъ страждущихъ, Богъ, обагренный кровью,
Богъ-человѣкъ и братъ съ небесною душой. —
И предъ страданіемъ и чистою любовью
Склоняюсь я съ моей горячею мольбой!..

* * *

Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ,
Кто-бъ ты ни былъ, не падай душой:
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей,
Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ
И струится невинная кровь: —
Вѣрь, настанетъ пора — и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь!

Не въ терновомъ вѣнцѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ,—
Въ міръ прійдетъ она въ силѣ и славѣ своей,
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.
И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.

О, мой другъ! Не мечта этотъ свѣтлый приходъ,
Не пустая надежда одна:
Оглянись, — зло вокругъ черезчуръ ужь гнететъ,
Ночь вокругъ черезчуръ ужь темна!
Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой,—
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви
Очи, полныя скорбной мольбой!..

1882-ой годъ.

ИЗЪ ДЖАКОМЕТТИ.

(Съ итальянскаго).

Мрачна моя тюрьма,—за крѣпкими стѣнами
Бѣжитъ въ морской туманъ за валомъ новый валъ,
И часто ихъ прибой подъ хмурыми скалами
Мнѣ въ ночи душныя забыться не давалъ.
Мрачна моя тюрьма; лишь изрѣдка проглянетъ
Лучъ солнца въ щель окна и сводъ озолотитъ,—
Но я не радъ ему,—при немъ виднѣе станетъ
Могильный мракъ кругомъ и сырость старыхъ плитъ.

—

Со мной товарищъ мой, мой братъ... Когда-то оба
Клялись мы,—какъ орлы, могучи и сильны,—
Врагамъ земли родной не уступать до гроба
Священной вольности родимой стороны.
Я пѣснею владѣлъ,—и каждый стонъ народа
Въ лицо враговъ его съ проклятьями бросалъ;
А онъ владѣлъ мечемъ и съ возгласомъ — «свобода»
За каждую слезу ударомъ отомщалъ...

—

И долго бились мы, — чѣмъ дальше, тѣмъ грознѣе...
Но намъ не удалось разсѣять ночь и тьму;
Друзья насъ продали съ улыбкой фарисея,
Враги—безжалостно насъ бросили въ тюрьму;

И пѣсень чудный даръ, и молодость и сила
Угасли навсегда для насъ въ ея стѣнахъ.
И міръ для насъ—обманъ, и жизнь для насъ—могила,
Насмѣшка злобная на вражескихъ устахъ...

—

Нѣтъ? Для кого, о чемъ?... Молить-ли сожалѣнья?
Слагать-ли льстивый гимнъ ликующимъ врагамъ?
Нѣтъ, лира истины, свободы и отмщенья
Не служитъ трепету, позору и слезамъ!...

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Январь.

* * *

Сбылося все, о чемъ за школьными стѣнами
Мечталъ я юношей, въ грядущее смотря.
Уютно въ комнатѣ... въ углу, предъ образами,
Лампада теплится, о дѣтствѣ говоря;
Въ вечернихъ сумеркахъ, когда ко мнѣ слетаетъ
Источникъ творчества,—завѣтная печаль,
За тонкою стѣной, какъ человѣкъ, рыдаетъ
        Пѣвучая рояль.

—

Порой вокругъ меня безпечно свѣтятъ глазки
И раздается смѣхъ собравшихся дѣтей,
И я, послушно имъ разсказывая сказки,
Тамъ съ ними уношусь за тридевять морей;—
Порою, дверь мою беззвучно отворяя,
Идетъ хозяйскій котъ, старинный другъ семьи,
Ляжетъ на диванъ, и щуритъ, засыпая,
        Зрачки горящіе свои...

—

Покой и тишина... Минуты вдохновенья
Съ собою жгучихъ слезъ, какъ прежде, не несутъ,
И битвы жизненной тревоги и волненья
Не смѣютъ донестись въ спокойный мой пріютъ.
Гроза умчалась въ даль, минувшее забыто.
И голосъ внутренній мнѣ говоритъ порой:
Да ужь не сонъ-ли все, что было пережито
И передумано тобой?...

* * *

Милый другъ,—я знаю, я глубоко знаю,
Что безсиленъ стихъ мой, блѣдный и больной:
Отъ его безсилья часто я страдаю,
Часто тайно плачу въ тишинѣ ночной...
Нѣтъ на свѣтѣ мукъ сильнѣе муки слова:
Тщетно съ устъ порой безумный рвется крикъ,
Тщетно душу сжечь любовь порой готова:
Холоденъ и жалокъ нищій нашъ языкъ!...

—

Радуга цвѣтовъ, разлитая въ природѣ,
Звуки стройной пѣсни, стихшей на струнахъ,
Боль за идеалъ и слезы о свободѣ,—
Какъ ихъ передать въ обыденныхъ словахъ?
Какъ безбрежный міръ, раскинутый предъ нами,
И душевный міръ, исполненный тревогъ,
Жизненно набросить робкими штрихами
И вмѣстить въ размѣры тѣсныхъ этихъ строкъ?...

—

Но молчать, когда вокругъ звучатъ рыданья
И когда такъ жадно рвешься ихъ унять,—
Подъ грозой борьбы и предъ лицомъ страданья...
Братъ,—я не хочу, я не могу молчать!...

Пусть я, какъ боецъ, цѣпей не разбиваю,
Какъ пророкъ—во мглу не проливаю свѣтъ:
Я ушелъ въ толпу, и вмѣстѣ съ ней страдаю,
И даю, что въ силахъ—откликъ и привѣтъ!...

* * *

Какъ бѣлымъ саваномъ, покрытая снѣгами,
Ты спишь холоднымъ сномъ подъ каменной плитой,
И сосны родины, ненастными ночами,
О чемъ-то шепчутся и стонутъ надъ тобой;
А я—вокругъ меня, полна борьбы и шума,
Жизнь снова бьетъ ключемъ, отдаться ей маня,
Но жить я не могу: мучительная дума,
Неотразимая—преслѣдуетъ меня...

Гнетущій, тяжкій сонъ!... Съ тѣхъ поръ, какъ я, рыдая,
Прильнулъ къ рукѣ твоей и звалъ тебя съ тоской,
И ты—недвижная и мертвенно-нѣмая,
Ты не откликнулась на мой призывъ больной,
Съ тѣхъ поръ, какъ слово «смерть»,—когда-то только слово,—
Мнѣ въ сердце скорбное ударило, какъ громъ,—
Я въ жизнь не вѣрую—угрюмо и сурово
Смерть, только смерть одна, мнѣ грезится кругомъ!...
Недугъ смущеннаго былымъ воображенья
Кладетъ печать ея на лица всѣхъ людей,
И въ нихъ не вижу я, какъ прежде, отраженья
Ихъ грезъ и радостей, ихъ горя и страстей;
Они мнѣ чудятся съ закрытыми очами,
Въ гробу, въ дыму кадилъ, подъ флеромъ и въ цвѣтахъ,
Съ безжизненнымъ челомъ, съ поблекшими устами
И страхомъ вѣчности въ недвижимыхъ чертахъ...

И тайный голосъ мнѣ твердитъ, не умолкая:
«Безумецъ! не страдай и не люби людей!
Ты жалокъ и смѣшонъ, наивно отдавая
Любовь и скорбь—мечтѣ, фантазіи твоей...
Окаменѣй, замри... Не трать напрасно силы!
Пусть льется кровь волной и царствуетъ порокъ:
Добро-ли, зло-ль вокругъ,—забвенье и могилы
Вотъ цѣль конечная и міровой итогъ!»...

*
* *

Завѣса сброшена: ни новыхъ увлеченій,
Ни тайнъ заманчивыхъ, ни счастья впереди;
Покой оправданныхъ и сбывшихся сомнѣній,
Мгла безнадежности въ измученной груди...
Какъ мало прожито—какъ много пережито!
Надежды свѣтлыя, и юность, и любовь...
И все оплакано... осмѣяно... забыто,
Погребено—и не воскреснетъ вновь!..

Я въ братство вѣровалъ, но въ черный день невзгоды
Не могъ я отличить собратьевъ отъ враговъ;
Я жаждалъ для людей познанья и свободы,—
А міръ—все тотъ же міръ безсмысленныхъ рабовъ;
На грозный бой со зломъ мечталъ я встать сурово
Огнемъ и правдою карающихъ рѣчей,—
И въ храмѣ истины—въ священномъ храмѣ слова,
Я слышу оргію крикливыхъ торгашей!..

Любовь на мигъ... любовь—забава отъ бездѣлья,
Любовь—не жаръ души, а только жаръ въ крови,
Любовь—больной кошмаръ, тяжелый чадъ похмѣлья—
Нѣтъ, мнѣ не жаль ея, промчавшейся любви!..
Я не о ней мечталъ безсонными ночами,
И не она тогда являлась предо мной,
Вся—мысль, вся—красота, увитая цвѣтами,
Съ улыбкой дѣвственной и дѣвственной душой!..

Бѣдна, какъ нищая, и какъ рабыня лжива,
Въ лохмотья яркія пестро наряжена—
Жизнь только издали нарядна и красива,
И только издали влечетъ къ себѣ она.
Но чуть вглядишься ты, чуть встанетъ предъ тобою
Она лицомъ къ лицу—и ты поймешь обманъ
Ея величія, подъ ветхой мишурою,
И красоты ея—подъ маскою румянъ.

* * *

Чуть останусь одинъ—и во мнѣ подымаетъ
Жизнь со смертью мучительный споръ,
И, какъ пытка, усталую душу терзаетъ
Ихъ старинный, немолчной раздоръ;
И не знаетъ душа, чьимъ призывамъ отдаться,
Какъ честнѣе задачу рѣшить:
То болѣзненно-страшно ей съ жизнью разстаться,
То страшнѣй еще кажется жить!..

Жизнь твердитъ мнѣ:—«Стыдись, малодушный! Ты молодъ,
Ты душой не бѣднѣе другихъ,—
Встрѣть же грудью и злобу, и бѣдность, и голодъ,
Если любишь ты братьевъ своихъ!..
Или слезы за нихъ—были слезы актера?
Или страстныя рѣчи твои
Согрѣвало не чувство, а паѳосъ фразера,
Не любовь,—но миражи любви?...»

Но едва только жизнь побѣждать начинаетъ,
Какъ въ отвѣтъ ей, сильнѣй и сильнѣй,
Смерть угрюмую пѣсню свою запѣваетъ,
И невольно внимаю я ей:

«Нѣтъ, ты честно трудился, ты честно и смѣло,
Съ сердцемъ, полнымъ горячей любви,
Вышелъ въ путь, чтобъ бороться за общее дѣло,—
Но разбиты усилья твои!..

Тщетны были къ любви и святынѣ призывы:
Ты слѣпымъ и глухимъ говорилъ,—
И усталъ ты... и крикомъ постыдной наживы
Рынокъ жизни твой голосъ покрылъ...
О, бросайся-жъ въ объятья мои поскорѣе:
Лишь они примиренье даютъ,—
И пускай, въ себялюбьи своемъ, фарисеи
Малодушнымъ тебя назовутъ!..»

* * *

Я вчера еще радъ былъ отречься отъ счастья...
Я презрѣньемъ клеймилъ этихъ сытыхъ людей,
Промѣнявшихъ туманы и холодъ ненастья
На отраду и ласку весеннихъ лучей...
Я твердилъ, что покуда на свѣтѣ есть слезы
И покуда царитъ непроглядная мгла,
Безконечно-постыдны заботы и грезы
О теплѣ и довольствѣ родного угла—
А сегодня - сегодня весна золотая,
Вся въ цвѣтахъ, и въ мое заглянула окно,—
И забилось усталое сердце, страдая,
Что такъ бѣдно за этимъ окномъ и темно...
Милый взглядъ, мимолетнаго полный участья,
Грусть въ прекрасныхъ чертахъ молодого лица—
И безумно, мучительно хочется счастья,
Женской ласки, и слезъ, и любви безъ конца!..

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА.

(Посвящается Екатеринѣ Ильиничнѣ Мамантовой).

Чудный, свѣтлый міръ... Ни вьюгъ въ немъ, ни тумановъ.
Вѣчная весна въ немъ радостно царитъ...
Розы... мраморъ статуй... серебро фонтановъ.
Зàмокъ—весь прозрачный, изъ хрустальныхъ плитъ...

У подножья скалъ—сверкающее море...
Тихо льнетъ къ утесамъ сонная волна
И, отхлынувъ, тонетъ въ голубомъ просторѣ,
И до дна прозрачна въ морѣ глубина...

А за свѣтлымъ зàмкомъ и его садами,
Отъ земли, нахмурясь, въ небосклонъ ушли
Великаны-горы снѣжными цѣпями,
И по темнымъ кручамъ лѣсомъ заросли.

И лѣсная чаща, да лазурь морская
Какъ въ объятьяхъ держатъ дивную страну.
Тишиной своею чутко охраняя
И въ ея предѣлахъ—ту же тишину.

Чудный, свѣтлый міръ—по злобой чародѣя
Онъ въ глубокій сонъ отъ вѣка погруженъ,
И надъ нимъ, какъ саванъ, высится, синѣя,
Раскаленный зноемъ, мертвый небосклонъ.

Не мелькнетъ въ немъ чайка снѣжной бѣлизною.
Золотому солнцу подставляя грудь;
Не промчатся тучки дымчатой грядою
Къ отдаленнымъ скаламъ ласково прильнуть:

Все оцѣпенѣло, все мертво и глухо,
Какъ въ могилѣ глухо, какъ въ могилѣ спитъ:
Ни одно дыханье не тревожитъ слуха,
Ни одинъ изъ чащи рогъ не прозвучитъ.

Въ воздухѣ, сверкая, замеръ столбъ фонтана,
Замеръ мотылекъ надъ чашечкой цвѣтка,
Пестрый попугай—въ густыхъ вѣтвяхъ каштана,
Въ чащѣ лѣса—лань, пуглива и дика.

Точно этотъ зàмокъ, рощи и долины,
Пурпуръ этихъ розъ и бѣлизна колоннъ—
Только полотно сверкающей картины,
Воплощенный въ краскахъ, вдохновенный сонъ.

Точно тотъ, кто создалъ этотъ рай прекрасный,
Жизнь и разрушенье въ немъ остановилъ,
Чтобъ на вѣкъ свой блескъ, и дѣвственный, и ясный,
Онъ, какъ въ день созданья, свято-бъ сохранилъ...

Посмотри, какъ змѣйка, лѣстница витая,
Поднялась въ чертогъ—и тихо у окна
Спитъ въ чертогѣ томъ царевна молодая,
Словно ночь прекрасна, словно день ясна.

До земли упали косы золотыя,
На щекахъ—румянецъ, и порой, чуть-чуть
Вздрогнувъ, шевельнутся губки молодыя,
Да тревожный вздохъ подыметъ слабо грудь.

Темный бархатъ платья рѣзко оттѣняетъ
Бѣлизну плеча и нѣжный цвѣтъ ланитъ.
Знойный день въ уста красавицу лобзаетъ,
Яркій лучъ отливомъ на кудряхъ горитъ...

Сонъ ея тревожатъ тягостныя грезы—
Посмотри: печаль и страхъ въ ея чертахъ,
Посмотри: какъ жемчугъ, тихо льются слезы,
Словно сжечь хотятъ румянецъ на щекахъ!

Снится ей, что тамъ, за этими хребтами,
Истомленъ путемъ и долгою борьбой,
Молодой красавецъ съ темными кудрями
Силится пробиться черезъ лѣсъ густой...

Плащъ его въ лохмотьяхъ и окрашенъ кровью,
А въ лѣсу—что шагъ, то смерть ему грозитъ,
Но на трудный подвигъ призванъ онъ любовью,
И его нога по кручамъ не скользитъ...

О, какъ онъ усталъ!.. Какой прошелъ далекій,
Безконечно-тяжкій и суровый путь!..
Хватитъ-ли отваги для борьбы жестокой,
Выдержитъ-ли битву молодая грудь?

Но—побѣда!.. Въ мракѣ тягостныхъ сомнѣній
Свѣтлый лучъ блеснулъ, оконченъ долгій споръ—
И уже гремитъ по мрамору ступеней
Все слышнѣй, все ближе, звукъ шаговъ и шпоръ!..

Словно вихрь коснулся соннаго чертога,
Словно дождь весной по листьямъ пробѣжалъ—
И, свѣтлѣй и краше молодаго бога,
Гость давно желанный передъ ней предсталъ.

И предсталъ, и обнялъ, и прильнулъ устами—
Жаркими устами къ трепетнымъ устамъ,
И отвѣта молитъ страстными рѣчами,
И тяжелый мечъ сложилъ къ ея ногамъ.

«Милая!—онъ шепчетъ,—я разсѣялъ чары,
Я развѣялъ власть ихъ, этихъ темныхъ силъ.
Грозно и сурово сыпалъ я удары,
Оттого, что много вѣрилъ и любилъ!

О, не длп-жъ напрасно муки ожиданья.
Милая! проснися, смолкнула гроза!»
Долгое, любовью полное лобзанье-
И она открыла ясные глаза!..

Старое преданье... Чудное преданье...
Въ немъ надежда міра... Міръ усталъ и ждетъ.
Скоро-ль день во мглѣ заяжетъ свое сіянье,
Скоро-ли любовь къ страдающимъ сойдетъ?

И она сойдетъ, и робко разбѣгутся
Тучи съ небосклона—и въ ея лучахъ
Цѣпи сна, какъ нити, ржавѣя, порвутся,
И затихнутъ слезы, и замолкнетъ страхъ!..

Свѣтелъ будетъ праздникъ—праздникъ возрожденья,
Радостно вздохнутъ усталые рабы.
И замѣнитъ гимнъ любви и примиренья
Звуки слезъ и горя, мести и борьбы!

ИЗЪ ТЬМЫ ВРЕМЕНЪ.

(Фантазія).

Въ ночь, когда родился Александръ Македонскій, безумецъ Геростратъ, томимый жаждой славы, сжегъ знаменитый храмъ Діаны въ Эфесѣ, за что и поплатился жизнью.

Учебн. древн. исторіи.

Герои древности, съ торжественной ихъ славой,
Отзывныхъ струнъ души во мнѣ не шевелятъ:
По тяжкимъ ихъ стопамъ дорогою кровавой
Вступали въ міръ вражда, насилье и развратъ...
За грознымъ шествіемъ побѣдной колесницы,
За радужнымъ дождемъ привѣтственныхъ цвѣтовъ,
Мнѣ стоны слышатся изъ длинной вереницы
Угрюмыхъ, трепетныхъ, окованныхъ рабовъ;

Мнѣ видятся поля съ сожженными хлѣбами.
Позоръ прекрасныхъ дѣвъ, и слезы матерей,
И стая вороновъ, кружащихъ надъ костями.—
И стыдно мнѣ тогда, и больно за людей!..

—

Но въ мракѣ прошлаго, въ ряду его преданій,
Есть тѣнь, покрытая безславьемъ и стыдомъ,—
Но близкая душѣ огнемъ своихъ страданій,
Своимъ паденіемъ и грознымъ торжествомъ:
Передо мной встаютъ—больной и изможденный
Суровый ликъ и взоръ загадочныхъ очей,
И мрачно-строгій лобъ, въ безмолвьи думъ склоненный,
И волны черныя отброшенныхъ кудрей...
И снится мнѣ, что ночь нависла надъ Элладой,
Что тихо въ морѣ спитъ лазурная волна,
И цѣпь далекихъ горъ неясною громадой
Въ прозрачномъ сумракѣ едва-едва видна;
И будто эта ночь и нѣжитъ, и ласкаетъ,
И жжетъ, опьянена дыханіемъ цвѣтовъ,—
И будто въ эту ночь на землю прилетаетъ
Рой вдохновенныхъ грезъ и благодатныхъ сновъ...

—

О, счастливъ тотъ, кому во мракѣ этой ночи,
Въ пустынной улицѣ или въ саду нѣмомъ,
Яснѣе звѣздъ горятъ возлюбленныя очи,
И руку жметъ рука въ порывѣ молодомъ!..
О, счастливъ тотъ, кто могъ привѣтными огнями
Спугнуть душистый мракъ подъ сводами аллей
И весело возлечь за шумными столами,
Въ ликующей толпѣ красавицъ и друзей!..
Но если ты одинъ... но если ты судьбою
На жизненномъ пиру, какъ нищій, обойденъ,
Но если, какъ туманъ, развѣянный грозою,
Бѣгутъ твоихъ очей забвеніе и сонъ,—
О, бойся ихъ,—ночей ласкающихъ и нѣжныхъ:

Суровый твой недугъ въ затишьи ихъ слышнѣй.
И вдвое тяжелѣй отрава слезъ мятежныхъ,
Когда отъ сладкихъ слезъ томится соловей!..

—

Мнѣ снится эта ночь, и снится онъ... Угрюмый,
Безъ цѣли онъ бредетъ по площади глухой.
Сжигаемый своей мучительною думой,
Страдающій своей непонятой тоской...
Спокоенъ шагъ его: никто его лобзаній
Не ждетъ въ ночной тиши, и не къ кому на грудь
Съ отрадой горькою нахлынувшихъ рыданій
И съ братской жалобой во мглѣ ему прильнуть;
И если-бъ даже въ дверь къ гетерѣ беззаботной
Ударилъ онъ, — любви желаніемъ объятъ, —
Она отвѣтила-бъ съ боязнью безотчетной:
«Уйди, — ты страшенъ мнѣ, безумный Геростратъ»!..

—

Безумный?.. Да, умамъ ребячески-пугливымъ
И мелочнымъ сердцамъ его не оцѣнить:
Какъ свѣтъ исчадьямъ тьмы, онъ страшенъ всѣмъ сча-
стливымъ,
Всѣмъ дѣтски-вѣрящимъ и рвущимся любить...
Онъ ихъ покой смутилъ безжалостнымъ сомнѣньемъ,
Открылъ имъ тайный ядъ въ дыханіи цвѣтовъ,
И бросилъ, не страшась, насмѣшкой и презрѣньемъ
И въ нихъ, объятыхъ сномъ, и въ мертвыхъ ихъ боговъ!..
Онъ юношѣ сказалъ: «Когда передъ тобою,
Стыдливо опустивъ мерцающій свой взглядъ,
Пройдетъ красавица медлительной стопою
И вдругъ, украдкою, оглянется назадъ,
И, уловивъ ея невольное движенье,
Прочтетъ въ чертахъ ея восторженный твой взоръ
И робость дѣтскую, и трепетъ восхищенья, —
Забрезжившей любви безмолвный разговоръ, —

Бѣги и не ищи отраднаго свиданья:
Любовь — безумный звукъ... Любви на свѣтѣ нѣтъ:
Есть только ложь одна, есть жгучія страданья,
Да кровь кипучая, да юношескій бредъ!..»

—

И дѣвѣ онъ сказалъ: «Не вѣрь въ его лобзанья:
Онъ лгалъ, когда клялся на-вѣки быть твоимъ;
Онъ твой, пока къ тебѣ влекутъ его желанья;
Ударитъ часъ — и страсть развѣется какъ дымъ...»
Онъ говорилъ жрецамъ: — «Смѣшны мольбы каменьямъ...»
Онъ воину сказалъ: – «Стыдись, — ты не герой...»
Онъ ихъ отвергнулъ всѣхъ, исполненный презрѣньемъ, —
И самъ отвергнутъ былъ невнемлющей толпой...

—

По звонкой площади далеко раздаются
Во мглѣ шаги его... На-встрѣчу, изъ садовъ,
Къ нему томительно и радостно несутся
И звуки пѣнія, и говоръ голосовъ...
Но онъ на ихъ призывъ чела не подымаетъ...
Предъ нимъ — старинный храмъ; холодный лучъ луны,
Скользя по мрамору, изъ мрака вырываетъ
Лѣпной узоръ колоннъ и выступы стѣны...

—

Онъ тихо входитъ внутрь... Глубокой ночи тѣни
Стоятъ, таинственно сгустившись по угламъ.
Вотъ и алтарь... Предъ нимъ курится фиміамъ...
Гирлянда алыхъ розъ упала на ступени.
И, полною луной въ окно озарена,
Стоитъ, божественной сверкая наготою,
Діана строгая, нѣма и холодна,
На лань покорную облокотясь рукою...
  У ногъ богини жрецъ уснулъ глубокимъ сномъ,
  На мраморъ статуи склонясь сѣдымъ челомъ.

—

И мысль внезапная безумца озарила:
Жить, чтобъ потомъ не жить!.. Томиться и страдать,
Чтобъ все взяла съ собой безмолвная могила
И чтобъ о томъ никто во-вѣкъ не могъ узнать!..
А если стонъ души, исторгнутый мученьемъ,
Заставитъ прозвучать въ грядущихъ временахъ,
Чтобъ пробуждать въ слѣпцахъ, объятыхъ опьяненьемъ, —
Какъ встарь я пробуждалъ, — сомнѣнія и страхъ?..
Сіяньемъ истины слѣпить глаза разврату,
Ничтожество людей сурово озарять,
И сквозь позоръ вѣковъ страдающему брату
Могучій откликъ свой торжественно подать?..
. . . .
. . . .
И вспыхнулъ гордый храмъ, какъ факелъ погребальный,
И не угасъ еще донынѣ этотъ свѣтъ, —
А въ ту же ночь другой безумецъ геніальный
Безвѣстно въ міръ вступалъ, для крови и побѣдъ!..

16 сентября.

1883-ій годъ.

* * *

«Вѣрь,—говорятъ они,—мучительны сомнѣнья!
Съ предвѣчныхъ тайнъ не снять покрововъ роковыхъ.
Не озарить лучомъ желаннаго рѣшенья
Гнетущихъ разумъ нашъ вопросовъ міровыхъ!»
Нѣтъ,—вѣрьте вы, слѣпцы, трусливые душою!..
Изъ страха истины себѣ я не солгу,
За вашей жалкою я не пойду толпою —
И тамъ, гдѣ долженъ знать,— я вѣрить не могу!..
Я знать хочу, къ чему съ лазури небосвода
Льетъ солнце свѣтъ и жизнь въ волнахъ своихъ лучей,
Кѣмъ создана она,— могучая природа,—
Твердыни горъ ея и глубь ея морей;
Я знать хочу, къ чему я созданъ самъ въ природѣ,
Съ душой, скучающей безцѣльнымъ бытіемъ,
Съ тепломъ любви въ душѣ, съ стремленіемъ къ свободѣ,
Съ сознаньемъ силъ своихъ и съ мыслящимъ умомъ!
Живя, я жить хочу не въ жалкомъ опьяненьи,
Боясь себя «зачѣмъ?» пытливо вопросить,
А такъ, чтобъ въ каждомъ днѣ, и въ часѣ, и въ мгновеньи
Таился-бъ вѣчный смыслъ, дающій право жить.
И если мой вопросъ замолкнетъ безъ отвѣта,
И если съ горечью сознаю я умомъ,
Что никогда лучомъ желаннаго разсвѣта
Не озарить мнѣ мглы, чернѣющей кругомъ,—
Къ чему мнѣ ваша жизнь безъ цѣли и значенья?

Мнѣ душно будетъ жить, мнѣ стыдно будетъ жить,—
И, полный гордости и мощнаго презрѣнья,
Цѣпь блѣдныхъ дней моихъ, безъ слезъ и сожалѣнья
Я разомъ оборву, какъ спутанную нить!..

Январь

* * *

Мы спорили долго—до слезъ напряженья...
Мы были всѣ въ сборѣ и были одни:
А тяжкія думы, тоска и сомнѣнья
Измучили всѣхъ насъ въ послѣдніе дни...
Здѣсь, въ нашемъ кругу, на свободное слово
Никто самовластно цѣпей не ковалъ,
И слово лилось, и звучало сурово,
И каждый изъ насъ, говоря, отдыхалъ...

Но странно—собратья по общимъ стремленьямъ,
И спутники въ жизни на общемъ пути—
Съ какимъ недовѣрьемъ, съ какимъ озлобленьемъ
Другъ въ другѣ врага мы старались найти!
Не то же ли чувство насъ всѣхъ согрѣвало—
Любовь безъ завѣта къ отчизнѣ родной—
Не то же ли солнце надежды сіяло
Намъ въ жизни, окутанной душною мглой?..

Печально ты нашему спору внимала...
Порою, когда я смотрѣлъ на тебя,
Казалось мнѣ, будто за насъ ты страдала
И что-то сказать намъ рвалася, любя;
Ночь мчалась... за бѣлымъ окномъ разгорался
Разсвѣтъ... Умирала звѣзда за звѣздой...
Свѣтъ лампы, мерцая, краснѣлъ и сливался
Съ торжественнымъ блескомъ зари золотой,—
И молча тогда подошла ты къ рояли,

Коснулась задумчиво клавишъ нѣмыхъ,
И страстная пѣсня любви и печали,
Звеня, изъ-подъ рукъ полилася твоихъ...

Чтò было въ той пѣснѣ твоей, прозвучавшей
Упрекомъ и грустью надъ нашимъ кружкомъ
И сердце мое горячо взволновавшей
И чистой любовью, и жгучимъ стыдомъ,—
Не знаю... Безсонная ночь-ли сказалась,
Больные ли нервы играли во мнѣ—
Но грудь отъ скопившихся слезъ подымалась,
Минута—и хлынули страстно онѣ...
Какъ будто-бы кто-то глубоко правдивый
Вошелъ къ намъ, озлобленнымъ, жалкимъ, больнымъ,
И сталъ говорить—и воскресшій, счастливый
Кружокъ нашъ въ восторгѣ замолкъ передъ нимъ.

Поддѣльные стоны, крикливыя фразы,
Тщеславье, звучавшее въ нашихъ рѣчахъ,—
Все то, что дыханьемъ незримой заразы
Жизнь сѣетъ во всѣхъ, даже въ лучшихъ сердцахъ,
Все стихло—и только одно лишь желанье,
Одинъ лишь порывъ запылалъ въ насъ огнемъ—
Всю душу отдать на борьбу и страданье,
Но только бы дрогнула полночь кругомъ!..
О, другъ мой, намъ звуки твои показали
Всю ложь въ насъ, до нихъ—незамѣтную намъ,
И крѣпче другъ другу мы руки пожали,
Съ зарей возвращаясь къ обычнымъ трудамъ.

Январь.

ЦВѢТЫ.

Я шелъ къ тебѣ... На землю упадалъ
Осенній мракъ, холодный и дождливый...
Огромный городъ глухо рокоталъ,
Шумя своей толпою суетливой;
Загадочно чернѣлъ просторъ рѣки
Съ безжизненно-недвижными судами,
И вдоль домовъ ночные огоньки
Бѣжали въ мглу блестящими цѣпями...

Я шелъ къ тебѣ измученъ труднымъ днемъ,
Съ усталостью на сердцѣ и во взорѣ,
Чтобъ отдохнуть передъ твоимъ огнемъ
И позабыться въ тихомъ разговорѣ;
Мнѣ грезился твой теплый уголокъ,
Тетради нотъ и свѣчи на рояли,
И ясный взглядъ, и кроткій твой упрекъ
Въ отвѣтъ на рѣчь сомнѣнья и печали,—
И я спѣшилъ... А ночь была темна...
Чуть фонарей струилося мерцанье...
Вдругъ снопъ лучей, сверкнувшихъ изъ окна,
Прорѣзавъ мракъ, привлекъ мое вниманье:

Тамъ, за зеркальнымъ, блещущимъ стекломъ,
Въ сіяньи лампъ, горѣвшихъ мягкимъ свѣтомъ,
Обвѣяны искусственнымъ тепломъ,
Взлелѣяны оранжерейнымъ лѣтомъ,—
Цвѣли цвѣты... Жемчужной бѣлизной
Сіяли ландыши... алѣли георгины,
Пестрѣли бархатцы, нарциссы и левкой,
И розы искрились какъ яркіе рубины...

Роскошные, душистые цвѣты,—
Они какъ будто радостно смѣялись,
А въ вышинѣ латаніи листы,
Какъ вѣера, надъ ними колыхались!..

Садовникъ ихъ въ окнѣ разставилъ на-показъ,
И за стекломъ, глумясь надъ холодомъ и мглою,
Они такъ нѣжили, такъ радовали глазъ,
Такъ сладко въ душу вѣяли весною!..
Какъ очарованный стоялъ я предъ окномъ:
Мнѣ чудилось ручья дремотное журчанье,
И птицъ веселый гамъ, и въ небѣ голубомъ
Занявшейся зари стыдливое мерцанье;
Я ждалъ, что ласково повѣетъ вѣтерокъ,
Узорную листву лѣниво́ колыхая,
И съ бѣлой лиліи взовьется мотылекъ,
И загудитъ пчела, на зелени мелькая...
Но дѣтскій мой восторгъ смѣнился вдругъ стыдомъ:
Какъ!.. въ эту ночь, окутанную мглою,
Здѣсь, рядомъ съ улицей, намокшей подъ дождемъ,
Дышать такимъ безстыднымъ торжествомъ,
Сіять такою наглой красотою!...

. . . .

Ты помнишь,—я пришелъ къ тебѣ больной...
Ты ласкъ моихъ ждала—и не дождалась:
Твоя любовь казалась мнѣ слѣпой,
Моя любовь—преступной мнѣ казалась!..

* * *

Подъ звуки музыки, струившейся волною,
Одинъ среди толпы, пестрѣющей кругомъ,
Я вдругъ задумался, поникнувъ головою,
Задумался — Богъ вѣдаетъ о чемъ.

Печали не было въ той думѣ мимолетной,
Но чуть очнулся я — и на своихъ чертахъ
Созналъ я темный слѣдъ тревоги безотчетной,
И влагу тихихъ слезъ, сіяющихъ въ очахъ.

То тайные мои недуги и страданья,
Глубоко скрытые отъ чуждыхъ мнѣ очей,
Укравши у меня минуту невниманья,
Какъ тѣни поднялись со дна души моей.

И въ часъ, когда на мигъ отъ оживленья бала
Въ безвѣстный міръ меня мечта моя умчала,
Они смутили вновь поддѣльный мой покой.
Такъ горная рѣка изъ-подъ снѣговъ обвала
Вновь рвется на просторъ мятежною волной.

* * *

Опять вокругъ меня ночная тишина,
Опять на серебро морознаго окна
Бросаетъ лунный свѣтъ отливъ голубоватый,
И въ поздній часъ ночной, передъ недолгимъ сномъ,
Сижу я при огнѣ, склонясь надъ дневникомъ,
Тревогою, стыдомъ и ужасомъ объятый.

Такихъ, какъ этотъ день, минувшій безъ слѣда,
Растратилъ много я въ послѣдніе года, —
Но ихъ въ мою тетрадь я заносить боялся:
Больную мысль страшилъ растущій ихъ итогъ...
Такъ медлитъ счетъ свести неопытный игрокъ,
Съ отчаяньемъ въ груди сознавъ, что проигрался...

Сегодня совѣсть мнѣ отсрочки не даетъ...
За что, что сдѣлалъ я?.. За что меня гнететъ
Мое минувшее, какъ память преступленья?
Я жилъ, какъ всѣ живутъ, — какъ всѣ, я убивалъ
Безцѣльно день за днемъ и рабски отгонялъ
Укоры разума, и думы, и сомнѣнья!

Я жилъ, какъ всѣ живутъ, — а въ этотъ часъ ночной,
Быть можетъ, я одинъ съ мучительной тоской
Въ тайникъ души моей спускаюсь безпристрастно...
И тихо все вокругъ, и за моимъ окномъ,
Окованный луны холоднымъ серебромъ,
Недвижный городъ спитъ глубоко и безстрастно.

ГРЕЗЫ.

(Посвящается Алексѣю Николаевичу Плещееву).

I.

Когда, еще дитя, за школьною стѣною,
Съ наивной дерзостью о славѣ я мечталъ,
Мнѣ въ грезахъ видѣлся, пестрѣющій толпою,
Высокій, мраморный, залитый свѣтомъ залъ...
Былъ пиръ — веселый пиръ, въ честь юной королевы,
И въ зàмкѣ ликовалъ блестящій кругъ гостей:
Сюда собрались всѣ прекраснѣйшія дѣвы
И весь желѣзный сонмъ бароновъ и князей...

День промелькнулъ въ чаду забавъ и развлеченій:
Рога охотниковъ звучали по лѣсамъ,
И много горныхъ серпъ и царственныхъ оленей
Упало жертвами разгоряченнымъ псамъ.
А ночью данъ былъ балъ... Сіяющіе хоры
Гремѣли музыкой... межъ мраморныхъ колоннъ
Гирлянды зелени сплетались въ узоры,
И зыблилась парча девизовъ и знаменъ...
Всю ночь одинъ другимъ смѣнялись менуэты,
Подъ звуки ихъ толпа скользила и плыла,
И отражали шелкъ, и фрезы, и колеты
Съ карниза дò полу сплошныя зеркала...

Но близокъ ужь разсвѣтъ, и гости утомились:
— «Пѣвца — зовутъ они — пусть выйдетъ онъ впередъ!
Чтобъ пиръ нашъ увѣнчать, чтобъ всѣмъ мы насладились,
Пусть пѣсню старины предъ нами онъ споетъ!»
И, робкій пажъ, впередъ я выступилъ... Смиренно
Предъ королевой я колѣно преклонилъ,
Поднялся, звонкихъ струнъ коснулся вдохновенно,
И юный голосъ мой чертоги огласилъ...

Въ началѣ онъ дрожалъ отъ тайнаго смущенья,
Но ужь слетѣлъ ко мнѣ мой благодатный богъ,
Ужь осѣнилъ меня крылами вдохновенья,
И звукамъ гибкость далъ, и взоръ огнемъ зажегъ,
И вотъ, безвѣстный пажъ, я властвую толпою!..
Я покорилъ ее... Я вижу съ торжествомъ,
Какъ королева ницъ склонилась головою,
Какъ жадно рыцари внимаютъ мнѣ кругомъ;
Я вижу очи дѣвъ, горящія слезами,
Полураскрытыя въ волненьи ихъ уста,
И льется пѣснь моя широкими волнами,
Какъ горная рѣка — кристальна и чиста.

И льется пѣснь моя, и мощною грозою
Гремитъ, разсыпавшись, на стонущихъ струнахъ...

Не громъ-ли Божьихъ тучъ ударилъ надъ землею,
Не стрѣлы-ль молніи сверкнули въ небесахъ?..
Какъ грозенъ былъ ударъ!.. Казалось, своды зала
Внезапно дрогнули, и дрогнула земля,
И люстра изъ сквозныхъ подвѣсокъ хрусталя
На серебрѣ цѣпей, померкнувъ, задрожала...
Но буря пронеслась, и струны недвижимы...
И вновь звучатъ онѣ подъ бѣглою рукой,
Какъ будто крыльями трепещутъ серафимы.
Какъ будто дальній звонъ несется надъ толпой...
Молитвенный напѣвъ чаруетъ и ласкаетъ,
И вотъ послѣдній звукъ, какъ легкій ѳиміамъ,
Какъ чистый ароматъ, сквозь окна отлетаетъ
Къ дрожащимъ звѣздами бездоннымъ небесамъ!

Я кончилъ...

Всѣ уста окованы молчаньемъ.
Всѣ груди поднялъ вздохъ... Но вотъ, къ моимъ ногамъ
Упалъ вѣнокъ, и нѣтъ конца рукоплесканьямъ.
И нѣтъ числа меня осыпавшимъ цвѣтамъ!..
Гремитъ и стонетъ залъ, волнуясь предо мною;
Растетъ привѣтный гулъ несчетныхъ голосовъ:
Такъ хмурый лѣсъ шумитъ, взволнованный грозою.
Такъ море въ бурю бьетъ о скалы береговъ.
Гремитъ и стонетъ залъ; но громъ рукоплесканій
Я слышу, какъ во снѣ... Душа моя полна
Иныхъ, завѣтныхъ думъ и пламенныхъ желаній.
Иной награды ждетъ въ смущеніи она.
Ты, чей привѣтный взглядъ звѣздою путеводной
Сіялъ передо мной, чья красота зажгла
Во мнѣ восторгъ пѣвца, могучій и свободный.
О, неужели ты меня не поняла?..
Безумецъ! отгони напрасныя мечтанья!
Священенъ тронъ ея!.. Молись... благоговѣй!
Не дерзостной любви тревоги и желанья,
А раболѣпный страхъ повергни передъ ней!

Но вѣрить-ли очамъ: *она встаетъ!..* Мгновенно
Затихшая толпа ей очищаетъ путь...
Глаза ея горятъ свѣтло и вдохновенно,
Подъ золотомъ парчи высоко дышетъ грудь...
Она идетъ ко мнѣ—идетъ легка, какъ греза,
Чаруя прелестью улыбки и лица,
И вотъ съ ея груди отколотая роза
Трепещетъ ужъ въ рукѣ счастливаго пѣвца!..

Такъ въ дѣтствѣ я мечталъ...

II.

Съ тѣхъ поръ умчались годы,
И нѣтъ ихъ, яркихъ сновъ фантазіи моей:
. . . .
Я сталъ пѣвцомъ труда, познанья и скорбей!
Во славу красоты я гимновъ не слагаю,
Побѣдъ и громкихъ дѣлъ я въ пѣсняхъ не пою,
Я плачу съ плачущимъ, со страждущимъ страдаю,
И утомленному я руку подаю!
И пусть мой крестъ тяжелъ, пусть бури и сомнѣнья,
Невзгоды и борьбу принесъ онъ мнѣ съ собой,
Онъ мнѣ дарилъ за то и свѣтлыя мгновенья,
Мгновенья радости высокой и святой!

Я помню ночь: блѣдна, какъ тяжело больная,
Она слетала къ намъ съ лазурной вышины,
Съ несмѣлой ласкою серебрянаго мая,
Съ привѣтомъ сѣверной, задумчивой весны.
Всѣ окна въ комнатѣ мы настежъ отворили,
И, съ грохотомъ колесъ по звонкой мостовой,
Къ себѣ и эту ночь радушно мы впустили
На скромный праздникъ нашъ, въ нашъ уголъ трудовой...
А чуть вошла она—чуть ароматъ сирени
Повѣялъ въ комнатѣ—и тихо вслѣдъ за ней

Вошли какія-то оплаканныя тѣни,
Какихъ-то звуковъ рой изъ мглы минувшихъ дней...
Тѣмъ, кто закинутъ былъ въ столицу издалека,
Невольно вспомнились родимые края,
Убогое село, и церковь, и поля,
И надъ нѣмымъ прудомъ недвижная осока;
Припомнился тотъ садъ, знакомый съ колыбели,
Гдѣ въ невозвратные, младенческіе дни,
Скрипѣли весело подгнившія качели,
И звонкій смѣхъ стоялъ въ узорчатой тѣни;
Крутой обрывъ въ саду, бесѣдка надъ обрывомъ,
Тропинка, въ темный лѣсъ бѣгущая змѣей,
И полосы хлѣбовъ съ ихъ золотымъ отливомъ,
И мирный свѣтъ зари за сонною рѣкой...
И нашъ кружокъ примолкъ...

Суровыя лишенья,
Нужда тяжелый трудъ и длинный рядъ заботъ
Томили долго насъ... мы жаждали забвенья—
И съ тихой пѣснею любви и примиренья,
Какъ въ дѣтскихъ снахъ моихъ—я выступилъ впередъ.
Не пышный залъ горѣлъ огнями предо мною:
Здѣсь, въ бѣдной комнаткѣ, тонувшей въ полумглѣ,
Сіяла только мысль нетлѣнной красотою
Въ вѣнцѣ изъ терніевъ на царственномъ челѣ!
И голосъ мой звучалъ не для пустой забавы
Пресыщенной толпы земныхъ полубоговъ:
Не требуя похвалъ, не ожидая славы,
Какъ братъ, я братьямъ пѣлъ, усталымъ отъ трудовъ.
Я пѣлъ сплотившимся подъ знаменемъ науки,
Я пѣлъ измученнымъ тяжелою борьбой,
Чтобъ не упали ихъ натруженныя руки,
Чтобъ не разсѣялся союзъ ихъ молодой;
Я пѣлъ имъ свѣтлый гимнъ, внушенный упованьемъ,
Что только истинѣ побѣда суждена,
Что ночь не устоитъ передъ ея сіяньемъ,
Что даль грядущаго отрадна и ясна;

И все, что на душѣ отъ чернаго сомнѣнья
Я самъ, какъ цѣнный кладъ, въ ненастье сохранилъ—
Всѣ лучшія мечты, всѣ смѣлыя стремленья—
Все въ звуки пѣсни той я вольно перелилъ!..

Я смолкъ... Мнѣ не гремятъ толпы рукоплесканья,
Не падаютъ къ ногамъ душистые вѣнки:
Наградою пѣвцу—минутное молчанье,
Да чье-то теплое пожатіе руки...
Но что̀ со мной?.. О чемъ, откуда эти слезы?..
Какъ гордъ, какъ счастливъ я, какъ ожилъ я душой!..
О, родина моя, прими меня—я твой!..
И блекнутъ яркія, младенческія грезы,
И осыпаются ихъ призрачныя розы
Предъ счастьемъ, на-яву блеснувшимъ предо мной!..

Мартъ.

* * *

Я не щадилъ себя: мучительнымъ сомнѣньямъ
Я самъ на-встрѣчу шелъ, самъ въ душу ихъ призвалъ..
Я говорилъ «прости» всѣмъ свѣтлымъ убѣжденьямъ,
Всѣ лучшія мечты съ проклятьемъ погребалъ.
Жить въ мірѣ призраковъ, жить грезами и снами,
Безъ думы плыть туда, куда несетъ приливъ,
Безпечно ликовать съ рабами и глупцами—
Нѣтъ, я былъ слишкомъ гордъ, и честенъ, и правдивъ!

И боги падали, и прежнія свѣтила
Теряли навсегда сіянье и тепло,
И ночь вокругъ меня сдвигалась, какъ могила,
Отравой жгучихъ думъ обвѣявъ мнѣ чело,—
И скорбно я глядѣлъ потухшими очами,
Какъ жизнь, еще вчера сіявшая красой,
Жизнь—этотъ пышный садъ, пестрѣющій цвѣтами—
Нагой пустынею лежала предо мной!..

Но первый вихрь затихъ, замолкнулъ въ отдаленьи
Глухой раскатъ громовъ—и ожилъ я опять:
Я сталъ сбирать вокругъ обломки отъ крушенья
И на развалинахъ творить и созидать.
Изъ уцѣлѣвшихъ грезъ, надеждъ и упованій
Я создалъ новый міръ, воздвигнулъ новый храмъ.
И, отдохнувъ душой отъ бурь и испытаній,
Вновь сталъ молиться въ немъ и жечь мой ѳиміамъ!..

И въ тягостной грозѣ, прошедшей надо мною,
Я высшій смыслъ постигъ—она мнѣ помогла,
Очистивъ душу мнѣ страданьемъ и борьбою,
Свѣтъ отличить отъ мглы и перлы отъ стекла.
«Впередъ же!—думалъ я:—пусть старая тревога
Въ твоей груди, боецъ, заглохнетъ и замретъ:
Ты закалилъ себя, ты истиннаго Бога
Прозрѣлъ въ угрюмой мглѣ—не медли-жъ, и впередъ!»

Напрасная мечта!.. Уходятъ дни за днями,
И каждый новый день, отмѣченный борьбой,
Съ безсильнымъ ужасомъ, съ безумными слезами,
Раскаты новыхъ грозъ я слышу надъ собой!..
Святилище души поругано... сомнѣнья
Внесли ужь и въ него мертвящій свой разладъ,
И въ мой священный гимнъ—въ смиренный гимнъ моленья
Кощунственныхъ рѣчей вливаютъ тайный ядъ!..

Отверстой безднѣ зла, зіяющей мнѣ въ очи,
Ни дна нѣтъ, ни границъ—и на ея краю
Окутанъ душной мглой невыносимой ночи,
Безсильный, какъ дитя, въ раздумьи я стою:
Что значу я, пигмей, со всей моей любовью,
И разумомъ моимъ, и волей, и душой,
Предъ льющейся вѣка страдальческою кровью,
Предъ вѣчнымъ зломъ людскимъ и вѣчною враждой?!

Апрѣль.

* * *

Я пришелъ къ тебѣ съ открытою душою,
Истомленный скорбью, злобой и недугомъ,
И сказалъ тебѣ я—будь моей сестрою,
Будь моей заботой, радостью и другомъ.
Мы одно съ тобою любимъ съ колыбели
И одной съ тобою молимся святынѣ,—
О, пойдемъ же вмѣстѣ къ лучезарной цѣли,
Вмѣстѣ въ людномъ мірѣ, какъ въ глухой пустынѣ!

И въ твоихъ очахъ прочелъ я тѣ же грезы,
Ты, какъ я, ждала участья и привѣта,
Ты, какъ я, въ груди таить устала слезы
Отъ докучныхъ взоровъ суетнаго свѣта;—
Но на зовъ мой, полный теплаго довѣрья,
Такъ же беззавѣтно ты не отозвàлась,
Ты искать въ немъ стала лжи и лицемѣрья,
Ты любви, какъ злобы, дѣтски испугалась...

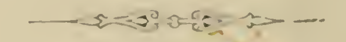
И, сокрывъ въ груди отчаянье и муку
И сдержавъ въ устахъ невольныя проклятья,
Со стыдомъ мою протянутую руку
Опускаю я, не встрѣтивши пожатья,
И какъ путникъ, долго бывшій на чужбинѣ
И въ родномъ краю не узнанный семьею,
Снова въ людномъ мірѣ, какъ въ глухой пустынѣ
Я бреду одинъ съ поникшей головою...

Апрѣль

RÊVERIE.

(Посвящается артисткѣ г-жѣ Зейптъ).

Затихъ блестящій залъ и ждетъ, какъ онѣмѣлый...
Вотъ прозвучалъ аккордъ подъ опытной рукой,
И вслѣдъ за нимъ, дрожа, неясный и несмѣлый,
Раздался струнный звукъ,—и замеръ надъ толпой.
То былъ родной мнѣ звукъ: душа моя узнала
Въ немъ отзвукъ струнъ своихъ,—и изъ моихъ очей,
Какъ отлетѣвшій сонъ, исчезли стѣны зала,
И пестрота толпы, и яркій блескъ огней!
Широко и свѣтло объятья распахнувшій
Иной, прекрасный міръ открылся предо мной,
И только видѣлъ я смычокъ, къ струнамъ прильнувшій
Да блѣдное лицо артистки молодой.
Какъ чудотворный жезлъ волшебницы могучей,
Онъ,—этотъ трепетный и вкрадчивый смычокъ,
За каждой нотою, и нѣжной, и пѣвучей,
Отвѣтныхъ грезъ будилъ въ груди моей потокъ;
И шли передо мной въ лучахъ воспоминанья,
Подъ звуки rêverie, бѣжавшей, какъ ручей,
И свѣтлая любовь, и яркія мечтанья,
И тихая печаль минувшихъ, юныхъ дней.

МУЗА.

(Посвящается Д. С. Мережковскому).

Долго муза, таясь, передъ взоромъ моимъ
Не хотѣла поднять покрывала,
И за флеромъ туманнымъ, какъ жертвенный дымъ,
Чуждый ликъ свой ревниво скрывала;
Пылкій жрецъ,—я ни разу его не видалъ,
И въ часы вдохновенья ночнаго
Только голосъ богини мнѣ нѣжно звучалъ
Изъ-подъ траурныхъ складокъ покрова;
Но подъ звуки его мнѣ мечта создала
Яркій образъ:—за облакомъ флера
Я угадывалъ дѣвственный мраморъ чела
И огонь вдохновеннаго взора;
Я угадывалъ темныя кольца кудрей,
Очеркъ устъ горделивый и смѣлый,
Благородный размахъ соболиныхъ бровей
И рѣсницъ шелковистыя стрѣлы...
И взмолился я строгой богинѣ:—«Открой,
О, открой мнѣ черты дорогія!..
Я хочу увидать тотъ источникъ живой,
Гдѣ рождаются пѣсни живыя;
Не таи отъ меня молодаго лица,
Сбрось покровъ свой лилейной рукою,
И какъ солнцемъ согрѣй и обрадуй пѣвца
Богоданной твоей красотою!»..

И богиня вняла неотступнымъ мольбамъ
И, въ минуту свиданья, несмѣло
Уронила туманный покровъ свой къ ногамъ,
Обнажая стыдливое тѣло;

Уронила—и въ страхѣ я прянулъ назадъ...
Воспаленный, завистливый, злобный,—
Острой сталью въ глаза мнѣ сверкнулъ ея взглядъ,
Взглядъ, мерцанью зарницы подобный!..
Было что-то зловѣщее въ этихъ очахъ,
Оттѣненныхъ вокругъ синевою...
Серебрясь, сѣдина извивалась въ кудряхъ,
Упадавшихъ на плечи волною;
На прозрачныхъ щекахъ нездоровымъ огнемъ
Блескъ румянца, бродя, разгорался,—
И одинъ только голосъ дышалъ торжествомъ,
И надъ тяжкимъ недугомъ смѣялся...
И звучалъ этотъ голосъ:—Пѣвецъ, ты молилъ,
Я твои услыхала молитвы:
Вотъ подруга, съ которой ты гордо вступилъ
На позорище жизненной битвы!
О, слѣпецъ!.. Красотой я сіять не могла:
Не съ тобой ли я вмѣстѣ страдала?..
Зависть первыя грезы твои родила,
Злоба—первую пѣснь нашептала...
Одинокой печали непонятый крикъ,
Слезы горя, борьба и лишенья—
Вотъ моя колыбель,—вотъ кипучій родникъ,
Блескъ и свѣтъ твоего вдохновенья!..

* * *

Не вини меня, другъ мой,—я сынъ нашихъ дней,
Сынъ раздумья, тревогъ и сомнѣній;
Я не знаю въ груди беззавѣтныхъ страстей,
Безотчетныхъ и смутныхъ волненій.
Какъ хирургъ, довѣряющій только ножу,
Я лишь мысли одной довѣряю,—
Я съ вопросомъ и къ самой любви подхожу
И пытливо ее разлагаю!..

Ты прекрасна въ порывѣ твоемъ молодомъ,
Съ робкой нѣжностью первыхъ признаній,
Съ теплой вѣрой въ судьбу, съ дѣтски-яснымъ челомъ
И огнемъ полу дѣтскихъ лобзаній;
Ты сильна и горда своей страстью,—а я...
О, когда-бъ ты могла, дорогая,
Знать, какъ тягостно борется дума моя
Съ обаяньемъ наставшаго рая,
Сколько шепчетъ она мнѣ язвительныхъ словъ,
Сколько старыхъ могилъ разрываетъ,
Сколько прежнихъ, развѣянныхъ опытомъ, сновъ
Въ скорбномъ сердцѣ моемъ подымаетъ!..

* * *

Окрыленнымъ мечтой сладкозвучнымъ стихомъ
Никогда не игралъ я отъ скуки.
Только то, что грозой пронеслось надъ челомъ,
Выливалъ я въ покорные звуки.

Какъ недугомъ, я каждою пѣснью болѣлъ,
Каждой творческой думой терзался;
И нерѣдко пѣвца благодатный удѣлъ
Непосильнымъ крестомъ мнѣ казался.

И нерѣдко клялся я на-вѣкъ замолчать,
Чтобъ съ толпою въ забвеніи слиться,—
Но Эолова арфа должна зазвучать,
Если вихрь по струнамъ ея мчится,

И невластенъ весною гремучій ручей
Со скалы не свергаться къ долинѣ,
Если солнце потоками жгучихъ лучей
Растопило снѣга на вершинѣ!..

* * *

Неужели сейчасъ только бархатный лугъ
Трепеталъ позолотой полдневныхъ лучей?
Неуклюжая туча ползетъ, какъ паукъ,
И ползетъ—и плететъ паутину тѣней!..
Ахъ, напрасно повѣрилъ я въ день золотой.
Ты лгала мнѣ, прозрачныхъ небесъ бирюза:
Неподвижнѣе воздухъ, томительнѣй зной,
И все ближе гремитъ, надвигаясь, гроза!..

Встанутъ сѣрые вихри въ дорожной пыли,
Заволнуется зыбкое море хлѣбовъ,
Дрогнетъ садъ, наклоняясь челомъ до земли,
Облетятъ лепестки недоцвѣтшихъ цвѣтовъ...
Сколько будетъ незримыхъ, неслышныхъ смертей,
Сколько всходовъ помятыхъ и сломанныхъ розъ!..
Долго солнце огнемъ благодатныхъ лучей
Не осушитъ пролитыхъ природою слезъ!..
А не будь миновавшіе знойные дни
Такъ безоблачно-тихи, свѣтлы и ясны,
Не родили-бъ и черную тучу они—
Эту черную думу на ликѣ весны!..

Августъ.

НАДЪ МОГИЛОЙ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Тревожные слухи давно долетали;
Бѣда не подкралась къ отчизнѣ тайкомъ,—
Бѣда шла открыто, мы всѣ ея ждали,
Но всѣхъ взволновалъ разразившійся громъ.

И такъ ужь немного вождей остается,
И такъ ужь безлюдье насъ тяжко гнететъ,
Чье-жъ сердце на русскую скорбь отзовется,
Чья мысль ей укажетъ желанный исходъ?..

Больной и далекій,—въ послѣдніе годы
Немного ты далъ намъ, учитель и другъ:
Понять наши стоны и наши невзгоды
Тебѣ помѣшалъ безпощадный недугъ.
Но жилъ ты—и вѣрилось въ русскую силу,
И вѣрилось въ русской души красоту,—
Сошелъ побѣжденный страданьемъ, въ могилу,
И нѣтъ тебѣ смѣны на славномъ посту.

Не здѣсь, не въ мерцаньи свѣчей погребальныхъ,
Не въ пестрой толпѣ, не при громѣ рѣчей,
Не въ звукахъ молитвъ, заунывно-печальныхъ,
Поймемъ мы всю горечь утраты своей:—
Поймемъ ее дома, поймемъ надъ строками
Высокихъ и свѣтлыхъ твореній твоихъ,
Заслышавъ, какъ сердце трепещетъ слезами,—
Слезами восторга и чувствъ молодыхъ!..

И долго при лампѣ, вечерней порою,
За дружнымъ и тѣснымъ семейнымъ столомъ,
Въ студенческой кельѣ, въ саду надъ рѣкою,
На школьной скамейкѣ и всюду кругомъ—
Знакомыя будутъ мелькать намъ страницы
Звучать отголоски знакомыхъ рѣчей,
И словно живыя, вставать вереницы
Тобою возсозданныхъ русскихъ людей!..

Сентябрь.

1884-ый годъ.

* * *

Испытывалъ ли ты, что значитъ задыхаться?
И видѣть надъ собой не глубину небесъ,
А звонкій сводъ тюрьмы,—и плакать, и метаться,
И рваться на просторъ,—въ поля, въ тѣнистый лѣсъ?
Что значитъ съ бѣшенствомъ и жгучими слезами,
Остервенясь душой, какъ разъяренный звѣрь,
Пытаться оторвать изнывшими руками
Желѣзною броней окованную дверь?
Я это испыталъ,—но былъ моей тюрьмою
Весь міръ, огромный міръ, раскинутый кругомъ.
О, сколько разъ его горячею мечтою
Я облеталъ, томясь въ безмолвіи ночномъ!
Какъ жаждалъ я—чего?—не нахожу названья:
Нечеловѣчески-величественныхъ дѣлъ,
Нечеловѣчески-тяжелаго страданья,
Лишь не дѣлить съ толпой пустой ея удѣлъ!..
Съ пылающимъ челомъ и влажными очами
Я отворялъ окно въ дремавшій чутко садъ,
И пилъ, и жадно пилъ, прохладными волнами
Съ росистыхъ цвѣтниковъ плывущій ароматъ;
И къ звѣздамъ я взывалъ, чтобъ тишиной своею
Смирила эта ночь тревогу юныхъ силъ,
И уходилъ къ пруду, въ глубокую аллею,
И до разсвѣта въ ней задумчиво бродилъ.
И лишь дыханьемъ дня и солнцемъ отрезвленный,
Я возвращался вновь въ покинутый мой домъ,
И крѣпко засыпалъ, въ конецъ изнеможенный,
Тяжелымъ, какъ недугъ, и безпокойнымъ сномъ...

Куда меня влекли неясныя стремленья,
Въ какой безвѣстный міръ, — постигнуть я не могъ;
Но въ эти ночи думъ и страстнаго томленья,
Ничтожныхъ дѣлъ людскихъ душой я былъ далекъ:
Мой духъ негодовалъ на власть и цѣпи тѣла,
Онъ не хотѣлъ преградъ, онъ не хотѣлъ завѣсъ, —
И вѣчность цѣлая въ лицо мое глядѣла
Изъ звѣздной глубины сіяющихъ небесъ!

---

* * *

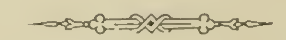
Нѣтъ, легче мнѣ думать, что ты умерла,
Чѣмъ знать, что тебя съ каждымъ днемъ покоряетъ
Всесильная пошлость глухаго угла,
Гдѣ блѣдная юность твоя доцвѣтаетъ, —
Чѣмъ знать, что могла-бъ ты всей грудью дышать,
Могла бы любить всей душой пробужденной,
И гибнешь безплодно, не въ силахъ порвать
Съ безсмысленнымъ гнетомъ среды зачумленной!

бОъ этой ли призрачной жизни слѣпцовъ
Мечтали съ тобою мы въ нашихъ бесѣдахъ,
Объ этихъ ли мелкихъ уколахъ враговъ,
Объ этихъ ли жалкихъ надъ ними побѣдахъ?
Куда-жъ они скрылись, завѣтные сны,
Зачѣмъ оттолкнула ты лучшую долю?
На что промѣняла ты солнце весны
И воздухъ, и силу, и вольную волю?..

Мнѣ жалко тебя до страданья, до слезъ;
Съ какой бы любовью я бѣднаго друга
Съ собой на рукахъ, какъ ребенка, унесъ
Изъ этого затхлаго, тѣснаго круга!..

Но тщетно зову я тебя: предо мной
Стоишь ты съ поникшими грустно очами,
И мнѣ отвѣчаешь пугливой мольбой,
Да горькой улыбкой стыда, да слезами!.

Май.

*
* *

Червякъ, раздавленный судьбой,
Я въ смертныхъ мукахъ извиваюсь.
Но все борюсь, полуживой,
И передъ жизнью не смиряюсь.
Глумясь, она вокругъ меня
Кипитъ въ рѣчахъ толпы шумящей,
Въ цвѣтахъ весны животворящей
И въ пѣньи птицъ, и въ блескѣ дня
Она идетъ, сильна, свѣтла,
И, какъ весной потокъ гремучій,
Влечетъ въ водоворотъ кипучій,
Въ водоворотъ добра и зла...
А я, — я бѣшеной рукой
За край одеждъ ея хватаюсь,
И удержать ее стараюсь
Моей насмѣшкой и хулой.
«Остановись», — я ей во слѣдъ
Кричу въ безсильномъ озлобленьи: —
«Въ твоихъ законахъ смысла нѣтъ.
И цѣли нѣтъ въ твоемъ движеньи
О, какъ пуста ты и глупа!..
Раба страстей, раба порока,
Ты возмутительно-слѣпа
И неосмысленно-жестока!..»
Но, величава и горда,
Она идетъ, какъ шла донынѣ.

И гаснетъ крикъ мой безъ слѣда,—
Крикъ вопіющаго въ пустынѣ!
И задыхаюсь я съ тоской,
Въ крови, разбитый, оглушенный,—
Червякъ, раздавленный судьбой,
Среди толпы многомилльоной!..

ОТРЫВОКЪ.

Ложились сумерки. Таинственно мерцая,
Двурогій серпъ луны въ окно мое глядѣлъ...
Надъ мирнымъ городомъ, дрожа и замирая,
Соборный колоколъ размѣренно гудѣлъ...
Вдоль темной улицы цѣпочкой золотою
Тянулись огоньки. Но лампу на столѣ
Я медлилъ зажигать, объятый тишиною,
И сладко грезилъ въ полумглѣ.
Я грезилъ какъ дитя, причудливо мѣшая
Со сказкой—истину, съ отрадою—печаль,
То пережитое волшебно оживляя,
То уносясь мечтой въ загадочную даль...
Но что-бъ ни снилось мнѣ, какія бы видѣнья
Ни наполняли мракъ, стоящій предо мной,
Вездѣ мелькала ты, — твой взглядъ, твои движенья,
Твои черты, твой голосъ молодой.
И видѣлъ я, что смерть летаетъ надо мною,
Что я лежу въ бреду,—а ты ко мнѣ вошла,
И нѣжной, тонкою, холодною рукою
Коснулась моего горячаго чела...

НА КЛАДБИЩѢ.

На ближнемъ кладбищѣ я знаю уголокъ:
Свѣжѣе тамъ трава, несмятая шагами,
Роскошнѣй тѣнь отъ липъ, склонившихся въ кружокъ,
И звонче пѣнье птицъ надъ старыми крестами.
Я часто тамъ брожу, пережидая зной...
Читаю надписи, грущу, когда взгрустнется,
Иль, лежа на травѣ, смотрю, какъ надо мной,
Мелькая сквозь листву прозрачной бѣлизной,
Куда-то облачко стремительно несется.
Сегодня крестъ одинъ склонился и упалъ;
Онъ падалъ медленно, за сучья задѣвая,
И подойдя къ нему, на немъ я прочиталъ:
«Спѣши,—я жду тебя, подруга дорогая!»
Должно быть, вешній дождь вчера его подмылъ.
И я задумался съ невольною тоскою,
Задумался о томъ, чей прахъ онъ сторожилъ,
И кто гніетъ теперь подъ этою землею...
«Спѣши,—я жду тебя!»—Завѣтныя слова!..
Услышала-ль она загробный голосъ друга?..
Пришла-ль къ тебѣ на зовъ, иль все еще жива
Твоя любимая и нѣжная подруга?
Я имени ея не нахожу кругомъ...
Ты тлѣешь, окруженъ чужой тебѣ толпою,
Забытъ и одинокъ,—и ни однимъ вѣнкомъ
Ея любовь къ тебѣ не говоритъ съ тобою...
Жизнь увлекла ее въ водоворотъ страстей,
И жгучую печаль, какъ рану, исцѣлила,
И не придетъ она подъ тѣнь густыхъ вѣтвей
Поплакать надъ твоей размытою могилой;
И только этотъ крестъ, заботливой рукой
Поставленный тебѣ когда-то къ изголовью,
Храня съ минувшимъ связь, смѣется надъ тобой,
Надъ памятью людской и надъ людской любовью!..

ВЪ ГЛУШИ.

Горячо наше солнце безоблачнымъ днемъ:
Подъ лучами его раскаленными
Все истомой и нѣгой объято кругомъ,
Все обвѣяно грезами сонными...
Спитъ глухой городокъ: не звучатъ голоса,
Не вздымается пыль подъ копытами;
Неподвижно и ярко рѣки полоса,
Извиваясь, сквозитъ за ракитами;
Въ окнахъ спущены шторы... безлюдно въ садахъ,
Только ласточки съ криками носятся,
Только пчелы гудятъ на душистыхъ цвѣтахъ,
Да оттуда, гдѣ косы сверкаютъ въ лугахъ,
Отдаленные звуки доносятся...

Я люблю эту тишь... Я люблю надъ рѣкой,
Гдѣ она изогнулась излучиной,
Утонувши въ травѣ, подъ тѣнистой листвой,
Отдохнуть въ забытьи утомленной душой,
Шумной жизнью столицы измученной...
Я лежу и смотрю... Я смотрю, какъ горитъ
Крестъ собора надъ старыми вязами,
Какъ рѣка предо мною беззвучно бѣжитъ
Загораясь подъ солнцемъ алмазами,
Какъ пестрѣютъ стада на зеленыхъ лугахъ,
Какъ луга эти съ далью сливаются,—
Съ ясной далью, сверкающей въ знойныхъ лучахъ,
Съ синей далью, гдѣ взоры теряются.
И покой—благодатный, глубокій покой—
Осѣняетъ мнѣ грудь истомленную,
Точно мать наклонилась въ тиши надо мной
Съ кроткой лаской, любовью рожденною...

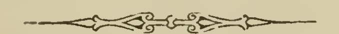
И готовъ я лежать неподвижно года,
Въ блескѣ дня золотисто-лазурнаго—
И не рваться ужь вновь никуда, никуда,
Изъ-подъ этого неба безбурнаго!

ГРЯДУЩЕЕ.

Будутъ дни великаго смятенья:
Утомясь безцѣльностью пути,
Человѣкъ пойметъ, что нѣтъ спасенья
И что дальше некуда идти;
Все вокругъ открыто для познанья,
Гордый умъ не вѣдаетъ оковъ;
Больше нѣтъ преградъ и разстоянья,
Больше нѣтъ мгновеній и вѣковъ.
Міръ цвѣтетъ безсмертною весною;
Глубь небесъ горитъ безсмертнымъ днемъ;
Не дерзаютъ грозы надъ землею
Разсыпать рокочущій свой громъ.
Мигъ желанья—мигъ осуществленья,
Воплощенъ завѣтный идеалъ,
И на смѣну вѣчности мученья
Вѣчный рай счастливцамъ просіялъ.
Что-жъ ты сталъ, печально размышляя?
Рви плоды и пышные цвѣты!
Гдѣ твоя подруга молодая?
Осѣни вѣнкомъ ея черты!
Утопай въ блаженномъ наслажденьи,
Заглядись во мракъ ея очей,
И въ согласномъ, стройномъ пѣснопѣньи
Жаръ души восторженно излей.
Твой покой не возмутятъ заботы,
Ты не рабъ,—ты властелинъ судьбы.

Или вновь ты захотѣлъ работы,
Слезъ и жертвъ, страданья и борьбы?
Или все, къ чему ты шелъ тревожно,
Шелъ путемъ лишеній и скорбей,
Стало вдругъ и жалко, и ничтожно
Роковой безцѣльностью своей?..
И поникъ ты въ думахъ головою,
И стоишь, глубоко потрясенъ,—
А въ быломъ встаютъ передъ тобою
Кровь и мракъ промчавшихся временъ.
Вотъ кресты распятыхъ за свободу,
Вотъ бичи въ рукахъ у палачей,
Вотъ костры, гдѣ идоламъ въ угоду,
Люди жгли пророковъ и вождей!
Море крови, къ сердцу вопіющей,
Море слезъ, неотомщенныхъ слезъ,—
И звучитъ, и жжетъ тебя гнетущій,
Какъ ножемъ пронзающій вопросъ:
Для чего и жертвы и страданья?..
Для чего такъ поздно понялъ я,
Что въ борьбѣ и смутѣ мірозданья
Цѣль одна—покой небытія?

Іюнь.

* * *

Не знаю отчего, но на груди природы,—
Лежитъ-ли предо мной полей нѣмая даль,
Колышетъ-ли заливъ серебряныя воды,
Иль простираетъ лѣсъ задумчивые своды,—
Въ душѣ моей встаетъ неясная печаль.
Есть что-то горькое для чувства и сознанья
Въ холодной красотѣ и блескѣ мірозданья:

Мнѣ словно хочется, чтобъ темный этотъ лѣсъ
И вправду могъ шептать мнѣ рѣчи утѣшенья,
И, будто у людей, молю я сожалѣнья
У этихъ яркихъ звѣздъ на бархатѣ небесъ.
Мнѣ больно, что когда мнѣ душу рвутъ страданья
И грудь мою томятъ сомнѣнья безъ числа,—
Природа, какъ всегда, полна очарованья,
И, какъ всегда, ясна, нарядна и свѣтла,
Не видя, не любя, не внемля, не жалѣя,
Погружена въ себя и въ свой бездушный сонъ,—
Она—изъ мрамора нѣмая Галатея,
А я—страдающій, любя, Пигмаліонъ...

* * *

Какъ каторжникъ влачитъ оковы за собой,
Такъ всюду я влачу среди моихъ скитаній
Весь адъ моей души, весь мракъ пережитой,
И страхъ грядущаго, и боль воспоминаній...
Бываютъ дни, когда я жалокъ самъ себѣ:
Такъ я безпомощенъ, такъ робокъ я, страдая,
Такъ мало силъ во мнѣ въ лицо моей судьбѣ
Взглянуть безъ ужаса, очей не опуская...
Не за себя скорблю подъ жизненной грозой:
Не я одинъ погибъ, не находя исхода;
Скорблю, что я не могъ всей страстью, всей душой
Служить тебѣ, печаль родимаго народа!
Скорблю, что слабыхъ силъ беречь я не умѣлъ,
Что, полонъ святостью завѣтнаго стремленья,
Я не раздумывалъ, я не жилъ,—а горѣлъ,
Богатствами души соря безъ сожалѣнья,—
И въ дни, когда моя родная сторона,
Полна унынія, смятенья и испуга,—
Чтобъ въ пѣснѣ вылиться, душа моя должна
Красть рѣдкіе часы у жаднаго недуга.

И больно мнѣ, что жизнь безцѣльно догоритъ,
Что посреди бойцовъ—я не боецъ суровый,
А только стонущій, усталый инвалидъ,
Смотрящій съ завистью на ихъ вѣнецъ терновый...

Іюль.

* * *

Снилось мнѣ, что я боленъ, что мозгъ мой горитъ
И отъ жажды уста запеклись,
А твой голосъ мнѣ нѣжно и грустно звучитъ:
«Дорогой мой, очнись, отзовись»...

Жизнь едва только тлѣетъ во мнѣ; но тебя
Такъ мнѣ жаль, ненаглядный мой другъ—
И въ тревожоой тоскѣ я стараюсь, любя,
Пересилить на мигъ мой недугъ.

И на мигъ я глаза открываю... Кругомъ
Полумракъ; воспаленный мой взоръ
На обояхъ, при свѣтѣ лампадки, съ трудомъ
Различаетъ знакомый узоръ...

Гдѣ-то хрипло часы завываютъ и бьютъ...
По стѣнамъ отъ цвѣтовъ на окнѣ
Прихотливыя тѣни, какъ руки, ползутъ,
Простираясь отвсюду ко мнѣ.

Ты стараешься ближе въ лицо мнѣ взглянуть
И мучительно отклика ждешь,
И горячую руку свою мнѣ на грудь,
На усталое сердце кладешь...

Я проснулся... Былъ день,—мутный день безъ лучей;
Низко бѣлыя тучи ползли...
Фортепьянныя гаммы и крики дѣтей
Доносились ко мнѣ издали...

Осень вѣяла въ душу щемящей тоской,
Сѣялъ дождь, и съ утра раздраженъ
Цѣлый день, какъ въ чаду, проходилъ я больной
Вспоминая печально мой сонъ...

Ахъ, зачѣмъ онъ былъ сномъ, лишь обманчивымъ сномъ
И зачѣмъ на-яву ты меня
Снова, пошлая жизнь, обступила кругомъ
Суетой и заботами дня?!..

*
* *

Безпокойной душевною жаждой томимъ,
Я беречь моихъ силъ не умѣлъ;
Мнѣ противенъ былъ будничный, мелкій удѣлъ,
И какъ свѣточъ, колеблемый вѣтромъ ночнымъ,
Я не жилъ,— я горѣлъ!
Цѣлый міръ порывался я мыслью обнять,
Цѣлый міръ порывался любить,
Даже ночь я боялся забвенью отдать,
Чтобъ у жизни ея не отнять,
Чтобъ двѣ жизни въ одну мнѣ вмѣстить!
И летѣли безумные, знойные дни
То за грудами книгъ, то въ разгарѣ страстей...
Подъ удары враговъ и подъ клики друзей,
Какъ мгновенья, мелькали они.
Для лобзаній я пѣсню мою прерывалъ,
Для труда оставлялъ недопитый бокалъ,
И для душныхъ оградъ городскихъ

Покидалъ я затишье родимыхъ полей,
И бросался въ кипучее море скорбей,
И тревогъ, и сомнѣній людскихъ!
И безсильная старость еще далека,
И еще не грозитъ мнѣ могильной плитой...
Отчего-жъ въ моемъ сердцѣ глухая тоска,
Отчего-жъ въ моихъ думахъ мертвящій застой?
Зной недуга въ очахъ, безнадежность въ груди?
Или жизнь я исчерпалъ до дна,—
И мнѣ нечего ждать отъ нея впереди?
Гдѣ-жъ ты, вождь и пророкъ?.. О, приди
И стряхни эту тяжесть удушья и сна!
Дай мнѣ жгучія муки принять,
Брось меня на страданье, на смерть, на позоръ,
Только-бъ полною грудью дышать,
Только-бъ вспыхнулъ отвагою взоръ!...
Только-бъ вѣрить, во что-нибудь вѣрить душой
Только-бъ въ жизни опять для меня
Распахнулись затворы темницы глухой
Въ даль и блескъ лучезарнаго дня!..

* * *

Бываютъ дни, когда надъ хмурою землей
Сплошныя облака стоятъ, не пролетая,
Туманной дымкою, какъ сѣрой пеленой,
И рощи, и луга тоскливо одѣвая;
Нѣтъ въ воздухѣ игры причудливыхъ лучей,
Рельефы сглажены, оттѣнки мутно слиты,
Даль какъ-то кажется и площе, и тѣснѣй,
И волны озера дремотою повиты.

И вдругъ какъ будто вздохъ раздастся и замретъ,
И вѣтеръ налетитъ, порывистый и крѣпкій.

И крылья мельницы со скрипомъ повернетъ,
И броситъ пыль въ глаза, и заволнуетъ вѣтки...
Разорванъ пологъ тучъ!.. Какимъ-то волшебствомъ
Природа красками мгновенно расцвѣтилась,
И въ вышинѣ, въ просвѣтъ, и блескомъ, и тепломъ
Небесная лазурь, сверкая, заструилась...
Такъ въ дни унынія и будничныхъ заботъ
Порывомъ въ грудь пѣвца слетаетъ вдохновенье,
И озаряетъ міръ, и будитъ, и зоветъ,—
Зоветъ идти во храмъ и совершить служенье.
Разорванъ пологъ тучъ. Душа потрясена,
И жизнь ужъ не томитъ безцвѣтной пустотою.—
Нѣтъ, въ ней открылась мысль, блеснула глубина
И вѣетъ истиной, добромъ и красотою!..

Сентябрь.

* * *

Наше поколѣнье юности не знаетъ,
Юность стала сказкой миновавшихъ лѣтъ;
Рано въ наши годы дума отравляетъ
Первыхъ силъ размахъ и первыхъ чувствъ разсвѣтъ.
Кто изъ насъ любилъ, весь міръ позабывая?
Кто не отрекался отъ своихъ боговъ?
Кто не падалъ духомъ, рабски унывая,
Не бросалъ щита передъ лицомъ враговъ?
Чуть не съ колыбели сердцемъ мы дряхлѣемъ:
Насъ томитъ безвѣрье, насъ грызетъ тоска...
Даже пожелать мы страстно не умѣемъ,
Даже ненавидимъ мы исподтишка!..
О, проклятье сну, убившему въ насъ силы!
Воздуха, простора, пламенныхъ рѣчей,—
Чтобы жить для жизни, а не для могилы,
Всѣмъ біеньемъ нервовъ, всѣмъ огнемъ страстей!

О, проклятье стонамъ рабскаго безсилья!
Мертвыхъ дней унынья послѣ не вернуть!
Загоритесь взоры, развернитесь крылья,
Закипи порывомъ, трепетная грудь!
Дружно за работу, на борьбу съ порокомъ,
Сердце съ братскимъ сердцемъ и съ рукой рука,—
Пусть никто не можетъ вымолвить съ упрекомъ:
«Для чего я не жилъ въ прошлые вѣка!»...

* * *

Нѣтъ, муза, не зови!.. Не увлекай мечтами,
Не обѣщай вѣнка въ дали грядущихъ дней!..
Пѣвецъ твой осужденъ, и жадными глазами
Повсюду смерть слѣдитъ за жертвою своей...
Путь слишкомъ былъ тяжелъ... Сомнѣнья и тревоги
На части рвали грудь... Усталый пилигримъ
Не вынесъ всѣхъ преградъ мучительной дороги,
И гибнетъ, пораженъ недугомъ роковымъ...
А жить такъ хочется!.. Страна моя родная,
Когда-бъ хоть для тебя я могъ еще пожить!..
Какъ я-бъ любилъ тебя, всю душу отдавая
На то, чтобъ и другихъ учить тебя любить!..
Какъ пѣлъ бы я тебя! Съ какимъ негодованьемъ
Громилъ твоихъ враговъ!.. Твой песъ сторожевой,—
Я-бъ жилъ одной тобой, дышалъ твоимъ дыханьемъ,
Горѣлъ твоимъ стыдомъ, болѣлъ твоей тоской!
Но—поздно!.. Смерть не ждетъ... Какъ туча грозовая,
Какъ вихрь несется смерть... Въ крови—палящій жаръ,
Въ бреду слабѣетъ мысль, безсильно угасая...
Рази-жъ, скорѣй рази, губительный ударъ!..

Августъ.

1885-ый годъ.

* * *

Жалко стройныхъ кипарисовъ—
Какъ они зазеленѣли!
Для чего, дитя, къ ихъ вѣткамъ
Привязала ты качели?
Не ломай душистыхъ вѣтокъ,
Отнеси качель къ обрыву,
На акацію густую
И на пыльную оливу:
Тамъ и море будетъ видно;
Чуть доска твоя качнется,
А оно тебѣ сквозь зелень
Въ блескѣ солнца засмѣется,
Съ бѣлымъ парусомъ въ туманѣ,
Съ бѣлой чайкой, въ даль летящей,
Съ бѣлой пѣною, каймою
Вдоль по берегу лежащей.

Ницца.

* * *

Снова лунная ночь, только лунная ночь на чужбинѣ.
Весь облитъ серебромъ потонувшій въ туманѣ заливъ;
Синихъ горъ полукругъ наклонился къ цвѣтущей долинѣ,
И чуть дышетъ листва кипарисовъ, и пальмъ, и оливъ.
Я ушелъ бы бродить,—и бродить и дышать ароматомъ,
Я-бъ на взморье ушелъ, гдѣ волна за волною шумитъ.

Гдѣ спускается берегъ кремнистымъ, сверкающимъ скатомъ,
И жемчужная пѣна каменья его серебритъ;—
Да не тянетъ меня красота этой чудной природы,
Не зоветъ эта даль, не пьянитъ этотъ воздухъ морской,
И какъ узникъ въ тюрьмѣ жаждетъ свѣта и жаждетъ свободы,
Такъ я жажду отчизны, отчизны моей дорогой.

Ницца, 9 (21) января.

* * *

Я приглядѣлся къ ней, къ нарядной красотѣ,
Которой эта даль и этотъ берегъ полны,
И для меня онѣ теперь уже не тѣ,
Чѣмъ были нѣкогда, задумчивыя волны;
Не тотъ и длинный рядъ синѣющихъ холмовъ,
И пальмъ развѣсистыхъ зубчатыя короны,
И мраморъ пышныхъ виллъ, и пятна парусовъ,
И вкругъ руинъ—плюща узоры и фестоны.
Я больше не дивлюсь, я къ нимъ уже привыкъ;
Но чуть въ груди моей замолкло восхищенье,—
Природы снова сталъ понятенъ мнѣ языкъ,
И снова жизни въ ней услышалъ я біенье:
Я не спѣшу теперь разглядывать ее,
Какъ незнакомую красавицу при встрѣчѣ,
Но, словно другъ, въ ея вникаю бытіе
И слушаю давно знакомыя мнѣ рѣчи,—
Тѣ рѣчи, что слыхалъ на родинѣ моей,
Когда одинъ, съ ружьемъ, бывало въ полдень мглистый
Бродилъ въ болотахъ я, терялся средь полей,
Иль лѣсомъ проходилъ, по просѣкѣ тѣнистой.

Ментона.

* * *

Закралась въ уголъ мой тайкомъ,
Мои бумаги раскидала,
Тутъ росчеркъ сдѣлала перомъ,
Тамъ чей-то профиль набросала;
Къ моимъ стихамъ чужой куплетъ
Приписанъ бѣглою рукою,
А бѣдный, пышный мой букетъ
Ощипанъ будто саранчою!..
Разбой, грабежъ!.. Я не нашелъ
На мѣстѣ ничего, все сбито;
Какъ будто ливень здѣсь прошелъ
Неудержимо и сердито;
Открыты двери на балконъ,
Газетный листъ съ кровати свѣянъ...
О, какъ ты нагло оскорбленъ,
Мой мирный трудъ, и какъ осмѣянъ!
А только встрѣтимся,—сейчасъ
Польются звонко извиненья:
«Простите,—я была у васъ...
Хотѣла книгу взять для чтенья...
Да трудно что-то и читать:
Жара... брожу почти безъ чувства...
А вы къ себѣ?.. творить?.. мечтать?..
О, бѣдный труженикъ искусства!»
И ждетъ, склонивъ лукавый взглядъ,
Грозы суроваго отвѣта,—
А на груди еще дрожатъ
Цвѣты изъ моего букета!..

* * *

Умерла моя муза!.. Недолго она
Озаряла мои одинокіе дни;
Облетѣли цвѣты, догорѣли огни,
Непроглядная ночь какъ могила темна!..
Тщетно въ сердцѣ, уставшемъ отъ мукъ и тревогъ,
Исцѣляющихъ звуковъ я жадно ищу:
Онъ растоптанъ и смятъ, мой душистый вѣнокъ,
Я безъ пѣсни борюсь и безъ пѣсни грущу!..
А въ былые года сколько тайнъ и чудесъ
Совершалось въ убогой каморкѣ моей:
Захочу—и сверкающій куполъ небесъ
Надо мной развернется въ потокахъ лучей,
И раскинется даль серебристыхъ озеръ,
И блеснутъ колоннады роскошныхъ дворцовъ,
И подымутъ въ лазурь свой зубчатый узоръ
Снѣговыя вершины гранитныхъ хребтовъ!..
А теперь—я одинъ... Непріютно, темно
Опустѣвшій мой уголъ въ глаза мнѣ глядитъ;
Словно черная птица, пугливо въ окно
Непогодная полночь крылами стучитъ...
Мраморъ пышныхъ дворцовъ разлетѣлся въ туманъ,
Величавыя горы разсыпались въ прахъ—
И истерзано сердце отъ скорби и ранъ,
И безсильныя слезы сверкаютъ въ очахъ!..
Умерла моя муза!.. Недолго она
Озаряла мои одинокіе дни:
Облетѣли цвѣты, догорѣли огни,
Непроглядная ночь, какъ могила темна!..

Мартъ.

* * *

Это не пѣсни—это намеки;
Пѣсни не въ мочь мнѣ сложить:
Некогда мнѣ эти бѣглыя строки
Въ радугу красокъ рядить;
Мать умираетъ,—дитя позабыто,
Въ рваныхъ лохмотьяхъ оно...
Лишь бы хоть какъ-нибудь было излито
Чѣмъ многозвучное сердце полно!..

* * *

О, неужели будетъ мигъ,
Когда и эти дни страданья
Я помяну, уже старикъ,
Тепломъ въ часы воспоминанья,
И, подъ тяжелой ношей дней,
Согбенный надъ плитой могильной,
Я пожалѣю и о ней,—
Объ этой юности безсильной?
Не можетъ быть!.. Что мнѣ дала
Ея безцѣльная тревога?
Къ какимъ итогамъ привела
Меня пройденная дорога?
Я развѣ жилъ?.. Не такъ живутъ!
Я спалъ,—и всѣ позорно спали...
Что мы свершили, гдѣ нашъ трудъ?
Какое слово мы сказали?..
Нѣтъ, не зови ты насъ впередъ...
Назадъ!.. Тамъ жизнь полнѣй кипѣла!
Тамъ роковыхъ сомнѣній гнетъ
Не отравлялъ святаго дѣла?

Тамъ Петръ въ Клермонтѣ говорилъ
И жегъ огнемъ сердца народу,
И на костеръ тамъ Гусъ всходилъ.
И Телль боролся за свободу...
Тамъ страсть была,—не эта мгла
Унынья, страха и печали;
Тамъ даже темныя дѣла
Своимъ величьемъ поражали...
А мы?.. Ничтоженъ передъ ней,
Предъ этой древностью желѣзной,
Нашъ муравейникъ безполезный,
Нашъ міръ пигмеевъ,—не людей!...

СТРАНИЧКА ПРОШЛАГО.

(Изъ одного письма).

Вчера, старинный хламъ отъ скуки разбирая,
Я бѣгло перечелъ забытый мой дневникъ.
О дѣтство свѣтлое, о юность золотая,
Какъ показался свѣжъ мнѣ чудный вашъ языкъ!
Толпою поднялись знакомыя видѣнья
И изъ поблекшихъ строкъ отрывочныхъ листовъ
Повѣяли мнѣ вновь былыя впечатлѣнья.
Раздался вновь аккордъ замолкшихъ голосовъ.

Я вспомнилъ и о васъ. Мы цѣлыми годами
Теперь не видимся: у васъ своя семья,—
А я,—я, какъ челнокъ, подхваченный волнами,
Судьбою занесенъ въ далекіе края;
Скитаюсь здѣсь и тамъ, безстрастно наблюдаю,
Брожу у чуждыхъ скалъ, внемлю чужимъ волнамъ,
И тихой грезою порою улетаю
Подъ сѣнь родныхъ лѣсовъ, къ покинутымъ полямъ.

Но что бы ни было, а я надѣюсь свято,
Что счастье, наконецъ, столкнетъ насъ съ вами вновь.
Вы такъ мнѣ дороги! Я отдалъ вамъ когда-то
Впервые грудь мою согрѣвшую любовь...
Въ тотъ годъ у васъ въ семьѣ я лѣто проводилъ.
Вы, только что простясь со школьною скамьею,
Дышали свѣжестью нерасточенныхъ силъ,
Весельемъ юности и нѣжной красотою.
Свѣтъ, этотъ душный свѣтъ, съ тоской его баловъ,
Съ моралью узкою и черствостью холодной,
Не наложилъ еще стѣсняющихъ оковъ
На вашъ душевный міръ, безпечный и свободный.
Вы были веселы—безъ злости, хороши—
Безъ вычурныхъ прикрасъ и милы—безъ кокетства;
Поэзія едва проснувшейся души
Соединялась въ васъ съ невѣдѣніемъ дѣтства;
Но и тогда вашъ взглядъ нерѣдко поражалъ
Въ минуты тихихъ думъ своею глубиною,
А я—ребенкомъ былъ и тщательно искалъ
Хоть признака усовъ надъ верхнею губою.
Я жаждалъ ихъ для васъ!!. О, какъ я васъ любилъ
Какъ я завидовалъ мучительно и больно
Всѣмъ, кто на васъ смотрѣлъ, кто съ вами говорилъ,
И съ кѣмъ встрѣчались вы иль вольно, иль невольно!
Мнѣ живо помнится вашъ голосъ, смѣхъ грудной,
Блескъ голубыхъ очей, рѣсницами прикрытый,
Румянецъ нѣжныхъ щекъ и блѣдно-золотой
Плѣнительный загаръ, поверхъ его разлитый...
Какъ много я о нихъ элегій написалъ!
Какъ много пышныхъ липъ въ аллеяхъ полутемныхъ
Безъ сожалѣнія ножемъ я истерзалъ,
Вашъ вензель выводя въ приливѣ грезъ влюбленныхъ!
Но мысль—признаться вамъ иль робко поднести
Плоды моихъ нѣмыхъ и тайныхъ вдохновеній,—
Тогда и въ голову не смѣла мнѣ придти,—
Такъ нерѣшителенъ и скроменъ былъ мой геній...
Въ тѣ дни охотнѣе о смерти я мечталъ.

Но тщетно вдоль ручья я омутовъ искалъ:—
Вездѣ каменья дна въ немъ явственно сквозили.
А въ лѣтнія жары онъ такъ пересыхалъ,
Что даже куры вбродъ его переходили...

А то иные сны мнѣ грезились порой:
Какъ будто ночь вокругъ... угрюмо вѣтеръ злится...
Нашъ домъ безмолвно спитъ, окутанъ темнотой...
Все глухо, все мертво,—и только мнѣ не спится.
Вдругъ голоса, шаги... Все ближе... въ дверь стучатъ...
Дымятся факелы... ножи въ рукахъ сверкаютъ...
Всѣ въ маскахъ бархатныхъ, всѣ шпорами гремятъ,
И вотъ ужь ворвались,—разятъ и убиваютъ!..
Ихъ атаманъ, грозя желѣзною рукой,
Схватилъ васъ за косу и «демонски» смѣется...
Но... «о моя любовь! онъ здѣсь, защитникъ твой!»
Ударъ... еще ударъ,—и врагъ ужь не проснется!
Потомъ... Но вамъ самимъ не трудно угадать
Всѣхъ этихъ ужасовъ счастливую развязку...
Кто избѣжалъ изъ насъ страстишки превращать
Порой свою судьбу въ трагическую сказку?..

Однако, день за днемъ спокойно уходилъ,
А подвига свершить мнѣ все не удавалось...
Ужь августъ наступилъ и тихо золотилъ
Поля, и садъ, и лѣсъ... Печально обнажалась
Густая глушь его. Короче стали дни,
По зорямъ надъ ручьемъ туманы колыхались,
И падающихъ звѣздъ мгновенные огни
Все чаще въ небесахъ, какъ искры, загорались...
Угрюмая пора! Она вдвойнѣ тяжка
Тому, кому грозятъ, какъ тѣсныя вериги,
Въ бездушномъ городѣ вседневная тоска
И школьной мудростью напичканныя книги.
Однажды,—это былъ безцвѣтный, мутный день,—
Я по саду бродилъ. Вдругъ предо мной мелькнула
Полувоздушная, знакомая мнѣ тѣнь,

И въ смутномъ сумракѣ бесѣдки потонула...
То были вы,—да, вы!.. Я сразу васъ узналъ...
Васъ ждали... Въ шепотѣ привѣта разгадалъ
Я скоро молодой, пѣвучій басъ сосѣда...
Потомъ опять вашъ смѣхъ... *Онъ* обнялъ васъ рукой...
Вотъ поцѣлуй звучитъ, за нимъ во-слѣдъ другой,—
И тихо полилась влюбленная бесѣда...

О, вѣрьте,—я ея подслушать не хотѣлъ!
Но я былъ такъ смущенъ, что въ этотъ мигъ проклятый
Не только двигаться,—но и дышать не смѣлъ,
Безмолвнымъ ужасомъ и горестью объятый.
Онъ грустно говорилъ, что въ шумѣ городскомъ
Вы позабудете его простыя рѣчи
И въ этомъ уголкѣ, уютномъ и нѣмомъ,
По теплымъ вечерамъ условленныя встрѣчи;
Что вы—красавица, что впереди васъ ждутъ
Толпы поклонниковъ и сотни наслажденій,—
А онъ—бѣднякъ-студентъ! Его дорога—трудъ,
Его судьба—нужда, да тяжкій крестъ лишеній...
Вы въ вѣрности клялись,—онъ снова возражалъ,
Потомъ надъ чѣмъ-то вдругъ вы оба разсмѣялись,
Потомъ онъ обнялъ васъ, опять поцѣловалъ,
Промолвилъ вамъ «прости», вздохнулъ,—и вы разстались...

Какъ этотъ страшный день тогда я дотянулъ—
Не помню... Кажется, я наглупилъ немало...
Въ ушахъ моихъ стоялъ какой-то смутный гулъ,
А сердце отъ тоски, какъ птица, трепетало.
Я плакалъ, проклиналъ, хотѣлъ его убить,
Потомъ себя убить, а вамъ письмо оставить,
Въ которомъ я-бъ молилъ «простить и позабыть»
И подавалъ совѣтъ «не лгать и не лукавить».
И весь нелѣпый вздоръ романовъ прежнихъ дней,
Смѣшавшись съ искреннимъ, вдругъ вспыхнувшимъ, страданьемъ,
Забушевалъ въ груди обиженной моей
И пищу далъ мольбамъ, упрекамъ и стенаньямъ...

За чаемъ, вечеромъ, мы встрѣтились. На васъ,
Пунцовый отъ стыда, я долго не рѣшался
Поднять заплаканныхъ и покраснѣвшихъ глазъ,
Потомъ взглянулъ на мигъ,– и громко разрыдался...
Пошли разспросы, шумъ: «не боленъ ли?» «о чемъ?»
Вы съ милой ласкою воды мнѣ предлагали,—
Я успокоился, затихнулъ,—и потомъ
Мой взрывъ всѣ нервности согласно приписали.
Я имъ не возражалъ,--но долго я не могъ
Спокойно видѣть васъ, тоскуя втихомолку...
Къ несчастью, въ будущемъ суровый вашъ урокъ
Принесъ душѣ моей не очень много толку,
Но—это въ сторону...

Вотъ мой простой разсказъ.
Я былъ бы радъ, когда-бъ повѣялъ онъ на васъ
Отрадой прошлаго...

Ницца.

*
* *

«За что?»—съ безмолвною тоскою
Меня спросилъ твой кроткій взоръ,
Когда внезапно надъ тобою
Постыдной грянулъ клеветою,
Враговъ суровый приговоръ
За то, что жизни ихъ оковы
Съ себя ты сбросила, кляня;
За то, за что не любятъ совы
Сіянья радостнаго дня,
За то, что ты съ душою чистой
Живешь межъ мертвыхъ и слѣпцовъ;
За то, что ты цвѣтокъ душистый
Въ вѣнкѣ искусственныхъ цвѣтовъ!..

ОТРЫВОКЪ.

(Изъ письма къ М. В. Ватсонъ).

Пишу вамъ изъ глуши украинскихъ полей,
Гдѣ дни такъ солнечны, а зори такъ румяны,
Гдѣ въ воздухѣ стоятъ напѣвы кобзарей,
И рѣютъ призраки Вакулы и Оксаны;
Гдѣ въ берегъ шумно бьетъ днѣпровская волна,
А съ кіевскихъ холмовъ и изъ церковныхъ сводовъ
Еще глядитъ на васъ сѣдая старина
Казацкой вольности, пировъ ихъ и походовъ.

Я много странствовалъ... Я видѣлъ, какъ закатъ
Румянитъ снѣжныхъ Альпъ воздушныя вершины,
Какъ мирныя стада со склоновъ ихъ спѣшатъ
Вернуться на ночлегъ въ цвѣтущія долины;
Вокругъ меня кипѣлъ шумливый карнавалъ,
Все унося въ потокъ безумнаго веселья,
И реву Терека пугливо я внималъ,
Затерянный въ стѣнахъ Дарьяльскаго ущелья.—
Но то, чѣмъ я теперь въ деревнѣ окруженъ,
Мнѣ ново, добрый другъ. . Въ глуши я не скучаю.
Напротивъ,—я влюбленъ, какъ юноша влюбленъ,
Въ свободу и покой, и сладко отдыхаю.
О, если-бъ вы могли изъ моего окна
Взглянуть туда, въ поля, въ разбѣгъ ихъ безграничный,
Какая зависть бы вамъ сердце сжать должна,
Какъ стало-бъ холодно вамъ въ суетѣ столичной!
Вашъ Петербургъ—онъ былъ недавно и моимъ—
Въ дни поздней осени почти невыносимъ:
Какая-то тоска незримо въ немъ разлита,—
Тупая, мертвая, гнетущая тоска...
А этотъ мелкій дождь, идущій какъ изъ сита,
А эти низкія на небѣ облака?!

Здѣсь осень чудная: лѣса еще хранятъ
Уже поблекнувшій, но пышный свой нарядъ;
Дни ясны, небеса прозрачны и глубоки;
Природа такъ свѣтла, что вамъ ея не жаль,
И, кажется, вокругъ не воздухъ, а хрусталь,
И рѣзвый утренникъ чуть колетъ ваши щеки...
Какъ весело бродить подъ сводами аллей!..
Чу! рѣзкій крикъ... Гляжу: въ лазури утопая,
Несется надо мной бѣлѣющая стая
Ширококрылыхъ журавлей;
Высоко поднялся къ скользящимъ облакамъ,
Мелькая въ вышинѣ, ихъ треугольникъ стройный...
— Снесите мой привѣтъ полуденнымъ волнамъ!
Я помню—я любилъ ихъ ропотъ безпокойный...
. . . .

Село Носковцы.

Октябрь.

* * *

Не принесетъ, дитя, покоя и забвенья
Моя любовь душѣ проснувшейся твоей;
Тяжелый трудъ, нужда и горькія лишенья,—
Вотъ что насъ ждетъ въ дали грядущихъ нашихъ дней!
Какъ сладкій чадъ, какъ сонъ обманчиво-прекрасный,
Развѣю я твой міръ невѣдѣнья и грезъ,
И мысль твою зажгу моей печалью страстной,
И жизнь твою умчу на-встрѣчу бурь и грозъ!
Изъ сада, гдѣ вчера подъ липою душистой
Нашъ первый поцѣлуй раздался въ тишинѣ,
Когда румяный день, и кроткій, и лучистый,
Гасъ на обрывкахъ тучъ въ небесной вышинѣ,
Изъ теплаго гнѣзда, отъ близкихъ и любимыхъ,

От мирной праздности, отъ солнца и цвѣтовъ,
Зову тебя для жертвъ и мукъ невыносимыхъ
Въ ряды истерзанныхъ, озлобленныхъ борцовъ,
Зову тебя на путь тревоги и ненастья,
Гдѣ мѣры нѣтъ труду и счета нѣтъ врагамъ!..
Тупаго, сытаго, безсмысленнаго счастья
Не принесу я въ даръ сложить къ твоимъ ногамъ.
Но если счастье—знать, что другъ твой не измѣнитъ
Завѣтамъ совѣсти и родинѣ своей,
Что выше красоты въ тебѣ онъ душу цѣнитъ,
Ея отзывчивость къ страданіямъ людей,—
Тогда въ моей груди нѣтъ за тебя тревоги,
Дай руку мнѣ, дитя, и прочь минутный страхъ;
Мы будемъ счастливы,—такъ счастливы, какъ боги
На недоступныхъ небесахъ!..

Декабрь.

1886-ой годъ.

МАТЬ.

Тяжелое дѣтство мнѣ пало на долю:
Изъ прихоти взятый чужою семьей,
По темнымъ угламъ я наплакался вволю,
Извѣдавъ всю тяжесть подачки людской.
Меня окружало довольство... Лишеній
Не зналъ я, за то и любви я не зналъ,
И въ тихія ночи отрадныхъ моленій
Никто надъ кроваткой моей не шепталъ.
Я росъ одиноко, я росъ позабытымъ,
Пугливымъ ребенкомъ,—угрюмый, больной,
Съ умомъ не по-дѣтски печалью развитымъ,
И съ чуткой, болѣзненно-чуткой душой;
И стали слетать ко мнѣ свѣтлыя грезы,
И стали мнѣ дивныя рѣчи шептать,
И дѣтскія слезы, безвинныя слезы,
Съ рѣсницъ моихъ тихо крылами свѣвать!..

Ночь... Въ комнатѣ душно... Сквозь шторы струится
Таинственный свѣтъ серебристой луны...
Я глубже стараюсь въ подушки зарыться,
А сны надо мной ужъ, завѣтные сны!..
Чу! Шорохъ шаговъ и шумящаго платья...
Несмѣлые звуки слышнѣй и слышнѣй...
Вотъ нѣжное «здравствуй», и чьи-то объятья
Кольцомъ обвилися вкругъ шеи моей!..

«Ты здѣсь, ты со мной, о моя дорогая,
О милая мама!.. Ты снова пришла...
Какіе-жъ дары изъ далекаго рая
Ты бѣдному сыну съ собой принесла?
Какъ въ прошлыя ночи, взяла-ль ты съ собою
Съ луговъ его яркихъ, какъ день, мотыльковъ,
Изъ рѣкъ его рыбокъ съ цвѣтной чешуею,
Изъ темныхъ садовъ—ароматныхъ плодовъ?
Споешь ли ты райскія пѣсни мнѣ снова,
Разскажешь ли снова, какъ въ блескѣ лучей
И въ синихъ струяхъ ѳиміама святаго,
Тамъ носятся тѣни безгрѣшныхъ людей?
Какъ ангелы въ полночь на землю слетаютъ
И бродятъ вокругъ поселеній людскихъ,
И чистыя слезы молитвъ собираютъ
И нижутъ жемчужныя нити изъ нихъ?..
Сегодня, родная, я стою награды,
Сегодня... о, какъ ненавижу я ихъ,—
Опять они сердце мое безъ пощады
Измучили злобой упрековъ своихъ...
Скорѣй-же, скорѣй!..»
И подъ тихія ласки
Обвѣянъ блаженствомъ нахлынувшихъ грезъ,
Я сладко смыкалъ утомленные глазки,
Прильнувши къ подушкѣ, намокшей отъ слезъ!..

ВЕСНОЙ.

Опять меня томитъ знакомая печаль,
Опять меня зоветъ съ неотразимой властью
Нарядная весна въ заманчивую даль,
Къ безвѣстнымъ берегамъ, къ невѣдомому счастью...

Волшебница, молчи!.. Куда еще спѣшить,
Чего еще искать?.. Предъ бурей испытаній
Изжита жизнь до дна! Назадъ не воротить
Заносчивыхъ надеждъ и дѣтскихъ упованій!
Въ минувшіе года я вѣрилъ въ твой призывъ,
Я отдавался весь твоимъ безумнымъ чарамъ...
Какъ гордъ я былъ тогда, какъ былъ нетерпѣливъ,
Какъ слѣпо подставлялъ я грудь мою ударамъ!
Я, какъ Икаръ, мечталъ о ясныхъ небесахъ!..
Напрасныя мечты!.. Неопытныя крылья
Сломились въ вышинѣ, и я упалъ во-прахъ,
Съ сознаніемъ стыда, печали и безсилья!
Довольно!.. Догорай неслышно, день за днемъ,
Надломленная жизнь!.. Тяжелою цѣною
Достался опытъ мнѣ! За яркимъ мотылькомъ
Не брошусь я теперь, не увлекусь мечтою!
Пускай вѣнки побѣдъ другихъ къ себѣ влекутъ,
Тѣхъ, кто еще кипитъ отвагою орлиной,
А мнѣ хватило-бъ силъ на мой завѣтный трудъ,
На незамѣтный трудъ, упорный, муравьиный!..

10 Марта.

ОЛАФЪ И ЭСТРИЛЬДА.

I.

—«Кто онъ»,—молвилъ Гаральдъ,—«тотъ пѣвецъ-чародѣй,
Тотъ избранникъ, отмѣченный Божьимъ перстомъ,
Чьи напѣвы звучатъ по отчизнѣ моей,
Зажигая сердца непонятнымъ огнемъ?

Ихъ поетъ поселянинъ, трудясь за сохой,
И поетъ ихъ рыбакъ, выплывая въ заливъ,
Бѣлый парусъ надъ лономъ волны голубой
Горделиво на-встрѣчу зарѣ распустивъ;
Я слыхалъ ихъ подъ грохотъ желѣзныхъ мечей,
На кровавыхъ поляхъ, въ безпощадномъ бою,
И внималъ имъ въ лѣсу, у бивачныхъ огней,
Торжествуя съ дружиной побѣду мою;—
И хочу я услышать ихъ въ замкѣ моемъ!..
Призовите-жъ пѣвца!.. Пусть, спокоенъ и смѣлъ,
Онъ споетъ предо мной, предъ своимъ королемъ,
То, что съ дивною силой народу онъ пѣлъ!..»

II.

Льютъ хрустальныя люстры потоки лучей,
Шелкъ, алмазы и бархатъ блистаютъ кругомъ,
И Гаральдъ, окруженный толпою гостей,
Возсѣдаетъ на тронѣ своемъ золотомъ...
Распахнулась завѣса,—и вводятъ пѣвца:
Онъ въ крестьянскомъ нарядѣ и съ лютней въ рукахъ;
Вьются кудри вокругъ молодаго лица,
Пышетъ знойный загаръ на румяныхъ щекахъ...
Поклонился пѣвецъ королю и гостямъ,
Оглядѣлся кругомъ,—и смутился душой:
Слышитъ юный Олафъ,—пробѣжалъ по рядамъ
Тихій смѣхъ, словно моря далекій прибой;
Видитъ юный Олафъ: сотни чуждыхъ очей
На него любопытно и зорко глядятъ...
Льютъ хрустальныя люстры потоки лучей,
Шелкъ, алмазы и бархатъ повсюду горятъ...

III.

И взглянулъ онъ впередъ,—оглушенъ, ослѣпленъ
И испуганъ богатствомъ, разлитымъ кругомъ...

Боже, что съ нимъ такое?.. То явь, или сонъ?
Кто тамъ рядомъ, на тронѣ, съ его королемъ?
То Эстрильда—краса, королевская дочь...
Ярче вешнихъ небесъ на Эстрильдѣ нарядъ...
И не въ силахъ волненья Олафъ превозмочь,
И не въ силахъ отвесть очарованный взглядъ.
Какъ зеленая ель въ заповѣдныхъ лѣсахъ,
Молодая царевна гибка и стройна;
Какъ сверкающій снѣгъ на Норвежскихъ горахъ,
Молодая царевна печально-блѣдна.
По плечамъ разметались душистой волной
Золотистыя кольца упрямыхъ кудрей,
И, какъ море темно передъ близкой грозой,—
Такъ темна глубина ея синихъ очей...

IV.

Не смѣются они надъ смущеннымъ пѣвцомъ;—
Нѣтъ, они говорятъ: я грустна... я больна...
Ахъ, зажги мое скорбное сердце огнемъ,
Разбуди мое скорбное сердце отъ сна!
Что мнѣ роскошь дворца? Что мнѣ пышный нарядъ?
Что мнѣ лстивыя рѣчи корыстныхъ рабовъ?
Я хотѣла бы въ лѣсъ, гдѣ деревья шумятъ,
Я хотѣла-бъ въ поля, на коверъ изъ цвѣтовъ!..
Позабытая всѣми, свободна, одна,—
Убѣжать я хотѣла-бъ на берегъ морской,
Чтобъ послушать, какъ дышетъ въ туманѣ волна
И какъ вѣтеръ, ласкаясь, играетъ съ волной...
Ненавистенъ и тяжекъ мнѣ царскій вѣнецъ,—
Ненавистнѣй тюрьмы и тяжеле цѣпей!..
Исцѣли-жъ мое бѣдное сердце, пѣвецъ,
Исцѣли его сладкою пѣсней своей!..

*

V.

И ударилъ Олафъ по струнамъ,—и запѣлъ,—
Такъ запѣлъ, какъ донынѣ еще не пѣвалъ:
Юный голосъ слезами печали звенѣлъ,
Зноемъ страсти и нѣгой желаній дрожалъ.
Пѣлъ о солнцѣ Олафъ и о ясной веснѣ,
О манящихъ улыбкахъ и нѣжныхъ очахъ;
Пѣлъ о томъ, какъ въ весеннюю ночь, при лунѣ,
Пляшутъ эльфы, рѣзвясь на душистыхъ цвѣтахъ;
Пѣлъ о громкихъ дѣяньяхъ могучихъ вождей,
Пѣлъ о славныхъ сраженьяхъ и ранахъ бойцевъ,
О печали ихъ женъ, о любви матерей,
О смятеньи и страхѣ сраженныхъ враговъ,—
И была его пѣснь, словно буря, дика,
Словно буря ночная въ родимыхъ горахъ,—
И была его пѣснь какъ молитва сладка,
Какъ молитва на дѣтскихъ, невинныхъ устахъ!..
. . . .

VI.

Не вернется Олафъ. Какъ въ былые года,
Изъ конца и въ конецъ по отчизнѣ своей
Не пройдетъ онъ опять никогда, никогда,
Не вернется Олафъ изъ-за чуждыхъ морей...
Не звучать его пѣснѣ ни въ царскомъ дворцѣ,
Ни въ рыбачьемъ челнѣ, ни въ углу бѣдняка...
Плачь, родная страна, объ угасшемъ пѣвцѣ!
Погубили Олафа любовь и тоска!..
Тамъ, гдѣ жгучее солнце на море песковъ
Съ раскаленныхъ небесъ безпощадно глядитъ,
Тамъ, гдѣ пальмы качаютъ короны листовъ

И гремучій ручей по корнямъ ихъ бѣжитъ,—
Тамъ на-вѣки зарытъ нашъ родной соловей,
Тамъ на-вѣки затмилась Олафа звѣзда.
Плачь, родная страна! Изъ-за чуждыхъ морей
Не вернется Олафъ—никогда, никогда!

ЖИЗНЬ.

Мѣняя каждый мигъ свой образъ прихотливый,
Капризна, какъ дитя, и призрачна, какъ дымъ,
Кипитъ повсюду жизнь въ тревогѣ суетливой,
Великое смѣшавъ съ ничтожнымъ и смѣшнымъ.

Какой нестройный гулъ и какъ пестра картина!
Здѣсь—поцалуй любви, а тамъ—ударъ ножемъ;
Здѣсь нагло прозвенѣлъ бубенчикъ арлекина,
А тамъ идетъ пророкъ, согбенный подъ крестомъ.

Гдѣ солнце, тамъ и тѣнь! Гдѣ слезы и молитвы,
Тамъ и голодный стонъ мятежной нищеты;
Вчера здѣсь былъ разгаръ кровопролитной битвы,
А завтра—расцвѣтутъ душистые цвѣты.

Вотъ чудный перлъ въ грязи, растоптанный толпою
А вотъ—душистый плодъ, подточенный червемъ;
Сейчасъ ты былъ герой, гордящійся собою,
Теперь—ты блѣдный трусъ, подавленный стыдомъ!

Вотъ жизнь, вотъ этотъ сфинксъ! Законъ ея—мгновенье
И нѣтъ среди людей такого мудреца,
Кто-бъ могъ сказать толпѣ—куда ея движенье,
Кто могъ бы уловить черты ея лица.

То вся она — печаль, то вся она — приманка,
То все въ ней — блескъ и свѣтъ, то все — позоръ и тьма;
Жизнь — это серафимъ и пьяная вакханка,
Жизнь — это океанъ и тѣсная тюрьма!

ПОСМЕРТНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1879-ый годъ.

ИЗЪ ПѢСЕНЬ ЛЮБВИ.

Не гордымъ юношей, съ безоблачнымъ челомъ,
Съ избыткомъ силъ въ груди и пламенной душою,—
Ты встрѣтила меня озлобленнымъ бойцомъ,
Усталымъ путникомъ подъ жизненной грозою.
Не торопись же мнѣ любовь свою отдать,
Не наряжай меня въ цвѣты твоихъ мечтаній,—
Подумай, въ силахъ-ли ты безъ конца прощать,
Не испугаешься-ль грядущихъ испытаній?

Дитя мое,—вѣдь ты еще почти дитя,—
Твой смѣхъ такъ серебристъ и взоръ такъ чудно-ясенъ,—
Дитя мое, ты въ міръ глядишь еще шутя,
И міръ въ очахъ твоихъ и свѣтелъ и прекрасенъ;
А я,—я трупъ давно... я рано жизнь узналъ,
Я началъ сердцемъ жить едва не съ колыбели,
Я дерзко рвался въ высь, гдѣ свѣтитъ идеалъ,—
И я усталъ... усталъ... и крылья одряхлѣли.

Моя любовь къ тебѣ—даръ нищаго душой,
Моя любовь полна отравою сомнѣнья;
И улыбаюсь я на взглядъ твой, какъ больной,
Сознавъ, что смерть близка,—на рѣчи ободренья;

Позволь же мнѣ уйти, не поднимая глазъ
На чистый образъ твой, стоящій предо мною,—
Мнѣ стыдно заплатить за царственный алмазъ
Стекломъ, оправленнымъ дешевой мишурою!..

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Непрошенный, стучусь я въ вашъ альбомъ,
Какъ странникъ, на пути застигнутый грозою,
Стучитъ въ чужую дверь подъ вьюгой и дождемъ.
Окоченѣлою отъ холода рукою:
«Пустите»,—молитъ онъ,—«не прогоняйте прочь!
Я долго честно шелъ къ своей завѣтной цѣли,
Но грозенъ черный лѣсъ въ разгнѣванную ночь,
Суровъ и страшенъ путь,—и силы ослабѣли»...

Услышатъ-ли его? Отворится-ль предъ нимъ
Входъ въ домъ, иль онъ прождетъ до свѣта за оградой?
И какъ отворится: съ участьемъ-ли живымъ,
Иль съ тайною, холодною досадой?
И оглядѣвъ его оборванный нарядъ,—
Слѣдъ тяжкихъ бурь и раннихъ испытаній.—
Не бросятъ ли ему обидный взглядъ
Сомнѣнья въ святости его желаній?

ДВА ГОРЯ.

(Отрывокъ).

I.

«Взгляни, какъ спокойно уснула она:
На щечкахъ—румянецъ играетъ,
Въ чертахъ—не борьба роковая видна,
Но тихое счастье сіяетъ;
Улыбка на сжатыя губы легла,
Разсыпаны кудри волнами,
Опущены вѣки, и мраморъ чела
Увитъ полевыми цвѣтами...
Вокругъ погребальное пѣнье звучитъ,
Вокругъ раздаются рыданья,
И только она безмятежно лежитъ:
Ей чужды тоска и страданья...
Душа ея тамъ, гдѣ любовь и покой,
Гдѣ нѣтъ ни тревогъ, ни волненій,
Гдѣ нѣтъ ни безумной печали людской,
Ни страстныхъ людскихъ наслажденій!..
Она отдыхаетъ! О чемъ же рыдать?
Пусть смолкнутъ на сердцѣ страданья
И будемъ трудиться, бороться и ждать,
Пока не наступитъ свиданье!»...

II.

«О, если-бъ въ свиданье я вѣровать могъ,
О, если-бъ я зналъ, что надъ нами
Царитъ справедливый, всевидящій Богъ
И нашими правитъ судьбами!

Но вѣра угасла въ усталой груди;
Въ ней нѣтъ благодатнаго свѣта —
И призракомъ грознымъ встаетъ впереди
Борьба, безъ любви, безъ просвѣта!...
Напрасно захочетъ душа отдохнуть
И сладкимъ покоемъ забыться;
Мнѣ некому руку въ тоскѣ протянуть,
Мнѣ некому больше молиться!..
Она не проснется... она умерла,
И въ сумракъ суровой могилы
Она навсегда, навсегда унесла
И вѣру, и гордыя силы...
Оставь же — и дай мнѣ поплакать надъ ней,
Поплакать святыми слезами; —
Я плачу надъ жизнью разбитой моей,
Я плачу надъ прошлыми снами!...

Май.

* * *

I.

Въ тинѣ житейскихъ волненій,
Въ пошлости жизни людской,
Ты, какъ спасающій геній,
Тихо встаешь предо мной.
Часто въ безсонныя ночи,
Полный тоски и любви,
Вижу я ясныя очи,
Чудныя очи твои;
Слышу я рѣчи святыя,
Чувствую ласки родныя, —
И утомленный, больной,

Вновь оживаю душой.
И отъ борьбы отдыхая,
Снова готовый къ борьбѣ,
Сладко молюсь я, рыдая,
Съ свѣтлой мечтой о тебѣ.

II.

Пусть ты въ могилѣ зарыта,
Пусть ты другими забыта,
Да, ты для нихъ умерла!...
Но для меня ты живая,
Ты изъ далекаго рая
Къ брату на помощь пришла.
Сердце-ль изноетъ отъ муки,
Руки-ль устанутъ въ борьбѣ,—
Эти усталыя руки
Я простираю къ тебѣ.
Гдѣ ты, откликнись, родная...
И на призывъ мой больной,
Ты, какъ бывало, живая
Тихо встаешъ предо мной...

III.

Кудри упали на плечи,
Щеки румянцемъ горятъ,
Свѣтлыя, тихія рѣчи
Страстною вѣрой звучатъ:
«Милый, не падай душою,
Знай, что настанетъ пора—
И заблеститъ надъ землею
Зорька любви и добра.
Правда, свобода и знанье
Станутъ кумиромъ людей,
И въ безпредѣльномъ сіяньи
Будетъ и сердцу теплѣй»....

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Свѣтъ и слѣпъ, и завистливъ, и глупъ. Каждый день
Это тысячи разъ повторяютъ;
Пусть же толки его мимолетную тѣнь
На тебя такъ жестоко бросаютъ;

Пусть сердечко твое осуждаютъ они,—
Вѣдь враги, дорогая, не знаютъ,
Какъ блаженны лобзанья и ласки твои,
И какимъ они зноемъ пылаютъ!....

ВЪ ГОРАХЪ.

Къ тебѣ, Кавказъ, къ твоимъ сѣдинамъ,
Къ твоимъ суровымъ крутизнамъ,
Къ твоимъ ущельямъ и долинамъ,
Къ твоимъ потокамъ и рѣкамъ,
Изъ края льдовъ — на югъ желанный,
Въ тепло и свѣтъ — изъ мглы сырой
Я, какъ къ землѣ обѣтованной,
Спѣшилъ усталый и больной.

—

Я слышалъ шумъ волны нагорной,
Я плачу Терека внималъ,
Дарьялъ, нахмуренный и черный,
Я жаднымъ взоромъ измѣрялъ,

И сквозь глухія завыванья
Грозы — волшебницы сѣдой —
Звенѣлъ мнѣ, полный обаянья,
Тамары голосъ молодой...

—

Я забывался: предо мною
Сливалась съ истиной мечта...
Давила мысль мою собою
Твоя нѣмая красота...
Горѣли очи, кровь стучала
Въ виски, а бурной ночи мгла
И угрожала, и ласкала,
И опьяняла, и звала...
Какъ будто съ тройкой въ-перегонку
Духъ горъ невидимо летѣлъ,
И то, отставъ, смѣялся звонко,
То пѣсню ласковую пѣлъ...
А тамъ, гдѣ діадемой снѣжной
Казбекъ задумчивый сіялъ,
Съ рукой подъятой ангелъ нѣжный,
Казалось, въ сумракѣ стоялъ...

—

И что же? Чудо возрожденья
Свершилось съ чуткою душой,
И геній грезъ и вдохновенья
Склонился тихо надо мной.
Но не тоской, не злобой жгучей,
Какъ прежде, пѣснь его полна,
А жизнью вольной и могучей,
Какъ ты, Кавказъ, кипитъ она...

Тифлисъ. Ноябрь.

* * *

Въ тотъ тихій часъ, когда неслышными шагами
Нѣмая ночь взойдетъ на тронъ свой голубой,
И ризу звѣздную разстелетъ надъ горами,—
Незримо я бесѣдую съ тобой.

—

Душой растроганной рѣчамъ твоимъ внимая,
Я у тебя учусь и вѣрить, и любить,
И чудный гимнъ любви—одинъ изъ гимновъ рая
Въ слова стараюсь перелить.

—

Но жалокъ робкій звукъ земнаго вдохновенья:
Безсиленъ голосъ мой, и пѣснь моя тиха,
И горько плачу я—и диссонансъ мученья
Врывается въ гармонію стиха.

Тифлисъ.

* * *

Заря лѣниво догораетъ
На небѣ алой полосой;
Село беззвучно засыпаетъ
Въ сіяньи ночи голубой;
И только пѣсня, замирая,
Въ уснувшемъ воздухѣ звучитъ,
Да ручеекъ, струей играя,
Съ журчаньемъ по лѣсу бѣжитъ..
Какая ночь! Какъ великаны,
Деревья сонныя стоятъ,

И изумрудныя поляны
Въ глубокой мглѣ безмолвно спятъ...
Въ капризныхъ, странныхъ очертаньяхъ
Несутся тучки въ небесахъ;
Свѣтъ съ тьмой въ роскошныхъ сочетаньяхъ
Лежитъ на листвѣ и стволахъ...
Съ отрадой жадной грудь вдыхаетъ
Въ себя прохладныя струи,
И снова въ сердцѣ закипаетъ
Желанье счастья и любви....

---

* * *

При жизни любила она украшать
Тяжелыя косы вѣнками,
И вѣрно въ гробу ей отраднѣе спать
На ложѣ, увитомъ цвѣтами...

—

Торжественно яркое утро горитъ,
Торжественно солнце сіяетъ,
Торжественно стройное пѣнье звучитъ
И тихой мольбой замираетъ...

—

И гробъ ея бѣлый, и яркій покровъ,
И куполъ церковный надъ нами,
И волны народа, и рядъ образовъ—
Все ярко залито лучами..

—

Какъ будто всей дивною нѣгой своей,
Всѣмъ чуднымъ своимъ обаяньемъ
Весна и природа прощаются съ ней
Послѣднимъ, горячимъ лобзаньемъ...

—

Къ чему эти слезы? О ней-ли жалѣть
Съ безумно-упорной тоскою?
О. еслибъ и всѣ мы могли умереть
Съ такою же чистой душою!

—

О, еслибъ и всѣ мы прощались съ землей
Съ такою-жъ надеждою ясной,
Что ждетъ насъ за гробомъ—не сонъ вѣковой,
А міръ благодатно-прекрасный!

1880-ый годъ.

МЕЛОДІЯ.

Я-бъ умереть хотѣлъ на крыльяхъ упоенья,
Въ лѣнивомъ полуснѣ, навѣяномъ мечтой,
Безъ мукъ раскаянья, безъ пытки размышленья,
Безъ малодушныхъ слезъ прощанія съ землей.

—

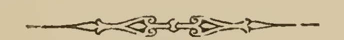
Я-бъ умереть хотѣлъ душистою весною,
Въ запущенномъ саду, въ благоуханный день,
Чтобъ купы темныхъ липъ дремали надо мною
И колыхалася цвѣтущая сирень.

—

Чтобъ рядомъ бы ручей таинственнымъ журчаньемъ
Нѣмую тишину тревожилъ и будилъ,
И синій небосклонъ торжественнымъ молчаньемъ
Объ райской вѣчности мнѣ внятно говорилъ.

—

Чтобъ не молился я, не плакалъ, умирая,
А сладко задремалъ, и чтобы снилось мнѣ...
Что я плыву... плыву, и что волна нѣмая
Беззвучно отдаетъ меня другой волнѣ...

* * *

Если душно тебѣ, если нѣтъ у тебя
Въ этомъ мірѣ борьбы и наживы
Никого, кто бы могъ отозваться, любя,
На сомнѣнья твои и порывы;
Если въ сердцѣ твоемъ оскорбленъ идеалъ,—
Идеалъ человѣка и свѣта,—
Если честно скорбишь ты и честно усталъ,—
Отдохни надъ страницей поэта.

—

Въ стройныхъ звукахъ своихъ вдохновенныхъ рѣчей,
Чуткій къ каждому слову мученья,
Онъ разскажетъ тебѣ о печали твоей,
Но разскажетъ, какъ братъ, безъ глумленья;
Онъ подниметъ угасшую вѣру въ тебѣ,
Онъ разгонитъ сомнѣнья и муку,
И протянетъ тебѣ въ непосильной борьбѣ,
Безкорыстную, братскую руку...

—

Но умѣй же и ты отозваться душой
Всѣмъ, кто ищетъ и проситъ участья,
Всѣмъ, кто гибнетъ въ борьбѣ, кто подавленъ нуждой,
Кто усталъ отъ грозы и ненастья.
Научись беззавѣтно и свято любить,
Увѣнчай молодые порывы,—
И тепло тебѣ станетъ трудиться и жить
Въ этомъ мірѣ борьбы и наживы.

Февраль.

* * *

Въ мірѣ были счастливцы,—ихъ гимны звучали,
Какъ хвалебныя арфы безплотныхъ духовъ;
Въ этихъ гимнахъ эдемскія зори сіяли,
И струилось дыханье эдемскихъ садовъ;
Въ этихъ гимнахъ, какъ въ зеркалѣ соннаго моря,
Отражается небо и склонъ береговъ,—
Отразились и слезы блаженнаго горя,
И мечты, и желанья ихъ дивныхъ творцовъ.

Полюбить-ли случалось имъ, сила искусства
Помогала имъ въ каждую душу влагать
Къ ихъ избранницамъ тѣ же горячія чувства,
Тѣмъ же сладкимъ недугомъ весь міръ волновать;
Имена ихъ избранницъ хвалой становились
И въ ряду знаменитыхъ и славныхъ именъ,
Сквозь безсильную давность годовъ, доносились
Невредимо и свято до нашихъ временъ.

Милый другъ, твой пѣвецъ не прославленъ хвалою,
И тебя не прославитъ любовью своей,
Но за то и живетъ онъ и дышетъ тобою,
И на славу не смѣнитъ улыбки твоей...

НАЕДИНѢ.

(Памяти Н. М. Д).

Когда затихнетъ шумъ на улицахъ столицы,
И ночь зажжетъ свои лампады вѣковыя,
Окутавъ даль серебрянымъ туманомъ,—
Тогда, измученный волненьями дневными,
Переступаю я порогъ гостепріимный
Твоей давно осиротѣвшей кельи,
Чтобъ въ ней найти желанное забвенье.

Здѣсь все по-старому, все какъ въ былые годы:
Передъ кіотомъ теплится, мерцая,
Массивная лампада; ликъ Христа
Глядитъ задумчиво изъ потемнѣвшей рамы
Очами, полными и грусти и любви,—
И такъ и кажется, что вотъ уста святыя
Откроетъ онъ—и въ тишинѣ ночной
Вдругъ прозвучитъ страдальца тихій голосъ:
«Приди ко мнѣ, усталый и несчастный,
И дамъ я миръ душѣ твоей больной»...

Вокругъ окна разросся плющъ зеленый
И виноградъ... Сквозь эту сѣть глядитъ
Алмазныхъ звѣздъ спокойное сіянье,
И тонетъ даль, окутанная мглой.
Раскрыто фортепьяно... На пюпитрѣ
Твоихъ любимыхъ нотъ лежитъ тетрадь.
На письменномъ столѣ букетъ увядшій
Изъ розъ и ландышей; неконченный эскизъ,
Набросанный твоей неопытной рукою,
Да Пушкинъ, твой всегдашній другъ... Страница
Отъ времени успѣла пожелтѣть,

Но до сихъ поръ хранитъ она ревниво
Твои замѣтки на поляхъ, и время
Не смѣетъ ихъ коснуться...

На стѣнахъ
Развѣшаны гравюры и картины,
И между ними привлекаетъ взоръ
Одинъ портретъ: лазурные, какъ небо,
Глаза обрамлены рѣсницами густыми,
Улыбка свѣтлая играетъ на устахъ,
И волны русыя кудрей спадаютъ
На грудь... Какъ чудное видѣнье,
Какъ свѣтлый гость небесной стороны,
Онъ дышетъ тихою, но ясной красотою,
И кажется, душа твоя живетъ
Въ портретѣ этомъ, свѣтится безмолвно
Въ его большихъ, задумчивыхъ глазахъ,
И шлетъ привѣтъ изъ стороны загробной
Своей улыбкой... Блѣдное сіянье
Лампады довершаетъ грезу...

Тихо
Склоняю я предъ образомъ колѣна,
И за тебя молюсь... Пусть тамъ, за гробомъ,
Тебя отрадно окружаетъ все,
Чего ждала ты здѣсь, въ угрюмомъ мірѣ
Земныхъ страстей, волненій и тревогъ,
И не могла дождаться... Спи, родная,
Въ сырой землѣ... Пусть вѣчный ропотъ жизни
Не возмутитъ твой непробудный сонъ,
Пусть райскій свѣтъ твои ласкаетъ взоры,
И райскій хоръ вокругъ тебя звучитъ,
И ни одинъ мятежный звукъ не смѣетъ
Гармонію души твоей смутить...

Въ моихъ устахъ нѣтъ словъ,—мои моленья
Рождаются въ душѣ, не облекаясь

Въ земные звуки, и летятъ къ престолу
Творца,—и тихія, отрадныя рыданья
Волнуютъ грудь мою... Мнѣ кажется, что небо
Отверзлось для меня, что я несусь
Въ струяхъ безбрежнаго эфира къ раю,
Гдѣ ждетъ меня она, съ улыбкой тихой
И лаской братскою... Ожившій, обновленный,
Вступаю я подъ сѣнь его святую,
И міръ земной, міръ муки и страданій,
Мнѣ чуждъ и жалокъ... Я живу иной,
Прекрасной жизнью, полною блаженства
И сладкихъ сновъ...

Но вотъ моя молитва
Окончена. Святое вдохновенье
Меня касается крыломъ своимъ,—и я
Сажусь за фортепьяно... Звукъ за звукомъ
Несется въ тишинѣ глубокой ночи,
И льется стройная мелодія... Въ груди
Встаютъ минувшихъ дней святыя грезы,
Звучатъ давно затихнувшія рѣчи,—
А со стѣны все тѣмъ же яснымъ взоромъ
Глядитъ знакомый ликъ—и свѣтъ лампады
Играетъ на его чертахъ. И мнится
Порою мнѣ, что тѣнь твоя витаетъ
Вокругъ меня въ осиротѣлой кельѣ
И съ ласкою безмолвной и горячей
Склоняется неслышно надо мной...

Пора: разсвѣтъ не ждетъ... Блѣднѣютъ звѣзды,
И сводъ небесъ блеснулъ полоской алой
Проснувшейся зари...

Іюнь. Сергіево.

ОБЛАКА.

I.

По лазури неба тучки золотыя
На зарѣ держали къ морю дальній путь.
Плыли,—зацѣпились за хребты сѣдые,
И остановились на ночь отдохнуть.
Цѣлый чудный городъ съ башнями, съ дворцами,
Съ неподвижной массой дремлющихъ садовъ,
Выросъ изъ залитой мягкими лучами,
Перелетной стаи вешнихъ облаковъ.
Тутъ нѣмыя рощи замокъ окружили,
Тамъ черезъ ущелье легкій мостъ повисъ;
Выросъ храмъ, и стройный портикъ обступили
Мраморныя группы, тяготя карнизъ;
Высоко вознесся куполъ округленный
И поникъ на кроны розовыхъ колоннъ,
А надъ всѣмъ сіяетъ ярко освѣщенный
Новый, чудный куполъ—южный небосклонъ!...

II.

Милый другъ, не вѣрь сіяющимъ обманамъ:
Этотъ городъ—призракъ; онъ тебѣ солжетъ,—
Онъ тебя прониж етъ вѣтромъ и туманомъ,
Онъ тебя холоднымъ мракомъ обойметъ.
Милый другъ, не рвись усталою душою
Отъ земли, порочной родины твоей,—
Нѣтъ, трудись съ землею и страдай съ землею
Общимъ тяжкимъ горемъ братьевъ и людей.
Дологъ трудъ, за то глубоко будетъ счастье;
Кровью и слезами купленный покой
Не спугнетъ безслѣдно первое ненастье,
Не разсѣетъ первой легкою грозой!

О, не отдавай же сердца на служенье
Призрачнымъ обманамъ и минутнымъ снамъ:
Облака красивы,—но въ одно мгновенье
Вѣтеръ разметать ихъ можетъ по горамъ!..

* * *

Осень, поздняя осень!.. Надъ хмурой землею
Неподвижно и низко висятъ облака;
Желтый лѣсъ отуманенъ свинцовою мглою,
Въ желтый берегъ безъ умолку бьется рѣка...
Въ сердцѣ—грустныя думы и грустные звуки,
Жизнь, какъ цѣпь, какъ тяжелое бремя, гнететъ,
Призракъ смерти въ тоскующихъ грезахъ встаетъ,
И позорно упали безсильныя руки...

—

Это чувство—знакомый недугъ: чуть весна
Ароматно повѣетъ дыханіемъ мая,
Чуть проснется въ рѣкѣ голубая волна
И промчится въ лазури гроза молодая,
Чуть въ лѣсу соловей про любовь и печаль
Запоетъ, разгоняя туманъ и ненастье,—
Сердце снова запросится въ ясную даль,
Сердце снова повѣритъ въ далекое счастье...

—

Но скажи мнѣ, къ чему такъ ничтожно оно,
Наше сердце,—что даже и мертвой природѣ
Волновать его чуткія струны дано,
И то къ смерти манить, то къ любви и свободѣ?
И къ чему въ немъ такъ бѣглы любовь и тоска,
Какъ ненастной и хмурой осенней порою
Этотъ бѣлый туманъ надъ свинцовой рѣкою,
Или эти сѣдыя надъ ней облака?

*
* *

Есть страданья ужаснѣй, чѣмъ пытка сама,—
Это муки безсонныхъ ночей,
Муки сильныхъ, но тщетныхъ порывовъ ума
На свободу изъ тяжкихъ цѣпей.
Страшны эти минуты душевной грозы:
Мысль нѣмѣетъ отъ долгой борьбы,
А въ груди—ни одной примиренной слезы,
Ни одной благодатной мольбы!..
Тайна, вѣчная, грозная тайна томитъ
Утомленный работою умъ,
И мучительной пыткою душу щемитъ
Вся ничтожность догадокъ и думъ...
Радъ бѣжать бы отъ нихъ,—но куда убѣжать?
О, они не дадутъ отдохнуть
И неслышно закрадутся въ душу, какъ тать,
И налягутъ кошмаромъ на грудь;
Гдѣ-бъ ты ни былъ,—они не оставятъ тебя
И изсушатъ безплодной тоской,—
Если ты какъ-нибудь не обманешь себя,
Или разомъ не кончишь съ собой!..

Тифлисъ.

*
* *

Муза, погибаю!.. Глупо и безбожно
Гибну отъ нахальной тучи комаровъ,
Отъ друзей, любившихъ слишкомъ осторожно
Отъ язвившихъ слишкомъ глубоко враговъ;

Оттого, что голосъ мой звучалъ въ пустынѣ,
Не разсѣявъ мрака, не разбивъ оковъ;
Оттого, что свѣтлый гимнъ мой въ честь святыни
Раздражалъ слѣпыхъ язычниковъ-жрецовъ;
Оттого, что крѣпкій щитъ мой весь изсѣченъ,
И едва я въ силахъ мечъ поднять рукой,—
Оттого, что я одинъ и изувѣченъ,
А вокругъ—все жарче закипаетъ бой!..
Говорятъ, постыдно предаваться сплину,
Если есть въ груди хоть капля прежнихъ силъ,
Но, что-жъ дѣлать,—это сердце вполовину
Ни страдать, ни вѣрить я не научилъ...
И за то, чѣмъ ярче были упованья,
Чѣмъ наивнѣй былъ я въ прошлые года,
Тѣмъ сильнѣй за эти дѣтскія мечтанья
Я теперь томлюсь отъ боли и стыда...
Да, мнѣ больно, муза, за былыя грезы,
За восторгъ безсонныхъ, пламенныхъ ночей,
За святыя думы и святыя слезы,
И святую вѣру въ правду и людей!..

19 января.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Отчего такъ блѣдны и печальны розы,
Ты скажи мнѣ, другъ мой дорогой,
Отчего фіалки пламенныя слезы
Льютъ въ затишьи ночи голубой?

Отчего въ разгарѣ золотаго лѣта
Такъ тоскливо соловей поетъ?
Отчего дыханье свѣжаго букета
Запахомъ могилы обдаетъ?

Отчего такъ скупо солнце проливаетъ
Золотистый отблескъ на поля?
Отчего тоскуетъ, плачетъ и страдаетъ
Скорбная и хмурая земля?

Отчего такъ ноетъ грудь моя больная
Полная безумной, страстною тоской?
Отчего, скажи мнѣ, о, моя родная,
Я покинутъ и забытъ тобой?..

МУЗѢ.

Долой съ чела вѣнецъ лавровый, —
Сорви и брось его къ ногамъ:
Тернъ обагрэнный, тернъ суровый
Одинъ идетъ къ твоимъ чертамъ...

МЕЛОДІИ.

I.

Погоди: угаснетъ день,
Встанетъ мѣсяцъ надъ полями.
На пруду и свѣтъ и тѣнь
Лягутъ рѣзкими штрихами,

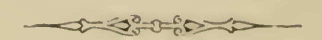
Въ сладкой нѣгѣ садъ заснетъ,
И къ груди его, пылая,
Полночь душная прильнетъ,
Какъ вакханка молодая;
И умчится смутный рой
Думъ, страданья и сомнѣнья,
И склонится надъ тобой
Этой ночи духъ нѣмой,--
Тихій геній примиренья...

II.

На западѣ хмурыя тучи
За хмурыя горы ползутъ,
И молніи черныя кручи
Мгновеннымъ лобзаніемъ жгутъ;
А справа ужь, чуждая бури,
Надъ гранями снѣжныхъ высотъ,
Въ сіяющей звѣздной лазури
Душистая полночь плыветъ...

III.

Еще не затихли страданья
Въ душѣ потрясенной моей,—
А счастье и миръ упованья
Ужь робко ласкаются къ ней;
И послѣ порывовъ мученья,
Минувшихъ съ минувшей грозой,
Ей вдвое дороже забвенье,
И вдвое отраднѣй покой...

ИЗЪ БОДЕНШТЕДТА.

Ни ангеловъ, сіяющихъ въ лазурныхъ небесахъ,
Ни розъ, благоухающихъ въ задумчивыхъ садахъ,
Ни нѣги ослѣпительныхъ, полуденныхъ лучей,—
Я не сравню съ Зюлейкою, красавицей моей.

Чуждъ непорочныхъ ангеловъ недугъ любви земной,
Въ садахъ безъ острыхъ терніевъ нѣтъ розы ни одной,
И гаситъ солнце къ вечеру огонь своихъ лучей,—
Нѣтъ, къ нимъ не приравняю я красавицы моей! . . .

* * *

Я помню, въ минувшіе, дѣтскіе годы—
Въ тѣ грустные годы мои,
Когда это сердце такъ жадно просило
Любви, хоть немного любви,
И страстный мой вопль замиралъ безъ отвѣта,
И снова я вѣрилъ и ждалъ . . .

СТАРАЯ БЕСѢДКА.

Вся въ кустахъ утонула бесѣдка;
Свѣжей зелени яркая сѣтка
По стѣнамъ полусгнившимъ ползетъ,
И сквозь зелень, въ цвѣтное оконце
Золотое, весеннее солнце
Разноцвѣтнымъ сіяніемъ бьетъ.

Въ полумракѣ угловъ—паутина;
Въ дверь врываются вѣтви жасмина,
Заслоняя дорогу и свѣтъ;
Круглый столъ весь исписанъ стихами
Весь исчерченъ кругомъ вензелями,
И на немъ позабытый букетъ...

* * *

Еще чертогъ залитъ огнями,
Еще не смолкнулъ за дверями
Прощальный говоръ голосовъ,
И ярко убраны цвѣтами
Нѣмыя статуи боговъ;
Еще мелодію кончая,
Рыдаетъ арфа, замирая,
И ей устало вторитъ хоръ...
Но конченъ пиръ... Два, три мгновенья
И рабъ сорветъ безъ сожалѣнья
Съ боговъ цвѣтущій ихъ уборъ;

Погаснетъ люстра золотая,
Шумъ смолкнетъ, музыка замретъ,
И знойной ночи мгла нѣмая
Чертогъ неслышно обойметъ...

* * *

Случалось ли тебѣ безсонными ночами,
Когда вокругъ тебя все смолкнетъ и заснетъ,
И блѣдный серпъ луны холодными лучами
Твой мирный уголокъ таинственно зальетъ,
И только ты въ тиши томишься одиноко,
Ты, да усталая, больная мысль твоя,—
Случалось ли тебѣ задуматься глубоко
Надъ неразгаданнымъ вопросомъ бытія?

Зачѣмъ ты призванъ въ міръ? Къ чему твои страданья,
Любовь и ненависть, сомнѣнья и мечты,
Въ безгрѣшно-правильной машинѣ мірозданья,
И въ подавляющей огромности толпы?......

* * *

Въ рощѣ зеленой, надъ тихой рѣкой
Вѣетъ и вьется дымокъ голубой,
И, отъ костра подымаясь, столбомъ
Тихо плыветъ надъ сосѣднимъ кустомъ.

Бѣлая полночь тиха и ясна,
Въ воздухѣ вкрадчиво вѣетъ весна,
Вѣетъ и нѣжитъ, и къ жизни зоветъ,
Нѣжитъ, ласкаетъ и пѣсню поетъ.

Чудная пѣсня! Прислушайся къ ней:
Смолкните слезы и стоны людей,
Я, какъ вакханка, вернулась къ землѣ
Съ чашей въ рукахъ и вѣнкомъ на челѣ...

МГНОВЕНЬЕ.

Пусть насъ давятъ угрюмыя стѣны тюрьмы, —
Мы съумѣемъ ихъ скрыть за цвѣтами,
Пусть въ нихъ царство мышей, паутины и тьмы,
Мы спугнемъ это царство огнями...
Пусть насъ тяжкая цѣпь безпощадно гнететъ,
Да за то нѣтъ для грезы границы:
Что ей цѣпь?.. Цѣпь она, какъ бичевку, порветъ
И умчится свободнѣе птицы.
Передъ нею и рай лучезарный открытъ,
Ей доступны и бездны морскія,
И безбрежье степей, и пески пирамидъ,
И вершины хребтовъ снѣговыя...
Въ наши стѣны волшебно она принесетъ
Всю природу, весь міръ необъятный,—
И въ темницѣ намъ звѣздное небо блеснетъ,
И повѣетъ весной ароматной!
Намъ прожить остается одну эту ночь, —
Но за то—это ночь наслажденья,
Прочь-же, мрачныя думы и слезы,—все прочь,
Что рождаетъ тоску и сомнѣнья!..
Мы на пиръ нашъ друзей и подругъ созовемъ,
Заглушивъ въ себѣ стоны проклятій,
И въ объятьяхъ любви беззаботно уснемъ,
Чтобъ проснуться для смертныхъ объятій!..
И да будутъ позоръ и несчастье тому,
Кто, осмѣлившись сѣсть между нами,

Станетъ видѣть упрямо все ту-же тюрьму
За сплетенными сѣтью цвѣтами;
Кто за полнымъ бокаломъ намъ крикнуть дерзнетъ,
Къ намъ въ слезахъ простирая объятья:
«Братья, жадное время не терпитъ, не ждетъ!.
Утро близко!.. Опомнитесь, братья!»

* * *

Тихо замеръ послѣдній аккордъ надъ толпой,
Съ плачемъ въ землю твой гробъ опустили;
Помолились въ приливѣ тоски надъ тобой,
Пожалѣли тебя и забыли...
Ты исчезла для нихъ, этихъ добрыхъ людей,
Навсегда—безъ слѣда и возврата,
Но живешь ты въ груди утомленной моей,
Въ скорбномъ сердцѣ усталаго брата...

БРАТЬЯМЪ.

О, не отказывайте, братья,
Пѣвцу, уставшему душой,
Когда призывныя объятья
Онъ простираетъ къ вамъ съ мольбой;
И въ пѣснѣ, дышащей слезами,
Какъ нищій, съ жаждою любви,
Готовъ открыть онъ передъ вами
Всѣ язвы гнойныя свои!

*

Онъ вашихъ слезъ не отвергаетъ,
Онъ отзывъ всѣмъ даетъ, любя,
И знайте—онъ за васъ страдаетъ,
Когда страдаетъ за себя...
Какъ волны рѣкъ, въ сѣдое море
Сойдясь, сплотились и слились,
Такъ ваша боль и ваше горе
Въ его душѣ отозвались.

. . . .

О, онъ достоинъ состраданья,
Вѣдь онъ за васъ скорбитъ душой,
И, осмѣявъ его страданья,
Вы посмѣетесь надъ собой!

*
* *

Ты дитя... жизнь еще не успѣла
Въ этомъ дѣвственномъ сердцѣ убить
Жажду скромнаго, честнаго дѣла
И святую потребность любить.
Дѣла много—не складывай руки,—
Это дѣло такъ громко зоветъ!
Сколько жгучихъ страданій и муки,
Сколько слезъ—облегченія ждетъ!..

Между нищими всякаго рода,
Между членами грустной семьи,
Надъ которой судьба и природа
Шутятъ злобныя шутки свои,
Въ этомъ мірѣ подъ вѣчнымъ ненастьемъ,
Въ морѣ слезъ, въ нищетѣ и въ крови,
Всѣхъ бѣднѣе—кто бѣденъ участьемъ,
Всѣхъ несчастнѣе—нищій любви...

Другъ мой, ты такъ сильна и богата,
Дѣтски-чуткой душою своей, —
Не ищи-же несчастнаго брата
У дверей многолюдныхъ церквей:
Этимъ нищимъ, просящимъ у храма,
Всѣ помогутъ, — степенный купецъ,
И слезливая, нервная дама,
И успѣвшій нажиться дѣлецъ. . . . . .

*
* *

Христосъ!.. Гдѣ ты, Христосъ, сіяющій лучами
Безсмертной истины, свободы и любви?..
Взгляни, — твой храмъ опять поруганъ торгашами,
И мечъ, что ты принесъ, запятнанъ весь руками
Повинными въ страдальческой крови!..

Взгляни, кто учитъ міръ тому, чему когда-то
И ты училъ его подъ тяжестью креста!
Какъ ярко ихъ клеймо порока и разврата,
Какія лживыя за страждущаго брата,
Какія гнойныя открылися уста!..

О, если-бъ только зло!.. Но рваться всей душою
Разсѣять это зло, трудиться для людей, —
И горько сознавать, что объ руку съ тобою
Кричитъ объ истинѣ, ломаясь предъ толпою,
Прикрытый маскою, продажный фарисей!..

1881-ый годъ.

* * *

Я встрѣтилъ новый годъ одинъ... Передо мною
Не искрился бокалъ сверкающимъ виномъ,
Лишь думы прежнія, съ знакомой мнѣ тоскою,
Какъ старые друзья, безъ зова, всей семьею
Нахлынули ко мнѣ съ злораднымъ торжествомъ...

ПАМЯТИ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Когда въ часъ оргіи, за праздничнымъ столомъ
Шумитъ кружокъ друзей, безпечно торжествуя,
И надъ чертогами, залитыми огнемъ,
Внезапная гроза ударитъ, негодуя,—
Смолкаютъ голоса ликующихъ гостей,
Блѣднѣютъ только что смѣявшіяся лица,—
И, изъ полубоговъ вновь обратясь въ людей,
Трепещетъ Валтасаръ и молится блудница.

Но туча пронеслась и съ ней пронесся страхъ...
Пиръ оживаетъ вновь:—вновь раздаются хоры,
Вновь дерзкій смѣхъ звучитъ на молодыхъ устахъ.
И искрятся виномъ тяжелыя амфоры;
Порывъ раскаянья изъ сердца изгнанъ прочь.
Всѣ осмѣять его стараются скорѣе,—
И праздникъ юности, чѣмъ дальше длится ночь,
Тѣмъ все становится развратнѣй и наглѣе!...

Но есть иная власть надъ пошлостью людской
И эта власть—любовь!.. Созданія искусства,
Въ которыхъ теплится огонь ея святой,
Сметаютъ прочь съ души позорящія чувства;
Какъ благодатный свѣтъ, въ эгоистичный вѣкъ
Сіяетъ всѣмъ она, любя и исцѣляя,—
И не дрожитъ предъ ней отъ страха человѣкъ,
А ницъ склоняется, ее благословляя!..

И счастливъ тотъ, кто могъ и кто умѣлъ любить:
Печальный тернъ его прочнѣй, чѣмъ лавръ героя,
Святаго подвига его не позабыть
Толпѣ, исторгнутой изъ мрака и застоя.
На скорбь его вездѣ откликнутся друзья,
И смерть его вездѣ смутитъ сердца людскія,
И въ часъ разлуки съ нимъ, какъ тѣсная семья
Надъ нимъ заплачетъ вся Россія!..

Февраль.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Мы--какъ два поѣзда (хотя съ локомотивомъ
Я не безъ робости рѣшаюсь васъ равнять)
На станціи Любань, лишь случаемъ счастливымъ
Сошлись, чтобъ разойтись опять.

—

Нашъ стрѣлочникъ—судьба безжалостной рукою
На двухъ различныхъ насъ поставила путяхъ,
И скоро я умчусь съ безсильною тоскою,
Умчусь на всѣхъ моихъ парахъ.

—

Но, убѣгая вдаль и полный горькимъ ядомъ
Сознанія, что вновь я въ жизни сиротливъ,
Не позабуду я о станціи, гдѣ рядомъ
Сочувственно пыхтѣлъ второй локомотивъ.

—

Мой одинокій путь грозитъ суровой мглою.
Ночь черной тучею раскинулась кругомъ,—
Скажите-жъ мнѣ, собратъ, какою мнѣ судьбою
И въ память вкрасться къ вамъ, какъ вкрался я въ альбомъ?—

* * *

Мнѣ снилось вечернее небо
И крупныя звѣзды на немъ,
И блѣдно-зеленыя ивы
Надъ блѣдно-лазурнымъ прудомъ;
И весь утонувшій въ сирени
Твой домикъ, и ты у окна,
Вся въ бѣломъ, съ поникшей головкой,
Прекрасна, грустна и блѣдна...
Ты плакала... Свѣтлыя слезы
Катились изъ свѣтлыхъ очей,
И плакали гордыя розы,
И плакалъ въ кустахъ соловей.
И съ каждою новой слезою
Внизу, въ ароматномъ саду,
Мерцая, свѣтлякъ загорался
И небо роняло звѣзду.

СТАРАЯ СКАЗКА.

Глухо стонетъ вьюга,—стонетъ и рыдаетъ,
И въ окно стучитъ костлявою рукой...
Жгучій страхъ мнѣ сердце дѣтское сжимаетъ:
«Мама, дорогая, сядь, побудь со мной»!..

И она прильнула нѣжно къ изголовью,
Нѣжно лобъ мой гладитъ, въ очи мнѣ глядитъ,
И подъ голосъ вьюги, лаской и любовью,
Грустью и заботой рѣчь ея звучитъ...

Какъ она прекрасна!.. Въ трепетномъ сіяньи
Ночника она склонилась надо мной,
Точно свѣтлый ангелъ въ бѣломъ одѣяньи,—
Только легкихъ крыльевъ нѣту за спиной!..

Что-то безконечно-кроткое сіяетъ
Въ безконечно-милыхъ, дорогихъ чертахъ,
И горитъ въ улыбкѣ, и въ очахъ ласкаетъ,
И звенитъ, чаруя, въ сдержанныхъ рѣчахъ...

Только отчего-жъ такъ грустны эти глазки?
Отчего дрожитъ и холодна рука?
Отчего въ словахъ старинной этой сказки
Слышится такая правда и тоска?

«Мама, что съ тобой?» Но мама заглушаетъ
Мой вопросъ тревожный ласкою своей...
И такъ близко—близко надо мной сіяетъ
И такъ чудно-нѣженъ взоръ ея очей!..

Дѣтскій умъ не долго мучится сомнѣньемъ,
Сказка расцвѣтаетъ, искрится, растетъ,—
И я всей душой и всѣмъ воображеньемъ
Унесенъ въ тотъ міръ, куда она зоветъ!...

. . . .

Снова стонетъ вьюга, стонетъ и рыдаетъ,
И въ окно стучитъ костлявою рукой,
И ночникъ невѣрнымъ свѣтомъ озаряетъ
Блѣдный ликъ, склоненный нѣжно надо мной...

И звенитъ мнѣ голосъ: «Въ долгой, въ горькой жизни,
Много встрѣтитъ спящихъ твой усталый взглядъ,
Не клейми-жъ ихъ словомъ ѣдкой укоризны,
Полюби ихъ, милый, полюби, какъ братъ!..

Позабывъ себя и не боясь глумленья,
Протяни имъ руку и впередъ зови,—
И блеснетъ во мглѣ имъ счастье обновленья,
И поймешь ты счастье братства и любви»!..

БЕДУИНЪ.

(Изъ Словацкаго).

Такъ десять дней прошло, и только небо знало,
Какъ были тягостны намъ эти десять дней:
То на душѣ у насъ надежда расцвѣтала,
То жгучій страхъ вставалъ за остальныхъ дѣтей.
Но время шло и шло—и Ангелъ утѣшенья
Коснулся насъ... Я сталъ свободнѣе дышать,

И мнѣ не вѣрилось, чтобъ прежнія мученья
Въ печальный нашъ шатеръ вернулися опять...
Но видно, Божій гнѣвъ, какъ вихрь неукротимый,
Какъ смерчъ губительный, карать не уставалъ:
Я помню адскій часъ, когда мой сынъ любимый,
Мой младшій сынъ, какъ братъ, блѣднѣлъ и угасалъ.
Еще смѣялся онъ, а смерть уже летала
Надъ нимъ и холодомъ дышала на него,—
И гнойныя уста съ насмѣшкою вонзала
Въ дрожащія уста малютки моего!..
Я первый увидалъ на немъ ея лобзанья...
И крикнулъ: «Смерть въ шатрѣ!»—и сына я схватилъ
И вынесъ въ степь, и тамъ, безумный отъ страданья,
На землю знойную, рыдая, опустилъ.
Спасенья не было,—охваченный недугомъ,
Ужь задыхался онъ—и задыхался я...
Верблюды умные, столпившись тѣснымъ кругомъ,
Смотрѣли на меня и на мое дитя.
А изъ-за пальмъ луна торжественно вставала,
Сверкая, какъ всегда, бездушной красотой,
И мягкимъ отблескомъ съ лазури озаряла
И пальмы, и пески, и трупъ его нѣмой...

* * *

Море—какъ зеркало!... Даль необъятная
Вся серебристымъ сіяньемъ горитъ;
Ночь непроглядная, ночь ароматная
Жжетъ и ласкаетъ, зоветъ и томитъ...
Сердце куда-то далеко уносится
Въ чудныя страны какія-то просится,
Къ свѣту, къ любви, къ красотѣ!..
О, неужели же это стремленіе
Только мечты опьяненной броженіе?

О, неужели же это стремленіе
Такъ и замреть на мгновенной мечтѣ?
Море, отвѣть!..
И оно откликается:
—«Слышишь, какъ тихо струя ударяется
Въ сѣрые камни прибрежныхъ громадъ?
Видишь, какъ очерки тучекъ туманные
Море и небо, звѣздами затканное,
Бѣглою тѣнью мрачатъ!» . . . . .

ВЪ ТОЛПѢ.

Не презирай толпы: пускай она порою
Пуста и мелочна, бездушна и слѣпа,
Но есть мгновенія, когда передъ тобою
Не жалкая раба съ продажною душою,
А божество—толпа, титанъ—толпа!..
Ты къ ней несправедливъ: въ часы ея страданій,
Не шелъ ты къ ней страдать... Пѣвецъ ея и сынъ,
Ты убѣгалъ ея проклятій и рыданій,
Ты издали любилъ, ты чувствовалъ одинъ!..
Приди же слиться съ ней; не упускай мгновенья,
Когда болѣзненно-отзывчива она,
Когда отъ пошлыхъ дѣлъ и пошлаго забвенья
Утратой тяжкою она потрясена! . . .

ЦАРСТВО СНА.

Въ дѣтствѣ слышалъ я старую сказку о томъ,
Какъ когда-то давно, за лазурью морей,
За глухими лѣсами и дикимъ хребтомъ,
Было цѣлое царство оковано сномъ
Съ молодой королевой своей.

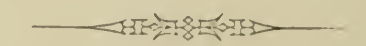
Бѣлый замокъ ея, утонувшій въ садахъ,
Точно вымеръ—ни звука нигдѣ;
Все недвижно стояло въ горячихъ лучахъ
Золотистаго дня, какъ въ нѣмыхъ зеркалахъ,
Отражаясь въ озерной водѣ...

А когда-то нерѣдко ночною порой
Тамъ пестрѣли наряды гостей,
И съ крыльца подъ стемнѣвшіе своды аллей,
Извиваясь, сбѣгались одна за другой
Разноцвѣтныя цѣпи огней.

Или утромъ душистымъ, подъ темный каштанъ,
Молода и свѣтла, какъ весна,
Королева безъ свиты сходила одна
Помечтать и послушать, какъ плачетъ фонтанъ
И какъ дышетъ тревожно волна...
. . . .

И мгновенно все стихло: объятые сномъ,
Онѣмѣли и теремъ и садъ,
Смолкнулъ говоръ людской, и не слышно кругомъ,
Ни роговъ егерей въ полумракѣ лѣсномъ,
Ни обычныхъ ночныхъ серенадъ..

Злыя чары свершились—высокой стѣной
Вкругъ поднялся терновникъ густой,
И не смѣли туда отъ далекой земли,
Мимо рифовъ и мелей, доплыть корабли
И раздаться тамъ голосъ живой. . . .

МЕЧТЫ КОРОЛЕВЫ.

(На мотивъ изъ Тургенева).

I.

Шуменъ праздникъ; не счесть приглашенныхъ гостей;
Море звуковъ и море огней...
Ихъ цвѣтною каймой, какъ гирляндой, обвитъ,
Прудъ,—и спитъ, и какъ будто не спитъ...
А изъ сада надъ замкомъ и свѣтлымъ прудомъ,
Замирая въ затишьи ночномъ,
Долетая до звѣздъ и до горныхъ громадъ,
Звуки флейтъ и литавровъ гремятъ...
Шуменъ праздникъ и веселъ,—и только грустна
На пиру королева одна.

II.

День прошелъ, какъ въ чаду, и во весь этотъ день
Оживленныхъ торжествъ безъ конца
Не сбѣгала съ чела ея грустная тѣнь,
Не сходило раздумье съ лица.
И когда на охотѣ, за шумнымъ столомъ,
Изъ блестящаго круга гостей
Всталъ прекраснѣйшій рыцарь,—и чашу съ виномъ
Поднялъ въ честь королевы своей,

И раздался въ лѣсу вдохновенный привѣтъ,
Свѣтлый гимнъ красотѣ и вѣнцу,—
Королева едва улыбнулась въ отвѣтъ,
Не промолвивъ ни слова пѣвцу.

III.

Но настала душистая ночь,—и кругомъ,
По карнизамъ и въ мракѣ аллей,
Вкругъ фонтановъ и нишъ и надъ тихимъ прудомъ
Засверкали мильоны огней...
Вѣютъ перья беретовъ и шпоры звенятъ,
Залъ плющемъ и цвѣтами обвитъ,
И веселый гавотъ, оглашая весь садъ,
Изъ готическихъ оконъ звучитъ.
А надъ садомъ встаетъ золотая луна,
Изъ-за граней далекихъ высотъ....
Ароматная ночь, какъ вакханка, пьяна,
Какъ лобзанья, ласкаетъ и жжетъ!..

IV.

Королева одна, королева грустить...
Высоко подъ цвѣтною парчей
Поднимается грудь и, какъ жемчугъ, скользитъ
По ланитамъ слеза за слезой.
Въ душной нишѣ окна полумракъ голубой;
Сладко плачетъ въ кустахъ соловей,
И какъ будто сквозь сонъ долетаютъ порой,
Звуки танца и шумныхъ рѣчей.
А на-завтра опять тотъ же шумъ и огни,
Ложь восторговъ и ложь серенадъ...
Такъ безслѣдно промчатся всѣ лучшіе дни,
И потомъ не вернуть ихъ назадъ!..

V.

Сбросить прочь бы скорѣй этотъ пышный нарядъ,
Потушить бы огни—и одной,

Безъ докучливой свиты уйти въ этотъ садъ,
Убѣжать въ этотъ сумракъ ночной...
А въ саду чтобъ прекрасный бы юноша ждалъ,
Чтобъ на-встрѣчу онъ бросился къ ней,
И лобзалъ, безъ конца и безъ счета лобзалъ
И уста бы, и кольца кудрей...
Безъ конца бы лобзалъ, безъ конца бы любилъ,
Жегъ отвѣтныхъ объятій огнемъ,—
И чтобъ молодость, полная страсти и силъ,
Въ немъ кипѣла горячимъ ключемъ...

VI.

И сказать бы ему: «Цѣлый день, дорогой,
Отъ придворныхъ лжецовъ и шутовъ,
Я рвалась къ тебѣ всей наболѣвшей душой,
Какъ на волю отъ тяжкихъ оковъ.
О, ты знаешь, съ какимъ бы блаженствомъ всѣхъ ихъ
Я тебѣ одному предпочла,
Но, раба твоя, я—королева для нихъ,
И къ тебѣ я уйти не могла»... . . . . .

* * *

Сколько лживыхъ фразъ, надуто-либеральныхъ,
Сколько пестрыхъ партій, мелкихъ вожаковъ,
Личныхъ обличеній, колкостей журнальныхъ,
Маленькихъ торжествъ и маленькихъ божковъ!
Сколько самолюбій глубоко задѣто,
Сколько устъ клевещетъ, жалитъ и шипитъ,—
И вокругъ, какъ прежде, сумракъ безъ просвѣта,
И, какъ прежде, жизнь и душитъ и томитъ!..
А вопросъ такъ простъ: отдайся всей душою

На служенье братьямъ, позабудь себя
И иди впередъ, свѣтя передъ толпою,
Поднимая павшихъ, вѣря и любя!..
Не гонись за шумомъ быстраго успѣха,
Не мѣняй на лавръ суроваго креста,
И пускай тебя язвятъ отравой смѣха,
И клеймятъ враждой нечистыя уста!..
Видно, не настала, сторона родная,
Для тебя пора, когда бойцы твои,
Мелкимъ, личнымъ распрямъ силъ не отдавая,
Встанутъ всѣ во имя правды и любви.
Видно спятъ сердца въ нихъ, если, вмѣсто боя
Съ горемъ и врагами родины больной,
Подняли они, враждуя межъ собою,
Этотъ безконечный, этотъ жалкій бой!..

Ноябрь.

* * *

Уронивши рѣсницы на пламенный взоръ,
Съ ароматнымъ вѣнкомъ на челѣ,
Сходитъ знойная ночь съ отуманенныхъ горъ,
Къ полной нѣги и мрака землѣ...
Расплелись ея косы... Съ нагаго плеча
Дымка звѣздной одежды скользитъ,
Вѣетъ страстью съ лица, и, какъ страсть, горяча
На устахъ чуть улыбка дрожитъ...
Здравствуй ночь, молодая вакханка!.. взгляни:
Міръ заждался объятій твоихъ;
Сколько розъ тебя жаждетъ въ душистой тѣни,
Сколько ждетъ тебя лилій рѣчныхъ!..
Протяни-жъ серебристыя нити лучей
Въ этой, дышащей нѣгою, мглѣ...

Но блѣдна ты... блѣдна отъ несчетныхъ огней.
Словно яркія звенья блестящихъ цѣпей,
Запылавшихъ на темной землѣ.
Вся долина въ огняхъ,—и роскошнѣй другихъ
Старый замокъ сіяньемъ залитъ,
Старый замокъ, зарывшись въ аллеяхъ густыхъ,
Многолюдной толпою шумитъ...

СОНЕТЪ.

(Въ альбомъ А. К. Ф).

Не мнѣ писать въ альбомъ созвучьями сонета:
Отвыкъ лелѣять слухъ мой огрубѣлый стихъ.
Для гимна стройнаго, для свѣтлаго привѣта
Ни звуковъ нѣтъ въ груди, ни образовъ живыхъ:

Но вамъ я буду пѣть... Съ всевѣдѣньемъ пророка
Я угадалъ звѣзду всходящей красоты
И, ясный свѣтъ ея завидя издалека,
На жертвенникъ ея несу мои цвѣты.

Примите-жъ скромный даръ безвѣстнаго поэта,
И обѣщайте мнѣ не позабыть о томъ,
Кто первый вамъ пропѣлъ въ честь вашего разсвѣта.

И, какъ покорный жрецъ, на славныя ступени
Въ священномъ трепетѣ склонивъ свои колѣни,
Богиню увѣнчалъ торжественнымъ вѣнкомъ...

ПѢВЕЦЪ.

Съ непокрытымъ челомъ, изнуренный, босой,
Полный скорби и жгучей тревоги,
Шелъ однажды весною, въ полуденный зной,
Мимо рощи тѣнистой пѣвецъ молодой,
По горячей, кремнистой дорогѣ.

Роща, словно невѣста, въ весеннихъ лучахъ
Обновленнымъ уборомъ сіяла,
И роскошно пестрѣла въ нарядныхъ цвѣтахъ,
И душистой прохладой ласкала.
И казалось въ ней кто-то съ любовью шепталъ:
«Путникъ, путникъ, ко мнѣ! Ты такъ долго страдалъ.—
Прочь же черные призраки горя:
Я навѣю тебѣ лучезарные сны...
Отдохни на груди ароматной весны
Въ тихомъ лонѣ зеленаго моря!..»

--«У меня-ль не цвѣтистъ изумрудный коверъ,
У меня-ль не узоренъ высокій шатеръ!
Я приникну, любя, къ изголовью,
И больному весеннюю пѣсню спою,—
Эту вкрадчиво-сладкую пѣсню мою,
Пѣсню, полную свѣтлой любовью!

—«Путь суровъ... Раскаленное солнце палитъ
Раскаленные камни дороги,
О горючій песокъ и объ острый гранитъ
Ты изранилъ усталыя ноги.
А подъ сводами дѣвственной листвы моей
Бьется съ тихимъ журчаньемъ холодный ручей
Серебристая струйка за струйкой бѣжитъ,
Догоняетъ, цѣлуетъ и тихо звенитъ...

Не упорствуй же, путникъ, и, чуткой душой
Отозвавшись на зовъ наслажденья,
Позабудься, усни!..»

Но пѣвецъ молодой
Не поддался словамъ искушенья.
Не на пиръ и не съ пира усталый онъ шелъ:
Съ страдныхъ нивъ и изъ избъ голодающихъ селъ,
Изъ угловъ нищеты и разврата
Онъ спѣшилъ въ золотые чертоги принесть
Молодою любовью согрѣтую вѣсть
О страданьяхъ забытаго брата.
Онъ спѣшилъ, чтобъ пропѣть о голодной нуждѣ,
О суровой борьбѣ и суровомъ трудѣ,
О подавленныхъ, гибнущихъ силахъ,
О горячихъ, безпомощныхъ дѣтскихъ слезахъ,
О безсонныхъ ночахъ и безрадостныхъ дняхъ,
О тюрьмѣ и безкрестныхъ могилахъ...
. . . .
Эта пѣсня его и томила, и жгла,
И впередъ, все впередъ неустанно звала...

* * *

На утрѣ дней моихъ о подвигахъ мечтая,
Я долго звонкихъ словъ отъ дѣлъ не отличалъ,
И, какъ пророкъ добра, гремя и обличая
Меня пустой крикунъ нерѣдко увлекалъ,
Я наряжалъ его въ цвѣты моихъ мечтаній,
Ловилъ слова его . . . .

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(Е. А. С.).

Простите безумца за прошлые звуки,
За дерзкіе звуки, пропѣтые вамъ:
Въ нихъ не было правды,—то праздныя руки
Просились опять къ позабытымъ струнамъ...
Съ людьми не схожусь я давно ужъ—и съ вами
Не ближе душой, чѣмъ съ другими, я былъ,—
Я лгалъ вамъ: какъ мальчикъ, я тѣшился снами,
Какъ мальчикъ, святынею дружбы шутилъ.
Какъ могъ я мгновенный обмѣнъ впечатлѣній
И свѣтскую ласку за близость принять?
Какъ могъ я такъ скоро, безъ думъ и сомнѣній,
По первому слову всю душу отдать?
И мало-ли, сердце, такіе обманы
И въ прошлые годы владѣли тобой?
Еще и теперь незажившія раны
Горячею кровью сочатся порой!..

А вы... въ васъ не стану искать я причину
Моей настоящей тоски и тревогъ:
Не вы виноваты, что я вполовину
Быть близкимъ—ни съ кѣмъ пріучиться не могъ.
Прошелъ мимолетный порывъ ослѣпленья,
И въ васъ узнаю я все ту же толпу...
Простите-жъ меня,—не ищите сближенья,
И дайте уйти мнѣ въ мою скорлупу.

*
* *

Я плакалъ тяжкими слезами,—
Слезами грусти и любви,—
Да осіяетъ свѣтъ лучами
Міръ, утопающій въ крови.
И свѣтъ блеснулъ передо мною,
И лучезаренъ и могучъ,—
Но не надеждой, а борьбою
Горѣлъ его кровавый лучъ:
То не былъ кроткій отблескъ рая;
Нѣтъ въ душномъ сумракѣ ночномъ
Зажглась зарница роковая
Грозы, собравшейся кругомъ...

1882-ой годъ.

*
* *

Если любить—безконечно томиться
Жаждой объятій и знойныхъ ночей,—
Я не любилъ: я молился предъ ней
Такъ горячо, какъ возможно молиться.
Слово привѣта на чистыхъ устахъ,
Не оскверненныхъ ни злобой, ни ложью,
Все, что, къ ея преклоненный подножью,
Робко желалъ я въ завѣтныхъ мечтахъ...
Можетъ быть, тѣнь я любилъ; надо мной,
Можетъ быть, снова-бъ судьба насмѣялась.
И оскверненное сердце бы сжалось
Новымъ страданьемъ и новой тоской.
Но я усталъ... мнѣ наскучило жить
Пошлою жизнью; меня увлекала
Гордая мысль къ красотѣ идеала,
Чтобъ, полюбивъ, безъ конца бы любить...

*
* *

Одни не поймутъ, не услышатъ другіе
И пѣсня безплодно замретъ:
Она не разбудитъ порывы святые,
Не двинетъ впередъ и впередъ...

Что пѣсня для міра? Красивые звуки,
Мелодія стройныхъ рѣчей,
Поддѣльныя язвы, крикливыя муки,
Торгъ сердцемъ, торгъ мыслью своей!..

А въ пѣсню такъ вложено много!.. Въ мгновенья,
Когда создавалась она,
Въ душѣ разгорались живыя мученья,
Душа была стоновъ полна...
Грозою надъ ней вдохновенье промчалось,
Въ раздумьи пылало чело;
И то, что другихъ лишь слегка прикасалось,
Пѣвца до страданія жгло.

О, сердце пѣвца, въ наши жалкіе годы,—
Ты пламя въ пустынѣ глухой:
Напрасно во имя любви и свободы
Горишь ты полночной порой...
Въ безлюдьи не нужны тепло и сіянье:
Кого озарить и согрѣть?..
И горько въ тебѣ шевелится желанье:
О, еслибъ совсѣмъ не горѣть!

* * *

Все это было,—но было какъ будто во снѣ:
Были и нѣжныя ласки и тайныя встрѣчи...
Личико дѣвушки кротко склонялось ко мнѣ,
Тонкія, блѣдныя ручки ложились на плечи...
Въ сумеркахъ вечера глухо рыдала рояль,
Лампа свѣтила на книгу роднаго поэта...
Какъ хороша была даже печаль,
Какъ тогда вѣрилось въ ясную даль,
Въ близость блаженства, въ побѣду желаннаго свѣта!..

О, мнѣ не больно, что жизнь мнѣ солгала: она
Всѣмъ, кто ея обѣщаньямъ повѣрилъ, солгала!
Пусть она будетъ, какъ прежде, темна и душна,—
Лишь бы вдали не угаснулъ маякъ идеала!
Если онъ свѣтитъ,—что значитъ холодн я мгла.
Буйныя волны и вѣтеръ?.. Пловецъ утомленный,
Свѣтомъ его озаренный,
Малодушно не броситъ весла!..

Но мнѣ мучительно-больно,—мнѣ стыдно до жгучей тоски,
Что мое сердце мнѣ лгало... Прости мнѣ, моя дорогая,
Лживыя слезы, на мраморъ могильной доски
Тяжко упавшія, память твою оскорбляя:
Нѣту любви, если годы похитить могли
Чистый твой образъ изъ сердца... Безъ вѣчности чувства,
Смысла въ немъ нѣтъ!.. Если-жъ нѣту любви,—нѣтъ искусства,
Правды, добра, красоты,—нѣтъ души у земли!..

* * *

Бѣдная комнатка,—келья святая
Дѣвственныхъ думъ и завѣтныхъ трудовъ,—
Дай тебѣ, Боже, отчизна родная,
Больше такихъ уголковъ!..
Точно предъ узникомъ дверь растворилася
И на порогѣ стоитъ онъ въ слезахъ,—
Такъ мое сердце отрадно забилося
Въ этихъ убогихъ стѣнахъ.
Точно въ тюремныя окна повѣяло
Свѣжестью сада и нѣгой весны,—
Такъ это братское слово развѣяло
Черные сны . . . .

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Хоть-бы хлынули слезы горячей волною,—
Я-бъ желанной грозы ихъ стыдиться не сталъ;
Какъ дитя бы къ подушкѣ прильнулъ головою
И рыдалъ бы такъ горько, такъ сладко рыдалъ!..
Я рыдалъ бы, о томъ, что и тѣсно, и душно.
И мучительно жить, что на горе другихъ
Я и самъ начинаю смотрѣть равнодушно.
Не осиливши личныхъ страданій своихъ:
Что я глупое сердце мое презираю,
Что смѣюсь я надъ жалкою мыслью моей.
И что жизнь и людей такъ глубоко я знаю.
Что не вѣрю ужь больше ни въ жизнь, ни въ людей...

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Сегодня всю ночь голубыя зарницы
Мерцали надъ жаркою грудью земли;
И мчались разорванныхъ тучъ вереницы.
И мчались, и тяжко сходились вдали...
Душна была ночь,—такъ душна, что порою
Во мглѣ становилось дышать тяжело;
И сердце стучало, и знойной волною
Кипѣвшая кровь ударяла въ чело...

Отъ сонныхъ черемухъ, осыпанныхъ цвѣтомъ
И сыпавшихъ цвѣтомъ, какъ бѣлымъ дождемъ.
Съ невнятною лаской, съ весеннимъ привѣтомъ,
Струился томительный запахъ кругомъ.
И словно какая-то тайна свершилась
Въ торжественномъ мракѣ глубокихъ аллей,
И сладкими вздохами грудь волновалась,
И страсть, трепеща, разгоралася въ ней...

Всю ночь пробродилъ я, всю ночь до разсвѣта,
Обвѣянный чарами нѣги и грезъ;
И страстно я жаждалъ роднаго привѣта,
И женскихъ объятій, и радостныхъ слезъ...
Какъ волны, давно позабытые звуки
Нахлынули въ душу, пылая огнемъ,
И бились въ ней, полные трепетной муки,
И отклика ждали въ затишьи ночномъ...

А демонъ мой,—демонъ тоски и сомнѣнья,
Не спалъ... Онъ шепталъ мнѣ:—«Ты помнишь о томъ,
Какъ гордо давалъ ты обѣтъ отреченья
Отъ радостей жизни—для битвы со зломъ?
Куда-жъ онѣ скрылись, прекрасныя грезы?
Стыдись—вѣдь горячія слезы твои
О счастьи и ласкѣ—позорныя слезы,—
Въ нихъ жажда забвенья и жажда любви!..»

Да, смѣйся, мой демонъ, но грезы былаго
Не трогай язвительнымъ смѣхомъ своимъ!..
Ты смѣйся надъ тѣмъ, что я сердца больнаго
Еще не осилилъ сознаньемъ святымъ,
Что мнѣ еще тяжки борьба и ненастья,
Что трудно порою мнѣ спорить съ тобой,
Что мнѣ, малодушному, хочется счастья,
Какъ путнику—тѣни въ томительный зной...

Но знай, что я твердо созналъ, что, покуда
Такъ душны покровы ночной темноты,
Такъ много на свѣтѣ бездольнаго люда,—
О личномъ блаженствѣ постыдны мечты;
И знаю я твердо, что скоро съ тобою
Я слажу, мой демонъ, изгнавъ тебя прочь,
И сердце, какъ встарь, не сожмется тоскою,
Тоскою о счастьи въ весеннюю ночь!..

* * *

Счастье, призракъ-ли счастья,—не все-ли равно?
Клятвъ не нужно, моя дорогая...
Только было-бъ усталое сердце полно,
Только-бъ тихой отрадой забылось оно,
Какъ больное дитя, отдыхая.

Я впередъ не смотрю—и покуда нѣжна,
И покуда тепла твоя ласка,
Не спрошу у тебя я, надолго-ль она,
Не капризомъ ли женскимъ она рождена,
Не обманетъ ли душу, какъ сказка?..

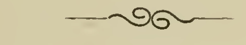
Но за то и себя я не стану пытать,
Чтобъ не вызвать сомнѣній невольно;
Я люблю твои пѣсни и рѣчи слыхать,
Мнѣ съ тобою легко и свободно дышать,
Мнѣ отрадно съ тобой—и довольно...

А наскучу тебѣ я, скажи... Не жалѣй
Отравить мою душу тоскою;
Мнѣ не нужно неволи и жертвы твоей,
Въ жизни много и такъ безполезныхъ цѣпей,
Что за радость быть вѣчно рабою?

И простимся съ тобой мы... И крѣпко тебѣ
Я пожму на прощаніе руку,—
Какъ сестрѣ въ пережитой житейской борьбѣ,—
И съумѣю, безъ слезъ и упрековъ судьбѣ,
Неизбѣжную встрѣтить разлуку...

* * *

Пугая мысль мою томящей тишиною,
Изъ глубины аллей, мучительно-душна,
Она идетъ, идетъ, овладѣвая мною,
Ночь злобы и тоски, глухая ночь безъ сна.
Открывъ мое окно, я бодрствую... Уснувшій,
Беззвученъ темный садъ... Все рѣже огоньки
Въ замолкнувшемъ селѣ... Серпъ мѣсяца, блеснувшій
Надъ тихой рощею, колеблется въ рѣкѣ.
Безбрежныя поля слилися съ небесами,
А тамъ, гдѣ чуть горитъ поблекнувшій закатъ,
Какъ привидѣнія съ простертыми руками,
Застывши въ воздухѣ взмахнувшими крылами,
Нѣмыя мельницы недвижимо стоятъ...
Родныя, милыя мѣста!.. Воспоминанья
Глядятъ въ лицо мое изъ каждаго куста...

СВЯТИТЕЛЬ *).

(Народное преданье).

Издалека, отцы, къ вамъ въ обитель я шла;
Какъ дошла—и сама ужь не знаю;
Видно Божія сила меня провела
По безлюдному вашему краю.
Глушь-то, глушь-то какая!.. Идешь цѣлый день,
Ни души на дорогѣ не встрѣтишь,
Рада-рада, коль дальній дымокъ деревень
Или крестъ колокольни замѣтишь.

*) Первый варіантъ.

Объ обители вашей далеко идутъ
Между темнымъ народомъ разсказы:
Встарину самъ Угодникъ нашелъ въ ней пріютъ,
Укрываясь отъ свѣтской заразы...
Самъ своими руками на храмъ вашъ принесъ
Первый камень смиренный Святитель;
И сподобилъ его за смиренье Христосъ
Чудесами прославить обитель.

Не собраться бы къ вамъ, да нужда помогла;
Отпросясь, помолилась я Богу,
Попрощалась съ селомъ и пошла, въ чемъ была,
По разсказамъ да спросамъ въ дорогу...
Самъ Христосъ вамъ, отцы, даровалъ благодать
Врачевать насъ, объятыхъ скорбями,—
Уврачуйте-жъ меня вы, несчастную мать!
Припадаю я къ вамъ со слезами.

Былъ сынокъ у меня; грѣхъ промолвить упрекъ:
Жили съ нимъ мы безъ ссоръ и безъ брани.
Тихъ да ласковъ меня онъ, какъ душу, берегъ
И души я не чаяла въ Ванѣ.
Выросъ парень на диво: красавецъ собой.
Статный, рослый, вездѣ поспѣваетъ...
Точно шутитъ, бывало, идетъ за сохой.
Точно обручъ подкову ломаетъ...

Да случилась бѣда съ нимъ: прошедшей зимой
Снарядился онъ въ лѣсъ за дровами,—
А на-встрѣчу нашъ баринъ опушкой лѣсной
Ѣдетъ съ псовой охоты съ гостями.
Загляделся мой парень,—сосѣдъ-генералъ,
Егеря, доѣзжачіе хваты,—
Загляделся—шапченки-то сдуру не снялъ,—
И попалъ, горемычный, въ солдаты.

Что-жъ, Богъ далъ. Богъ и взялъ,—я не стала роптать:
Обнялась съ нимъ, кручину скрывая,
И пошелъ онъ, мой соколъ, съ полкомъ воевать
На чужбину изъ нашего края...
Гдѣ онъ, что съ нимъ—не знаю; слыхать стороной,
Будто врагъ одолѣлъ насъ сначала,
А потомъ мы сошлись съ нимъ подъ Бѣлой Москвой.
И Москва, какъ свѣча, запылала...

И какъ будто бѣжалъ онъ за море отъ насъ,
И за нимъ мы въ погоню погнали;
Только гдѣ-жъ это море, спрошу я у васъ?
Вы учены, чай вы и слыхали...
Правда все это, нѣтъ-ли,—но въ сердцѣ моемъ
Нѣтъ покоя: встаетъ предо мною,
Какъ живой, мой Ванюша и ночью и днемъ.
Въ ратномъ полѣ, подъ Бѣлой Москвою...

Снится мнѣ, что лежитъ онъ, обнявшись съ врагомъ.
А въ груди его тяжкая рана...
Дымъ отъ вражьихъ пищалей нависнулъ кругомъ,
Словно пологъ ночнаго тумана...
Крики. стоны, рыданья, стукъ конскихъ копытъ.
Барабаны гремятъ не смолкая,
А вверху, надъ страдальческимъ полемъ, кружитъ
Черныхъ вороновъ хищная стая...

И лежитъ онъ, и стонетъ... Померкнулъ въ очахъ
Ясный свѣтъ отъ томительной муки,
Запеклась богатырская кровъ на устахъ,
Разбросались могучія руки;
И какъ будто меня онъ, родной мой, зоветъ,
Будто проситъ онъ пить, изнывая;
И копытомъ промчавшійся конь его бьетъ,
Оглушаетъ гроза боевая...

Нѣтъ отбою отъ думъ!.. Не отгонишь ихъ прочь,
Не сомкнешь утомленныя очи,
Не сомкнешь напролетъ всю осеннюю ночь,—
А длинны онѣ, темныя ночи!
Безъ сынка-то такъ пусто, такъ глухо въ избѣ!..
Чуть примѣтно лучина мигаетъ...
Тишь, да черныя думы, да вѣтеръ въ трубѣ
Какъ надъ мертвымъ немолчно рыдаетъ!...

* * *

Ровныя, плавныя строки,
Словно узоръ, ласкающій глазъ!..
О, мои пѣсни,—какъ вы стали далеки
На страницахъ книжки отъ сердца создавшаго васъ!
Вы ли это, безумные, жгучіе звуки?
Васъ ли, блѣдный отъ страстнаго чувства, въ безсонную ночь
Призывалъ я, ломая безсильныя руки
И мечтая хоть вами измученнымъ братьямъ помочь?

Но едва вы въ слова выливались, могучая сила
Отлетала отъ васъ... вы блѣднѣли, какъ звѣзды съ зарей...
Никого ваша жгучая правда собой не смутила,
Никого вы къ святынѣ любви не склонили собой.
Язвы прикрылись цвѣтами,
Мелодіей скрытъ диссонансъ безконечныхъ мученій...
Вы, родясь, умирали, и въ сердцѣ пылая слезами,
Надъ толпой пронеслись только тѣнью тревогъ и сомнѣній!...

* * *

Съ пожелтѣлыхъ клавишъ плачущей рояли,
Подъ ея больными, дряхлыми руками,
Поднимались звуки, страстно трепетали
И вились надъ ней завѣтными тѣнями...
Чудныя ей въ звукахъ видѣлись картины!..
Вся отдавшись имъ, она позабывала,
Что ея чело изрѣзали морщины,
Что прожитой жизни не начать сначала...
Въ жалкомъ, старомъ тѣлѣ силою искусства,
Какъ въ цвѣткѣ, ожившемъ съ солнцемъ и весною,
Пылко разгорались молодыя чувства,
Проходя по сердцу лаской и грозою...
И мечтался залъ ей, блещущій огнями,
И въ толпѣ, объятой мертвой тишиною,
Онъ, ея избранникъ, съ темными кудрями,
Съ ясною улыбкой, съ любящей душою. .
И мечталось ей, что вновь къ ней возвратились
Красота и свѣжесть . . . .

* * *

Я сегодня въ кого-то, какъ мальчикъ, влюбленъ,
Но въ кого—разгадать не съумѣю,
Въ эту даль, или въ звѣздный, ночной небосклонъ,
Или въ полную мрака аллею.
Знаю только, что такъ не дышалъ я давно,
Какъ сегодня дышу, отдыхая;
Полной грудью дышу, распахнувши окно
И полуночнымъ звукамъ внимая...
И одна только мысль мой тревожитъ покой. . . . .

* * *

Сквозь мглу прошедшаго встаетъ передо мною
Туманный образъ твой... Ты рано умерла:
Ты умерла еще прекрасной, молодою,
Но ужь измученной трудомъ и нищетою,
Не вѣруя въ добро и не осиливъ зла,
Подъ голосъ клеветы, подъ шопотъ осужденья,
Работница, въ кругу чужихъ тебѣ людей,
Перестрадала ты послѣднія мгновенья,
Томясь предчувствіемъ за насъ, твоихъ дѣтей.
Ты горько плакала, ты настрадалась вволю,
Униженно за насъ моля ихъ, какъ раба,—
Но тщетно было все, и пала намъ на долю
Такая-жъ, какъ тебѣ, суровая судьба!....

* * *

Не упрекай меня за горечь этихъ пѣсенъ:
Не я виной тому, что міръ вашъ,—міръ цѣпей,
Міръ горя и борьбы,—и душенъ мнѣ, и тѣсенъ,
Что я иного жду отъ жизни и людей...
Нѣтъ лжи въ стихѣ моемъ,—не призрачныя муки
Пою я, какъ фигляръ, ломаясь предъ толпой.
Мнѣ стоютъ многихъ слезъ мои больные звуки
И стонъ мой—стонъ живой...
Не упрекай меня, но пожалѣй, какъ брата,
Я задыхаюсь здѣсь, я боленъ, я усталъ...
Еще мгновеніе,—и въ сердцѣ безъ возврата...
. . . .

1883-ій годъ.

ЖЕНЩИНА.

(Отрывки).

Жизнь мало мнѣ дала отрадныхъ впечатлѣній,
И въ прошломъ не на чемъ мнѣ взоръ остановить:
Жизнь одиночества, жизнь горя и сомнѣній.—
Что пожалѣть мнѣ въ ней и что благословить?
Но нищій радостью, я былъ богатъ мечтами:
Съ младенчества, въ часы медлительныхъ ночей.
Сверкая надо мной безшумными крылами.
Онѣ являлись мнѣ и сыпали цвѣтами
На ложѣ думъ моихъ, томленья и скорбей...

То были странныя, недѣтскія мечтанья:
Не снилась слава мнѣ за подвиги войны.
И строй стальныхъ дружинъ въ пылу завоеванья
Я не бросалъ за грань враждебной стороны;
Въ одеждѣ странника и съ лютней за плечами
Изъ замка въ замокъ я безпечно не бродилъ:
И къ чуднымъ берегамъ за бурными волнами.
Сквозь мглу ночной грозы корабль не проводилъ.

Я царской дочери, томившейся въ темницѣ,
Отъ злобы темныхъ силъ отважно не спасалъ:
У старой яблони не сторожилъ жаръ-птицы.
Ключей живой воды по свѣту не искалъ.
Мой міръ—былъ міръ иной,—не міръ волшебной сказки
И первыхъ дѣтскихъ книгъ:—въ полуночной тиши

Онъ созданъ былъ въ груди безумной жаждой ласки,
Онъ выросъ и расцвѣлъ изъ слезъ моей души!..

. . . .

И помню, снилось мнѣ, что, сладко отдыхая,
Лежу въ истомѣ я, глаза полузакрывъ...
Уютно въ комнаткѣ... едва горитъ, мерцая,
Лампады блѣдный свѣтъ, кіотъ озолотивъ.
Докучныхъ, школьныхъ стѣнъ нѣтъ больше предо мною,
Затихъ безпечный смѣхъ рѣзвящихся дѣтей.
Я дома, я въ семьѣ,—и нѣжною рукою
Мать разбираетъ шелкъ густыхъ моихъ кудрей...
Угасла рано ты; мои воспоминанья
Не сберегли въ груди твой образъ молодой;
Но въ годы черныхъ думъ, тоски и испытанья
Я создалъ вновь его болѣзненной мечтой...
Вложивъ въ уста твои ласкающія рѣчи,
Вложивъ огонь любви во взглядъ твоихъ очей,
Я каждой ночи ждалъ, какъ благодатной встрѣчи,
Я призракъ полюбилъ всей силою моей...

. . . .

Мнѣ снится женщина... Прекрасныя черты
Мнѣ смутно памятны,—какъ будто ихъ когда-то
Я видѣлъ и любилъ; но этой красоты,
Но взгляда этого, горящаго такъ свято
И вмѣстѣ ласково,—о, я его не зналъ:
Ихъ не могла создать земля,—въ нихъ отблескъ рая,
Въ нихъ кроткій свѣтъ небесъ таился и сіялъ,
Лучами чистыми всю душу проникая...
Лазурный, звѣздный взглядъ!.. Все ближе надо мной
Мерцаетъ онъ... Она прильнула къ изголовью,
И говоритъ со мной,—и голосъ молодой
Звучитъ безумною, горячею любовью,
Звенитъ слезами и тоской...

. . . .

Проклятье вамъ, мои младенческіе годы!
За мертвой книгою, за школьною стѣной,

Прошли вы безъ любви, безъ дружбы, безъ свободы,
Не мирнымъ праздникомъ, а тяжкою грозой...
Благословенье вамъ, младенческія грезы:
Вы честный путь пѣвца открыли предо мной;
Въ минуты черныхъ думъ—вы мнѣ дарили слезы,
Въ часы безсонницы—дарили мнѣ покой!..

. . . .

Росъ одиноко я... Меня не ограждала
Отъ раннихъ грозъ и бурь заботливость семьи,
Мать за меня колѣнъ въ молитвѣ не склоняла,
И няня передъ сномъ мнѣ кротко не шептала,
Крестя чело мое, горячихъ словъ любви...

. . . .

И помню церковь я, залитую огнями,
И помню мать мою. Съ безжизненнымъ челомъ,
Съ устами блѣдными и впавшими очами,
Мать спитъ въ гробу своемъ, увитая цвѣтами,
А мы стоимъ вокругъ, въ молчаніи нѣмомъ.
Сестренку за руку я крѣпко взялъ рукою...
Отъ траура вдвойнѣ печальна и блѣдна
Ко мнѣ довѣрчиво прижалася она
И смотритъ на меня съ недѣтскою тоскою.
Намъ страшно... Намъ страшна и эта тишина,
И мрачныя, въ углахъ сгустившіяся, тѣни,
И ризы черныя, и черныя ступени,
И мать въ своемъ гробу, нѣма и холодна...
Намъ хочется туда—на воздухъ, гдѣ синѣя
Раскинутъ небосклонъ и рѣютъ облака,
Гдѣ такъ густа въ саду душистая аллея,
Такъ прихотливъ узоръ на крыльяхъ мотылька...
Гдѣ вкругъ черемухи опавшими цвѣтами,
Какъ снѣгомъ утреннимъ, осыпана земля,
И вдаль поля бѣгутъ, и даль слилась съ полями,
И всѣ въ цвѣтахъ они, нарядныя поля.
Но мы бѣжать туда не смѣемъ и, не зная,
Къ чему мы здѣсь, въ толпѣ суровой и чужой,

Внимаемъ мы, какъ хоръ, гремя и угасая,
Торжественно звучитъ послѣднею мольбой...
И сердце сжалось въ насъ, мы плачемъ, и впервые
Такъ трудно вѣрить намъ, такъ больно намъ сознать,
Что мы для всѣхъ вокругъ—ненужные, чужіе,
И ты,—ты не придешь опять насъ приласкать!..

. . . .

И вотъ мы въ городѣ... Прощай на много лѣтъ,
Родной глуши моей приволье и свобода!..
Какъ скупо солнце здѣсь струитъ минутный свѣтъ,
Какъ здѣсь блѣдна она, печальная природа!..
Жизнь по чужимъ угламъ, подачки свысока,
Неволя школьная, осмѣянныя слезы,
И одиночество, боль сердца, и тоска,
И грезы,—странныя, болѣзненныя грезы.....
И въ грезахъ снова ты... Но какъ ты хороша,
Какъ дивно хороша!.. Какъ нѣжно къ изголовью
Прильнула ты!.. Какой небесною любовью
Горитъ въ очахъ твоихъ небесная душа!
Родная... милая!.. Побудь еще со мною,
Дай ласку мнѣ узнать хоть въ грезѣ, хоть во снѣ!
И слышу голосъ я. Какъ арфа надо мною
Звучитъ онъ трепетно въ полночной тишинѣ:

«Подъ радостнымъ небомъ далекаго рая,
Въ сіяньи небеснаго дня,
Я слышу, какъ въ мірѣ, томясь и страдая,
Печально зовешь ты меня...

«Твой зовъ безотвѣтный и дѣтскія слезы
И жгутъ, и терзаютъ мнѣ грудь,
И мчусь я на землю, чтобъ въ обликѣ грезы
Къ знакомой кроваткѣ прильнуть...

«Мой мальчикъ, не плачь, не томися тоскою,
Прочь, черная мысль отъ чела...
Усталому сыну изъ рая съ собою
Я райскіе сны принесла...

. . . .

«Меня не знаешь ты: я призракъ, я созданье
Фантазіи твоей,
Я—плачь твой о любви, въ невѣрномъ одѣяньи
Ночныхъ полутѣней.
И чуть забрежжитъ день холодными лучами,
Я скроюсь вновь;
Но ты мнѣ жизнь вдохнулъ горячими слезами
И съ ней вдохнулъ любовь!..

«Дитя мое... Мой сынъ больной и одинокій,
Мой мальчикъ дорогой,
О, какъ бездушенъ онъ, вашъ жалкій, вашъ жестокій,
Вашъ нищій чувствомъ міръ земной!
И такъ довольно въ немъ печали и страданья,
И такъ довольно въ немъ и жертвъ, и палачей;
Къ чему-жъ ему еще безвинныя страданья
Дѣтей измученныхъ, безпомощныхъ дѣтей?

«Усни, о бѣдный мой!.. Я здѣсь, я надъ тобою,
Прочь, мысли черныя отъ знойнаго чела.
Я рай забвенія несу тебѣ съ собою,
Я сны блаженные съ собою принесла.
Усни—такъ сладко спать подъ звуки нѣжной ласки,
А я, я предъ тобой широко разверну
Узоръ сверкающей, благоуханной сказки
И унесу тебя въ волшебную страну»...

* * *

Упали волнистыя кудри на плечи,
Улыбка горитъ на лицѣ молодомъ,
И пылко звучатъ ея милыя рѣчи,
Звучатъ о любви и о счастьи вдвоемъ.
Вокругъ такъ уютно... Луна къ намъ роняетъ
Сквозь зелень черемухъ стальные лучи,

Въ окно залетѣлъ мотылекъ—и мелькаетъ,
Кружась надъ сіяньемъ дрожащей свѣчи.
А я,—я на грудь къ ней припалъ головою,
Я блѣдныя ручки цѣлую, любя,
И тоже мечтаю, объятый тоскою,
Но только мечтаю одинъ, про себя.

Она говоритъ: «День для честной работы,
А вечеромъ вмѣстѣ сойдемся мы вновь.—
Сойдемся, отгонимъ отъ сердца заботы,
И пусть намъ, какъ солнце, сіяетъ любовь.
При лампѣ, за нашимъ столомъ соберется
Кружокъ дорогихъ намъ, немногихъ друзей:
Тутъ смѣхъ, тамъ запутанный споръ заведется,
Все весело, просто, безъ лжи и затѣй...
Всѣ братья, всѣ сестры!... Часы, какъ мгновенья,
Безшумно несутся въ уютныхъ стѣнахъ...
Во взглядахъ довѣрье, въ рѣчахъ—оживленье,
И тихое счастье въ спокойныхъ сердцахъ.
А жизнь,—пусть она посылаетъ намъ грозы
Мы будемъ смѣяться надъ ними въ тиши!»
Наивныя, милыя, дѣтскія грезы:
Бредъ пылкой головки и юной души...

Ты просишь не мало, моя дорогая,
А я въ моихъ грезахъ,—я счастья не жду.
Но мнѣ бы хотѣлось лежать, умирая,
Въ безсильной истомѣ, въ жару и бреду,
Чтобъ съ мыслью затихли въ мозгу и сомнѣнья
Затихъ и вопросъ неотступный: «къ чему»?..
Чтобъ два-три невѣрныхъ сердечныхъ біенья,
И смерть унесла меня въ вѣчную тьму...
И въ это мгновенье хочу я, родная,
Чтобъ ты наклонилась на мигъ надо мной,
И кудри мои чтобъ, любя и лаская,
Съ чела отвела ты холодной рукой.

И рѣчь бы твоя надо мною звучала,
Сіяли лазурныя очи твои,
И тихая смерть чтобъ меня укачала,
Какъ старая няня, подъ ласки любви!..

* * *

Долго въ ясную ночь я по саду бродилъ;
Блѣдный мѣсяцъ въ лазури кусты серебрилъ
И качался на зыби рѣки;
А вдали, гдѣ заря, догорая, легла,
Чуть виднѣлись убогія избы села
И мерцали, дрожа, огоньки.

Этотъ садъ, съ перекрестною сѣтью аллей,
Эту рѣку, село и безбрежье полей—
Все вокругъ я съ младенчества зналъ.
Здѣсь, на шаткихъ качеляхъ, въ прохладной тѣни,
Въ невозвратные дни, въ незабвенные дни,
Дѣтскій смѣхъ мой безпечно звучалъ.

Здѣсь прочитана первая книга была,
Здѣсь впервые стыдливо любовь расцвѣла
Въ пробудившемся сердцѣ моемъ.
Этимъ звѣздамъ я милое имя твердилъ,
И на этомъ стволѣ встарину начертилъ
Милый вензель дрожавшимъ ножемъ.

Помню, какъ я въ столицѣ, за школьной стѣной,
Ждалъ весны съ замиравшей отъ нѣги душой,
Чтобъ родимую глушь повидать,

Раннимъ утромъ съ ружьемъ по полямъ побродить,
Въ ясный вечеръ весломъ гладь рѣки бороздить,
Душный полдень въ лѣсу переждать...

Я природу тогда, какъ невѣсту, любилъ,
Я съ природой тогда, какъ съ сестрой, говорилъ
И скорбѣлъ за нее я душой
Съ каждымъ желтымъ листомъ, облетавшимъ съ вѣтвей,
Съ каждымъ легкимъ морозомъ осеннихъ ночей,
Съ каждой съ неба упавшей звѣздой...

А теперь?.. Отчего эта ночь мнѣ страшна?..
Что въ разбитой душѣ подымаетъ она
Изъ-подъ пепла остывшей любви,
Изъ-подъ блеклыхъ цвѣтовъ ожиданій и грезъ?..
Я не ждалъ, не хотѣлъ этихъ хлынувшихъ слезъ,—
Сладкихъ слезъ, говорящихъ: «живи!»

Я страданьемъ купилъ мой холодный покой.
Что же этою ночью вдругъ сталось со мной?
Оживаетъ, трепещетъ душа;
Снова дѣтски хочу я любить и страдать,
И не въ силахъ я снова въ груди удержать
Дѣтскихъ словъ: «ахъ, какъ жизнь хороша!»

И въ раздумьи стою я,—и самъ не пойму,
Вѣрить чуткой душѣ, или вѣрить уму?
И со страхомъ я слышу, что вновь
Въ это сердце, больное отъ скорби и ранъ,
Въ это мертвое сердце свой сладкій обманъ
Заронили мечты и любовь!..

БРЕДЪ.

Скончался поэтъ... Вдохновенные звуки
Грозой не ударятъ по чуткимъ сердцамъ:
Упали безъ жизни усталыя руки,
Привыкшія бѣгло летать по струнамъ.
Скончался поэтъ... Невозвратно увяли
Душистыя розы младаго вѣнца,
И облако жгучей, застывшей печали
Туманитъ нѣмыя черты мертвеца!
Вы знали-ль его?.. Онъ былъ честенъ душою;
Не славы онъ въ жизни корыстно искалъ,—
Онъ въ пѣсняхъ боролся съ тяжелою мглою,
Онъ въ пѣсняхъ съ измученнымъ братомъ страдалъ.
Онъ самъ былъ суровой судьбой обездоленъ,
Самъ съ дѣтства тяжелыя цѣпи носилъ,
Самъ былъ оскорбленъ, и униженъ, и боленъ.
Самъ много страдалъ и безумно любилъ.
И въ пѣсняхъ не лгалъ онъ... Красивымъ нарядомъ
Онъ взоровъ толпы за собой не манилъ,
И если свой стихъ онъ напитывалъ ядомъ.
Тотъ ядъ и его, окропивъ, отравилъ.
И если порой его пѣсня звучала
Тяжелой, какъ ночь, безпросвѣтной тоской,
То та же тоска и его истерзала,
Окутавъ разсвѣтъ его черной грозой...

* * *

Я ихъ не назову врагами,
Но часто въ страхѣ я готовъ
Отъ нихъ, съ ихъ смѣхомъ и слезами,
Бѣжать, какъ узникъ отъ оковъ.
Я жить хочу,—хочу волненій,
Кипучихъ думъ, мятежныхъ грозъ.
Хочу безумныхъ наслажденій,
Бо́рьбы и терній, мукъ и розъ.
Я жажду подвиговъ и дѣла,—
А жизнь, ихъ жизнь, вокругъ меня
И замерла, и онѣмѣла,
Какъ сонный лѣсъ подъ зноемъ дня!..
О, какъ мнѣ жалки ихъ тревоги
И боль ихъ гнѣва и любви!
Какъ наторенной ихъ дороги
Скучны и узки колеи!
Какъ мало чувствамъ ихъ простора.
Какъ повѣсть жизни ихъ проста,
Какъ ширину ихъ кругозора
Стѣснила мысли нищета!..

* * *

Оба бездомные, оба несчастные,
Встрѣтясь случайно, мы скоро сошлись.
Слезы, упреки и жалобы страстныя
Жгучей волной изъ души полились.
Сладко казалось намъ скорбь накипѣвшую
Другу и брату, любя, разсказать:

Ново казалось намъ грудь наболѣвшую
Чуткою лаской его врачевать.
Но мы недолго,—какъ дѣти счастливыя,—
Тѣшились хрупкою дружбой своей:
Скоро какіе-то звуки фальшивые
Вкрались въ аккордъ нашихъ стройныхъ рѣчей...
Брату усталаго брата страданія
Тягостнымъ камнемъ на сердце легли,—
Грудь намъ обоимъ душили рыданія,
Слушать же оба мы ихъ не могли.
И разошлись мы со злобой мучительной...
Полно,—къ чему намъ другъ друга винить
Нищій у нищаго лепты спасительной
Вздумалъ, безумный отъ горя, молить!
Мертвый отъ мертваго проситъ лобзанія!
Гдѣ же намъ чуждую ношу поднять.
Если и личныя наши страданія,
Намъ не даютъ ни идти, ни дышать!..

* * *

Только утро любви хорошо: хороши
Только первыя, робкія рѣчи,
Трепетъ дѣвственно-чистой, стыдливой души,
Недомолвки и бѣглыя встрѣчи,
Перекрестныхъ намековъ и взглядовъ игра,
То надежда, то ревность слѣпая;
Незабвенная, полная счастья пора,
На землѣ—наслажденія рая!..
Поцѣлуй—первый шагъ къ охлажденью: мечта
И возможной, и близкою стала;
Съ поцѣлуемъ роняетъ вѣнокъ чистота
И кумиръ низведенъ съ пьедестала;

Голосъ сердца чуть слышенъ, за то говоритъ
Голосъ крови и мысль опьяняетъ:
Любитъ тотъ, кто безумнѣй желаньемъ кипитъ,
Любитъ тотъ, кто безумнѣй лобзаетъ...
Свѣтлый храмъ въ сладострастный гаремъ обращенъ,
Смолкли звуки священныхъ моленій,
И грѣховно-пылающій жрецъ распаленъ
Знойной жаждой земныхъ наслажденій.
Взглядъ, прикованный прежде къ прекраснымъ очамъ
И горѣвшій стыдливой мольбою,
Нагло бродитъ теперь по открытымъ плечамъ,
Обнаженнымъ безстыдной рукою...
Дальше—мигъ наслажденья, и пышный цвѣтокъ
Смятъ и дерзостно сорванъ, и снова
Не отдастъ его жизни кипучій потокъ.
Безпощадныя волны былаго...
Праздникъ чувства оконченъ... погасли огни
Сняты маски и смыты румяна;
И томительно тянутся скучные дни
Пошлой прозы, тоски и обмана!..

* * *

Для отдыха отъ бурь и тяжкихъ испытаній,
Для долгихъ вечеровъ наединѣ съ собой
Я не сберегъ въ ряду моихъ воспоминаній,
Сестра души моей, твой образъ дорогой...
Прекрасныя черты, любимыя когда-то,
Затушевала жизнь чертами чуждыхъ лицъ,
И то, что было мнѣ такъ дорого и свято,—
Изъ книги прошлаго—рядъ вырванныхъ страницъ!..

—

Но и безплотная ты все еще со мною,
И все еще сквозь даль безжалостныхъ годовъ,

Изъ тайника души ты свѣтишь мнѣ звѣздою,
И говоришь изъ строкъ завѣтныхъ дневниковъ.
Пусть я твой взоръ забылъ,—но ласки, въ немъ сіявшей
И чистыхъ слезъ его не могъ я позабыть;
Пусть смолкнулъ голосъ твой, любовью мнѣ звучавшій,
Но смыслъ рѣчей твоихъ не перестанетъ жить!...

—

Мнѣ каждый новый день тебя напоминаетъ,
Какъ мгла угрюмая напоминаетъ свѣтъ,
Какъ горе жгучее на сердцѣ вызываетъ
Невольную печаль о счастьи прошлыхъ лѣтъ...
И чѣмъ сильнѣй во мнѣ растетъ негодованье
Ко лжи, торгашеству и пошлости людей,
Тѣмъ о тебѣ живѣй мое воспоминанье,
Тѣмъ ты мнѣ кажешься прекраснѣй и свѣтлѣй!..

—

Напрасно съ временемъ боролся я любовью,
Напрасно отъ небесъ я чуда ожидалъ,
И въ ночи жгучихъ слезъ, прильнувши къ изголовью,
Тебя, угасшую, изъ гроба призывалъ!..
Ты не пришла!.. Земля—ты въ землю обратилась...
Я уставалъ страдать, изнемогалъ молить,
Разбитая душа затихла и смирилась,
И вновь звала меня бороться и любить...

—

Такъ въ жаркій день слѣпецъ, съ открытой головою
Бредущій съ вожакомъ полдневною порой,
Не видя, узнаетъ по хлынувшему зною,
Что только-что прошелъ онъ рощею густой.
Въ раздумье тяжкое глубоко погруженный,
Онъ не услышалъ птицъ, гнѣздившихся въ вѣтвяхъ,
Но небосклонъ, съ утра лучами раскаленный,
Такъ безпощадно жжетъ въ сверкающихъ поляхъ!..

*
* *

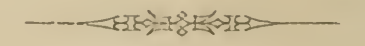
Жить, полной жизнью жить!.. Пусть завтра оборвется
Последняя струна въ груди моей больной,
Но день сегодня мнѣ такъ радостно смѣется,
Такъ чудно дышетъ садъ и нѣгой, и весной!..
Гдѣ ты? Скорѣй ко мнѣ на грудь, о дорогая,
О милая моя! . . . .

СВЯТИТЕЛЬ *).

(Легенда).

Глухо въ нашей сторонкѣ; лѣса да лѣса...
По лѣсамъ ни пути, ни дороги;
Вѣчно скрыты за пологомъ тучъ небеса.
Нивы чахлы, а села убоги.
А въ осеннія ночи угрюмый нашъ край
Словно Богомъ забытъ: не смолкая,
Волчій вой раздается вокругъ, то и знай.
Бродитъ выога, деревья ломая,
Стонутъ старыя сосны, ползутъ надъ землей.
Колыхаясь, туманы сѣдые,
И стучатъ въ берега опѣненной волной
Съ дикимъ плачемъ озера лѣсныя...

Вечерѣло... За темно-багровымъ крыломъ
Хмурой тучи заря догорала,—
Догорала заря, и прощальнымъ лучомъ
На церковномъ крестѣ трепетала...

*) Второй варіантъ.

СВЯТИТЕЛЬ *).

...Для тебя не противна, какъ я погляжу,
Съ мужикомъ, съ неученымъ, бесѣда...
Что-жъ, изволь, я, пожалуй, тебѣ разскажу,
Что̀ слыхалъ я когда-то отъ дѣда.
Только дряхлъ я родимый, забывчивъ подъ-часъ...
Старику не упомнить иного!..
Ну, да ты не осудишь простой мой разсказъ,
Деревенское, темное слово.
Край нашъ, самъ ты видалъ, и безлюденъ, и глухъ,
Лѣсъ да лѣсъ... Ни пути, ни дороги;
Деревеньки—пятокъ обветшалыхъ лачугъ,
Села рѣдки, а нивы убоги...
Наши зимы суровы, вьюжливые дни,
Непогодныя, темныя ночи;
Бродятъ волки кругомъ, и горятъ, какъ огни.
По опушкамъ ихъ жадныя очи.
Словомъ,—точно мы Богомъ забыты... Порой
Жутко станетъ, какъ вьюга ночная
Запоетъ, замететъ, зашатаетъ избой,
Да завоетъ въ трубѣ, какъ шальная...
Тамъ, за этимъ лѣскомъ, что видать изъ окна,
Есть обитель: давно надъ рѣкою
Золотыми крестами сіяетъ она
И бѣлѣетъ зубчатой стѣною.
Сотни лѣтъ ея колоколъ мѣрно гудитъ,
По зарѣ на молитву сзывая,
И далеко ударъ за ударомъ летитъ
Надъ лѣсными вершинами края...
Много ходитъ въ народѣ сказаній о ней:

*) Третій варіантъ.

Встарину,—говорятъ тѣ сказанья,—
Самъ Угодникъ нашелъ въ ней пріютъ отъ скорбей
И покой отъ мірскаго скитанья;
Самъ, своими руками на церковь принесъ
Первый камень блаженный Святитель,
И сподобилъ его за смиренье Христосъ
Чудесами прославить обитель.
Если ты обездоленъ людьми и судьбой,
Если горе къ тебѣ залетѣло,
Если тяжкій недугъ, присосавшись змѣей.
Какъ огнемъ изсушилъ твое тѣло,
Если нѣтъ отъ тоски тебѣ сна по ночамъ,
Если трудъ твой въ рукахъ не спорится,—
Приходи въ монастырь приложиться къ мощамъ,
Приходи въ монастырь помолиться.
Любитъ Божій Угодникъ рабочій народъ
И видна наша немочь Святому:
Какъ рукой съ тебя сниметъ онъ бремя заботъ,
Какъ туманъ съ тебя свѣетъ истому;
Словно камень свалилъ съ облегченной груди,
И слѣда нѣтъ кручины постылой...
И ужь гдѣ-жъ ты, кручина, дѣвалась!.. Приди—
Я съ тобою помѣряюсь силой!..

* * *

Не сравнивай съ грозой души моей страданье...
Гроза-бъ умчалась прочь: ея мятежный громъ
Смѣнило бы опять дубравъ благоуханье
И солнца мирный свѣтъ на небѣ голубомъ.
Гроза—мгновеніе: суровы и могучи,
Надъ міромъ воцаривъ томительную ночь,
Съ разбѣга налетятъ разгнѣванныя тучи,
Просыплютъ громъ и блескъ—и разлетятся прочь.

И какъ хорошъ покой остынувшей природы,
Когда гроза сойдетъ съ померкнувшихъ небесъ!
Какъ ожили цвѣты, какъ влажно дышатъ воды,
Какъ зеленъ и душистъ залитый солнцемъ лѣсъ!
Нѣтъ, я бы радъ сойтись лицомъ къ лицу съ грозою;
Но жизнь вокругъ меня такъ буднично пошла,
Что даже нѣтъ враговъ, могущихъ вызвать къ бою.
И только клевета шипитъ изъ-за угла...

* * *

Ахъ, эти дѣтскіе, лазоревые глазки!..
Какъ много власти въ нихъ таится надо мной,
Какъ много дышетъ въ нихъ довѣрія и ласки
Ко мнѣ, усталому подъ жизненной грозой!..
Стряхнувъ угаръ и хмѣль дневнаго треволненья,
Отъ скучныхъ встрѣчъ съ людьми, отъ лжи и клеветы,
Я часто въ нихъ ищу отраднаго забвенья,
И часто въ нихъ молюсь святынѣ красоты:
Предъ ней безсиленъ стихъ и блѣдны описанья,
Не отъ земли она, – въ ней сердцу говоритъ
Румяныхъ райскихъ зорь спокойное мерцанье,
Въ ней чистая душа сіяетъ и сквозитъ.
И больно станетъ мнѣ, когда умчусь порою
Я въ даль грядущаго, и силою мечты
Въ ребенкѣ, весело лепечущемъ со мною,
Увижу дѣвушку въ расцвѣтѣ красоты.
Приду-ли я тогда искать успокоенья
Въ лазури этихъ глазъ, свѣтящихъ мнѣ теперь?
Найду-ли въ нихъ привѣтъ, любовь и примиренье
За годы жгучихъ думъ и тягостныхъ потерь?
Не отвернусь ли самъ въ нѣмомъ негодованьи
Я отъ прекрасныхъ чертъ . . . .

* * *

Скучно лежать... Мѣрно часы у постели
Въ мертвой тиши, словно живые, стучать;
Смолкъ за окномъ плачъ безпокойной мятели
Утро встаетъ... Тучи зарею горятъ...
Цѣлую ночь я одиноко томился,
Сонъ не пришелъ жаркія вѣки закрыть...
Если-бъ уснуть!.. . . . .

* * *

Ночь медленно плыветъ... Пора-бъ и отдохнуть
Отъ дня тревогъ и думъ, печали и волненій;
Пора-бъ, какъ скучный сонъ, съ больной души стряхнуть
Весь этотъ хмѣль и чадъ недавнихъ впечатлѣній.
Какъ было-бъ хорошо услышать надъ собой
Изъ братскихъ устъ слова участья и привѣта,—
Но я за дневникомъ одинъ съ моей тоской,
И нѣтъ на окликъ мой желаннаго отвѣта...
Столица чутко спитъ... Въ полуночной тиши
Встаютъ домовъ ея стоокія громады;
Кой-гдѣ дрожатъ еще послѣдніе огни:
Рабочей лампы свѣтъ или огонь лампады.....

* * *

Какъ совы таятся отъ свѣта и шума
Межъ темныхъ разсѣлинъ упавшей стѣны,
Такъ въ сердцѣ таится печальная дума
И ждетъ не дождется ночной тишины.
И чуть все затихнетъ, чуть мѣсяцъ холодный

Ударитъ въ окно мое блѣднымъ снопомъ,
Съ мучительной силой, съ тоской безъисходной
Она подымается въ сердцѣ моемъ...
Напрасно, усталый, я сонъ призываю,
Напрасно невѣрнымъ мерцаньемъ свѣчи
Я хмурый мой уголъ въ тоскѣ озаряю:—
Насмѣшливый голосъ не молкнетъ въ ночи.
«И вотъ, говоритъ онъ, сбылись твои грезы,
Ты признанъ пѣвцомъ... Боль страданій твоихъ,
Твои упованья, надежды и слезы
Покорно ложатся въ свободный твой стихъ.
Изъ сердца толпы на крылахъ вдохновенья
Ты поднятъ высоко надъ этой толпой...

* * *

Мнѣ снилась смерть: она стояла предо мной,
Клубами ладана, какъ ризою, одѣта,
Въ сіяньи и въ цвѣтахъ, съ улыбкой молодой
И съ рѣчью полною печальнаго привѣта...

* * *

Ночь сегодня была безконечно длинна,
И всю ночь на страдальческомъ ложѣ своемъ
Ты въ жару и бреду прометалась безъ сна,
Съ искаженнымъ отъ муки, пылавшимъ челомъ.
Спать не могъ я... я сѣлъ у постели твоей
И рыдалъ, и кому-то молитвы твердилъ,
И кому-то въ безумной печали моей,
Какъ ребенокъ, бесмысленно-дѣтски грозилъ...

Тяжело погибать, но видать, какъ недугъ
Безпощадно уноситъ любимыхъ тобой...
Но видать, какъ усталый, измученный другъ
Ужь готовъ уступить, обезсиленъ борьбой!..
Тщетно умъ свой пытать—и не вѣрить уму,
И, не вѣря, молитвы шептать небесамъ,
И бояться дать волю безумнымъ слезамъ,—
Нѣтъ, ужь лучше погибнуть стократъ самому!..
Но подъ-утро, уставъ, ты заснула... Разсвѣтъ
Смотритъ въ окна, на утренній воздухъ маня...
У кіота лампады мерцающій свѣтъ
Тонетъ въ яркомъ сіяньи встающаго дня.
Сонъ твой чутокъ,—и чутко слѣжу я за нимъ...
Я сижу безъ движенья, боясь вздохнуть,
Чтобъ тревожнымъ, тяжелымъ дыханьемъ моимъ
Твой покой, твой минутный покой не спугнуть...
Милый, кроткій, страдальческій ликъ... Шелкъ кудрей
Разметался по бѣлой подушкѣ. . . . .

* * *

Омывшись на зарѣ душистою росою,
Сегодня ясный день, какъ дѣвушка, румянъ.
Едва колышется дремотною волною
Морская гладь, вдали переходя въ туманъ...
Въ сіяньи солнечномъ сады благоухаютъ,
Прозрачна глубь небесъ; ни облачка кругомъ;
И только чайки въ ней снѣжинками мелькаютъ
И тонутъ изъ очей въ просторѣ голубомъ...

* * *

Гаснетъ жизнь, разрушается за-живо тѣло,
Злой недугъ съ каждымъ днемъ безпощаднѣй томитъ,
И въ безсонныя ночи увѣренно-смѣло
Смерть въ усталыя очи мнѣ прямо глядитъ.
Скоро трупъ мой зароютъ могильной землею,
Скоро высохнетъ мозгъ мой и сердце замретъ,
И поднимется густо трава надо мною,
И по мертвымъ глазамъ моимъ червь поползетъ...
И рѣшится загадка, томившая душу,
Что̀ тамъ ждетъ насъ за тайной плиты гробовой...
Скоро-скоро!.. Но я малодушно не трушу
И о жизни не плачу съ безумной тоской...

* * *

То порывъ безнадежной тоски,—то опять,
Встрепенувшись, вдругъ я оживаю,
Жадно дѣла ищу, рвусь любить и страдать,
Беззавѣтно и слѣпо прощаю...

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Въ безсонницу, когда недугъ моей души,
Пугая, гонитъ прочь ночныя сновидѣнья,
Порой мечтаю я въ томительной тиши,
Чтобъ хоть отрадой грезъ унять мои мученья.

Но блага бытія, влекущія людей
На жаркій споръ за нихъ, въ разгаръ житейской битвы,
Чужды и далеки больной души моей,
Какъ сердца мертвеца—желанья и молитвы...
Пусть слава мнѣ блеснетъ, пусть женская любовь
Прильнетъ къ стопамъ моимъ послушною рабою.—
Хмѣль жизни отбродилъ, и не увлечь имъ вновь,
Прекраснымъ этимъ снамъ, души моей собою...
Я въ нихъ не вѣрую,— я трупъ: въ груди моей
Ни искры жизни нѣтъ.—я жду лишь погребенья...
И въ грёзахъ одного молю я у людей:
Молю, измученный, святыни сожалѣнья...

* * *

Лги,—людямъ ложь нужна... Рисуйся передъ ними,
Крикливо негодуй, сурово обличай,
Громи людской позоръ упреками своими,
И доблестью своей нахально щеголяй.
Пусть отойдетъ любовь отъ твоего порога,
Возьми оружьемъ гнѣвъ, карая и губя,
И робкая толпа въ тебѣ увидитъ бога,
И робкая толпа превознесетъ тебя...
Но если ты правдивъ, но если, обличая
Другихъ, ты и себя не хочешь пощадить.....

ЛЕГЕНДА О ЕЛКѢ.

Весь вечеръ нарядная елка сіяла
Десятками яркихъ свѣчей,
Весь вечеръ, собравшись вокругъ, ликовала
Толпа беззаботныхъ дѣтей.
И дѣти устали... потушены свѣчи.
Но жарче каминъ раскаленъ;
Загадки, и хохотъ, и шумныя рѣчи
Со всѣхъ раздаются сторонъ.
И дядя тутъ тоже: надъ всѣми смѣется
И всѣхъ до упаду смѣшитъ;
Откуда въ немъ только веселье берется!
Серьезенъ и строгъ онъ на видъ:
Очки, борода серебристо-сѣдая,
Въ глубокихъ морщинахъ чело,
И только глаза его, словно лаская,
Горятъ добродушно-свѣтло...
Тепло у камина въ стемнѣвшей гостиной...
—А ну-ка, кто знаетъ изъ васъ,—
Спросилъ онъ,—откуда обычай старинный
Рождественской елки у насъ?
Никто?.. Такъ сидите же смирно и чинно,—
Я самъ разскажу вамъ сейчасъ...

Есть страны, гдѣ люди отъ вѣка не знаютъ
Ни вьюгъ, ни сыпучихъ снѣговъ;
Тамъ только нетающимъ снѣгомъ сверкаютъ
Вершины гранитныхъ хребтовъ...
Цвѣты тамъ душистѣе, звѣзды—крупнѣе,
Свѣтлѣй и нарядней весна,
И ярче тамъ перья у птицъ, и теплѣе
Тамъ дышетъ морская волна...
Въ такой-то странѣ ароматною ночью,

При шепотѣ лавровъ и розъ,
Свершилось желанное чудо во-очью:
Родился Младенецъ-Христосъ;
Родился въ убогой пещерѣ,—чтобъ знали...

* * *

Изнемогаетъ грудь въ безплодномъ ожиданьи,
Отбою нѣтъ отъ думъ, и скорби, и тревогъ...
О, въ этотъ мигъ я весь живу въ одномъ желаньи,
Я весь—безумный вопль: «приди, приди, пророкъ!»...

ДУРНУШКА.

Бѣдный ребенокъ,—она некрасива!
То-то и въ школѣ, и дома она
Такъ не смѣла, такъ всегда молчалива,
Такъ не по-дѣтски тиха и грустна!
Зло надъ тобою судьба подшутила:
Острою мыслью и чуткой душой
Щедро дурнушку она надѣлила,—
Не надѣлила однимъ—красотой!..
Ахъ, красота—это страшная сила...

* * *

Да, это было все... изъ сумрака годовъ
Оно и до сихъ поръ мнѣ вѣетъ теплотою
Съ измявшихся страницъ забытыхъ дневниковъ,
И съ каменной плиты, лежащей надъ тобою...
Да, это было все; горѣлъ твой ясный взоръ,
Звенѣлъ твой юный смѣхъ, задорный и безпечный,
И смерть все отняла, подкравшись къ намъ, какъ воръ,
Все уничтожила съ враждой безчеловѣчной.
Года прошли—но я не въ силахъ оторвать
Души моей больной отъ старины завѣтной!
Угасшій, бѣдный другъ, гдѣ мнѣ тебя искать?
Какъ снова услыхать твой голосъ мнѣ привѣтный?
Вѣдь я люблю еще, вѣдь я какъ прежде твой!
Откликнись, отзовись... томиться нѣту силы,—
Откликнись, отзовись, иль пусть и надо мной
Опустится плита зіяющей могилы.
Отъ тяжкихъ думъ моя пылаетъ голова,
Отъ скорби рвутъ мнѣ грудь свинцовыя рыданья...
Кому ихъ высказать?.. Какъ жалки вы, слова,
Какъ ты безжалостна, змѣя воспоминанья!

* * *

Я былъ на стражѣ... Утомленный,
Едва я сонъ превозмогалъ
И въ сумракъ ночи благовонной
Глаза усталые вперялъ.
За мной бѣлѣлъ нашъ станъ широкій
Шатры тѣснилися къ шатрамъ...

* * *

Нѣтъ, я больше не вѣрую въ вашъ идеалъ
И впередъ я гляжу равнодушно:
Еслибъ міръ вашихъ грезъ наконецъ и насталъ. —
Мнѣ-бъ въ немъ было мучительно-душно:
Сколько праведной крови погибшихъ бойцовъ,
Сколько свѣтлыхъ созданій искусства,
Сколько подвиговъ мысли, и мукъ, и трудовъ,
И итогъ этихъ трудныхъ, рабочихъ вѣковъ —
Пиръ животнаго, сытаго чувства!
Жалкій, пошлый итогъ! Каждый честный боецъ
Не отдастъ за него свой терновый вѣнецъ. . .

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

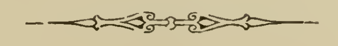
Я долго счастья ждалъ — и лучъ его желанный
Блеснулъ мнѣ въ сумеркахъ: я счастливъ и любимъ;
Къ чему-жь на рубежѣ земли обѣтованной
Остановился я, какъ робкій пилигримъ?
За мной—глухая ночь и годы испытаній,
Передо мной — весна, и ласка, и привѣтъ,
А я... мнѣ точно жаль умчавшихся страданій,
И съ грустью я смотрю минувшему во слѣдъ...

Не называй меня безумнымъ, дорогая,
Не говори, что я солгалъ передъ тобой;
Нѣтъ, я люблю тебя, какъ мальчикъ, отдавая
Всю душу, всѣ мечты, всю жизнь—тебѣ одной;

Но отголоски грозъ недавняго ненастья,
Какъ голосъ совѣсти, твердятъ душѣ моей:
«Есть дни, когда такъ пошлъ вѣнокъ любви и счастья
И такъ прекрасенъ терпъ страданій за людей»!..

* * *

Серебрясь переливами звѣздныхъ лучей,
Тихо лѣтняя полночь плыветъ,
Надъ шатрами дубравъ, надъ цвѣтами полей
И надъ зеркаломъ дремлющихъ водъ.
Ни дыханья, ни звука... Затихла волна,
Не колышетъ листы плауновъ,
И далеко, далеко по взморью видна
Въ лунномъ блескѣ кайма береговъ...

* * *

Съ тѣхъ поръ, какъ я прозрѣлъ, разбуженный грозою,
Съ тѣхъ поръ, какъ дѣтскихъ грезъ проникнулъ я обманъ,
И жизнь сверкнула мнѣ позорной наготою
И жалкой дряхлостью сквозь радужный туманъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ, оттолкнувъ соблазны наслажденья,
Мой стихъ я посвятилъ страданью и борьбѣ,—
Не разъ переживалъ я тяжкія сомнѣнья,—
Сомнѣнья въ будущемъ, и въ братьяхъ, и въ себѣ...
Я говорилъ себѣ: не обольщайся снами;
Что дашь ты родинѣ, что въ силахъ ты ей дать?
Твоей ли пѣснею, твоими ли слезами
Разсѣять ночь надъ ней и скорбь ея унять?
А между тѣмъ, молчать въ бездѣйствіи позорномъ

Ѣсть хлѣбъ, отравленный слезами нищеты,
Носить ярмо раба въ смиреніи покорномъ,—
Такъ жить не можешь ты, такъ жить не хочешь ты.
Гдѣ-жь свѣтъ и гдѣ исходъ?..
И понялъ я душою,
Что мысль не прояснитъ мучительный хаосъ,
И что порывъ ея мнѣ принесетъ съ собою
Лишь мракъ унынія да злобу жгучихъ слезъ...
И проклялъ я тогда безплодныя сомнѣнья,
И сердце я спросилъ, и сердцемъ я рѣшилъ,
Услышавъ братскій стонъ, безъ думъ и размышленья,
Идти и помогать, на сколько станетъ силъ.
Я божествомъ избралъ любовь и всепрощенье;
Священнымъ ихъ огнемъ я каждый стихъ зажегъ.
И ту же пѣснь любви, печали и забвенья
Съ собою я принесъ въ нашъ дружескій кружокъ...

* *

Имъ казалось, весь міръ измѣнился съ тѣхъ поръ,
Какъ другъ друга они полюбили.
Всю природу въ сверкающій, чудный уборъ
Въ эти дни ихъ мечты нарядили.
Темный садъ ихъ свиданья, любя, сторожилъ,
Соловей помогалъ ихъ признаньямъ,
Блѣдный мѣсяцъ на лица ихъ кротко свѣтилъ
Серебристымъ и нѣжнымъ сіяньемъ...

* * *

Стряхнувъ угаръ и хмѣль промчавшагося дня,
Отъ лжи напыщенной, отъ злобы ядовитой,
Отъ мелочныхъ заботъ, измучившихъ меня,
Я ухожу въ мой міръ, мнѣ одному открытый.
Я ухожу къ моимъ покинутымъ трудамъ,
Къ моимъ задумчивымъ и грустнымъ вдохновеньямъ,
Къ тетрадямъ нотъ моихъ, къ завѣтнымъ дневникамъ,
Къ воспоминаніямъ, мечтамъ и сожалѣньямъ.
И долгій, смутный день проживши для другихъ,
Проживъ его въ толпѣ и за одно съ толпою,
Въ затишьи вечеровъ спокойныхъ и нѣмыхъ
Я для себя живу воскресшею душою...

* * *

Не налагай оковъ на вдохновенье,
Свободный смѣхъ не сдерживай въ устахъ;
Что скорбь родитъ, что будитъ восхищенье,—
Пусть все звенитъ на искреннихъ струнахъ.
Нѣтъ старыхъ пѣсенъ. . . . .

* * *

Сегодня какъ-то я особенно усталъ;
Съ утра во мнѣ росло глухое раздраженье.
Съ утра вокругъ себя я злобно подмѣчалъ
Все, что поднять въ душѣ способно отвращенье.

Въ чужой веселости я пошлость находилъ,
Въ печали—ханжество, въ спокойствіи—трусливость,
А въ сердцѣ у себя—упадокъ лучшихъ силъ,
Гнетущую тоску, да дѣтскую брезгливость...

ВАВИЛОНЪ.

(Отрывокъ).

Брошены торжище, стадо и пашня,
Заняты руки работой иной:
Камень на камень, и стройная башня
Гордо и мощно встаетъ надъ землей...
Ласточка, рѣя въ лазури бездонной,
Кажется точкой для смертныхъ очей.
Или мы, съ нашей мечтой окрыленной,
Кроткой, воздушной пѣвуньи слабѣй?
Къ небу, гдѣ тучи играютъ и мчатся,
Сыпля громами у ногъ божества,
Къ небу, гдѣ райскія рѣки струятся,
Стелется райскихъ луговъ мурава;
Къ жизни блаженства отъ жизни страданья,
Къ звѣздамъ, сверкающимъ яркимъ огнемъ...
Высьтесь же стѣны гранитнаго зданья,
Будьте намъ къ вѣчному небу путемъ!

Полно, безумцы! Взгляните: чернѣетъ
Грозная туча на грани небесъ;
Въ трепетномъ ужасѣ міръ цѣпенѣетъ...
Отблескъ зарницы мелькнулъ и исчезъ...

* * *

Когда-бы я сердце открылъ предъ тобою,
Ты вѣрно меня бы безумнымъ сочла:
Такъ радость близка въ немъ съ угрюмой тоскою,
Такъ съ солнцемъ слита въ немъ глубокая мгла...

* * *

Быть можетъ, ихъ мечты — безумный, смутный бредъ,
И пылъ ихъ — пылъ дѣтей, не знающихъ сомнѣній;
Но въ наши дни молчи, невѣрящій поэтъ,
И не осмѣивай ихъ чистыхъ заблужденій.
Молчи, иль даже лги: созрѣвъ, ихъ мысль найдетъ
И сквозь ошибки путь къ сіяющей святынѣ,
Какъ путь найдетъ ручей съ оттаявшихъ высотъ
Къ цвѣтущей, солнечной, полуденной долинѣ!
Довольно жалкихъ слезъ!.. И такъ вокругъ тебя
Отчаянье и сонъ. . . . .

* * *

Мертва была земля: торжественно сіяли
Надъ нею небеса бездушной красотой...
Въ урочный срокъ цвѣты цвѣли и отцвѣтали,
Въ урочный часъ звѣзда всходила за звѣздой.
Дышалъ морской просторъ, въ снѣгахъ дремали горы,
Вихрь колыхалъ пески безжизненныхъ степей,
И серебристыхъ рѣкъ извивы и узоры
Струились по коврамъ пестрѣющихъ полей.

И все, какъ въ наши дни, цвѣло и улыбалось;—
Но никогда еще къ сверкающимъ волнамъ,
Врѣзаясь въ ихъ кристалъ, весло не прикасалось,
И плугъ не проходилъ по дѣвственнымъ полямъ!...

* * *

Не завидуй имъ, слѣпымъ и беззаботнымъ,
Что твоимъ они не мучатся мученьемъ,
Что живутъ они мгновеньемъ безотчетнымъ,
Пошлой суетой и дѣтскимъ обольщеньемъ...
Не считай съ упрекомъ слезъ, за нихъ пролитыхъ,
И обидъ, отъ нихъ услышанныхъ тобою:—
Тяжесть жгучихъ слезъ и пѣсенъ ядовитыхъ
Скажется тебѣ безсмертія зарею...

* * *

Опять передъ лицомъ родныхъ моихъ полей,
Теряясь въ ихъ дали и свѣжесть ихъ вдыхая,
Безъ сна провелъ я ночь, какъ въ юности моей,
Любя и вѣруя, надѣясь и прощая.
Я все любилъ,—любилъ беззвѣздный блескъ небесъ,
И полосу зари, не гаснущую до свѣта,
И яблони въ цвѣту, и озеро, и лѣсъ,
И предразсвѣтный шумъ, и молнію разсвѣта.
Я всѣмъ прощалъ,—прощалъ озлобленнымъ врагамъ,
Прощалъ судьбѣ ея обиды и обманы.......

* * *

Робко притаившись гдѣ-нибудь съ игрушкой,
Или въ садъ забившись съ книжкою въ рукахъ,
Ты растешь неловкой, смуглою дурнушкой,
Дикой, словно зайчикъ, дома—какъ въ гостяхъ.
Домъ вашъ—цѣлый за̀мокъ: пышные покои,
По стѣнамъ портреты дѣдовскихъ временъ,
Знатные бояре, громкіе герои,
Вереница славныхъ, княжескихъ именъ.
Что ни шагъ—повсюду барскія затѣи:
Темный паркъ, фонтаны, тихіе пруды...
Дышатъ и растутъ въ стѣнахъ оранжереи
Рѣдкіе цвѣты и пышные плоды.
Амфилады комнатъ устланы коврами,
Окна въ пышныхъ складкахъ шелковыхъ гардинъ:
Въ длинной галлереѣ тянутся рядами
Пыльныя полотна выцвѣтшихъ картинъ.
Отовсюду вѣютъ старыя преданья
Шумной, барской жизни миновавшихъ дней,
Отовсюду слышны длинныя сказанья
Праздничныхъ собраній, шумныхъ ассамблей...

* * *

Сжавъ чело горячими руками,
У окна, открытаго широко,
Въ душный мракъ усталыми очами
Я гляжу, томяся одиноко...
Въ синей безднѣ бархатнаго неба
Нѣтъ конца мерцающимъ свѣтиламъ...
Надъ волнами вызрѣвшаго хлѣба
Вѣетъ полночь вздохомъ легкокрылымъ.

Въ тишинѣ глубокой и безбрежной
Не слыхать ни звука, ни движенья,—
А въ груди, въ груди моей мятежной,
Громъ и буря, слезы и мученья...

* * *

Какъ давно не дышалъ я прохладой полей,
Какъ давно не бродилъ я лѣсистой тропой,
Подъ узорчатой сѣнью зеленыхъ вѣтвей,
По росистой травѣ, надъ родимой рѣкой!
Какъ давно не слыхалъ я пастушьихъ роговъ,
Звона блещущихъ косъ на широкихъ лугахъ...

* * *

Пусть смятенья и грома полны небеса,
Пусть надъ черною бездной морскою
Чайкой носится буря и рветъ паруса
И вздымаетъ волну за волною.
Не рыдай, какъ дитя, на своемъ кораблѣ:
Встанетъ утро и стихнетъ волненье,
И помчитъ тебя снова къ желанной землѣ
Вѣчно-мощною силой теченья...

ПОЭЗІЯ.

Нѣтъ, не ищи ея въ дыханіи цвѣтовъ,
Въ мерцаньи яркихъ звѣздъ полуночной порою,
Въ святыхъ словахъ молитвъ, въ тиши родныхъ лѣсовъ,
И въ пѣсняхъ соловья, гремящихъ за рѣкою...
Тамъ умерла она для черствыхъ нашихъ дней,
Прошло владычество безжизненной природы.
Поэзія теперь—поэзія скорбей,
Поэзія борьбы, и мысли, и свободы.
Поэзія—въ стѣнахъ кипучихъ городовъ,
Поэзія въ трудѣ за лампою ночною...

* * *

Не гони ее, тихую гостью, когда,
Отуманена нѣгою сладкой,
Въ келью тяжкихъ заботъ, въ келью думъ и труда,
Вдругъ она постучится украдкой;
Встрѣть ее на порогѣ, въ рабочихъ рукахъ
Отогрѣй ея нѣжныя руки;
Отыщи для нея на суровыхъ устахъ
Тихой лаской манящіе звуки;
Позабудь для ея беззаботныхъ рѣчей
Злобу дня, и борьбу, и тревоги,
И вздохни на груди ненаглядной твоей
Отъ пройденной тобою дороги...
. . . .

Нѣтъ, не стыдно любить и не страшно любить!
Какъ свѣтло, какъ отрадно живется,
Если смогъ ты въ подругу твою перелить
Все, чѣмъ грудь твоя дышетъ и бьется!..

* * *

Сегодня ночь была душна... Зловѣщій громъ
Сопровождалъ игру мерцающей зарницы,
А къ утру стаи тучъ ударили дождемъ
На мраморъ и гранитъ томящейся столицы...
Нежданный гнѣвъ небесъ былъ кратокъ, но могучъ.
Вихрь мчался надъ землей, какъ грозный ангелъ мщенья,
Трубя въ побѣдный рогъ,—и солнца первый лучъ
Повсюду озарилъ картины разрушенья:
Въ садахъ попадали деревья и цвѣты,
Дернъ прихотливыхъ клумбъ помяло и размыло,
На крышахъ погнуты желѣзные листы,
Тутъ сорванъ въ прахъ карнизъ, тамъ статую разбило...

* * *

Завтра, чуть лѣниво глазки голубые
Милая откроетъ, пробудясь отъ сна,
Не докучный шумъ, не звуки городскіе
Съ улицы услышитъ за окномъ она.
За окномъ раздастся птичекъ щебетанье,
Тихій говоръ сада, плескъ рѣчной волны,
И широко солнца кроткое сіянье
Золотымъ потокомъ хлынетъ съ вышины...

Какъ цвѣтокъ омытый вешнею росою,
Дѣвственной красы и свѣжести полна,
Въ ароматный садъ, склоненный надъ рѣкою,
Съ рѣзвою улыбкой убѣжитъ она.
Обѣжитъ дорожки, скрытыя кустами,
Съ вышины обрыва глянетъ въ даль полей,
И угрюмый городъ съ душными домами
Тамъ, вдали, какъ призракъ, встанетъ передъ ней!..

* * *

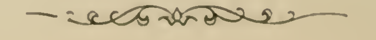
Изъ сказокъ матери, вечернею порою
Баюкавшихъ мой слухъ мелодіей своей,
Изъ строгихъ словъ молитвъ и книгъ, прочтенныхъ мною,
Отвсюду слышалъ я:—«люби, люби людей!»
И сталъ я всѣхъ любить... На братскій зовъ печали
Спѣшилъ на помощь я и руку подавалъ,
И если камнями глупцы въ меня бросали,
Я имъ прощеньемъ отвѣчалъ.
Такъ шелъ за годомъ годъ... Безумные, больные,
Счастливые года! Какъ много жгучихъ ранъ...

1884-ый годъ.

* * *

Мнѣ снился вѣщій сонъ: какъ будто ночью темной,
Въ какомъ-то сумрачномъ, невѣдомомъ краю,
На страшной высотѣ, надъ пропастью бездонной,
На выступѣ скалы недвижно я стою...
Вокругъ шумитъ гроза... Скрипятъ сѣдыя ели,
Гремятъ, свергаясь внизъ, каменья изъ-подъ ногъ.
А гдѣ-то глубоко, на днѣ гранитной щели,
Какъ дикій звѣрь, реветъ бушующій потокъ...
Ночь плачетъ, какъ дитя; ночь мечется и злится,
Сдвигая мглу кругомъ въ свинцовое кольцо,
И словно черная, испуганная птица,
Крылами влажными мнѣ плещется въ лицо.
Но нѣтъ въ моей душѣ тревоги и смятенья;
Безстрашно я стою подъ вьюгой и грозой,—
Я замеръ весь въ тоскѣ угрюмаго рѣшенья:
Свести послѣдній счетъ съ безжалостной судьбой.
Какое дѣло мнѣ, что трупъ мой разобьется
На тысячи кусковъ о зубья этихъ скалъ,
Что завтра до-сыта и до-пьяна напьется
Изъ теплыхъ венъ моихъ прожорливый шакалъ.
Привѣтъ тебѣ, о смерть! Довольно ожиданій,
Довольно жертвъ и мукъ, сомнѣній и стыда!..
Уснуть!.. уснуть отъ всѣхъ безчисленныхъ терзаній,
Глубокимъ сномъ уснуть на-вѣки, навсегда!..
Но чу!.. Что тамъ звучитъ и эхомъ отдается
И грудь мою тѣснитъ волненьемъ и тоской?
То дальній колоколъ... медлительно несется
Сквозь бурю звонъ его въ полуночи глухой...

* * *

Прошлаго времени тѣни туманныя,
Свѣтлыя слезы о лучшемъ быломъ,
О, для чего вы проснулись, нежданныя,
Въ скорбномъ и стонущемъ сердцѣ моемъ?
Прочь!.. Не дразните своимъ обаяніемъ
Мертвую душу, уставшую жить. . . .

ОБЛАКО.

День ясенъ... Сводъ небесъ и дышетъ, и сіяетъ...
Зной отуманилъ даль... У топкихъ береговъ
Дремотная струя въ истомѣ колыхаетъ
Широкіе листы зеленыхъ плауновъ.
Гудя, промчался шмель,—какъ искра потухая,
Блеснулъ и потонулъ!.. Въ затонѣ, гдѣ, къ волнѣ
Склонясь, поникъ жасминъ, свой цвѣтъ въ нее роняя,
Плеснулся сонный лещъ и скрылся въ глубинѣ.
Затишье и покой... Безпомощно и пышно
Природа спитъ вокругъ, съ улыбкой на устахъ:
Такой нѣмой покой, что издалека слышно
Жужжаніе косы въ синѣющихъ лугахъ!..
Но что за тѣнь легла подъ рощею зубчатой?
То облако... Сквозя подъ золотомъ лучей,
Какъ сказочный драконъ, огромный и косматый,
Оно плыветъ, плыветъ, чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣй! . . .

* * *

Вѣрь въ великую силу любви!..
Свято вѣрь въ ея крестъ побѣждающій,
Въ ея свѣтъ, лучезарно спасающій
Міръ, погрязшій въ грязи и крови...
Вѣрь въ великую силу любви!..

* * *

Смирись,—шепталъ мнѣ умъ холодный,
Ты сынъ толпы—живи съ толпой...
Къ чему въ темницѣ гимнъ свободный,
Къ чему вакханкѣ стонъ больной?..
Ты проповѣдуешь въ пустынѣ,
Ты отъ языческихъ боговъ
Къ иной, враждебной имъ святынѣ
Зовешь фанатиковъ-жрецовъ!..

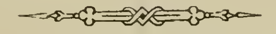
* * *

Мы выплыли въ полосу луннаго свѣта,
И весла невольно упали изъ рукъ,
Такъ чудно дышала природа вокругъ
Всей прелестью ночи, всей нѣгою лѣта!
Знакомое мѣсто едва мы узнали:
Какъ въ сказкѣ, волшебно горѣла рѣка,
Какъ въ сказкѣ, о чемъ-то пугливо шептали,
Дрожа и колеблясь, кусты лозняка.

А тамъ, въ отдаленьи, мелькало огнями
Село сквозь прозрачную зелень садовъ,
И мельница рѣзко чернѣлась крылами,
И слышались пѣсни и гулъ голосовъ,—
Былъ праздникъ. . . . .
Чу! низко надъ самой водою
Куликъ просвисталъ—и опять тишина.
Что-жъ смолкнулъ нашъ хоръ? Пусть широкой волною
Прокатится пѣсня, тиха и стройна...

* * *

Я раньше вышелъ въ путь, чѣмъ сверстники мои;
Я на зарѣ моей разбуженъ былъ грозою,
И съ пѣсней благостной надежды и любви
Пошелъ я далеко впередъ передъ толпою...

* * *

Есть у свободы врагъ опаснѣе цѣпей,
Страшнѣй насилія, страданья и гоненья;
Тотъ врагъ неотразимъ, онъ—въ сердцѣ у людей,
Онъ—всѣмъ врожденная способность примиренья.
Пусть цѣпь раба тяжка... Пусть мощная душа,
Тоскуя подъ ярмомъ, стремится къ лучшей долѣ,
Но жизнь еще вокругъ такъ чудно хороша
И въ ней такъ много благъ и кромѣ гордой воли! . . .

* * *

Не упрекай себя за то, что ты порою
Даешь покой душѣ отъ думъ и отъ тревогъ;
Что любишь ты поля съ ихъ мирной тишиною,
И зыбь родной рѣки, и дремлющій лѣсокъ;
Что пѣсню любишь ты, и молча ей внимая,
Пока звучитъ она, лаская и маня,
Позабываешь ты, отрадно отдыхая,
Призывъ рабочаго, немедлящаго дня;
Что не убилъ въ себѣ ты молодость и чувство;
Что не принесъ ты ихъ на жертвенникъ труда;
Что властно надъ тобой мирящее искусство,
И красота тебѣ внятна и нечужда!..

* * *

Есть бездна мрачная—то бездна отрицанья:
Не опускай предъ ней испуганныхъ очей,
И съ твердостью спустись со свѣточемъ познанья
Въ холодный, мертвый мракъ, блуждающій по ней.
Ты много ужасовъ увидишь предъ собою,
И много свѣтлыхъ грезъ на-вѣки разобьешь,
И можетъ быть, не разъ поникнувъ головою,
Ты мигъ рожденія сурово проклянешь!
Но не робѣй,—иди до дна, не уставая,
Забывъ, что надъ тобой, нарядна и ясна,
Царитъ въ цвѣтахъ весна, и жизнь шумитъ, играя,
И движется толпа, и шепчется волна...
И вотъ ужъ ты на днѣ. Какъ грустны, какъ унылы
Отвѣсы черныхъ скалъ, стоящіе кругомъ,
Какъ мракъ вокругъ глубокъ,—свинцовый мракъ могилы...

* * *

Съ берега тихой рѣки, озаренной закатомъ,
Изъ-подъ душистой листвы серебристыхъ березъ,
Въ сердцѣ, кипѣвшемъ огнемъ, въ сердцѣ, восторгомъ объятомъ,
Свѣтлую пѣсню домой, въ стѣны столицы, я несъ.
Смутно звучала она, но я зналъ, что порывъ вдохновенья
Звукамъ дастъ силу и строй, краскамъ дастъ блескъ и тепло,
И прозвучитъ она братьямъ, какъ тихій напѣвъ утѣшенья....

ОТРЫВОКЪ.

...Какъ звѣри, схватившись съ отважнымъ врагомъ,
Мы бились весь день на-пролетъ:
Мы гибли безъ счета, мы шли на-проломъ
На кручи враждебныхъ высотъ,
Какъ будто гроза насъ на крыльяхъ несла;—
Но врагъ намъ не отдалъ вершинъ,
И мирно глубокая ночь развела
Желѣзныя тучи дружинъ.
Бѣлѣя въ долинѣ, тянулся нашъ станъ
Рядами уснувшихъ шатровъ;
Вокругъ чуть свѣтились сквозь млечный туманъ
Багровыя пятна костровъ;
Во мглѣ раздавались то ржанье коней,
То шопотъ молитвы ночной,
И чутко мы ждали разсвѣтныхъ лучей,
Чтобъ ринуться снова на бой...

* * *

Что сталось съ голубкой моей дорогой,
Съ веселою птичкой моей?
Какъ жемчугъ, по щечкамъ слеза за слезой
Бѣжитъ изъ поникшихъ очей;
Вся книга закапана въ горькихъ слезахъ:
Конца имъ непрошеннымъ нѣтъ.
Не стыдно-ли плакать, какъ дѣти впотьмахъ,
Невѣстой, въ пятнадцать-то лѣтъ!
Кто, дерзкій, родную мою оскорбилъ?...

* * *

Онъ спалъ разметавшись въ своей колыбели,
И тихо двѣ тѣни къ нему подошли,
И долго стояли, и долго глядѣли
Въ раздумьи на новаго гостя земли.
И взоры одной просіяли любовью,
И, вся озарившись небеснымъ огнемъ,
Она наклонилась къ его изголовью
И тихо его осѣнила крыломъ...

* * *

Луннымъ блескомъ озаренная,
Синихъ водъ равнина сонная
Далеко ушла въ туманъ...
Дремлетъ, дышетъ, колыхается,
И блеститъ, и разгорается
Неоглядный океанъ...

* * *

Я видѣлъ сонъ: мнѣ снилась ночь глухая,
Безлюдный край и дикая скала...
Со всѣхъ сторонъ прильнула къ ней нѣмая,
Какъ океанъ разлившаяся, мгла;
Я былъ одинъ на сумрачной вершинѣ.—
И вдругъ внизу, глубоко подо мной,
Какой-то гулъ пронесся по долинѣ,
Какъ стонъ грозы, какъ волнъ морскихъ прибой.
Онъ росъ и крѣпъ, нестройный и могучій,
И сквозь хаосъ несчетныхъ голосовъ
Я различалъ то арфы звукъ пѣвучій,
То стукъ мечей, то звяканье оковъ...

* * *

Что я скажу тебѣ, мой бѣдный, бѣдный другъ?
Какой отвѣтъ я дамъ на рѣчь твою больную?
Онъ и меня грызетъ, тяжелый твой недугъ,
И я не вѣрю въ день, и я о немъ тоскую!
О если-бъ вновь вернуть минувшіе года!
Сильны и молоды, какъ пылко мы любили!...

* * *

Вечеръ гаснетъ... На палевомъ сводѣ небесъ
Золотистыя звѣзды мерцаютъ,
Справа спитъ и не дышетъ нахмуренный лѣсъ,
Слѣва въ сумракъ поля убѣгаютъ.
Мы плывемъ по рѣкѣ, и, какъ ласточки въ зной,
Наша лодка скользитъ надъ спокойной струей...

*
* *

Чтобъ вы все поняли,—начну издалека...
Привѣтъ вамъ, дѣтскихъ лѣтъ святыя впечатлѣнья
Я родилась въ семьѣ простаго рыбака,
Въ лачужкѣ, на краю убогаго селенья...
Мнѣ живо помнится лазурный нашъ заливъ,
Кайма садовъ надъ нимъ, и тамъ, гдѣ умирая,
Вечерняя заря свой палевый отливъ
Бросаетъ, знойный день съ улыбкою смѣняя,—
Тамъ цѣпь далекихъ горъ... Подъ дымкой голубой,
Ихъ мшистые зубцы, ихъ снѣжныя вершины,
И башни города, межъ зелени густой,
У ихъ подножія, на скатерти долины.
Моя семья была убога и бѣдна;
Отецъ и братъ съ утра на ловлю отплывали.—
И что дарила имъ морская глубина,
Мы только тѣмъ однимъ и жили, и дышали.
Не разъ съ угрозою стучалась къ намъ нужда,
И въ очагѣ у насъ огня не разводили,
Но слезы и печаль въ тѣ свѣтлые года
По сердцу дѣтскому безслѣдно проходили.
Смуглянка рѣзвая, небрежно за плечо
Закину косу я безпечною рукою,
И къ морю убѣгу, и льется горячо
Мой звонкій голосокъ, несясь надъ глубиною.
А море тоже мнѣ безъ умолку поетъ,
Синѣя предо мной просторомъ горделивымъ,
И на хребтахъ валовъ, взволнованныхъ приливомъ,
И пѣну, и траву къ ногамъ моимъ несетъ....

*
* *

Долго ли, жизнь, суждено мнѣ по свѣту скитаться?
Гдѣ же та пристань, гдѣ могъ бы и я отдохнуть?
Гдѣ же тотъ взглядъ, на который я-бъ могъ любоваться?
Гдѣ же та грудь, на которую-бъ могъ я прильнуть?
Вѣчно одинъ... . . . .

ПИСЬМО.

Когда я шелъ отъ васъ,—холодный вѣтерокъ,
Днемъ рѣзавшій лицо, затихъ къ безмолвной ночи.
Еще алѣлъ зарей поблекнувшій востокъ,
И свѣтлый день весны какъ будто не протекъ,
А лишь полузакрылъ сіяющія очи...
Изъ сада музыка въ вечерней тишинѣ
Далеко слышалась... Подъ тактъ ея ступая,
Я тихо шелъ, мой стихъ задумчиво слагая;
Я шелъ, а сердце плакало во мнѣ.
Да, сердце плакало... Мертвецъ похороненный
Очнулся вновь въ своемъ удушливомъ гробу,
И рвется изъ земли на воздухъ благовонный,
И плачетъ, и клянетъ бездушную судьбу...

* * *

Въ больные наши дни, въ дни скорби и сомнѣній,
Когда такъ холодно и мертвенно въ груди,
Не нуженъ ты толпѣ—невѣрующій геній,
Пророкъ погибели, грозящей впереди.
Пусть истина тебѣ слова твои внушаетъ,
Пусть намъ исхода нѣтъ,—не вѣруй, но молчи...
И такъ ужъ ночь вокругъ свой сумракъ надвигаетъ,
И такъ ужъ гаситъ день послѣдніе лучи...
Пускай иной пророкъ,—пророкъ, быть можетъ, лживый,
Но только вѣрящій намъ пѣснями гремитъ,
Пускай его обманъ, нарядный и красивый,
Хотя на краткій мигъ намъ сердце оживитъ...

* * *

Эти думы не новы; когда-то онѣ
Только лучшихъ земли посѣщали;
Въ наши-жъ черные дни, въ безотрадные дни
Чье раздумье онѣ не смущали?
Это—вѣчная скорбь человѣка о томъ,
Что не видитъ изъ мглы онъ исхода,
Что не знаетъ, къ чему онъ живетъ, что какъ громъ...

* * *

Весеннія ночи!.. Въ минувшіе годы
Съ какой вдохновенной и сладкой тоской,
На гимнъ возрожденья ожившей природы
Я весь отзывался, всей чуткой душой!..
Весеннія ночи съ ихъ сумракомъ бѣлымъ,
Съ волнистымъ туманомъ, съ дыханьемъ цвѣтовъ,
Съ ихъ дѣвственной грустью, съ ихъ зовомъ несмѣлымъ,
Съ безбрежною далью полей и луговъ...

* * *

Нѣтъ, я лгать не хочу—не случайно тебя
Я суровымъ упрекомъ моимъ оскорбилъ;
Я обдумалъ его,—но обдумалъ, любя,
А любя глубоко,—глубоко и язвилъ.
Пусть другія послушно идутъ за толпой,
Я не стану ихъ звать къ позабытымъ богамъ,
Но тебя, съ этой ясной, какъ небо, душой,
О, тебя я такъ скоро толпѣ не отдамъ!..
Ты нужна... Не для пошлыхъ и низкихъ страстей
Ты копила на сердцѣ богатства свои,—
Ты нужна для страдающихъ братьевъ-людей,
Для великаго, общаго дѣла любви...

* * *

Что день, то тяжелѣй бороться и дышать.
Трусливые друзья въ любви такъ осторожны.
Нечестные враги не устаютъ терзать,
Прекрасныя слова такъ призрачны и ложны...

У КРОВАТКИ.

Часто ты шепчешь, дитя, засыпая
Въ теплой и мягкой кроваткѣ своей:
«Боже, когда же я буду большая?..
О, если-бъ только расти поскорѣй!
Скучныхъ уроковъ ужь я-бъ не учила,
Скучныхъ бы гаммъ я не стала играть:
Все по знакомымъ бы въ гости ходила,
Все бы я въ садъ убѣгала гулять!»
Съ грустной улыбкой, склонясь за работой,
Молча рѣчамъ я внимаю твоимъ...
Спи, моя радость, покуда съ заботой
Ты не знакома подъ кровомъ роднымъ...
Спи, моя птичка! Суровое время
Быстро летитъ,—не щадитъ и не ждетъ...
Жизнь—это часто тяжелое бремя,
Свѣтлое дѣтство какъ праздникъ мелькнетъ.
Какъ бы я радъ былъ съ тобой помѣняться,
Чтобы, какъ ты, и рѣзвиться, и пѣть,
Чтобы, какъ ты, беззаботно смѣяться,
Шумно играть и безпечно глядѣть!

* * *

Шипя, взвилась змѣей сигнальная ракета,
И цѣлый дождь огней пролился въ вышину.
Вотъ яркая волна пурпуроваго свѣта
Ворвалась въ нѣжную, лазурную волну.
Вотъ мечутъ искрами колеса золотыя,
И подъ водой пруда, и въ сумракѣ аллей
Блестятъ, звено къ звену, гирлянды огневыя
Мгновенно вспыхнувшихъ, несчетныхъ фонарей.
Весь озарился садъ; въ причудливомъ сіяньи
Мелькаютъ статуи, какъ будто смущены,
Что дерзкая толпа въ крикливомъ ликованьи
Спугнула съ ихъ очей полуночные сны.
Клубами вьется дымъ... Гремитъ, не умолкая,
Зовущій, томный вальсъ. А въ ясныхъ небесахъ,
Свой вѣчный, гордый путь надъ міромъ совершая,
Плыветъ нѣмая ночь въ серебряныхъ лучахъ...
Плыветъ нѣмая ночь и полная презрѣнья
Глядитъ, какъ въ глубинѣ, зіяющей подъ ней,
Безсильный человѣкъ, ничтожный рабъ мгновенья,
Пытается затмить лучи ея огней.

* * *

Онъ къ намъ переѣхалъ прошедшей весною,
Угрюмый и блѣдный лицомъ, какъ мертвецъ...
—«У васъ, говоритъ, отдохну я душою,—
Здѣсь тихо»;—и зажилъ нашъ новый жилецъ.
Былъ май; кое-гдѣ ужъ сирень зацвѣтала...
Тѣнистый нашъ садикъ давно зеленѣлъ,
И глядя, какъ въ небѣ заря догорала,
Онъ въ немъ по часамъ неподвижно сидѣлъ.

Сидитъ, да порой про себя напѣваетъ,
Да смотритъ впередъ съ просвѣтленнымъ лицомъ,
А вѣтеръ ему волоса колыхаетъ
И кротко его обвѣваетъ тепломъ.
Покой, тишина... Ни столичнаго грома,
Ни крика торговцевъ кругомъ не слыхать:
За садомъ, почти что отъ самаго дома,
Раскинулась взморья спокойная гладь.
Порой заглядится—и жаль оторваться...
А воздухъ-то, воздухъ душистый какой!
А зелень, а солнце!.. И сталъ поправляться,
И сталъ оживать нашъ отпѣтый больной.

Я скоро, какъ сына, его полюбила,—
Такъ кротокъ былъ звукъ его тихихъ рѣчей,
Такая всегда задушевность сквозила
Во взглядѣ его темнокарихъ очей...

* * *

Тихо дремлетъ малютка въ кроваткѣ своей,
Мягкимъ блескомъ луны озаренной,
И плывутъ вереницы туманныхъ тѣней
Надъ головкой его утомленной...
Цѣлый сказочный міръ развернулся предъ нимъ:
Вотъ на птицѣ стрѣлою онъ мчится,
Вотъ подъ нимъ перекинулась волкомъ сѣдымъ
И по лѣсу несетъ его птица.
Вотъ онъ входитъ на звѣздный, ночной небосводъ
И въ коралловый замокъ русалки идетъ
По жемчужнымъ пескамъ океана...
И вездѣ онъ герой, и вездѣ онъ мечомъ
Путь-дорогу себѣ пролагаетъ,
И косматыхъ чудовищъ, кишащихъ кругомъ,
Гордой силѣ своей покоряетъ...

* * *

Напрасно человѣкъ въ смятеньи и тоскѣ
Грядущіе вѣка пытливо вопрошаетъ.
Кто понялъ этотъ свѣтъ, блеснувшій вдалекѣ,—
Заря ли тамъ зажглась, зарница ли мерцаетъ?

НОЧЬ и ДЕНЬ.

I.

Зачѣмъ-то шли года, смѣнялись впечатлѣнья,
Гремѣла буря чувствъ въ отзывчивой груди,
Жгли и томили мысль тревожныя сомнѣнья,
И тотъ же смутный чадъ грозитъ и впереди.
Что-жъ это?.. Пошлый фарсъ? Къ чему-жъ я въ немъ
актеромъ?
Я не рожденъ шутомъ,—пусть тѣшитъ онъ шутовъ!
А мнѣ онъ надоѣлъ своимъ безвкуснымъ вздоромъ,
Докучной пестротой и звономъ лживыхъ словъ!..
Прочь, безъ раздумья прочь съ подмостковъ балагана!..
Мнѣ душно, тяжело! Пусть съ моего лица
Сотретъ нѣмая смерть позорныя румяна
И дастъ ему покой разумнаго конца!
Пусть жизнь во мнѣ убьютъ не мертвая природа,
Не тягостный недугъ, случайный и слѣпой,
А умъ, свободный умъ, невидящій исхода
И не смирившійся предъ жалкою судьбой!..

II.

Напрасная мечта,—я буду жить! Блистая
Игрой своихъ цвѣтовъ и вѣчной красотой,
Жизнь вновь меня умчитъ, мой ропотъ заглушая,
Вновь опьянитъ меня, глумяся надо мной.
Я знаю, минетъ ночь; румяный и прекрасный
Разсвѣтъ мое окно лучами озаритъ,
И голосъ черныхъ думъ и истины безстрастной,
Какъ бредъ, безумный бредъ, замретъ и замолчитъ!
Я скорбь мою сочту болѣзненной мечтою,
Я насмѣюсь надъ ней съ глупцами заодно,
И полнъ кипучихъ силъ, спокойною рукою
Широко распахну закрытое окно,
И хлынетъ изъ него благоуханье сада,
Домчится звонкій плескъ весенняго ручья,
И знойное чело обвѣетъ мнѣ прохлада,
И сердце озаритъ блаженство бытія!..

* * *

Ни къ ранней гибели, ни къ ужасу крушеній
Тебя не приведетъ спокойный твой удѣлъ,—
Ты огражденъ отъ нихъ ничтожествомъ стремленій,
Безсиліемъ души и мелочностью дѣлъ.
Ты сынъ послѣднихъ дней... Едва не съ колыбели
Ты ужъ впиталъ въ себя разсчетливость купца,
И въ жизни для тебя желаннѣй нѣту цѣли,
Какъ счастье сытаго, здороваго самца.
Съ оглядкой любишь ты и молча ненавидишь.....

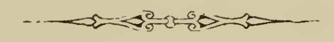

* * *

Въ узкомъ оврагѣ прохлада и тѣнь.
Звонко по камнямъ струится ручей.
Чуть пробивается блестками день
Сквозь кружевные покровы вѣтвей.
Вьются стрекозы надъ свѣжей водой
И въ полумракѣ, царящемъ кругомъ,
Пахнетъ какой-то душистой травой...

* * *

Ахъ, немного молю у судьбы я, мой другъ.
Я усталъ увлекаться мечтами,—
Было-бъ только предъ кѣмъ свой сердечный недугъ
Облегчить на мгновенье слезами!
А ужь какъ бы любилъ я, какъ свято любилъ.
Безъ раздумья любилъ, безъ завѣта...

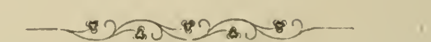
* * *

Довольно я кипѣлъ безумной суетою,
Довольно я сидѣлъ, склонившись за трудомъ:
Я твой, родная глушь, я снова твой душою,
Я отдохнуть хочу въ безмолвіи твоемъ!..
Не торопись, ямщикъ,—дай надышаться вволю!..
О, ты не испыталъ, что значитъ столько лѣтъ
Не видѣть ни цвѣтовъ, разсыпанныхъ по полю,
Ни рощи, пѣньемъ птицъ встрѣчающей разсвѣтъ!..

Не радостна весна средь омута столицы,
Гдѣ блѣдный сводъ небесъ скрытъ въ дымовыхъ клубахъ,
Гдѣ задыхаешься, какъ подъ плитой гробницы,
На тѣсныхъ улицахъ и въ каменныхъ домахъ!
А здѣсь,—какой просторъ! Какъ весело ныряетъ
По мягкимъ колеямъ гремящій тарантасъ,
Какъ нѣжно и свѣжо лѣсокъ благоухаетъ
Подъ золотомъ зари и радуетъ намъ глазъ!..
Вотъ спускъ... внизу ручей. Цвѣтущими вѣтвями
Душистые кусты поникли надъ водой,
А за подъемомъ даль, зелеными полями
Раскинувшись, слилась съ небесной синевой...

* * *

Любви, одной любви! Какъ нищій подаянья,
Какъ странникъ, на пути застигнутый грозой,
У крова чуждаго молящій состраданья,
Такъ я молю любви съ тревогой и тоской.....

СТАРЫЙ ДОМЪ.

(Посвящается А. Я. Надсонъ).

Какъ уцѣлѣлъ ты здѣсь, деревянный, старый домъ,
Одноэтажный домъ, убогій и невидный?..
Чертоги и дворцы, стоящіе кругомъ,
Глядятъ въ лицо твое съ брезгливостью обидной:
Имъ стыдно за тебя... Твой простодушный видъ
И страненъ, и смѣшонъ въ семьѣ ихъ франтоватой.

И имъ какъ будто жаль, что солнце золотитъ
Равно своимъ лучемъ красу ихъ карьятидъ
И твой фасадъ, съ его недавнею заплатой.
Взгляни: прильнувъ къ тебѣ гранитною стѣной,
Но высясь надъ тобой, какъ надъ цвѣткомъ стыдливымъ
Дубъ высится въ лѣсу косматой головой,
Стоитъ гигантъ-дворецъ въ величьи горделивомъ.
На строй колоннъ его легъ мраморный порталъ;
Смѣясь, изъ нихъ глядятъ амуры, какъ живые;
А тамъ, за окнами,—тамъ роскошь пышныхъ залъ,
Цвѣты, и зеркала, и ткани дорогія...
Какъ чудно онъ хорошъ, твой чопорный сосѣдъ,
Когда румяная, какъ дѣва молодая,
Вечерняя заря каралловый отсвѣтъ
Бросаетъ на него, въ лазури угасая!
Какъ чудно онъ хорошъ и въ тихій часъ ночной,
Весь, сверху донизу, осыпанный огнями,
Гремящій музыкой, наполненный толпой,
Манящій издали зеркальными дверями...
А ты?.. Глубокой мглой окутанъ, какъ плащомъ,
Ты крѣпко спишь у ногъ блистательной громады;
И лишь одно окно трепещетъ огонькомъ,—
Невѣрнымъ огонькомъ полуночной лампады.
Подъ шумъ чужихъ пировъ ненарушимъ твой сонъ;
Ты равнодушенъ къ нимъ, ты полонъ мглой обычной!
И кажется, что ты лишь чудомъ занесенъ
Изъ дремлющей глуши въ водоворотъ столичный!..

*
* *

Дитя столицы, съ юныхъ дней
Онъ полюбилъ ея движенье,
И ленты газовыхъ огней,
И шумныхъ улицъ оживленье

Онъ полюбилъ гранитъ дворцовъ,
И съ моря утромъ вѣтеръ влажный,
И перезвонъ колоколовъ,
И пароходовъ свистъ протяжный.

Онъ не жалѣлъ, что въ вышинѣ
Такъ блѣдно тусклыхъ звѣздъ мерцанье,
Что негдѣ проливать веснѣ
Своихъ цвѣтовъ благоуханье;

Что негдѣ птицамъ распѣвать,
Что всюду взоръ встрѣчалъ границы:
Онъ былъ поэтъ и могъ летать
Въ своихъ мечтахъ быстрѣе птицы.

Онъ научился находить
Вездѣ поэзію—въ туманахъ,
Въ дождяхъ, неустающихъ лить,
Въ кіоскахъ, клумбахъ и фонтанахъ

Поблекшихъ городскихъ садовъ,
Въ узорахъ инея зимою,
И въ дымкѣ хмурыхъ облаковъ,
Зажженныхъ зимнею зарею...

Сентябрь.

В. П. Г—вой.

И такъ, я долженъ васъ привѣтствовать стихами...
Предъ кѣмъ-нибудь другимъ втупикъ бы я не сталъ:—
Не трудно расцвѣтить красивыми словами
Бездушный и пустой салонный мадригалъ.

Не отличитъ толпа порывовъ вдохновенья
Отъ мертвой бѣглости ремесленной руки
И все проститъ пѣвцу за гладкое теченье,
За звонъ и пестроту риомованной строки.

Но вамъ—что вамъ сказать? Нѣтъ, васъ не отуманитъ
Ни лести сладкой чадъ, ни плавность звучныхъ строфъ;
Искусственный цвѣтокъ лукаво не обманетъ
Того, кто разъ дышалъ прохладою садовъ.

Простой лѣсной жасминъ—но свѣжій и росистый—
Онъ предпочтетъ всегда сработаннымъ нуждой
Гирляндамъ пышныхъ розъ изъ кисеи душистой,
Сплетеннымъ въ сумрачной и пыльной мастерской.

Вотъ почему твердить обычныхъ пожеланій
Я не хочу... Зачѣмъ? Не властенъ мой привѣтъ
Спасти отъ тяжкихъ бурь, невзгодъ и испытаній
Вашъ полный юныхъ силъ и радостный расцвѣтъ.

Но для себя за то теперь я пожелаю,
Чтобъ на моемъ пути, на поприщѣ пѣвца,
Тѣмъ пѣснямъ, что, любя, я родинѣ слагаю,
Такія-жъ чуткія внимали бы сердца!

Сентябрь.

* * *

Мы были молоды,—и я, и мысль моя...
Она являлась мнѣ безтрепетною жрицей
Желанной истины,—и шелъ за нею я,
Какъ вѣрный пажъ идетъ за гордою царицей...

«Впередъ»,—шептали мнѣ порой ея уста,—
«Не бойся тяжкихъ мукъ, не бойся отрицанья!
Знай,—лишь тогда любовь могуча и чиста,
Когда она прошла черезъ огонь страданья!»...
И всюду были мы... мы посѣтили съ ней
Дворцы и торжища, вертепы и темницы,
Дышали свѣжестью синѣющихъ полей
И чадомъ каменной столицы;
Сливаясь въ городахъ съ ликующей толпой,
Мы видѣли пировъ и роскоши картины,—
И въ избахъ слушали осенней бури вой,
И трескъ полуночной лучины...

* * *

Я глядѣлъ, какъ заря угасала вдали
И какъ мракъ, поднимаясь, клубился,
И какъ бѣлый туманъ къ небесамъ отъ земли
Словно жертвенный дымъ, возносился;
И глядѣлъ я, какъ полосы зрѣющей ржи
Васильками и макомъ пестрѣли,
И какъ тонкая, узкая стрѣлка межи...

* * *

Въ минуты унынья, борьбы и ненастья,
За дружбу и свѣтъ ободряющихъ словъ,
Всю душу, незнавшую съ дѣтства участья,
Отдать, какъ ребенокъ, я страстно готовъ.
Подъ ласку ихъ въ сердцѣ смолкаютъ тревоги,
И снова въ немъ вѣра сіяетъ тепло,

И терніи трудной и знойной дороги,
Какъ свѣжія розы, ласкають чело.
И радъ я страданью за то, что страданье
Сказалось любовью,—и въ силахъ опять
Я пѣсней моею людское сознанье
Къ свободѣ, къ любви и къ труду пробуждать.
Но ласки иной,—беззавѣтнѣй, нѣжнѣе,
Чѣмъ братская ласка,—у жизни порой
Прошу я всей страстью и волей моею
Съ надеждою робкой и жгучей тоской...
Та ласка—не смѣлая рѣчь одобренья,
И сердцу она говоритъ—не уму,
Та ласка слѣпа и полна сожалѣнья,
Какъ матери ласка, ко мнѣ одному...

* * *

—Не думай,—шепчетъ лѣсъ зелеными вѣтвями.
—Не думай,—серебрясь, лепечетъ мнѣ ручей.
Пусть даль тебѣ грозитъ нерадостными днями
Лови летучій мигъ забвенія скорбей!
Взгляни, какъ хорошо! Сбѣгая по обрыву,
Горятъ подъ блескомъ дня душистые кусты..

* * *

Слишкомъ много любви, дорогіе друзья,
Слишкомъ много горячихъ заботъ!..
Непривычно участье тому, кто, какъ я,
Съ дѣтскихъ дней одиноко бредетъ...

Я, какъ нищій, — я дрогнулъ вчера подъ дождемъ,
Я былъ боленъ, и золъ, и суровъ,
А сегодня я нѣжусь за пышнымъ столомъ
Въ ароматномъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ.
Смѣхъ и говоръ, и звонкія пѣсни звучать,
И сверкаютъ ночные огни,
А въ душѣ незажившія раны болятъ,
Вспоминаются темные дни...

ПОСЛѢДНЕЕ ПИСЬМО.

Разсчетливый актеръ приберегаетъ силы,
Чтобъ кончить съ паѳосомъ послѣдній монологъ...
Я тоже роль сыгралъ, но на краю могилы
Я не хочу, чтобъ мнѣ рукоплескалъ раекъ...
Разжалобить толпу прощальными словами
И на короткій мигъ занять ее собой—
Я знаю, я-бъ съумѣлъ, — но жгучими слезами
Дѣлиться не привыкъ я съ суетной толпой!
Я умереть хочу, съ холоднымъ убѣжденьемъ,
Безъ грома и ходуль, не думая о томъ,
Помянутъ-ли меня ненужнымъ сожалѣньемъ,
Иль оскорбятъ мой прахъ тупымъ своимъ судомъ.
Я умереть хочу, ревниво охраняя
Святилище души отъ чуждыхъ, дерзкихъ глазъ.
И ненавистно мнѣ страданье на-показъ,
Какъ послѣ оргіи развратница нагая!..
Но я бы не хотѣлъ, чтобъ заодно съ толпой
И ты, мой кроткій другъ, меня ты обвинила...

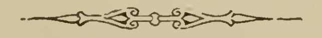

*
* *

Чу, кричитъ буревѣстникъ!.. Крѣпи паруса!
И грозна, и окутана мглою,
Буря гнѣвнымъ челомъ уперлась въ небеса
И на волны ступила пятою.
Въ ризѣ тучъ, озаренная бѣглымъ огнемъ
Яркихъ молній, обвитыхъ вкругъ стана,
Мощно сыплетъ она свой рокочущій громъ
На свинцовый просторъ океана.
Какъ прекрасенъ и грозенъ нѣмой ея ликъ!
Какъ сильны ея черныя крылья!
Будь же путникъ, какъ врагъ твой, безстрашно-великъ....

*
* *

Когда вокругъ меня сдвигается тѣснѣе
Гнетущій кругъ борьбы, сомнѣній и невзгодъ.
И громче слышится мнѣ голосъ фарисея,
И стонъ страдающихъ внятнѣй меня зоветъ;
Когда съ смиреніемъ, какъ нищій подаянья,
Я о любви молю—и нахожу кругомъ
Злорадный смѣхъ слѣпца надъ святостью страданья,
Глумленье пошлости надъ свѣтомъ и добромъ, –
Я міръ вдвойнѣ люблю; и не огонь презрѣнья.
Не малодушный гнѣвъ мою волнуютъ кровь,
А пламенный порывъ святаго сожалѣнья,
Святая, чистая, прекрасная любовь.
Мнѣ жалко ихъ, больныхъ, окованныхъ цѣпями
Враждой безсмысленной озлобленныхъ людей!....

1885-ый годъ.

*
* *

Напрасно я ищу могучаго пророка,
Чтобъ онъ увлекъ меня,—куда-нибудь увлекъ,
Какъ опѣненный валъ гремучаго потока,
Крутясь, уноситъ вдаль подмытый имъ цвѣтокъ...
На что-бъ ни бросить жизнь, мнѣ все равно... Безъ слова
Я тяжелѣйшій крестъ безропотно приму,
Но лишь бы стихла боль сомнѣнья роковаго,
И смолкъ на днѣ души безумный вопль: «къ чему?»
Напрасная мечта! Пророковъ нѣтъ... Мельчая,
Не въ силахъ ихъ создать ничтожная среда:
Есть только хищниковъ недремлющая стая,
Да пошлость жалкая, да мелкая вражда.
А кто и держитъ стягъ высокихъ убѣжденій,
Тотъ такъ усталъ отъ думъ, гоненія и мукъ,
Что не узнаешь ты, кто говоритъ въ немъ—геній,
Или озлобленный, мучительный недугъ!..

*
* *

На югъ, говорили друзья мнѣ, на югъ,
Подъ небо его голубое!
Тамъ смолкнетъ, пѣвецъ, твой гнетущій недугъ,
Тамъ сердце очнется больное!

Я внялъ ихъ призывамъ — и вотъ предо мной,
Синѣя въ безграничномъ просторѣ,
Блеститъ изумрудомъ, горитъ бирюзой
И плещется теплое море.

Привѣтъ, о, привѣтъ тебѣ, синяя даль,
Привѣтъ тебѣ, вѣтеръ свободный!
Разсѣйте на сердцѣ глухую печаль,
Развѣйте мой мракъ безъисходный!

О, сколько красы окружаетъ меня!..
Какъ дальнія горы сіяютъ!
Какъ чайки въ лучахъ золотистаго дня
Надъ сѣрымъ прибрежьемъ мелькаютъ!

Теряются виллы въ зеленыхъ садахъ,
Откуда-то музыка льется.
Природа вокругъ, какъ невѣста въ цвѣтахъ,
Лазурному утру смѣется...

Но что это? Въ свадебномъ хорѣ звучатъ
Иные, суровые звуки,
Въ нихъ громы вражды, затаенный разладъ,
Угрозы, и стоны, и муки!

То море, то синее море поетъ;
Разгнѣвано синее море,—
Напѣвъ величавый ростетъ и ростетъ,
Какъ реквіемъ въ мрачномъ соборѣ!..

* * *

Милый мой, взгляни въ глаза мнѣ веселѣе!
Эта ночь тепла, пьяна и ароматна.
Сквозь намётъ деревьевъ на песокъ аллеи
Бросила луна серебряныя пятна.
Дремлютъ тополи... дрожатъ и млѣютъ звѣзды;
Всталъ туманъ, бродя надъ озеромъ зеркальнымъ,
Медлятъ соловьи вернуться на ночь въ гнѣзда,
Только ты остался блѣднымъ и печальнымъ!..

* * *

Когда, спѣша во мнѣ сомнѣнья побѣдить—
Неутолимыя и горькія сомнѣнья,—
Мнѣ говорятъ о томъ, какъ много совершить
Уже успѣли поколѣнья;
Когда на память мнѣ приводятъ длинный рядъ
Побѣдъ ума надъ тайнами природы,
И вдалекѣ меня манятъ
Волшебнымъ призракомъ блаженства и свободы,—
Ихъ гордость кажется мнѣ дѣтской и смѣшной.
Ихъ грезы кажутся мнѣ бредомъ,
И не хочу кадить я робкой похвалой
Всѣмъ этимъ призрачнымъ побѣдамъ.
Да, гордый человѣкъ, ты мысли подчинилъ
Все, что вокругъ тебѣ когда-то угрожало,
Ты нѣдро крѣпкихъ скалъ туннелями прорылъ.
Вѣтрамъ открылъ причину и начало,
Леталъ за облака, переплывалъ просторъ
Бушующихъ морей, взбирался на твердыни
Покрытыхъ льдомъ гранитныхъ горъ,
Изслѣдуя, прошелъ песчаныя пустыни.

Движеніе кометъ ты прослѣдилъ умомъ,
Ты пролилъ свѣтъ въ глубокой мглѣ,
И все-таки ты будешь на землѣ
Безсильнымъ, трепетнымъ рабомъ!...

* * *

I.

По смутнымъ признакамъ, доступнымъ для немногихъ,
По взгляду вдумчивыхъ, тоскующихъ очей,
По очертанью устъ, поблекнувшихъ и строгихъ,
И по едва скрываемой небрежности рѣчей, —
Я разгадалъ тебя... Я понялъ: ты страдала,
Ты суетной толпы душой была чужда,
Иная скорбь тебя надъ нею возвышала,
Иная даль звала, иная жгла вражда...
И боль участія, и горечь сожалѣнья
Мнѣ тихо сжали грудь... Несчастная, къ чему,
Къ чему не куклою, безъ смысла и значенья,
А женщиной вошла ты въ эту ночь и тьму?
Онъ мнѣ знакомъ, твой путь... Лишенія, тревоги,
Въ измученной груди немолчный стонъ: «за что?»
А послѣ, какъ сведешь послѣдніе итоги,
Поруганная жизнь и жалкое ничто.
И все-таки иди—и все-таки смѣлѣе
Иди на тяжкій крестъ, иди на подвигъ твой,
И пусть безплоденъ онъ, но жить другимъ свѣтлѣе,
Молясь предъ чистою, возвышенной душой!

II.

И твой я понялъ путь изъ этихъ глазокъ ясныхъ,
Гдѣ думамъ мѣста нѣтъ подъ стрѣлками рѣсницъ,
Изъ этихъ яркихъ губъ, и дерзкихъ, и прекрасныхъ,
И смѣха звонкаго, какъ щебетанье птицъ.

Не бойся вешнихъ грозъ: онѣ тебя минуютъ.
Ихъ вихрь не для тебя, и если иногда
Печали грудь твою нечаянно взволнуютъ,
Онѣ сбѣгутъ опять, какъ вешняя вода.
Ты лилія, когда обрызгана зарею
Она алмазъ росы на днѣ своемъ таитъ,
Ея цвѣтокъ плѣнитъ мгновенной красотою,
Но жаждущей груди ничьей не утолитъ.
Ей, вѣчно внемлющей созвучьямъ пѣсни льстивой
Съ покорной ласкою прильнувшей къ ней волны,
Ей, ярко блещущей, душистой и красивой,
Природой не дано одной лишь глубины.
И часто, за тобой слѣдя влюбленнымъ взоромъ,
Когда ты весело щебечешь и поешь,
Я все-таки готовъ сказать тебѣ съ укоромъ:
Что̀ людямъ ты дала и для чего живешь?

* * *

Разлетайся, загадочный сумракъ вѣковъ,
Какъ туманъ, колыхаясь и тая,
Лейтесь звонче и громче созвучья стиховъ,
Величавую быль воскрешая...
Старина, какъ живая, встаетъ предо мной
Въ яркихъ краскахъ плывущей картины...
Сладко вѣетъ въ лице мнѣ полуденный зной
Изъ садовъ Кашемирской долины.
Протянулся на сѣверъ старикъ Гималай,
Гангъ несетъ тихоструйныя воды.
Чудный край! Благодатный, сверкающій край,
Вѣчный праздникъ цвѣтущей природы!..

* * *

Въ такіе дни и пѣсня не поется,
И дѣло валится изъ рукъ;
И только чувствуешь, что грудь на части рвется
Отъ тяжкихъ думъ и тяжкихъ мукъ!..

У МОРЯ.

Такъ вотъ оно море!.. Горитъ бирюзой,
Жемчужною пѣной сверкаетъ!..
На влажную отмель волна за волной
Тревожно и тяжко взбѣгаетъ...
Взгляни, онъ живетъ, этотъ зыбкій хрусталь,
Онъ стонетъ, грозитъ, негодуетъ!..
А даль-то какая!.. О, какъ эта даль
Усталые взоры чаруетъ!..
Сынъ края мятелей, тумановъ и вьюгъ,
Сынъ хмурой и блѣдной природы,
Какъ пылко, какъ жадно я рвался на югъ,
Къ вамъ, мѣрно шумящія воды!...

* * *

Все та же мысль, все тѣ же порыванья
Къ былымъ годамъ, къ любви пережитой!
Усни въ груди, змѣя воспоминанья,
Не нарушай печальный мой покой!.
Отъ этихъ глазъ, подъ жизненной грозою
Тепломъ любви свѣтившихъ мнѣ тогда,
Въ сырой землѣ, подъ каменной плитою,
Я знаю, нѣтъ давно уже слѣда...

* * *

Кипитъ веселье карнавала!
На мостовой, на площадяхъ,
Вездѣ земля, какъ послѣ бала,
Въ кокардахъ, лентахъ и цвѣтахъ.
Bataille des fleurs!.. Летятъ букеты..
Не молкнетъ хлопанье бичей,—
Тутъ тамбуринъ, тамъ кастаньеты...
Огонь улыбокъ, блескъ очей...
А вотъ и ты, моя смуглянка,—
Въ толпѣ, шумящей какъ потокъ,
Вся разгорѣвшись, какъ вакханка,
Ты мнѣ бросаешь твой цвѣтокъ...
Благодарю,—ты имъ спугнула
Больную мысль; подъ смѣхъ и крикъ,
Подъ эхо пушечнаго гула,
Я былъ далеко въ этотъ мигъ.
Я былъ на родинѣ печальной,
Подъ снѣжнымъ дремлющей ковромъ;
И видѣлъ я въ деревнѣ дальней
Знакомый прудъ, забытый домъ,
Въ саду, подъ инеемъ березы,
Двора разрушенный заборъ...
А здѣсь—здѣсь солнце, зелень, розы
И моря ласковый просторъ.
О, пусть и я хоть разъ мгновенью
Отдамся всей моей душой!..
Вотъ снова въ свѣтломъ отдаленьи
Мнѣ улыбнулся образъ твой.
Изъ-подъ вѣнка лукавымъ взглядомъ
Въ толпу ты смотришь... я готовъ.
Я жду,—и чуть сошлись мы рядомъ,
Какъ хлынулъ свѣжій дождь цвѣтовъ!..

Ницца.

*
* *

Снилось мнѣ, что въ глубокую полночь одинъ
Я затерянъ въ какомъ-то безлюдномъ краю...
Чащи темныхъ лѣсовъ, кручи горныхъ вершинъ
Обошли, заслонили дорогу мою.
Долго брелъ я на-ощупь, но вотъ изнемогъ
И присѣлъ... Вдругъ вдали, между темныхъ вѣтвей.
Засверкалъ, заблисталъ огонекъ...
Чу, далекое ржанье коней!
Чу звучатъ голоса! Ближе, громче... Весь лѣсъ
Словно ожилъ. . . . .

*
* *

Не сдерживай во мнѣ порывъ негодованья,
О, дай мнѣ высказать, чѣмъ грудь моя полна!
Нѣтъ больше силъ хранить позорное молчанье.....

ДУРНУШКА.

Дурнушка! Съ первыхъ лѣтъ надъ нею.
Какъ несмываемый позоръ,
Звучалъ всей горечью своею
Бездушный этотъ приговоръ.
Дурнушка! Прочь, тебя не нужно!
За шумнымъ, радостнымъ столомъ,
Гдѣ молодежь пируетъ дружно,
Ты будешь сумрачнымъ пятномъ.

Другимъ любовь, другимъ признанья,
Пожатья рукъ, цвѣты вѣнковъ;
Тебѣ— улыбка состраданья,
Иль смѣхъ назойливыхъ глупцовъ.
Отрада жгучихъ наслажденій—
Не для тебя: какъ тяжкій гнетъ,
Какъ крестъ непонятыхъ мученій,
Любовь въ душѣ твоей пройдетъ...

. . . .

Гляди-жъ впередъ свѣтло и смѣло;
Вѣрь, впереди не такъ темно,
Пусть некрасиво это тѣло,
Лишь сильно было бы оно.
Пусть гордо не плѣнитъ собою
Твой образъ суетныхъ очей,
Но только мысль живой струею
Въ головкѣ билась-бы твоей...

ТРИ НОЧИ БУДДЫ. *).

(Индѣйская легенда).

Въ странѣ, гдѣ солнце не скупится
На зной и блескъ своихъ лучей,
Гдѣ мирно синій Гангъ струится
Въ затишьи рисовыхъ полей,
Гдѣ Гималайскія вершины
Надъ пестрой скатертью долины
Горятъ въ нетающихъ снѣгахъ,—
Былъ замокъ въ древности глубокой:
Весь обнесенъ стѣной высокой,
Тонулъ онъ въ рощахъ и садахъ.

*) Первый варіантъ

Онъ весь былъ мраморный; колонны
Въ рѣзьбѣ... вдоль лѣстницъ шелкъ ковровъ.
Вокругъ —террасы и балконы,
У входа бѣлые драконы,
И въ нишахъ статуи боговъ.
Предъ нимъ листва благоухала,
Блестѣлъ рѣки крутой извивъ,
И крыша пагоды мелькала
Межъ кипарисовъ и оливъ.
А дальше скученный и темный
Въ бойницы замковой стѣны
Виднѣлся городъ отдаленный,
Столица знойной той страны—
Капилаваста.

Жизнь неслышно
И мирно въ замкѣ томъ текла;
И лишь одна природа пышно
Вокругъ дышала и цвѣла:
Что годъ—тѣнистѣе бананы
Сплетали темный свой наметъ;
Въ вѣтвяхъ ихъ съ крикомъ обезьяны
Рѣзвились... Розы круглый годъ
Цвѣли... Жасминъ и плющъ ползущій,
Окутавъ пальмовыя кущи,
Къ землѣ спускались сѣтью розъ.
Повсюду яркихъ туберозъ
Вѣнцы огнистые алѣли.
И винограда кисти рдѣли
На бархатѣ террасъ. Ручей
Тонулъ весь въ лиліяхъ душистыхъ,
И день—огонь своихъ лучей
Гася на кручахъ горъ кремнистыхъ.
Цвѣты вечернею зарей
Кропилъ холодною росой.
А въ ночи, полныя прохлады,
Въ густой травѣ, то здѣсь, то тамъ.

Кричали звонкія циклады,
Прильнувши къ трепетнымъ листамъ;
И сотни дремлющихъ растеній
Струили волны испареній;
И у мерцающей рѣки,
Надъ полусонною волною,
Переливались бирюзою,
Въ травѣ мелькая, свѣтляки...

. . . .

Порою въ зелени мелькала
Тѣнь отрока. Онъ былъ высокъ
И строенъ. Мягко упадала
Его одежда съ плечъ до ногъ.
Загаръ наметомъ золотистымъ
Румянецъ щекъ его покрылъ;
Избытокъ юности и силъ
Сквозилъ въ сложеньи мускулистомъ
Его груди и рукъ. Одинъ
Всегда онъ былъ. То онъ ложился
Подъ тѣнь развѣсистыхъ маслинъ
И что-то думалъ,—то рѣзвился...
Порой онъ припадалъ лицомъ
Къ ручью, и наблюдалъ пытливо,
Какъ тамъ сплетались прихотливо
На днѣ, усыпаннымъ пескомъ,
Растенья въ мракѣ голубомъ;
То вдругъ на зовъ къ нему на плечи
Послушно попугай слеталъ:
И тихо ласковыя рѣчи
Крикливой птицѣ онъ шепталъ,
И весь дрожалъ и разгорался,
И вновь въ раздумьи уходилъ
Куда-то въ глушь, и тамъ грустилъ,
Или загадочно смѣялся...
Кто былъ онъ,—онъ и самъ не зналъ:
Мракъ строгой тайны покрывалъ
Всегда его существованье.

Но здѣсь ребенкомъ онъ игралъ
И здѣсь проснулось въ немъ сознанье...
Онъ жилъ рабами окруженъ,
Его желанья, какъ законъ,
Всегда покорно исполнялись;
Не слышно яства появлялись
Обильно за его столомъ;
И полонъ пальмовымъ виномъ
Его былъ кубокъ. Безъ стѣсненья
Онъ жилъ и дѣлалъ что хотѣлъ,
И только никогда не смѣлъ
Онъ стѣну перейти—предѣлъ
Его скитаній и владѣнья.
Запрета онъ не нарушалъ...
Ему сказали, что свершалъ
Онъ чью-то волю . . . . . .

ТРИ НОЧИ БУДДЫ *).

Свѣтаетъ... Мѣсяцъ блѣднорогій
Усталъ заглядывать въ чертоги
Сквозь складки шелковыхъ завѣсъ.
И тихо, трепетно-несмѣлый
Бросаетъ день свой отблескъ бѣлый
Съ едва забрезжившихъ небесъ.
Но князь не спитъ еще... Безмолвный
Сидитъ онъ тайной думы полный
Въ кругу замолкнувшихъ гостей,
И ниже голову склоняетъ,
И на лицѣ его играетъ
Послѣдній блескъ ночныхъ огней.

---

*) Второй варіантъ.

Какъ грустенъ взглядъ его! Какъ строго
Души сокрытая тревога,
И скорбь глубокая легли
Въ морщины лба его крутаго!
Какимъ огнемъ сомнѣнья злаго
Глубокій взоръ они зажгли!
Да, тщетно думы роковыя
Пытался отогнать онъ прочь:
Ихъ не спугнула эта ночь;
Онъ пилъ,—но вина дорогія
Не опьяняли: хмѣля власть
Предъ властью мысли замолкала:
Онъ пробудить старался страсть
Въ своей душѣ,—душа молчала,
И тщетно, полныя огня.
И увлекая, и маня,
Предъ нимъ красавицы плясали.
И раздражительно-тепла
Ночь къ наслажденію звала:
Въ его груди желанья спали...

*
* *

Вольная птица,—люди о немъ говорили,—
Вольная птица, молодъ, свободенъ, одинъ.
Вдаль ли его пылкія думы взманили,
Кто его держитъ? Самъ онъ себѣ господинъ:
Коробъ за плечи и безъ запрету въ дорогу,
Сильныя руки хлѣба добудутъ вездѣ;
Цѣпью заботы онъ не прикованъ къ порогу,
Не замурованъ въ душномъ семейномъ гнѣздѣ.
Горе-ль нагрянетъ, что одинокому горе?
Гдѣ полюбилось—тамъ онъ себѣ и живетъ;
Хочетъ—пойдетъ слушать гульливое море,
Чуждыя страны, чуждый, далекій народъ.

Много увидитъ, много узнаетъ нечайно,
Смѣлымъ отпоромъ встрѣтитъ печаль и нужду;
Тутъ онъ на праздникъ вдругъ натолкнется случайно,
Тамъ поцѣлуй звонко сорветъ на ходу...
Вольная птица... Только о чемъ же порою,
Тайно груститъ онъ. . . . .

*
* *

И безъ того душа уныніемъ полна,
А день такъ сумраченъ! Съ утра, не умолкая,
Стучитъ холодный дождь о переплетъ окна
И глухо ропщетъ садъ, въ туманѣ утопая...

*
* *

Я началъ вашъ альбомъ печальными строками,—
Что дѣлать!.. Свѣтлыхъ грезъ мнѣ Муза не дала,
И рано въ мой вѣнокъ желѣзными руками
Судьба колючій тернъ насмѣшливо вплела. . .

*
* *

Лазурное утро я встрѣтилъ въ горахъ.
Лазурное утро родилось въ снѣгахъ
Альпійскія вершины,

И тихо спускалось кремнистой тропой
Осыпать лучами заливъ голубой
И зелень долины.

Въ долинѣ бродилъ серебристый туманъ.
Безсонное море, какъ мощный органъ,
Какъ хоръ величавый,
Подъ сводами храма гремящій мольбой,
Гудѣло, вздымая волну за волной
Глухою октавой.

Надъ моремъ раскинулась зелень садовъ:
Тутъ пальмы качались, тамъ въ иглахъ шиповъ
Желтѣли алоэ,
И облакомъ цвѣта дымился миндаль,
И плющъ колыхалъ, какъ узорная шаль,
Шитье кружевное...

* * *

Какая-то печаль мнѣ душу омрачаетъ,
Когда, кончая день и шумный, и пустой,
Я возвращаюсь вновь въ мой уголъ трудовой.
Уединеніе мнѣ грезъ не навѣваетъ:
Оно язвитъ меня, оно меня пугаетъ,
Оно гнететъ меня своею тишиной.
Мнѣ хочется бѣжать отъ думъ моихъ тяжелыхъ,
Въ толпу мнѣ хочется, гдѣ яркій блескъ огней,
И шумъ, и суета, и голоса людей!
Я жажду смѣха ихъ, напѣвовъ ихъ веселыхъ,
Румяныхъ устъ, цвѣтовъ и радостныхъ рѣчей!
Друзья,—сказалъ-бы я,—я вашъ. Я съ покаяньемъ
Пришелъ на праздникъ вашъ. Налейте мнѣ бокалъ...

Друзья, я былъ слѣпцомъ! Несбыточнымъ мечтаньемъ
Я долго разумъ мой болѣзненно питалъ.
Я долго вѣрилъ въ то, во что, какъ въ бредъ, и дѣти
Не вѣрятъ въ наши дни. . . . .

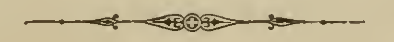

* * *

Въ городѣ стало и душно и пыльно.
Манитъ на волю, куда нибудь вдаль;
Розовымъ цвѣтомъ осыпанъ обильно
Въ тихомъ саду моемъ свѣжій миндаль.
Улицы въ полдень молчатъ, какъ могилы.
Въ морѣ отъ зноя нагрѣлась волна;
Пышно-безмолвны высокія виллы
Въ темныхъ. . . . .

* * *

Въ кругу твоихъ подругъ одна ты не смѣялась...
Печально возвратясь съ ихъ праздника домой,
Ты сѣла у окна и горько разрыдалась,
Упавъ на кисти рукъ усталой головой.
Ночь медленно плыла... Надъ городомъ мерцали
Огни несчетныхъ звѣздъ... Остывшая земля
Томилась нѣгой сна, и чутко трепетали,
Вдоль улицы тѣснясь, густые тополя...
Весна была во всемъ,—и въ шорохѣ садовъ,
И въ говорѣ рѣки, и въ воздухѣ душистомъ,
И въ раннемъ блескѣ зорь, и въ пѣсняхъ соловьевъ...

* * *

Мнѣ кажется, что я схожу съ ума.
Да, я схожу съ ума и не стыжусь признанья!
Томитъ меня, томитъ какъ цѣпи, какъ тюрьма,
Безсмысленная жизнь безъ цѣли и призванья.
Кто мнѣ укажетъ путь? Чей голосъ усыпитъ
Крикъ сердца моего? Жить безъ любви, безъ Бога,—
Нѣтъ, лучше ужь не жить,—а на душѣ кипитъ
Какая-то тяжелая тревога.
Уединеніе мнѣ тяжко... Я бѣгу
Въ толпу, гдѣ голоса, и звуки, и движенье;
Чего-то все ищу и жду . . . .

* * *

Красавица-дѣвушка чудную вазу держала;
Румяныя вишни ее до краевъ наполняли;
Но сердце той дѣвушки было ничтожно и мелко;
Змѣистая трещина вазы хрусталь разсѣкала,
А въ вишняхъ созрѣвшихъ таились и ѣли ихъ черви.

* * *

Видишь—вотъ онъ! Онъ гордо проходитъ толпой.
И толпа разступилась безмолвно предъ нимъ!
О, сегодня, дитя, онъ доволенъ собой,—
Онъ себя обезсмертилъ успѣхомъ своимъ.
Сколько было вѣнковъ! Я видалъ, какъ слѣдилъ
Онъ за пьесой своей! Онъ глубоко страдалъ!

Каждый промахъ его, какъ ребенка, сердилъ,
Каждый выходъ его до тоски волновалъ.
И тогда лишь, когда весь театръ, потрясенъ,
Разразился грозою восторга и слезъ,
Тамъ, въ тревожной груди его былъ разрѣшенъ
Тяготившій его молчаливый вопросъ.
Да, не жалкій позоръ угрожаетъ ему,
А несетъ ему слава цвѣты и привѣтъ,
То, что дорого было ему одному,
То полюбитъ теперь, какъ святыню, весь свѣтъ!
Но, дитя, не завидуй ему,– онъ пройдетъ
Въ гордомъ сердцѣ его этотъ гордый порывъ.
Острый умъ его скоро и горько пойметъ,
Что не такъ, какъ казалось ему онъ счастливъ;
И что, можетъ, онъ даже несчастнѣй ихъ всѣхъ,
Всѣхъ гремѣвшихъ ему въ этотъ вечеръ хвалой,
У кого вырывалъ онъ то слезы, то смѣхъ,
И надъ чьей, какъ владыка, царилъ онъ душой.
Что толпа? Для толпы былъ бы пышенъ цвѣтокъ,—
Ей нѣтъ дѣла до темныхъ, невидныхъ корней.
Для толпы онъ великъ, для толпы онъ пророкъ;
Для себя онъ—ничто, для себя онъ—пигмей!
Не молись на него: предъ тобой не герой,—
Нѣтъ героевъ въ нашъ жалкій, скудѣющій вѣкъ,
Предъ тобою несчастный, усталый, больной,
Себялюбіемъ полный, мертвецъ-человѣкъ...
Онъ мертвецъ, потому что онъ съ дѣтства не жилъ,
Потому что не будетъ до гроба онъ жить,
Потому что онъ каждое чувство спѣшилъ,
Чуть оно возникало, умомъ разложить!
Онъ—художникъ! И вѣрь мнѣ, не зависть они,
А одно сожалѣнье должны возбуждать...
Вотъ тѣ боги, которыхъ въ печальные дни,
Въ наши дни, мы привыкли цвѣтами вѣнчать!...

* * *

Нѣтъ, видно мнѣ опять томиться до утра!
Разстроили-ль меня сегодня доктора
Ненужной мудростью совѣтовъ запоздалыхъ,
Иль это ты, мой бичъ, знакомая хандра
Спугнула грезы сна съ рѣсницъ моихъ усталыхъ,—
Но только сонъ нейдетъ! Какъ быть? Какъ скоротать
Глухую эту ночь? Когда-бъ я могъ мечтать,
Я-бъ занялъ праздный умъ сверкающимъ обманомъ
Нарядныхъ вымысловъ. Но я мечтать отвыкъ,
И только истины нѣмой и грозный ликъ
Въ грядущемъ вижу я за мглою и туманомъ...
Ложь книгъ наскучила... Я знаю наизусть
И лживый паѳосъ ихъ, и дѣланную грусть,
А новаго давно не слышно и не видно.
Я могъ бы оживить преданья прошлыхъ дней
И отдохнуть на нихъ больной душой моей,—
Но жизнь моя прошла и горько и обидно.
А между тѣмъ лежать въ гнетущей тишинѣ,
И слышать кашель свой, и слышать на стѣнѣ
Немолчный стукъ часовъ—несносно, нестерпимо...
Прочь, думы черныя о смерти роковой,
О томъ, что ждетъ меня за гробовой доской!
Прочь, тѣни грозныя,—неситесь мимо, мимо!..
Ты, только ты одна, могла бы мнѣ помочь,
Ты эту долгую, страдальческую ночь
Съумѣла-бъ и согрѣть, и озарить любовью...
Приди, о милая! Сядь ближе здѣсь, со мной.
Склонись головкою, какъ солнце, золотой
Къ измокшему отъ слезъ больнаго изголовью.
О, если въ жизни я кого-нибудь любилъ,
Знай, это ты была... Какъ долго я носилъ
Твой образъ въ глубинѣ души моей тревожной
Но сохранить его на-вѣки я не могъ,
Шли годы долгіе, и тихо онъ поблекъ...

И вотъ я чувствую, я слышу, какъ въ груди
Какая-то струна заплакала украдкой;
Вотъ чей-то нѣжный взглядъ блеснулъ передо мной,
И сердце вновь трепещетъ стариной,
И сердце вновь въ груди пылаетъ болью сладкой...

* * *

Не хочу я, мой другъ, чтобъ судьба намъ съ тобой
Все дарила улыбки да розы,
Чтобы насъ обходили всегда стороной
Роковыя житейскія грозы;
Чтобъ ни разу не сжалась тревогою грудь
И за міръ намъ не стало обидно...
Чѣмъ такую безцвѣтную жизнь помянуть?..
Да и жизнью назвать ее стыдно!..
Нашимъ счастьемъ пусть будетъ—несчастье вдвоемъ...

ВЪ ЛУННУЮ НОЧЬ.

Серебристо-блѣдна и кристально-ясна
Молчаливая ночь надъ широкой рѣкой;
И трепещетъ волна, и сверкаетъ волна,
И несется и вьется туманъ надъ волной.
Чутко дремлютъ сады, наклонясь съ береговъ;
Ярко свѣтитъ луна съ безпредѣльныхъ небесъ.
Воздухъ полнъ ароматомъ весеннихъ цвѣтовъ,
Мгла полна волшебствомъ непонятныхъ чудесъ.
Что тамъ видно вдали, что въ туманѣ скользитъ,
Чьи дрожащія крылья блестятъ надъ водой?
То не чайка бѣлѣетъ, то лодка летитъ,
Вьется лентою слѣдъ за высокой кормой...

Вдоль бортовъ протянулись гирлянды цвѣтовъ,
Стройно движутся весла въ дѣвичьихъ рукахъ,
И торжественный хоръ молодыхъ голосовъ
Замираетъ и гаснетъ въ воздушныхъ струяхъ...
Громче пѣсня! Въ ней слышенъ не страсти призывъ,
Не мятежные стоны грѣховныхъ людей,—
Въ ней восторги молитвы и чистый порывъ
Въ царство вѣчнаго счастья и вѣчныхъ лучей!
Кто-жъ вы, чудныя дѣвы? Откуда вашъ путь?
Всѣ вы въ бѣлыхъ нарядахъ и въ яркихъ цвѣтахъ?
Та поникла въ раздумьи къ подругѣ на грудь,
А другая—со звонкою лютней въ рукахъ...
Вдругъ согласный напѣвъ оборвался и стихъ,
Въ свѣтлыхъ взглядахъ пѣвицъ отразился испугъ,
И замолкли созвучія струнъ золотыхъ,
И упали послушныя весла изъ рукъ...

* * *

Есть странныя дѣти:—веселья и шума
Бѣгутъ, какъ заразы, они:
Какая-то старчески тихая-дума
Туманитъ ихъ ясные дни;
Ничто ихъ не тѣшитъ—на все равнодушно
Ихъ грустные глазки глядятъ,
И кажется жить имъ и тѣсно, и душно...
. . . .
Имъ тяжко бываетъ за школьной скамьею,
Ихъ манитъ куда-то впередъ,
Гдѣ дѣвственный лѣсъ надъ безлюдной рѣкою
Въ угрюмомъ молчаньи растетъ...

* * *

Ты угадала: страдаетъ твой другъ,
Тяжко, глубоко страдаетъ.
Есть у него безъисходный недугъ,—
Сердце его умираетъ...
Прежде, бывало—заря-ли блеснетъ,
Музыка-ль льется, чаруя,
Грусть-ли взволнуетъ, иль туча найдетъ.
Откликъ на все нахожу я.
Дрогнутъ могучія струны въ груди,
Звуки, какъ волны, нахлынутъ...

* * *

Блѣднѣетъ лѣтній день... Надъ пышною Невою,
Вдоль строгой линіи гранитныхъ береговъ,
Еще освѣщены янтарною зарею
Нѣмые мраморы покинутыхъ дворцовъ.
Но ужь сады полны прохладой и тѣнями,
И къ зыбкой пристани, по синей глади водъ,
Какъ сказочный драконъ, сверкающій глазами,
Съ огнями вдоль бортовъ причалилъ пароходъ.
Я этотъ часъ люблю. Въ столицѣ опустѣлой
Есть грусть какая-то въ такіе вечера...

* * *

Надо жить! Вотъ они, роковыя слова!
Вотъ она роковая задача!
Кто надъ ней не трудился, тоскуя и плача,
Чья надъ ней не ломилась отъ думъ голова?...

* * *

Въ саду, куда люблю спасаться я порой
Отъ вѣчной суеты и грохота столицы,
Чтобъ шепотъ пышныхъ липъ услышатъ надъ собой.
Да мирно помечтать, о чемъ щебечутъ птицы,—
Нерѣдко въ зелени густыхъ его аллей
Вкругъ берега пруда идущихъ полукругомъ,
Встрѣчаю я толпу играющихъ дѣтей,
И кое съ кѣмъ изъ нихъ ужь сталъ горячимъ другомъ.
Межъ нихъ есть у меня любимица одна,
Подростокъ-дѣвочка; мы съ ней толкуемъ много...
Боюсь что бѣдная едва-ли не больна,—
Ужь слишкомъ взглядъ ея горитъ не-дѣтски строго.
И слишкомъ грустенъ онъ. Задумчива, блѣдна,
Она веселыхъ игръ и шума избѣгаетъ...

ПѢВИЦА.

Затихъ послѣдній звукъ и занавѣсъ упала...
О, какъ мучителенъ, какъ страшенъ былъ конецъ,—
Конецъ! Но вся толпа вокругъ еще рыдала,
И всюду слышалось: «О, какъ она играла!
Какъ пѣла въ эту ночь, владычица сердецъ!»
Ее, ее! Явись, сверкни своей красою!
Дай намъ увѣриться, что ты еще жива,
Что это былъ обманъ, навѣянный тобою,
Красивый вымыселъ, нарядныя слова!..
И снова занавѣсъ взвилась... Передъ глазами
Все тотъ же мрачный храмъ. Благоговѣйно ницъ
Склонялась тутъ толпа и хоръ гремѣлъ мольбами,
И таялъ фиміамъ душистыми струями,
И арфы плакали подъ вздохи юныхъ жрицъ...
Теперь безмолвно все... На сценѣ сумракъ синій,
Рабы, и витязи, и жрицы разошлись,
И только чуждою и грозною святыней
Темнѣетъ въ глубинѣ гранитный Озирисъ...

* * *

Если когда-нибудь ночью безсонною,
Ночью, дыханьемъ цвѣтовъ напоенною,
Въ дремлющій садъ, озаренный луной,
Тихо сходилъ ты, любящій, прощающій,
Жаждущій счастья и чутко внимающій
Сонному бреду весны молодой,
Если ты въ сумерки.........

* * *

Да, только здѣсь, среди столичнаго смятенья,
Гдѣ, что ни мигъ, то боль, гдѣ, что ни шагъ, то зло,—
Звучатъ въ моей груди призывы вдохновенья,
И творческій восторгъ сжимаетъ мнѣ чело,
Въ глуши, передъ лицомъ сіяющей природы,
Мой богъ безмолвствовалъ... Дубравы тихій шумъ,
И птицъ веселый хоръ, и плещущія воды
Не пробуждали грудь, не волновали умъ...
Я только нѣжился безпечно, безотчетно,
Пилъ ароматъ цвѣтовъ, бродилъ среди полей,
Да въ зной мечталъ въ лѣсу, гдѣ тихо и дремотно
Журчалъ въ тѣни кустовъ серебряный ручей...

* * *

Мнѣ снилось, что иду куда-то я съ толпой,
Съ толпой, но одинокъ... Ночь омрачили тучи,
Нашъ узкій путь нависъ надъ бездною глухой,
Лѣпясь къ отвѣсамъ скалъ и громоздясь на кручи.
Мерцаютъ факелы, то выхвативъ изъ мглы
Суровое лицо со сжатыми бровями,
То мшистый переломъ нахмуренной скалы,
То ель, склоненную надъ пропастью вѣтвями.
Въ толпѣ—молчаніе: сердца напряжены,
Одинъ неловкій шагъ, невѣрное движенье—
И путнику грозитъ съ отвѣсной вышины
Неудержимое и страшное паденье...
Но общій страхъ мнѣ чуждъ.....

* * *

Если ночь проведу я безъ сна за трудомъ,
Ты встрѣчаешь меня съ непривѣтнымъ лицомъ,
Безъ обычной, застѣнчивой ласки.
И блестятъ твои глазки недобрымъ огнемъ—
Эти кроткіе, нѣжные глазки.
Ты боишься, чтобъ бѣдный твой другъ
Не растратилъ послѣднихъ, слабѣющихъ силъ.
И чтобъ раньше бы часомъ его не убилъ
Пересиленный волей недугъ.
Милый, добрый мой другъ, не печалься о мнѣ:
Чѣмъ томиться на медленномъ, тяжкомъ огнѣ,
Лучше сразу блеснуть и сгорѣть. . . . . .

* * *

Какъ долго длился день!.. Какъ долго я не могъ
Уйти отъ глазъ толпы, въ мой уголъ одинокій,
Чтобъ пошлый судъ глупцовъ насмѣшкою жестокой
Ни горькихъ думъ моихъ, ни слезъ не подстерегъ...
И вотъ,—я наконецъ одинъ съ моей тоской:
Спѣшите-жь, коршуны,—бороться я не стану,—
Слетайтесь хищною и жадною толпой
Терзать моей души зіяющую рану!..
Пусть изъ груди порой невольно рвется крикъ,
Пусть отъ тяжелыхъ мукъ порой я задыхаюсь:
Какъ новый Прометей, къ страданьямъ я привыкъ.
Какъ новый мученикъ, я ими упиваюсь!..
Они мнѣ не дадутъ смириться предъ судьбой,
Они отъ сна мой умъ ревниво охраняютъ,
И надъ довольною и сытою толпой,
Какъ взмахъ могучихъ крылъ, меня приподымаютъ!..

* * *

Прощай, туманная столица!
Надолго, можетъ быть, прощай!
На югъ, гдѣ синій Днѣпръ струится,
Гдѣ весь въ цвѣтахъ душистый май!

Какъ часто уносила дума
Изъ бѣдной комнатки моей,
Подъ звуки уличнаго шума,
Меня въ безбрежіе степей!

Какъ часто отъ небесъ свинцовыхъ
И душныхъ каменныхъ домовъ,
Я рвался въ тѣнь садовъ вишневыхъ
И въ тишь далекихъ хуторовъ.

И вотъ, сбылись мои желанья:
Пусть истомилъ меня недугъ,
Пусть полумертвъ я отъ страданья,
За то я твой, румяный югъ!

Я бросилъ все безъ сожалѣнья:
И трудъ, и книги, и друзей,
И мчусь съ надеждой исцѣленья
Въ тепло и свѣтъ твоихъ лучей!

* * *

Когда въ вечерній часъ схожу я въ тихій садъ
И ночь вокругъ меня пьяна и ароматна,
И на пескѣ аллей причудливо горятъ,
Разбросаны луной, серебряныя пятна,—
Я отдаюсь во власть чарующимъ мечтамъ:

И пусть моя судьба темна и безотрадна,
Поэзія меня ведетъ, какъ Аріадна,
Сквозь лабиринтъ скорбей въ сіяющій свой храмъ.
И снится мнѣ, что я и молодъ, и любимъ,
Такъ молодъ, что ни зла, ни лжи не замѣчаю. . .

ШЕСТВІЕ.

(Сонъ).

(Изъ Джакометти).

То было шествіе народовъ и племенъ:
Гремѣла сталь мечей, стучали барабаны,
Вихрь, налетая, рвалъ лоскутья отъ знаменъ,
И ночь, глухая ночь, на путь со всѣхъ сторонъ
Сдвигала душный мракъ, міазмы и туманы...
Стоустый вопль не молкъ надъ пестрою толпой,
Но люди шли и шли, враждуя и страдая,
Огнистымъ заревомъ, кровавою рѣкой
И трупами бойцовъ свой путь обозначая.
Тутъ въ сердце ихъ толпы вливалася война,
Тамъ чахлая нужда, язвя, торжествовала.
А здѣсь, таинственна, незрима и мрачна,
Милльоны блѣдныхъ жертвъ зараза похищала.
Смерть побѣждала жизнь, жизнь нарождалась вновь;
И рядомъ съ мрачными картинами мученій
Дарила поцѣлуй стыдливая любовь,
Звенѣли стройныя созвучья пѣснопѣній.
И длилось шествіе...
Далеко предъ толпой,
Свѣтя на путь ея дрожащими огнями,
Шли сильные умомъ и чуткіе душой,
Шли тяжко, медленно, невѣрными шагами...

Немного было ихъ... Ни суетный напѣвъ,
Ни беззаботный смѣхъ средь нихъ не раздавался;
Вихрь разбивалъ о нихъ свой первый, мощный гнѣвъ
И дальше надъ толпой, ужь ослабѣлый, мчался...
Суровой думы слѣдъ на лицахъ ихъ лежалъ,
Суровой грусти слѣдъ, глубоко-человѣчной;
И шли они туда, гдѣ вдалекѣ сіялъ,
Сіялъ и звалъ впередъ какой-то отблескъ млечный...
То былъ неясный свѣтъ загадочнаго дня...
И длилось шествіе...
Чу! гулъ толпы народной!
Взгляни: они идутъ, они зовутъ меня,
Зовутъ меня къ себѣ, къ семьѣ своей свободной!
Какъ ясны взгляды ихъ, какъ поступь ихъ смѣла,
Какъ безбоязненны ихъ рѣчи и сужденья!
Здѣсь, во главѣ толпы, свѣтлѣй и рѣже мгла,
И рѣже слышенъ крикъ печали и мученья!...
Порадуйся за нихъ и молви имъ во-слѣдъ:
«Благословенъ вашъ путь, счастливые народы,
Васъ озарилъ уже познанья кроткій свѣтъ,
Для васъ насталъ разсвѣтъ божественной свободы!»
Они прошли... И вотъ, сгибаясь подъ ярмомъ,
Идетъ еще толпа... Слова негодованья,—
Зерно грядущихъ грозъ,—какъ отдаленный громъ,
Слышны уже надъ ней сквозь звуки ликованья...
Вулканъ готовится извергнуть на враговъ
Свой гнѣвъ, накопленный позорными вѣками,
И скоро цѣпь спадетъ съ воскреснувшихъ рабовъ...
Но сколько будетъ слезъ, и крови и крестовъ,
И сколько жертвъ падетъ безвинно съ палачами!
Еще толпа!.. Но здѣсь не слышно даже словъ:
Здѣсь сонъ, тяжелый сонъ... Не многіе дерзаютъ
Тайкомъ роптать на гнетъ мучительныхъ оковъ
И, падая въ борьбѣ, безмолвно погибаютъ...

* * *

Лицомъ къ лицу, при свѣтѣ дня
Съ врагомъ на бой сойтись отважный,
О, это-бъ тѣшило меня!
Но биться съ клеветой продажной,
Язвящей тайно, за угломъ,—
Не знаю хуже я мученій.
Такъ подъ оптическимъ стекломъ
Ты въ каплѣ влаги міръ твореній
Увидишь,—и не знаешь ты,
Что ядъ ихъ, чуть замѣтный глазу,
Отраву вноситъ и заразу
Въ твой хлѣбъ, подъ кровомъ темноты...

* * *

Не хотѣлъ онъ идти, затерявшись въ толпѣ,
Безъ лишеній и жертвъ, по избитой тропѣ.
Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ почувствовалъ въ сердцѣ своемъ,
Что на свѣтъ онъ родился могучимъ орломъ.
«День за днемъ безполезно и слѣпо влачить,
Жить какъ всѣ,—говорилъ онъ,—ужъ лучше не жить!..
Пусть же рано паду я, подломленъ грозой,
Но на-вѣки оставлю я слѣдъ за собой.
Надъ людьми и землей, какъ стрѣла, я взовьюсь;
Какъ виномъ, я просторомъ и свѣтомъ упьюсь,
И въ дали я обѣщанный рай разгляжу
И дорогу къ блаженству толпѣ укажу!»..

1886-ой годъ.

ПѢСНИ МЕФИСТОФЕЛЯ.

ПРОЛОГЪ.

Какъ онъ вошелъ,—я не видалъ.
Былъ вечеръ... За моимъ столомъ
При свѣтѣ лампы я писалъ;
Вдругъ странный трепетъ пробѣжалъ
По мнѣ морозомъ и огнемъ.
Я поднялъ отъ бумаги взглядъ,
И встрѣтилъ взглядъ его въ отвѣтъ
На немъ былъ пурпурный нарядъ
И черный бархатный беретъ...
Высокій, стройный и худой,
Въ тѣни стоялъ онъ предо мной
Такъ просто, какъ обычный гость,
И лишь въ глазахъ его грозой
Лежали ненависть и злость...
Пришлецъ молчалъ... Я былъ смущенъ,
Но не испуганъ. Я не сталъ
Его разспрашивать, кто онъ
И какъ въ мой уголъ онъ попалъ.
Я медленно закрылъ тетрадь,
Перо подальше отложилъ,
И началъ терпѣливо ждать,
Чтобъ мрачный гость заговорилъ...
И онъ заговорилъ, едва
Цѣдя безстрастныя слова,

Піявки выпуклыхъ бровей
Надвинувъ низко на зрачки,
И кистью жилистой руки
Касаясь до руки моей...
Онъ говорилъ:—«Съ тобою связь
Намъ закрѣпить давно пора;
Я—геній зла, я мрака князь,
А ты,—ты Донъ-Кихотъ добра...

Но—les extrémités se touchent;
Не бойся-жъ, я тебя не съѣмъ.
А только въ приторную чушь
Твоихъ элегій и поэмъ
Волью моей печали ядъ,
Зажгу ихъ мощью и огнемъ,
И о тебѣ заговорятъ,
Какъ о звѣздѣ, въ краю родномъ..

Послушай, я всегда любилъ
Литературу... Съ давнихъ лѣтъ
Въ моей груди, таяся, жилъ
Полумудрецъ, полупоэтъ;
Я Байрона водилъ перомъ,
Когда онъ «Каина» писалъ,
И въ грезахъ Гёте я мелькалъ,
И Гейне навѣщалъ тайкомъ.
Конечно, другъ мой, ты червякъ
Въ сравненьи съ ними. Кое-какъ
Слагая свой безцвѣтный стихъ,
Ты врядъ-ли духъ рѣчей моихъ
Съумѣешь людямъ передать.
Но негдѣ мнѣ искать другихъ:
Храмъ опустѣлъ... Парнасъ затихъ,
Пегасъ сталъ чахнуть и хромать...

Итакъ впередъ, дитя, впередъ!
Я буду пѣть, а ты внимай!

И какъ вино изъ кубка бьетъ,
Кипя и пѣнясь черезъ край,—
Пусть въ рамкахъ этихъ мѣрныхъ строфъ
Такъ бьетъ родникъ моихъ стиховъ!

Еще два слова... Если ты,
Скучая въ школѣ, милый другъ,
Вкусилъ отъ мудрой нищеты
Людскихъ познаній и наукъ,
И отрицать привыкъ чертей,
Я помогу бѣдѣ твоей...
Не я стою передъ тобой,
Въ мой плащъ пурпуровый одѣтъ.
Я — сказка, я — полночный бредъ,
Созданье старины сѣдой...
То тѣнь чернильницы твоей
На штору вычурно легла,
А мѣрный звукъ моихъ рѣчей —
Дрожанье зыбкаго стекла
И плачъ мятели за окномъ,
Стенящей въ сумракѣ ночномъ!..

ТРИ ВСТРѢЧИ БУДДЫ *).

«Я васъ собралъ, старѣйшины Непала,
Какъ властелинъ и любящій отецъ:
Безцѣнный перлъ судьба мнѣ даровала
На склонѣ лѣтъ въ мой царственный вѣнецъ.
Расцвѣлъ цвѣтокъ, волнами аромата
Могущій міръ насытить до краевъ:
Какъ свѣтъ зари, прекрасенъ Сидората
И смѣлъ, какъ барсъ съ бенгальскихъ береговъ.

*) Третій варіантъ.

Но тайный страхъ мнѣ сердце угнетаетъ:—
Онъ все груститъ, возлюбленный мой сынъ!
Безпечныхъ игръ онъ молча убѣгаетъ,
Угрюмъ и тихъ, онъ любитъ быть одинъ.
По цѣлымъ днямъ въ садахъ моихъ онъ бродитъ.
И смотритъ вдаль, и все чего-то ждетъ,
И все, томясь, отвѣта не находитъ
На ту печаль, что грудь ему гнететъ.
Не разъ, смущенъ тоской его упорной,
Я у него пытался разспросить,
Какая скорбь своею тѣнью черной
Его чело дерзнула омрачить?
Я говорилъ:—Мой сынъ! Конюшни наши
Полны степныхъ, горячихъ скакуновъ...
Я прикажу виномъ наполнить чаши.
Я призову танцовіщицъ и рабовъ.
Въ моихъ лѣсахъ разсыплю я облаву,
А ты учись безтрепетной рукой
Къ своимъ стопамъ воинственную славу
Склонять какъ царь, наѣздникъ и герой.
Но онъ въ отвѣтъ:—Отецъ! Иной заботой
Я полнъ. Отецъ! Кто ясный сводъ небесъ
Въ часъ свѣтлыхъ зорь румянитъ позолотой?
Кто создалъ міръ? Что̀ шепчетъ темный лѣсъ?
И много-ль звѣздъ разсѣяно въ лазури?
И есть-ли жизнь на легкихъ облакахъ?
И чей призывъ я слышу въ шумѣ бури,
Чью вижу тѣнь въ полуночныхъ тѣняхъ?—
И онъ стоялъ, какъ свѣтомъ озаренный.
Смотря впередъ на гаснувшій закатъ,
И былъ глубокъ, какъ океанъ бездонный,
Его очей невозмутимый взглядъ.
И мракъ кудрей тяжелою волною,
Прильнувъ къ плечамъ, сбѣгалъ съ его чела.
И мнилось мнѣ, что за его спиною,
Какъ жаръ, горятъ два огненныхъ крыла!..

И вотъ, съ тѣхъ поръ, тяжелое сомнѣнье
Меня томитъ и мучитъ безъ конца:
Что, если онъ свое уединенье
Вдругъ предпочтетъ величію вѣнца;
И позабывъ высокое призванье,
Свой древній родъ и санъ своихъ отцовъ,
Пойдетъ искать безвѣстнаго познанья
Въ глуши пустынь и въ сумракѣ лѣсовъ!...

СЛУЧАЙНЫЯ ПѢСНИ.

I.

ВЪ ОТВѢТЪ.

Намъ часто говорятъ, родная сторона,
Что въ наши дни, когда отъ края и до края,
Тобой владѣетъ гнетъ безсилія и сна,
Подъ тяжкое ярмо чело твое склоняя,—
Когда повсюду рознь, все глохнетъ и молчитъ.
Унынье, какъ недугъ, сердцами овладѣло,
И холодъ мрачныхъ думъ сомнѣніемъ мертвитъ
И пламенный порывъ, и начатое дѣло:—
Что въ эти дни рыдать постыдно и грѣшно,
Что наша пѣснь должна звучать тебѣ призывомъ,
Должна святыхъ надеждъ бросать въ тебя зерно,
Быть яркимъ маякомъ во мракѣ молчаливомъ!..

Слова, слова, слова!.. Не требуй отъ пѣвцовъ
Величія души героевъ и пророковъ!
Въ узорахъ вымысла, въ созвучьяхъ звонкихъ строфъ
Разгадокъ не ищи и не ищи уроковъ!..
Мы только голосъ твой, и если ты больна—
И наша пѣснь больна!.. Въ ней вопль твоихъ страданій.

Видѣнья твоего болѣзненнаго сна,
Кровь тяжкихъ ранъ твоихъ, тоска твоихъ желаній...
Учить не властны мы!.. Учись у мудрецовъ;
На жадный твой запросъ у нихъ ищи отвѣта;
Имъ повторяй свой крикъ голодныхъ и рабовъ:
«Свободы, воздуха и свѣта!.. Больше свѣта!»
Мы наши голоса съ твоимъ тогда сольемъ;
Какъ мѣдный благовѣстъ, какъ мощный Божій громъ,
Широко пронесемъ тотъ крикъ мы надъ тобою!
Мы каждую твою побѣду воспоемъ,
На каждую слезу откликнемся слезою,
Но указать тебѣ спасительный исходъ
Не намъ,—о родина!.. Исхода мы не знаемъ:
Ночь жизни, какъ тебя, и насъ собой гнететъ,
Недугомъ роковымъ, какъ ты, и мы страдаемъ!..

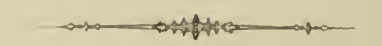

КЪ МОРЮ.

Монологъ.

Съ вопросомъ на устахъ и съ горечью во взорѣ,
Какъ глупое дитя, обманутый тобой,
Широкошумное, разгнѣванное море,
Стоялъ я надъ твоей кипучей глубиной.
Вокругъ лежала ночь. Сплошною вереницей
Холодный вѣтеръ гналъ по небу облака;
На мысѣ пристани подстрѣленною птицей
Метался яркій свѣтъ на башнѣ маяка;
Усталый городъ спалъ,—лишь ты одно не спало
И, грозно уходя въ клубящійся туманъ,
Отхлынувъ отъ скалы,—зловѣще замолкало,
Прихлынувъ снова къ ней, гудѣло, какъ органъ.

О, какъ я рвался къ вамъ, полуденныя воды,
Какъ страстно рвался къ вамъ изъ родины моей
Забыть мою печаль на праздникѣ природы,
Согрѣть больную грудь тепломъ ея лучей!..

ИКАРЪ.

На Критѣ жилъ чудакъ, по имени Икаръ.
Для дерзкихъ думъ его земля казалась тѣсной.
Онъ съ завистью смотрѣлъ, какъ солнца яркій шаръ
Торжественно плыветъ дорогою небесной,
И какъ въ вечерній часъ, когда въ борьбѣ со мглой
Смежитъ усталый день лазоревые взоры,
Въ эфирной вышинѣ, какъ бисеръ золотой,
Горятъ лучистыхъ звѣздъ далекіе узоры...

Былъ праздникъ... Критяне, спѣша, сходились въ храмъ;
Съ утра алтарь боговъ увѣнчанъ былъ цвѣтами,
И пѣли арфы жрицъ, и синій ѳиміамъ
Съ курильницъ тихо плылъ душистыми струями.
Вдругъ голову склоня и съ лукомъ за спиной,
На-перерѣзъ толпѣ сограждан ъ суетливой,
Безцѣльно устремивъ свой взглядъ передъ собой,
Скользнулъ Икаръ, какъ тѣнь, какъ призракъ молчаливый.
Его окликнулъ жрецъ: «Куда ты въ этотъ часъ,
Къ чему ты взялъ твой лукъ? Убійство и охота
Преступны въ день молитвъ!..» Но онъ не поднялъ глазъ
Направя шагъ за валъ, чрезъ старыя ворота.
Предъ нимъ сквозь чащу пальмъ, платановъ и оливъ,
Въ лазурномъ блескѣ дня волнуясь и сверкая,
Синѣлъ и рокоталъ ушедшій вдаль заливъ,
Хрусталь прозрачныхъ водъ о скалы разбивая.

Икаръ спѣшилъ туда. Тамъ выбралъ онъ стрѣлу
И снялъ съ плеча свой лукъ. Запѣла, застонала
Тугая тетива, и чайка на скалу,
Пронзенная стрѣлой, къ ногамъ его упала.
И долго, наклонясь надъ птицей, онъ сидѣлъ,
Строенье крылъ ея прилежно изучая,
И было тихо все,—одинъ заливъ шумѣлъ,
Хрусталь прозрачныхъ волнъ о скалы разбивая...

Опять въ волненьи Критъ... По острову прошла
Безумная молва!.. Качаютъ головами,
Не вѣрятъ, но спѣшатъ,—безъ счета, безъ числа,
Какъ шумный вешній дождь, потоками, волнами!
Съ вершинъ и до земли уступы желтыхъ скалъ
Унизаны толпой. По вѣтру шумно бьются
Клочки цвѣтныхъ одеждъ и ткани покрывалъ.
. . . .
. . . .
Пусть это только мигъ, короткій, бѣглый мигъ
И послѣ гибель безъ возврата,
Но за него—такъ былъ онъ чуденъ и великъ—
И смерть—недорогая плата!

*
* *

Пусть плачетъ и стонетъ мятежная вьюга
И волны потока угрюмо шумятъ:
Въ нихъ скорбное сердце почуяло друга,
Въ нихъ тѣ же рыданья и стоны звучатъ.
Мнѣ страшно затишье... Въ безсонныя ночи,
Когда, какъ могила, природа молчитъ
Видѣнья минувшаго смотрятъ мнѣ въ очи
И прошлая юность со мной говоритъ.
. . . .

Когда же осенняя вьюга бушуетъ
И бьется потокъ безпокойной волной,
Мнѣ кажется—мать надо мною тоскуетъ
И нѣжно мнѣ шепчетъ: «усни, дорогой»...

* * *

Нѣтъ, не безсильны мы—и насъ неотразимо
Порой зоветъ она, святая красота,
И сердце бьется въ насъ, любовью къ ней томимо.
Но мы, печальные, проходимъ строго мимо.
Не разомкнувъ уста. . . . .

* * *

Завтра вновь полумракъ этой комнаты хмурой.
Гдѣ такъ рѣдко безпечная радость гоститъ,
Тонкій абрисъ головки твоей бѣлокурой,
Точно ласковый солнечный лучъ, озаритъ.
Ты войдешь,—и, какъ фея ребяческой сказки.
Все вокругъ оживишь ты: заблещетъ каминъ,
Просвѣтлѣютъ мгновенно поблекшія краски
На узорахъ ковра и полотнахъ картинъ;
И на полкахъ зашепчутся книги поэтовъ,
И на скрипкѣ привѣтный аккордъ задрожитъ,
И въ безстрастныхъ глазахъ пробужденныхъ портретовъ
Молчаливый, но внятный восторгъ заблеститъ.
Послѣ долгой, мучительно-долгой разлуки
Я опять отдохну отъ печали моей,
Я опять ихъ услышу, знакомые звуки
Серебристаго смѣха и звонкихъ рѣчей...

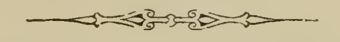

* * *

Нѣтъ, въ этотъ разъ недугъ мнѣ не солжетъ:
Я чувствую, какъ отлетаютъ силы;
Смерть надо мной, она стоитъ и ждетъ...
И я—на рубежѣ могилы...
Разбита жизнь, обмануты мечты,
Послѣдній свѣтъ безсильно угасаетъ.
Прощай, прощай!. . . . .

* * *

Печальна и блѣдна вернулась ты домой...
Не торопясь въ постель и свѣчъ не зажигая,
Полураздѣтая, съ распущенной косой,
Присѣла ты къ окну, облитому луной,
И заглядѣлась въ садъ, тепло его вдыхая...
То былъ запущенный, убогій, чахлый садъ;
Какъ узникъ, между стѣнъ безжизненной темницы
Онъ былъ затертъ на днѣ, средь каменныхъ громадъ,
Въ пыли и суетѣ грохочущей столицы;
Аллея жидкихъ липъ, едва дававшихъ тѣнь,
Бесѣдка изъ плюща, да пыльная сирень,—
Вотъ бѣдный уголокъ, излюбленный тобою
Для отдыха отъ думъ, печали и трудовъ,
И для завѣтныхъ грезъ о зелени лѣсовъ
И солнечныхъ поляхъ надъ тихою рѣкою!..

* * *

Не говорите мнѣ: онъ умеръ,—онъ живетъ,
Пусть жертвенникъ разбитъ,—огонь еще пылаетъ.
Пусть роза сорвана,—она еще цвѣтетъ,
Пусть арфа сломана,—аккордъ еще рыдаетъ!..

* * *

Гнетущая скорбь!.. Какъ кипучій потокъ.
Она въ мою грудь приливаетъ,
Какъ волны потока качаютъ челнокъ,
Она мое сердце качаетъ!
Довольно, безумецъ, бороться съ судьбой!
Душа утомленьемъ объята...
О, демонъ невѣрья, отнынѣ я твой.
Я твой навсегда, безъ возврата!
Пусть жизнь—эта старая лгунья—другихъ.
Довольныхъ, тупыхъ и бездушныхъ,
Прельщаетъ игрою миражей своихъ
И блескомъ ихъ красокъ воздушныхъ!..

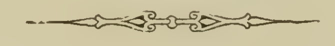
* * *

Наперекоръ грозѣ сомнѣній
И тяжкимъ ранамъ безъ числа,
Жизнь пестрой смѣной впечатлѣній
Еще покуда мнѣ мила.

Еще съ любовью безконечной
Я рвусь изъ душной темноты
На каждый окликъ человѣчный,
На каждый проблескъ красоты.
Чужіе стоны, скорбь чужая
Еще мнѣ близки, какъ свои....

* * *

Онъ мнѣ не братъ—онъ больше брата:
Всю силу, всю любовь мою,
Все, чѣмъ душа моя богата,
Ему я пылко отдаю—
Кто онъ—не знаю....

* * *

Итакъ, сомнѣнья нѣтъ,—разлука рѣшена,
И легкій парусъ мой, обвѣтренный ненастьемъ,
Готова вновь умчать житейская волна
Къ безвѣстнымъ берегамъ, на поиски за счастьемъ.
Не странно ли?.. Любить спокойный уголокъ,
Туманы сѣвера и плачъ его мятели,
Завѣтный трудъ, друзей сплотившійся кружокъ,—
И вѣчно странствовать безъ отдыха и цѣли,
И вѣчно чувствовать, что всюду ты чужой,
Что нѣту у тебя ни очага, ни крова! . . . . . .

* * *

Тихая ночь въ жемчугъ росы нарядилась...
Спите, тревожныя думы, въ сердцѣ моемъ!..
Тихая ночь въ жемчугъ росы нарядилась...
Вотъ одинокая звѣздочка съ неба скатилась...
Въ темныхъ кустахъ дрогнула птица крыломъ...
Спите, тревожныя думы! Покоя, покоя!
Полосы луннаго свѣта лежатъ на пруду...
Спите, тревожныя думы!...............

* * *

Если ты другъ—дай мнѣ руку, отраднѣй вдвоемъ
Честно бороться за общее братское дѣло.
Если ты врагъ—будь открытымъ и смѣлымъ врагомъ.
Грозный твой вызовъ приму я открыто и смѣло.
Если же ты равнодушенъ.................

* * *

Какъ мощный врагъ страны иноплеменной.
Какъ буйный вихръ, прошла по мнѣ любовь.
И думалъ я, грозой ея сраженный,
Что слабыхъ крылъ мнѣ не расправить вновь.
Что я на-вѣкъ утратилъ вѣщій голосъ,
Что мой алтарь повергнутъ въ дольній прахъ
И я лежу, надломленный какъ колосъ,
У милыхъ ногъ въ уныньи и въ цѣпяхъ.
Но мчались дни и тихо угасала
Моя печаль........................

* * *

Весна, весна идетъ!.. Какъ ожила съ весною,
Какъ расцвѣла, какъ загорѣла ты!..
Ты цѣлый день въ саду, гдѣ робкой красотою
Блеснули первые весенніе цвѣты...
Вчера ты принесла мнѣ ландышъ. Ты сіяла
Такою радостью, что даже у меня
Забытая струна на сердцѣ задрожала,
Въ заманчивую даль усталаго маня...
А между тѣмъ, дитя, я жилъ и жизнь я знаю,
Я вижу многое, чего не видишь ты:
Встрѣчая ясный май, я вмѣстѣ съ нимъ встрѣчаю
Не только соловьевъ и пѣсни, и цвѣты:
Я знаю, что весной и змѣи оживаютъ,
И изъ своихъ подземныхъ норъ
Въ залитый солнцемъ садъ погрѣться выползаютъ
На мягкій воздухъ и просторъ;
И если ландышъ твой такъ пышно развернулся,
Обрызганъ влагой теплыхъ росъ,
Знай,—и червякъ за то въ корняхъ его проснулся
Подъ шумный ливень вешнихъ грозъ.
Вѣрь жизни и веснѣ! Пусть вѣруетъ, кто можетъ.
Но я имъ вѣрить не могу:
Неугомонный червь живетъ въ моемъ мозгу,
И грудь мою змѣя неутомимо гложетъ!..

* * *

Прости безвѣстному, что съ именемъ твоимъ
Сливаетъ онъ свое ничтожное названье,
И что звучитъ мой стихъ, когда непробудимъ
Ты, отстрадавъ, хранишь священное молчанье.

Прости, что я служу предъ тѣмъ же алтаремъ,
Предъ той же красотой колѣни преклоняю
Какой и ты служилъ. . . . .

. . . .

Усопшій, милый братъ, какъ жизнь онъ зналъ глубоко!
Проснись для слезъ о немъ, родная сторона!
Слѣпая смерть разитъ бездушно и жестоко,—
Угасъ горячій лучъ!... Оборвалась струна!...
Пусть лавромъ перевьютъ чела его сѣдины....
Какъ онъ умѣлъ читать въ сердечныхъ тайникахъ!
Вотъ блѣдное лицо погибшей Катерины,
А вотъ Любимъ Торцовъ въ отрепьяхъ и въ слезахъ!
Вотъ поцѣлуй любви и шопотъ нѣжной ласки,
И темный садъ кругомъ, и яркая луна.
А вотъ и чудный міръ живой, нарядной сказки:
Царь Берендей, Бобыль, Снѣгурочка, Весна...
Въ лохмотьяхъ и парчѣ, со смѣхомъ и слезами,
Рождались сотни лицъ изъ-подъ его пера,
И мнилось, жизнь сама проходитъ передъ нами
Прекрасна и мрачна, туманна и пестра......

* * *

Ты разбила мнѣ сердце, какъ куклу ребенокъ,
И права, и горда, и довольна собой!
Рѣзвый смѣхъ твой, какъ прежде, задоренъ и звонокъ
И какъ ясное небо—твой взглядъ голубой.
Но постой,—этотъ праздникъ любви и свободы
Скоро тучи душевной грозы омрачатъ:
За меня отомстятъ безпощадные годы,—
Безпощадные годы такъ быстро летятъ!
Какъ змѣя, подползетъ къ тебѣ старость съ клюкою,
Чернь волосъ серебромъ перевьетъ сѣдина,
И проснешься ты вдругъ съ безъисходной тоскою,
Отъ минувшаго счастья, какъ будто отъ сна.

Что вернешь ты тогда изъ блаженныхъ свиданій.
Изъ душистыхъ ночей, изъ чарующихъ грезъ?
Кто поможетъ забыть тебѣ въ нѣгѣ лобзаній
Горечь старческихъ думъ и мучительныхъ слезъ?
Чѣмъ наполнишь ты дни?... Какъ дерзнешь, не блѣднѣя.
Наступающей смерти въ глаза заглянуть?
Онъ угасъ, обольстительный взглядъ твой, Цирцея,
И поблекла твоя сладострастная грудь!
Я же все сберегу, ничего не растрачу
Изъ сокровищъ любви, схороненныхъ во мнѣ:
Пусть сегодня въ тоскѣ, какъ ребенокъ, я плачу,—
Завтра я запою сладкозвучнѣй вдвойнѣ.
Изъ отрады и горя разбитаго чувства.
Сколько въ немъ ни сіяло лучей красоты,
Все смиренно внесу я въ обитель искусства,
Все въ созвучья стиховъ я вплету, какъ цвѣты!
И когда о тебѣ навсегда позабудутъ,
Можетъ быть, надъ твоею могильной плитой,
Люди пѣть мои пѣсни по-прежнему будутъ,
И любя, и страдая, и плача со мной!..

У ОКЕАНА.

Еще издалека, изъ-за косматыхъ скалъ,
Дымящихся въ клубахъ багрянаго тумана,
Тамъ, гдѣ-то впереди, я смутно услыхалъ
Однообразный плескъ и рокотъ океана...
Стрѣлою я взбѣжалъ на острый переломъ—
И замеръ, онѣмѣвъ, безъ мысли и безъ слова:
Во всемъ торжественномъ величіи своемъ
Гудѣлъ онъ подо мной, какъ отдаленный громъ,
Въ сверкающихъ лучахъ разсвѣта золотаго!..
И руки я къ нему въ порывѣ протянулъ,

И грудь стѣснили мнѣ восторженныя слезы.
Но буйныхъ волнъ его неутихавшій гулъ
Не ласки полонъ былъ, а гнѣва и угрозы...
Онъ на завѣтный трудъ меня не ободрялъ,
Онъ воли не будилъ въ душѣ моей смущенной:
Нѣтъ, онъ какъ реквіемъ мечтамъ моимъ звучалъ
И гибель мнѣ сулилъ съ враждою непреклонной!..
Онъ пѣлъ:
«Я помню дни, когда твоя нога—
О дерзкій человѣкъ!—еще не попирала
Мои пустынные, глухіе берега,
Гдѣ только волкъ бродилъ, да серна пробѣгала...
Безлюденъ и суровъ былъ синій мой просторъ.
И дики были надо мною
Ущелья и хребты лѣсистыхъ этихъ горъ,
Загромоздившихъ даль гранитною стѣною.
Но ты пришелъ сюда и миръ мой возмутилъ,
И внесъ съ собой борьбу, и смерть, и разрушенье;
Въ дремучей мглѣ лѣсовъ пути ты проложилъ;
Въ долинахъ выстроилъ цвѣтущія селенья;
Отъ очаговъ своихъ искусно ты отвелъ
Зубчатую стрѣлу громовой непогоды,
И вотъ—слѣпыхъ стихій окованъ произволъ
И взнузданъ мощный звѣрь природы.
И на моихъ волнахъ, гдѣ только небеса,
Да тучи вольныя, да звѣзды отражались,
Отважныхъ кораблей косые паруса
Побѣдоносно закачались!..
Гордись! Ты—царь всего, что взоромъ и умомъ
Ты можешь охватить природу изучая;
Гордись, слѣпецъ, своимъ минутнымъ торжествомъ,
Обѣтованный рай въ грядущемъ прозрѣвая!
Я знаю жребій твой . . . .

* * *

Да, молодость прошла!.. Прошла не потому,
Что время ей пройти, что время есть всему;
Увянула не такъ, какъ роза увядаетъ;
Угаснула не такъ, какъ гаснетъ звѣздный лучъ,
Когда торжественъ, прекрасенъ и могучъ,
Встаетъ румяный день и тѣни разгоняетъ!
Нѣтъ, молодость прошла до срока; замерла,
Какъ прерванный напѣвъ!.. Она не умерла:
Она задушена, поругана, убита!
Въ могилу темную, подъ камень гробовой,
Жестокихъ палачей бездушною рукой
Она еще живой и сильною зарыта!
Не время унесло съ собой ея расцвѣтъ:
Жизнь унесла его, развѣялъ опытъ жадный,
Ядъ затаенныхъ слезъ, боль незажившихъ ранъ,
Подслушанная ложь, подмѣченный обманъ,
Весь мракъ послѣднихъ дней, глухой и безотрадный!..

* * *

Пора! Явись, пророкъ! Всей силою печали
Всей силою любви взываю я къ тебѣ!
Взгляни, какъ дряхлы мы, взгляни, какъ мы устали,
Какъ мы безпомощны въ мучительной борьбѣ!
Теперь—иль никогда!.. Сознанье умираетъ,
Стыдъ гаснетъ, совѣсть спитъ. Ни проблеска кругомъ,
Одно ничтожество свой голосъ возвышаетъ...

НА МОГИЛѢ Г.....а.

(Посвящается Н. А. Бѣлоголовому).

1.

На полдень отъ нашего скуднаго края,
Подъ небомъ цвѣтущей страны,
Гдѣ въ желтыя скалы стучитъ, не смолкая,
Прибой средиземной волны,
Гдѣ лѣсъ апельсиновъ изломы и склоны
Зубчатыхъ холмовъ осѣнилъ,
И Ницца на солнце купаетъ балконы
Своихъ бѣломраморныхъ виллъ,—
Есть хмурый утесъ: словно чуткая стая
На отдыхъ слетѣвшихся птицъ,
Бѣлѣетъ на немъ, въ цвѣтникахъ утопая,
Семья молчаливыхъ гробницъ.

2.

Едва на востокѣ заря просіяетъ
За синею цѣпью холмовъ,
Туда она первый свой отблескъ роняетъ —
На мраморъ могильныхъ крестовъ.
А ночью тамъ дремлютъ туманы и тучи,
Волнами клубящейся мглы,
Какъ флеромъ, окутавъ изрытыя кручи
Косматой и мрачной скалы.
И видно оттуда, какъ даль горизонта
Сливается съ зыбью морской,
И какъ серебрится на Альпахъ Пьемонта
Въ лазури покровъ снѣговой
И городъ оттуда видать: подъ ногами
Онъ весь, какъ игрушка, лежитъ,
Тѣснится къ волнамъ, зеленѣетъ садами,
И дышетъ, и жизнью кипитъ!..

3.

Шумна многолюдная Ницца зимою:
  Движенья и блеска полна,
Вдоль стройныхъ бульваровъ нарядной толпою
  За полночь пестрѣетъ она.
Гремятъ экипажи, снуютъ пѣшеходы,
  Звенятъ мандолины пѣвцовъ,
Взметаютъ фонтаны жемчужныя воды
  Въ таинственномъ мракѣ садовъ.
И только скалистый утесъ, наклоненный
  Надъ буйнымъ прибоемъ волны,
Какъ сказочный витязь, стоитъ погруженный
  Въ свои одинокіе сны...
Стоитъ онъ,—и мрачныя тѣни бросаетъ
  На радостно-свѣтлый заливъ,
И знойный мистраль шелеститъ и вздыхаетъ
  Въ листвѣ его пышныхъ оливъ.

4.

Пришлецъ, сѣверянинъ,—еще съ колыбели
  Привыкнувъ въ отчизнѣ моей,
Къ тоскливымъ напѣвамъ декабрской мятели
  И шуму осеннихъ дождей,—
На роскошь изнѣженной южной природы
  Глядѣлъ я съ холодной тоской,
И городъ богатства, тщеславья и моды
  Казался мнѣ душной тюрьмой...
Но былъ уголокъ въ немъ, гдѣ я забывался:
  Безсильно смолкая у ногъ,
Докучливымъ шумомъ туда не врывался
  Веселья и жизни потокъ.
То былъ уголокъ на утесѣ угрюмомъ:
  Подъ сѣнь его мирныхъ могилъ
Я часто, отдавшись излюбленнымъ думамъ,
  Отъ праздной толпы уходилъ.

*

5.

Среди саркофаговъ и урнъ погребальныхъ,
  Среди обвѣтшалыхъ крестовъ
И мраморныхъ женщинъ, красиво-печальныхъ
  Въ оградахъ своихъ цвѣтниковъ.—
Тамъ ждалъ меня кто-то, какъ я, одинокій,
  Какъ я, на чужихъ берегахъ
Страдальческій образъ отчизны далекой
  Хранившій въ завѣтныхъ мечтахъ.
Отлитый изъ мѣди, тяжелой пятою
  На мраморный цоколь ступивъ,
Какъ будто живой, онъ вставалъ предо мною
  Подъ темнымъ наметомъ оливъ.
Въ чертахъ—величавая грусть вдохновенья,
  Раздумье во взорѣ нѣмомъ,
И руки на мѣдной груди безъ движенья
  Прижаты широкимъ крестомъ...

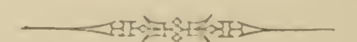
6.

Такъ вотъ гдѣ боецъ, утомленный борьбою
Послѣдній пріютъ ты нашелъ!

. . . .

Тебя я узналъ,—ты въ минувшіе годы
Такъ долго, такъ гордо страдалъ!
Какъ колоколъ правды, добра и свободы,
Съ чужбины твой голосъ звучалъ.

. . . .

Алфавитный указатель стихотвореній:

стр.

